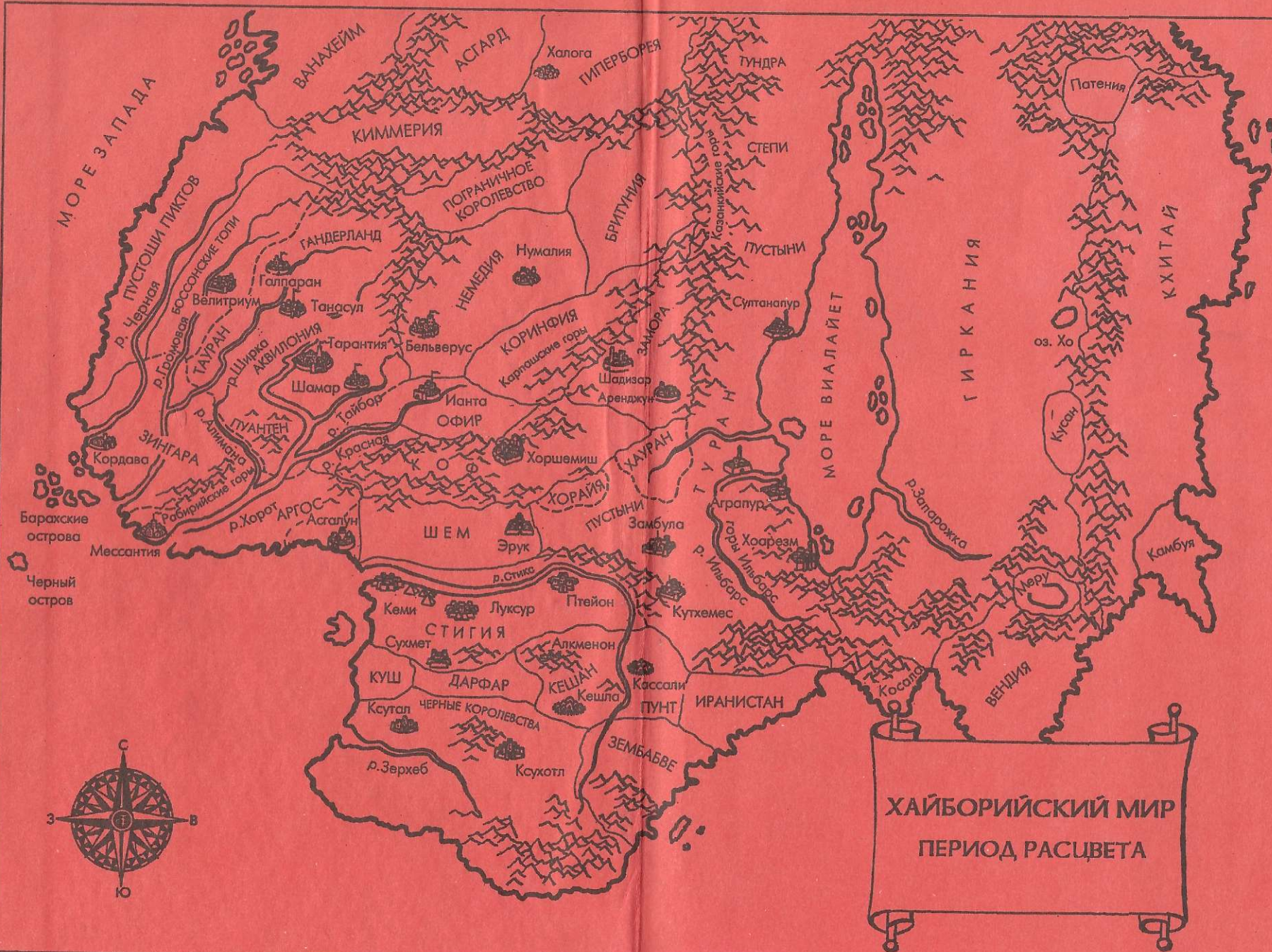

РЫЖАЯ СОНЯ И УЩЕЛЬЕ СМЕРТИ

•Северо-Знаг®

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЩЕЛЬЕ
СМЕРТИ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"

1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Р 93

Серия основана в 1998 году

Авторские права защищены.

*Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

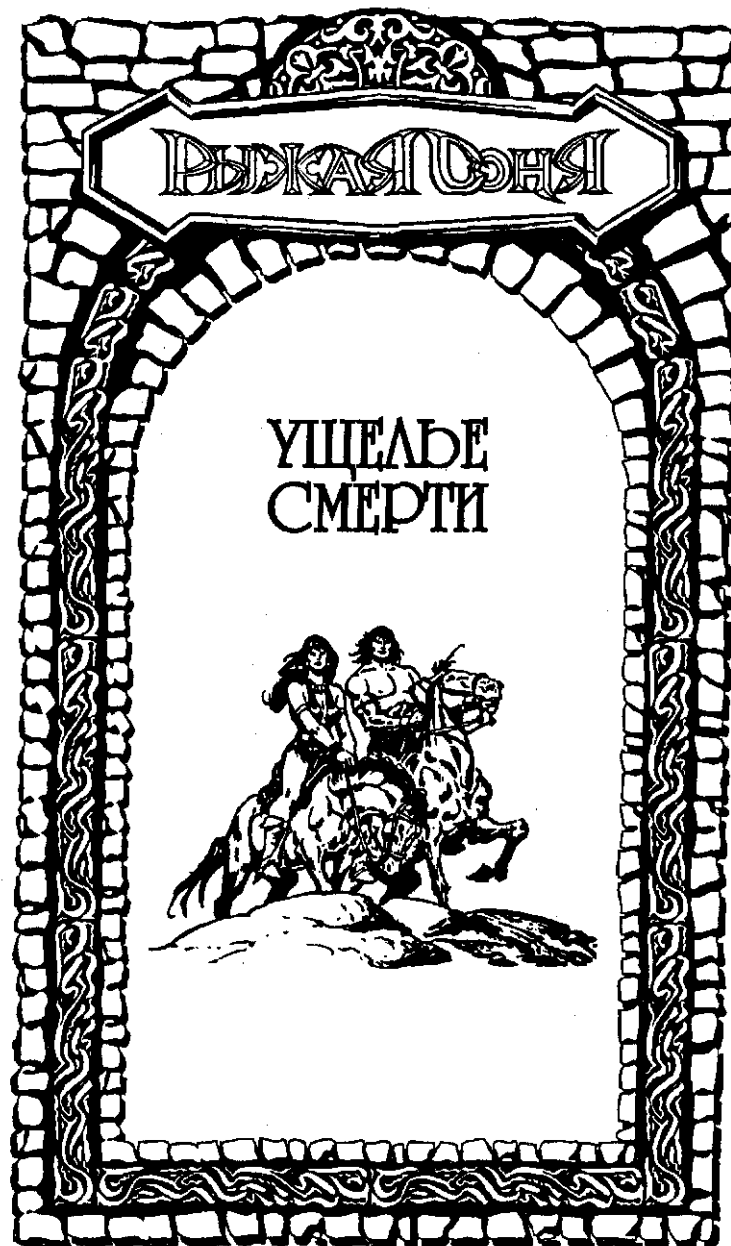
Р93 Рыжая Соня и Ущелье Смерти: Роман. —
СПб.: Северо-Запад, 1999. — 496 с.

ISBN 5-83765-068-3

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-87365-068-3

© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

Часть первая¹

На мрачном сером граните стен лениво зашевелились густые тени. Древние каменотесы грубо оббили самые крупные выступы, не утруждая себя окончательной отделкой, когда создавали в толще горы глубоко под Логовом огромную пещеру с высоким сводом. Сейчас она тонула в почти непроницаемой мгле, и лишь яркое пятно рдело посередине казавшегося безграничным пространства. Однако даже этого слабого света хватало, чтобы обрисовать некую темную массу, застывшую на самой границе видимости. Гулкая тишина наполняла тьму, и только изредка слышалось слабое потрескивание, которое издавал, разогреваясь, подернутый зловецей кровавой мутью камень, кольцом окружавший алое пятно. Повисшее в воздухе напряжение постепенно сгущалось, словно жар, источаемый пятном, накапли-

¹Первую и вторую книгу пенталогии Джорджа Бейли читайте в томе «Рыжая Соня и владыка падших» и «Рыжая Соня и кольцо судьбы».

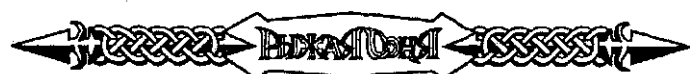

ливалось, не желая покидать Ритуальный Зал через невидимые сейчас отверстия проходов подземного лабиринта.

С крайнего восточного хода начал пробиваться пока еще слабый, но постепенно усиливавшийся свет. Некоторое время все оставалось по-прежнему, но, по мере того как свет становился ярче, кровавое пятно тускнело или, скорее, темнело, меня окраску с ярко-алого, каким казалось в душливой темноте пещеры всего несколько мгновений назад, на темно-бордовый, будто подернутый сероватым пеплом.

Вскоре с той же стороны донеслись легкие, лишь чуть приглушенные расстоянием шаги множества ног, похожие на тихий шелест гонимой ветром опавшей листвы. Отдаленное пламя факелов, что несли в руках люди, заплясало по стенам, на короткое время породив странный живой орнамент из световых пятен и теней. С каждым мгновением набиравшие силу призрачные отблески быстро распространялись по всему залу. Шелест нарастал, словно шум прибоя, свет разгорался все ярче и ярче, постепенно поглощая тьму. Четко обозначились темные провалы уводящих в неизвестность ходов, и особенно один, идущий с востока, теперь ярко освещенный.

Процессия приближалась. Первая фигура, огромная и могучая, не входя в пещеру, на миг остановилась в проходе. Голова в черном островерхом капюшоне повернулась, окидывая взглядом горящих углями глаз пустое пространство. Этого, однако, гиганту показалось мало, и он шумно втя-

нул носом воздух, словно хищник, обнюхивающий свою нору. Похоже, окончательно убедившись, что опасности нет, он шагнул внутрь, и пляска света и тени мгновенно прекратилась. Следом за первой фигурой показалась вторая. Затем еще одна, и еще, и еще... Некоторые из вошедших выглядели так же, как и первый: крупные, медлительные, с горящими глазами. Но гораздо больше оказалось других, кто сильно уступал им в росте, да и глаза у них не светились.

Они появлялись в проходе один за другим и расходились по залу. Отточенность и слаженность движений говорили о том, что ритуал, для которого они собрались, проходит не в первый и даже не в десятый раз. Постепенно группа разделилась на две неравные части. Красноглазые встали вдоль неровной, грубо обтесанной стены, обозначив факелами, которые они держали перед собой, ее границы. Оставшиеся тринадцать выстроились полукругом в середине зала, замерев перед еще более потускневшим пятном. Теперь, когда стало светло, оно приняло вид огромной жаровни, которую наполняли угли, уже подернутые темно-серым пеплом. Мрачное пятно, что смутно угадывалось на границе видимости, превратилось в тяжелое кресло. Одна из фигур подошла к нему, медленно опустилась на сиденье и не торопясь окинула взглядом собравшихся вокруг жаровни соратниц.

Каждая, на ком останавливался взгляд Владычицы, тут же склоняла голову и, сложив ладони перед лицом, начинала не то шептать заклинание, не то молиться, старательно отрешаясь от всего

земного перед тем, как приступить к предстоящей церемонии. Ритуальный Зал наполнился многоголосым шепотом. Словно попавшая в ловушку стая летучих мышей, слова заматались по пещере, накладываясь одно на другое, превратившись в какофонию шипящих звуков, в которой непосвященный не разобрал бы ни слова. Так продолжалось еще некоторое время, и вдруг, словно по команде, молившиеся смолкли.

До сих пор неподвижно сидевшая в кресле укутанная в белый плащ женщина медленно встала, и ее двенадцать единомышленниц тут же пали на колени. Руки Владычицы величественно поднялись. Длинными худыми пальцами она скинула капюшон, открыв взорам собравшихся обрамленное короткими белыми волосами узкое лицо с жесткими чертами, которое отдаленно напоминало волчью морду. Близко посаженные карие глаза бежали внимательным, теперь уже открытым, взглядом застывших в поклоне настоятельниц. Красноглазые создания просто не существовали ни для кого из людей. Заняв отведенные им ритуальном места, они превратились в живые подставки для факелов.

— В небе Полная Луна — прекрасная ночь для пророчеств! — возвестила седовласая. Эта фраза была несколько длиннее обычной, но никто и бровью не повел, как будто не заметил этого. — Владычица Логова желает знать, что ждет нас между лунами. Это предсказание особое. Именно поэтому нынешней ночью мы все в сборе! — Она обвела застывших настоятельниц колючим взглядом,

словно прикидывая, кого выбрать на этот раз, хотя еще до начала церемонии знала, на кого укажет. — Сегодняшняя ночь принадлежит тебе, Халима! — Ее рука поднялась, и длинный указательный палец нацелился в одну из серых фигур. — Ты готова отдать силы на благо нашего дела?

— Я готова, Владычица! — ответила та, медленно поднялась, скинула капюшон, открыв прекрасное лицо, светившееся торжеством, и подошла к беловолосой женщине.

— Хорошо, — кивнула мать-настоятельница, и небольшой стеклянный флакончик словно сам собой возник в ее руке.

Отработанным жестом она левой рукой выдернула затычку, а правой тихонько помахала перед лицом настоятельницы, после чего легонько дунула. Халима закрыла глаза и замерла, жадно ловя ноздрями терпкий аромат. Владычица тем временем вставила затычку на место, и так же незаметно, как появился, флакон исчез в складках ее плаща. Избранница замерла. Она больше не улыбалась и теперь, скорее, походила на безвольную деревянную куклу. Владычица заняла свое место в кресле. Одновременно с ней остальные женщины, стоявшие вокруг жаровни, поднялись с колен.

— Поведай нам волю Великой Волчицы! — повелительно произнесла Разара, и рука ее указала на середину круга, образованного людьми в серых плащах.

Неуверенно, как будто делает это не сама, а кто-то незримый управляет ею, словно марионеткой, девушка провела руками по телу и нащупала за-

стежку. Плащ бесформенным комком упал на каменный пол пещеры, обнажив прекрасное тело. Одурманенная ароматом снадобья, девушка посмотрела на Владычицу и, когда взгляды их встретились, на миг замерла, словно получала от нее мысленную команду. Впрочем, быть может, так оно и было? Во всяком случае, через несколько мгновений Халима, кивнув, медленно, словно в полусне, направилась к жаровне. Мягко касаясь камня, ее босые ступни встали на стенку очага. Девушка плавно опустила голову, уставившись отрешенным взглядом в тускло мерцавшие угли жаровни. Скоро глаза ее начали слезиться, и окружающее слилось в сплошную стену огня, так что девушка окончательно перестала понимать, кто она и где находится. Неожиданно она вздрогнула, словно вновь услышала чей-то безмолвный приказ, получила расставившую все по местам подсказку и шагнула на покрытые слоем серого пепла угли.

Повелительница тем временем откинулась на спинку кресла и молча наблюдала за беспешными движениями девушки. Халима плавно извивалась в странном медленном танце, лишь изредка переступая с ноги на ногу, словно стояла не на раскаленных углях, а на обыкновенном полу. Постепенно движения ее начали убыстряться, подчиняясь уже другому ритму. Волны раскаленного воздуха окутывали тело танцующей, и на бархатной коже выступила испарина. Теперь гибкое грациозное тело блестело, словно умащенное драгоценным маслом, а желтый свет факелов бросал блики на груди и бедра. Ритуальный танец Хали-

мы всегда отличался от танца любой из настоятельница, и окружающие застыли, замороженные гармонией ее движений, боясь упустить в происходящем малейшую деталь, хотя и понимали, что как каждое движение в отдельности, так и весь танец в целом лишь подготовка к главному. Тем не менее вольно или невольно, но неким таинственным образом и они тоже участвовали в обряде. Но понимали это только Разара да, быть может, сама Халима.

Постепенно ритм танца нарастал. Руки и колени девушки взлетали все выше, а тело, будто лишившись костей, неистово извивалось, но взгляд настоятельницы, прежде отрешенный, вдруг обрел осмысленность, она встретилась глазами с Владычицей. Мать-настоятельница поняла, что долгожданный миг близок, и, хотя проводила этот ритуал тысячи раз, к удивлению своему, неожиданно почувствовала странное волнение. Однако Разара только сильнее сдвигала пальцами подлокотники каменного трона, да холодное сердце ее забилось быстрее, чем обычно.

Халима неистовствовала. При каждом ее шаге горячие угли вылетали из жаровни, словно она нарочно расшвыривала их по сторонам, зарываясь ступнями все глубже и глубже. Крупные капли пота покатались по телу и начали с шипением падать на раскаленные угли, распространяя в пещере терпкий запах сильного здорового тела. Внезапно настоятельница замерла. Она застыла в странной, неестественной позе, стоя на одной ноге, изогнувшись и разметав руки в стороны, будто кто-

то невидимый вдруг перестал дергать за ниточки, которые заставляли куклу двигаться. Казалось странным, как она вообще может устоять в таком положении и почему не падает... Разара стремительно встала и метнулась к краю жаровни, не отрывая внимательного взгляда от глаз молодой колдуньи.

— Я вижу,— заговорила девушка странным полусторонним голосом, в котором тем не менее чувствовалось торжество Силы.— Я вижу Знак Перемен,— слово в слово повторила она фразу, произнесенную на этом же месте Ярой незадолго до появления в Логове рыжеволосой послушницы.— Спокойной жизни Логова пришел конец.— Тогда было сказано «приходит», а сейчас, поменяв лишь одно слово, прорицательница больше не строила предположений, она утверждала.

Внезапно она снова умолкла, словно прислушиваясь к некоему голосу, но на этот раз Разара знала, что слушает Халима не ее. Напряжение, до сих пор копившееся в воздухе, казалось, набрало предельную силу, и все почувствовали, что именно сейчас произойдет нечто значительное.

— Что ты видишь? Говори! — повелительно выкрикнула мать-настоятельница, в то время как остальные как будто перестали даже дышать, всецело отдавшись созерцанию происходящего.— Я должна знать все, и немедленно!

— Я вижу кровь, раздоры и смерть.— Халима говорила медленно, словно читала незнакомые письмена.— Я вижу Вожака и Огнегивую Соню.— Быть может, впервые в жизни она назвала свою

счастливую соперницу, не попытавшись оскорбить ее.— Я вижу, как они уезжают в опасную поездку, но не могу понять, чем она закончится. И я вижу...— Тут она запнулась, словно разум ее отказывался поверить в открывшуюся в очарованном сне истину.— Я вижу Белую Волчицу — Оракула богов, которым все мы поклоняемся!

— Как?! — не выдержав, вскричала Владычица и резко встала.— Как она выглядит? Говори немедленно! Кто она?!

— Я вижу... Женщину...— ровным голосом произнесла Халима. Она прищурилась, словно всматриваясь в чье-то плохо различимое лицо.— Я вижу белые волосы, обрамляющие ее лик...

Глаза ее расширились, и она замолчала. Разара поняла, что та узнала нечто важное и может не успеть поведать о нем, ведь силы провидицы уже на исходе. Если сейчас не помочь ей, все пропадет! Мать-настоятельница собралась, хотя необходимого на подготовку времени не оставалось, и мысленно потянулась к девушке, отдавая ей все свои силы. Голос Халимы вновь наполнился уже, казалось, покинувшей колдунью уверенностью.

— Эта женщина — ты, Владычица! — возвестила она.— Отныне ты Белая Волчица! Ты Оракул! С этого дня боги станут говорить с нами через твои уста! — выкрикнула она из последних сил и без чувств повалилась на руки поспешно подхвативших ее настоятелей.

Разара обессиленно опустила на каменное сиденье. Она смотрела на нагое тело прекрасной Халимы, на хлопотавших над ней женщин и чув-

ствовала невыносимую слабость. Все свои силы она отдала ей, чтобы услышать откровение до конца, и не жалела об этом: услышанное того стоило. Кто-то из настоятельниц подбежал к ней, спрашивая, все ли в порядке, но она жестом показала, что желает остаться одна.

Разара прикрыла рукой глаза, заслезившиеся от ставшего вдруг невыносимо ярким света факелов, чувствуя, что тот первый приступ слабости — всего лишь начало. Однако опасение за свою жизнь только мимолетно коснулось ее сознания. В следующий миг мысли Владычицы переключились на другое. Свершилось! Она — Белая Волчица! Разара попыталась осознать величие события, но мысли против воли вернули ее к действительности. Великая Волчица! Как она устала! Всплеск радости прошел так же быстро, как и накатился, уступив место страху. Она чувствовала себя как выброшенная на солнцепек рыба. Последние капли воды, еще оставшиеся на жабрах и помогающие дышать, испаряются, и их не удержишь ничем. Стараясь не двигаться, она закрыла глаза и мысленно потянулась к огню. Некоторое время продолжала сидеть так, не шевелясь, с наслаждением чувствуя, как отступает холод, сковавший сердце, пока не поняла, что худшее осталось позади. Теперь у нее есть время и подумать.

Она вздохнула с облегчением и осмотрелась. Два красноглазых с факелами остались при ней. Настоятельницы ушли — она даже не заметила, когда и как, — в точности выполнив ее приказ. Что ж, оно и к лучшему. Разара задумалась о событиях

последних лун. Почему-то не шла из головы странная схожесть, почти дословное совпадение пророчаний Яры и Халимы, и в памяти всплывали события, происшедшие за это время. Прибытие в Логово Сони и связанные с этим — она недовольно поморщилась, подбирая нужное слово, — неприятности. Зато теперь у Севера есть напарница. Это хорошо. Это значит, что жизнь Логова подошла к переломному моменту, о котором она прежде столько мечтала. Не только мечтала, но и готовилась, держа приготовления в тайне ото всех.

Она попыталась еще раз осмыслить происшедшее. У нее есть люди на все главные посты. Она перебрала в уме кандидатуры и пришла к выводу, что только двое из них вызывают сомнения: Вамматар и Ханторэк. Впрочем, скорее всего Север опять прав: не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, и зря она тогда погорячилась в отношении гиперборейца. Что же касается Ханторэка... Что ж, пусть приедет, и тогда она сразу поймет, что ей делать. В конце концов, его-то как раз заменить проще, чем любого из остальных. Значит, здесь все нормально. У нее есть немало дельных послушников, вполне способных работать самостоятельно, обеспечивая Логову бесперебойное поступление средств, как те, кто до них закончил обучение. А теперь у нее есть *пара*, и какая! То, о чем она мечтала все последние годы!

И наконец, сегодняшняя ночь. Впрочем, началось все несколько раньше, когда древняя Лухи открыла Разаре тайну ее посвящения. Хотя, когда первое потрясение прошло, она поняла, что

даже не слишком-то и удивлена. Давно чувствовала что-то такое... Да и в Логове ее за глаза называют не иначе как Белой Волчицей. Так что нынче этот титул всего лишь закрепился за ней, но вот то, что она стала Оракулом, да еще в такой поворотный момент, это явно было знамение богов. А раз такова их воля, значит, так тому и быть!

* * *

Лето подходило к концу. И хотя днем солнце жгло немилосердно, а жара упорно не спадала, ночи стали не такими душными. Близилась короткая в этих местах осень, вслед за которой должна прийти долгая холодная снежная зима.

Небо на востоке над горами просветлело, и, едва над далекими заснеженными вершинами показался золотой край Ока Митры, тугой, вибрирующий удар колокола повис над Логовом.

Соня открыла глаза, и ее расслабленный, еще хранивший на себе отпечаток ночного сна взгляд скользнул по простому гранитному сводчатому потолку, который совсем не казался мрачным, хотя и напомнил ей тюремную камеру, чуть было не ставшую ее обычным пристанищем в Логове. Мрачное воспоминание лишь мимолетно коснулось ее сознания и бесследно исчезло.

Теперь все пойдет иначе. Услышав беззаботное птичье чириканье за окном, она счастливо улыбнулась: начинается новый день! Девушка не задумывалась над тем, что этот день принесет ей, Северу и насколько прочно ее счастье. Ей хватало и того, что ей хорошо.

Соня повернула голову и всмотрелась в лицо спавшего еще возлюбленного: спокойствие и сила читались в каждой черточке человека, который так быстро стал для нее самым дорогим на свете. Впрочем, спит ли он, хитрец? «Но ведь,— подумала девушка,— должен же и он хоть когда-то уставать». Она вновь улыбнулась своим мыслям и, нежно поцеловав Севера в щеку легкая как перышко, вспорхнула с постели.

Соня сладко потянулась всем телом и услышала, как на столе у окна негромко попискивает крысенок. Взгляд ее скользнул вниз, и улыбка на лице девушки потихоньку уступила место немому изумлению. Задира стояла перед гнездом на задних лапах, как маленький человечек, уперевшись передними лапами в бока, что еще больше усиливало сходство. Длинные черные усы изредка раздраженно вздрагивали, и тогда до Сони доносились то странное цоканье, то пощелкивание, а то и тоненький, короткий писк.

Вороненок не соображал ничего. Он замер в привычной позе с задранной кверху головой и распахнутым клювом и лишь несильно раскачивался, дожидаясь очередной порции кормежки. Соне стало стыдно. Она совсем забыла о своем новом питомце. Она повернулась было к бутылочке с питанием, но даже сдвинуться с места не успела. Задира вдруг взяла неизвестно как очутившегося на столе толстого червя и, подняв его правой лапой, потрясла над раскрытым клювом вороненка. Он как будто и не заметил этого, продолжая размеренно покачиваться. Крыса отпустила угощение, и

жирный извивающийся червяк исчез в глотке, однако птенец даже не закрыл клюва. Послышался разочарованный посвист Задиры, и Соня сдержанно хмыкнула.

— Что, не накормить? — тихо спросила она.

Зверюшка развернулась и, отчаянно жестикулируя, быстро зацокала и застрекотала, жалуясь на то, что вороненок не чувствует вкуса пищи.

— А откуда у тебя черви? — спросила девушка.

Задира зацокала, замахала передними лапами, показывая то на птенца, то на окно, широко разводя когтистыми лапами, и Соня поняла, что прилетала мамаша питомца и позаботилась о пропитании. Девушка не удивилась. Похоже, Задира и мамаша-Вестница договорились вместе заботиться о малыше. Она откупорила стоявшую тут же бутылочку и капнула в раскрытый клюв положенную норму.

Горячая сильная рука обняла ее за плечи совсем неожиданно, и Соня радостно обернулась.

Волосы цвета старой меди разметались по плечам, опускаясь до талии и полностью закрывая спину.

— Бесшумен и быстр, как горный барс! — с доброй иронией заметила она, ласково обвивая его шею мягкими руками.

— Кормите обжорку? — добродушно усмехнулся Вожак.

Соня обернулась и посмотрела на успокоившегося птенца, который стал похожим на слегка увядший цветок.

— Кажется, наелся, — сообщила она.

— Вот и славно, — удовлетворенно кивнул Север и, вновь развернув девушку к себе, обнял ее за талию.

Она вдруг побледнела и слабо засопровтивлялась: так вот зачем он подкрадывался так бесшумно! Хищник!

— Ну пусти же! Пусти!

Ее щеки вспыхнули. Она отталкивала Севера, но настолько вяло, что было ясно: сопротивляться ей не хочется. Он коснулся губами ее губ и еще сильнее прижал к себе, а когда почувствовал судорожный вздох, чуть отодвинулся, чтобы заглянуть в прекрасные серые глаза, в которых отражалась голубизна небес. В глаза, излучавшие нежность и любовь.

— Отпустить? — лукаво сощурился он.

— Мы оба в твоём окне и в таком виде... — Она слабо улыбнулась. — Если кто-то заметит, что подумают?

— То же самое, что подумали бы, увидев тебя в этом же окне, в том же виде, но без меня.

Соня прыснула и уткнулась ему в плечо.

— Так что можешь не сомневаться — твоя репутация безвозвратно загублена.

— Опять? — Она игриво стукнула его по могучему плечу. — Все смеешься надо мной!

— Вовсе нет! — возразил он. — К тому же мы сейчас от всех спрячемся.

— Куда?

— Разве не помнишь, куда пряталась в детстве? Конечно же под одеяло!

Он кивнул в сторону постели и подхватил девушку на руки.

* * *

Когда Халима очнулась, то почувствовала себя на удивление бодрой. Она посмотрела на сидевшую возле постели Яру, которая пребывала в полудреме, и тронула подругу за руку. Та вздрогнула, открыла глаза и улыбнулась.

— Ты напугала нас,— сообщила она, встала, налила в бокал вина и протянула его Халиме.— Как себя чувствуешь?

— Как ни странно, хорошо,— ответила настоятельница, сделав пару глотков.— Ты иди к себе,— кивнула она подруге,— спишь ведь на ходу.

— А ты уверена?...— начала было Яра, но Халима жестом остановила ее.

— Иди,— повторила она неожиданно твердо.— Со мной все нормально.

И для того чтобы подтвердить свои слова, неожиданно легко поднялась с постели.

— Ах, милая! Как ты красива! — всплеснула руками подруга.— А твой сегодняшний танец...

— Не надо! — прервала ее Халима.— Этот танец едва не убил меня!

— Но ты же...— удивленно начала настоятельница, однако под взглядом черных глаз гирканки умолкла.

— Да. Чувствую себя прекрасно,— подтвердила она.— Это и мне непонятно. Так что я хочу остаться одна и подумать обо всем.

— Сходи к матери-настоятельнице,— пролепетала на прощание подруга.

— Обязательно,— закрывая за ней дверь, заварила девушку Халима.— Но только утром.

Оставшись одна, она подошла к шкафу, достала из него платье, накинула на себя и подумала, что зря, похоже, хвасталась, что чувствует себя отлично. Ей сделалось душно, и она подошла к окну. Яркие звезды сияли на небе, как алмазы. Полная луна висела над головой, но край неба на востоке уже начал светлеть. «Значит, скоро рассвет»,— подумала колдунья. Слабый ветерок тронул ее роскошные, черные как вороново крыло волосы, но дышать было все-таки трудно, и она вышла из комнаты.

Легкой походкой, нигде не задерживаясь, молодая колдунья поспешила по пустому, слабо освещенному коридору и почти выбежала на широкую мраморную лестницу парадного входа. Ее ножки быстро замелькали по ступенькам, рука толкнула дверь, и девушка выскочила наружу. Она направилась к парку и уже медленней пошла по усыпанной песком дорожке, пока не добралась до скамьи. Тогда она опустилась на нее, впервые почувствовав усталость.

Странно... Странно не то, что она устала. Странно то, что она вообще способна ходить! Странно, что она помнит свое предсказание от слова до слова! Халима и впрямь прекрасно помнила, как все происходило. Она подошла к Разаре, и та погрузила ее в транс. Все как обычно. Колдунья открыла свое подсознание, но не для того, чтобы заглянуть в него, а чтобы на нее снизошло откровение богов. Она не знала, о чем говорила и что делала, но вряд ли все это отличалось от обычного действия, а потом вдруг очнулась и возвела мать-настоятельница

на трон, испытывая при этом странное ощущение. Девушка нисколько не сомневалась, что говорит сама, и в то же время чувствовала, что слова произносит за нее кто-то другой, пользуясь ею, как говорящей куклой! Одновременно она слушала сказанное словно со стороны и осмысливала произнесенное. Как это произошло и что случилось, понять она не могла.

Что-то не так... Прежде ни одна из предсказательниц не помнила своих предсказаний, узнавая о них лишь утром из рассказов других настоятельниц. Несколько дней после этого избранница чувствовала себя совершенно разбитой и целую луну не могла пророчествовать. Именно поэтому в Логове находилось двенадцать настоятельниц — это позволяло круглый год получать откровения богов.

Судя по всему, теперь все изменится. Теперь мать-настоятельница стала Оракулом, а значит, она сама, без их помощи, будет узнавать о воле богов. И кто знает, быть может, не один раз каждую луну, как прежде, а по мере надобности.

Хорошо это или плохо? Халима задумалась, но не надолго. Хуже не бывает! Если раньше Разара знала то же, что знают все, а власть ее основывалась на поддержке Ордена, то теперь она становится единоличной Владычицей! Это неизбежно, поскольку отныне она знает все, в то время как остальные — лишь то, что она посчитает нужным им сообщить!

Девушка снова погрузилась в размышления. До недавнего времени она не задумывалась всерьез о

будущем, и даже когда в начале лета почувствовала в себе силы пробиваться к вершине, честолюбивые планы ее были несколько расплывчатыми. Теперь же все в корне переменялось. Даже при условии, что она останется правой рукой матери-настоятельницы, ей придется искать собственные пути к власти, если, конечно, она не согласна ждать сотню лет, когда станет такой же, как и сама Разара, тощей, костлявой, никому не нужной старой волчицей!

Появившись в Логове совсем молоденькой девушкой, хотя и уже опытной колдуньей, и впервые приняв участие в ритуале предсказания, Халима удивилась. Она не могла понять, зачем это вообще нужно. Помнится, в тот день предсказательница выкрикнула всего лишь несколько бессвязных слов, смысла которых юная ведьма так и не поняла.

С детства она занималась разными мелочами: разозлившись, сглазить обидчика, возненавидев, навести порчу на врага. Все это безотказно получалось у Халимы. За это ее боялись и не любили в деревне, которую ей пришлось покинуть в десятилетнем возрасте. На счастье, через два дня набрела она на землянку старухи ведуньи, которая приютила у себя девушку, а когда прознала о ее бедах, начала учить. Так прошло несколько лет. Когда за ней приехали из Логова, Халиме только что минуло пятнадцать, но к этому времени она научилась свободно управлять своим даром и сдерживать чувства, что, надо сказать, далось ей совсем непросто.

Попав в Логово, она первым делом удостоилась встречи с Разарой, и Владычица поведала ей, что отныне она будет настоятельницей Логова и, хотя многому ей еще предстоит учиться, у нее прекрасное будущее, ведь она самая молодая из настоятельниц. Девушка давно могла бы попасть сюда, если бы раньше научилась сдерживать свой необузданный нрав. Оказалось, что пять лет у ведунии ее и держали именно из-за этого. Владычице совсем не хотелось иметь под рукой способную колдунью, которая в гневе могла натворить бед. Потянулись годы обучения. Она схватывала все на лету, равно старательно овладевая как навыками, которые считала полезными для себя, так и знаниями, практического применения которым не видела.

Именно к ним относился и ритуал предсказания. Повторялся он аккуратно один раз в луну, но даже когда речь очередной прорицательницы звучала вполне связно, молодая настоятельница не понимала, зачем это вообще нужно. Прозрение наступило несколько позже.

Тогда в Логове впервые появился Север, и сердце юной гирканки непривычно тревожно забилось, впервые напомнив, что она женщина, молодая и страстная. Она начала якобы случайно попадаться воину на глаза, не на шутку встревоженная обилием соперниц: среди женщин Логова, в ком еще не угасли чувства, Вожак Стаи произвел легкий переполох. Однако вскоре все улеглось. Север оказался одинаково обходителен и вежлив со всеми, но на сближение ни с кем не шел и никому не отдавал предпочтения. Как ни странно, но это

вызвало лишь уважение к нему, несмотря на то что нравы, царившие в Логове, были, мягко говоря, достаточно вольными.

Как-то само собой случилось, что после этой неудачи Халима сблизилась с Ханторэком, который тогда казался ей одним из сильных мира сего, и перестала думать о Севере, ибо не любила предаваться несбыточным мечтам.

Ударивший рядом колокол заставил ее вздрогнуть, рассеяв воспоминания. Девушка вздохнула, чувствуя, что силы вновь вернулись, и посмотрела по сторонам. Она и не заметила, как рассвело. Взгляд ее пробежал по верхушкам деревьев, перескочил на дворец и заскользил по стене, пока не остановился на открытом окне Севера. Наверняка он решит проверить спозаранку, как идут дела у послушников, у настоятелей, у стражей. Пожалуй, стоит посидеть на скамье и дождаться, когда он спустится. Обитатели Логова еще только просыпаются и заняты своими делами, а значит, никто не помешает им поговорить.

Халима задумалась, прикидывая, что скажет Северу, но то, что она увидела через мгновение, едва не заставило ее зарычать от ярости. Все ее планы и мысли о Логове и о собственном пути словно ветром сдуло! Вместо Вожака в окне появилась рыжая девка! Халима встала, собираясь уйти, но ноги сами понесли ее вперед. Она притаилась в зарослях кустарника под деревом, осмотрелась и, убедившись, что никого поблизости нет, вновь перевела взгляд на окно. Лучше бы она этого не делала!

Халима почувствовала, как бешено заколотилось сердце, но на этот раз совсем не от недомогания. Она понимала, что должна уйти, но не отрываясь смотрела, как Север обнимает бесстыжую шадизарскую девку... Ее руки и ноги задрожали то ли от ярости, то ли от возбуждения. Чтобы не упасть, она прислонилась к стволу, но взгляда отвести так и не смогла. Вот он склонился над воровкой, их губы встретились... Халима зажмурилась, чувствуя, что еще немного, и она ворвется к ним и учинит дикий скандал. Ей даже не пришлось в голову, что она не имеет на это никакого права. Она открыла глаза и увидела, как мужчина, о котором она столько мечтала, уносит эту наглую девицу в глубь комнаты. Нет! Это уже слишком!

На дрожащих ногах она побежала вверх, даже не вполне соображая, что же собирается делать. Как ни странно, она все никак не могла успокоиться. Скорее, даже наоборот — словно издеваясь над ней, память услужливо, раз за разом, прокручивала перед глазами сводящую с ума сцену: вот Север склоняется к любовнице, подхватывает на руки ее трепещущее тело и несет... Куда и что должно произойти дальше, Халима прекрасно представляла, но думать ей об этом не хотелось.

Она толчком распахнула дверь и ворвалась внутрь. Кучулуг замер перед постелью, удивленно глядя на нее, держа в руках набедренную повязку, которую только что собирался надеть. Он видел, что его возлюбленная не в себе, но знать почему, конечно же, не мог. Халима резко захлопнула за собой дверь и решительно задвинула за-

сов, чем повергла гирканца в еще большее изумление. В несколько шагов она оказалась рядом, и вырванная из его рук повязка полетела в сторону, а сам он от неожиданно мощного толчка в грудь повалился навзничь, оторопело глядя, как взлетает подол платья его подруги. В следующее мгновение она с рычанием вскочила на Кучулуга верхом. Он попытался что-то сказать, но Халима приникла к его губам так, что он чуть не задохнулся. Девушка издала протяжный стон, и гирканцу расхотелось задавать вопросы.

* * *

Повозка остановилась сразу за воротами. Возница спрыгнул, открыл дверь, и Ханторэк выбрался наружу. Окинув надменным взглядом плац, он невольно вспомнил о том, что принесла ему столь долгая отлучка.

...Отец-настоятель не терпел поездок верхом, не любил путешествовать и в повозке. Когда дела заставляли его сняться с места, он привыкал к неудобствам походной жизни долго и не менее мучительно, чем сухопутный человек привыкает к морской качке. Но впервые нынешней весной, отправившись в очередную поездку, решил впредь не пренебрегать ни одной возможностью выбраться из Логова. Он вдруг открыл для себя аромат власти, настоящей власти, а не того жалкого подобия ее, которым наделяло его звание отца-настоятеля в Логове. Несмотря на свои честолубие и самомнение, Ханторэк отнюдь не был законченным глупцом, по крайней мере не настолько, чтобы не по-

нимать: его высокое положение, о котором он так красочно распространялся в Шадизаре перед рыжеволосой красавицей, не более чем самообман. Отец-настоятель и мать-настоятельница — это звучало так похоже, что вводило в заблуждение многих. Не избежал его и сам Ханторэк, который лишь недавно разобрался в истинном положении вещей.

Правда, давно уже он чувствовал, что, старательно внушая всем окружающим мысль о своем высоком положении, вынужден на самом деле мириться с тем, что занимает место на нижних ступенях лестницы власти. Тем не менее он умудрился поверить в иллюзию, которую сам же и создал, и довольно долго с удовольствием обманывал себя. Свою роль в этом сыграло и то, что он действительно стоял особняком в иерархии Логова. Не относясь ни к наставникам, ни к настоятельницам, он подчинялся только Разаре, как Халима или Север, и это сыграло с ним злую шутку. Более чем близкие отношения с Халимой, правой рукой матери-настоятельницы, только укрепляли его в этой уверенности. И как обычно случается, прозрение пришло внезапно и, что самое главное, оказалось болезненным. Поведя себя безрассудно, опрометчиво отказавшись от союза с молодой гирканкой, превратившейся из сильного друга в не менее сильного врага, он понял, что сам по себе ничего не представляет и мнение его если и принимается в расчет, то только после мнений Севера и Халимы.

Он начал стремительно сдавать позиции, совершая одну ошибку за другой. Неизвестно, чем бы

все для него кончилось, если бы его не ожидала очередная поездка. Он уехал взбешенный, зато в дороге у него было достаточно времени для размышлений, итогом которых стала достойная уважения мысль о том, что он вел себя как последний кретин. К счастью для себя самого, понял он это не слишком поздно. Поразмыслив о случившемся, Ханторэк пришел к выводу, что создавшееся положение нужно срочно менять, если только он не желает по возвращении оказаться не у дел. Для того же, чтобы этого не случилось, он должен по возможности быстро доказать свою полезность. Сделать это он мог только одним способом — хорошо исполнить свою работу.

Можно ли считать это милостью богов, отец-настоятель не знал, но ему вдруг повезло. В жалкой деревеньке на севере Немедии, где он остановился на ночлег в придорожной таверне, он познакомился со Странником и неожиданно для самого себя пригласил его продолжить путь вместе. Никогда прежде он и представить себе не мог ничего подобного, но тут все получилось словно само собой. И надо сказать, в содеянном он не раскаялся. Оказалось, что Странник кое-что понимает в тонких материях. Во всяком случае, он сразу заявил, что на почтенном хозяине — как назвал он Ханторэка, что немало тому польстило, — лежит неприятное заклятие, причем не из слабых, но в благодарность за оказанную услугу он готов снять злые чары.

То, что происходило дальше, полностью стерлось из памяти отца-настоятеля. Он только смутно

помнил, как покачивалась на неровностях дороги повозка, как мелькало перед глазами лицо его спутника. Он помнил, что тот что-то говорил ему и что сам что-то отвечал, но, сколько ни старался после этого, так и не сумел восстановить ни одного из заданных ему вопросов, равно как и своих ответов на них. Самое удивительное — он забыл даже лицо Странника. Зато последние произнесенные перед расставанием слова незнакомца намертво врезались в память:

— Никому не говори о нашей беседе, и особенно матери-настоятельнице. Оставь мысли о мести. Не пытайся вспомнить наш разговор.

Однако проще сказать, чем сделать. Он снова и снова мысленно возвращался к стершейся в памяти беседе. Впрочем, Ханторэк понимал, что Странник предостерегал его не от попыток восполнить пробел самостоятельно, а советовал не обращаться к колдовским силам. Недаром он запретил говорить об этом с Разарой. Вообще, то, что незнакомец знал о Владычице, указывало, что они встретились не случайно, и это радовало отца-настоятеля. Выходило так, что у него завелся некий покровитель, пусть пока неизвестный, но он пришел на помощь как нельзя более кстати. Это Ханторэк почувствовал почти сразу.

На второй день после их встречи пропал гнусный запах изо рта, который доставлял отцу-настоятелю немало хлопот. К исходу третьего дня он понял, что перестали обрастать шерстью уши, а ведь в свое время это открытие повергло его в ужас. Именно эти изменения подтвердили: Странник

существовал на самом деле, а не привиделся ему во сне, как Ханторэк уже начал думать. А после того как исчезли две основные, так сильно досаждавшие ему неприятности, отец-настоятель отметил и третье улучшение самочувствия: отступила мучившая его, не прекращавшаяся ни днем ни ночью головная боль. Боль не сильная, но изнурительная. Болели челюсти, ныли зубы, что-то неумолимо сдавливало мозги так, что, казалось, глаза вот-вот лопнут. Теперь же все прекратилось.

Да за одно это он готов сохранить все в тайне! И плевать на то, что он не помнит своего благодетеля и разговора с ним! Правда, Странник велел отказаться от мести, но и с этим можно согласиться. Жаль, конечно, что обидчик останется безнаказанным, ну да и Нергал с ним! Все равно он не знает, кто это сделал и зачем. Это, правда, могла быть Халима... Ее он и впрямь обидел, но бывшая любовница вроде бы пошла на примирение, и он сам повинен в том, что все сорвалось. К тому же она быстро утешилась. И все-таки неплохо бы найти своего врага... Кто знает, как обернется все в дальнейшем... Но нет! Прочь мысли о мщении!

Ханторэк занялся делом и очень скоро вошел во вкус. Он ездил из города в город, проверял работу Смотрителей; благосклонно кивая, выслушивал их доклады и требовал, чтобы в Логово направляли все больше и больше кандидатов, даже если и не из всех выйдут хорошие послушники. Он помнил одно: матери-настоятельнице нужны люди, а он, Ханторэк, должен позаботиться, чтобы они постоянно прибывали. Если это удастся, он

на коне, если нет, то можно не сомневаться, что на его месте скоро появится кто-то другой. К середине поездки он сам себе начал казаться значительнее, весомее. Везде, где появлялся отец-настоятель, он сразу становился главным действующим лицом. Его окружали почетом и уважением, ему заискивающе заглядывали в глаза, ловили каждое слово, во всем стараясь угодить.

Он пришел к выводу, что все случившиеся с ним недавно неприятности — всего лишь досадные мелочи, о которых нельзя забывать, но и придавать им чрезмерно большого значения не стоит. Как бы там ни было, а он личность исключительная. Чем иначе объяснить столь скорое и волшебное избавление от недуга? Простому человеку не являются призраки, для того лишь чтобы протянуть руку помощи и вновь исчезнуть. Он понял, что в лице Странника к нему пришло не только избавление. Это было знамение!

И тогда Ханторэк осознал, что, находясь вне Логова, он обладает единоличной властью, сравнимой разве что с властью самой матери-настоятельницы, и гораздо более свободен в средствах, ведь накопления каждого из Следов находятся в его распоряжении и Смотрители только рады поделиться с ним частью собранных средств в обмен на его благосклонность. Так что если не нагнеть... Верно сказал Странник — оставь мысли о мести. А он-то хотел известить Соню! Бессмысленно умертвить такую потрясающую красавицу! Не лучше ли подумать о том, как заполучить ее?! Что для этого нужно? Свобода и деньги! Денег у него пол-

но, а со временем станет еще больше. Что же до свободы, то придется подумать, как найти предлог, который позволит ему проводить как можно больше времени за стенами Логова. Да, собственно, это будет очень просто, если он сумеет доказать полезность таких отлучек, — увеличить поток кандидатов в послушники!

Итак, будущее представлялось ему весьма радужным. Как можно реже появляться в Логове, работать, обогащаться, не зарываясь, и попутно решать свои маленькие проблемы, среди которых на первом месте — рыжеволосая воительница. Уж если ей не суждено расстаться с жизнью, то эта жизнь должна принадлежать ему, и никому другому! Теперь, когда отец-настоятель вновь почувствовал уверенность в своих силах, он не сомневался, что справится и с этим. Все упирается во время и деньги, в которых теперь у него не будет недостатка...

Не обращая внимания на сновавших вокруг людей, Ханторэк степенно прошествовал мимо зданий, в которых жили послушники, изредка кивком отвечая на приветствия попадавшихся навстречу наставников. Только столкнувшись нос к носу с Кучулугом, он остановился, чтобы перекинуться с ним парой слов.

— Как прошла поездка? — поинтересовался гирканец, выслушав ответ на свое приветствие.

— Спасибо, неплохо, — неожиданно оживился Ханторэк и начал рассказывать. — Но ты сам знаешь, когда заканчиваешь работу, всегда сожалеешь об упущенных возможностях. Словом, Ханторэк не слишком доволен.

Кучулуг кивнул, соглашаясь. Правда, его несколько удивило, что отец-настоятель говорит о себе как о не участвующем в разговоре третьем лице, но он не придавал этому значения — у каждого свои причуды.

— Я не просто так спросил, — ответил гирканец. — Ты еще не разговаривал с матерью-настоятельницей, и поэтому я не стану вдаваться в подробности, но, пока ты идешь к ней, подумай о том, как увеличить приток кандидатов.

— Благодарю за совет. — Отец-настоятель склонил голову. — Ханторэк подумает. — Он собрался уходить, но в последний миг обернулся. — Кстати, скоро прибывает очередная партия — человек тридцать.

Он простился с Кучулугом и пошел дальше по аллеям парка. По тому, что один из стражников стоял у открытой двери дворца, он понял, что его ждут. Через мгновение его нехитрую догадку подтвердил и сам стражник.

— Мать-настоятельница ждет тебя в своих покоях.

Он кивнул и направился к лестнице. Спасибо Кучулугу, теперь он знает, о чем пойдет речь и как держаться, а это главное. Остальное Разара расскажет ему сама. Привычно, без стука, он толкнул тяжелую дверь и, сделав шаг вперед, остановился у порога.

Его взгляд быстро obeжал давно знакомую обстановку — все осталось таким, как он помнил. «Впрочем, что могло измениться за две пролетевшие луны? — подумал он и тут же поправил се-

бя: — Сам-то ты, согласишься, вернулся не тем, кем уехал!» Он усмехнулся про себя и перевел взгляд на тяжелое кресло, увенчанное головой чудовищного волка, в котором сидела... Великая Волчица! В кресле сидела мать-настоятельница, не узнать ее он не мог и теперь, но какая! Бледная тень осталась от той грозной Владычицы, что в начале лета выставила его за дверь этой комнаты. Видно, он не смог скрыть своего изумления, потому что Разара невесело усмехнулась.

— Неважно я выгляжу, верно? — спросила она, глядя Ханторэку в глаза. А он молчал, лихорадочно подыскивая ответ, но ничего путного в голову не приходило. — Ладно. Не хочешь говорить, так не говори. Подойди-ка поближе, — она вяло махнула рукой, — мне тяжело кричать через всю комнату.

Ханторэк осторожно приблизился и сел в кресло. На таком расстоянии мать-настоятельница выглядела ничуть не лучше. И прежде не будучи румяной, женщина словно высохла и обесцветилась, и он даже не решался подумать о том, что могло произойти с могущественной Владычицей Логова.

— С Владычицей случилось что-то скверное? — спросил он не потому, что беспокоился за нее, а, скорее, опасаясь за собственное будущее.

Однако на сей раз мать-настоятельница не поняла истинной причины его тревоги.

— Спасибо за заботу, — едва заметно кивнула она. — Просто слишком... Много сил пришлось потратить. Ерунда. Через день-два пройдет.

— Хвала Волчице, — с искренним облегчением выдохнул Ханторэк.

— Хватит обо мне! — Разара поморщилась. Даже в таком состоянии она оставалась верна себе. — С какими вестями ты вернулся?

— Все прошло успешнее, чем предполагалось. Во всяком случае, результат лучше, чем после первой поездки, — поправился он, поймав на себе ее пытливый взгляд. — В ближайшее время три десятка кандидатов прибудут в Логово.

— Это хорошо, — кивнула Разара. — Нам теперь потребуется много людей. Как считаешь, можно набрать еще больше послушников?

Отец-настоятель изобразил на лице глубоко-мысленную задумчивость и кивнул:

— Да. Но Ханторэку придется заново посетить все Следы.

— Сделай милость, — с легкой иронией отозвалась мать-настоятельница, которую тоже позабыло это «Ханторэку придется».

— Если нужно, Ханторэк готов! — отозвался отец-настоятель. — Но должен сразу предупредить: это уже будут не отборные люди с исключительными качествами.

— Это я понимаю, — еле заметно улыбнулась Владычица. — Просто старайся, чтобы к нам не попадали откровенные отбросы.

— Ханторэк все понял, — с готовностью согласился он, справедливо рассудив, что не имеет смысла вдаваться в подробности. Ошибки всегда можно списать на Смотрителей. Более того, все само собой складывается как нельзя удачно. На мгновение отец-настоятель задумался, и это не осталось незамеченным.

— Что-то еще?

— Да, — ответил отец-настоятель, быстро взяв себя в руки. — Что изменилось в Логове?

— Обо всех изменениях в жизни Логова ты узнаешь вместе со всеми через день-два, когда я поправляюсь. А пока могу сказать, что мы расширяемся. Предстоит усилить отряды внутренней и внешней стражи.

— Что-то серьезное?

— Пока только неясные угрозы, которые могут оказаться беспочвенными, но которые мы не имеем права оставить без внимания. — Несмотря на скверное самочувствие, она не потеряла былой проницательности. — Ты хотел узнать еще о чем-то?

— Да, — кивнул он. — Мать-настоятельница помнит о нашем разговоре насчет расширения охотничьих угодий Стаи?

— Ты хочешь сам заняться этим? — задумчиво спросила она.

— Хочу. Раз Логову нужны люди, сейчас самое время для решительного шага. Ханторэк поедет в Аквилонию и Зингару. Там сейчас разброд, а значит, есть чем поживиться. Но Ханторэк поедет не один. Он возьмет верных людей из некоторых Следов. Для начала хватит десятка, но каждого придется устроить на новом месте, а это потребует расходов, и немалых.

Разара задумалась. Отец-настоятель вновь удивил ее. Он в очередной раз изменился, но совсем не так, как она ожидала. Сперва из простоватого парня с чрезмерно развитым самомнением он превратился в почти неуправляемое животное, а те-

перь, вместо того чтобы тихо и спокойно вернуться к прежнему состоянию, он становится высокомерным гордецом, у которого непонятно что на уме. О каждом, кого Разара возвышала, ставила над другими людьми, у нее имелось вполне определенное мнение. И до сих пор у нее не было ни одной возможности усомниться в своей проницательности. Ханторэк же... Она поморщилась. И все-таки все, что он говорил сегодня, отличалось здравомыслием и сулило очевидную пользу. Быть может, его неумная гордыня — только поза? Хорошо, если так... Впрочем, почему бы и нет? После того как Соня несколько раз опозорила его перед всеми, а Халима выставила за порог, после того как он попытался отомстить и не сумел, со скандалом покинув стены Логова, мудро ли, что он хочет укрыться за маской высокомерия? Да и его желание всерьез заняться делом, которое можно делать вдалеке от этих мест, разве говорит не о том же? Разара еще раз задумалась и мельком взглянула на молодого человека, который застыл в кресле по другую сторону стола как истукан. Похоже, что так.

— Хорошо, — наконец решила она. — Ты получишь деньги и повозку без барельефа Волчицы.

— Ханторэк готов ехать хоть завтра! — заявил он, вскакивая с кресла.

— Не так скоро, — усмехнулась Разара. — Ты забыл о назначенной на ближайшие дни церемонии. Впрочем, — совершенно неожиданно она поймала себя на непреодолимом желании провести ее немедленно, — я чувствую себя лучше. Так что, ско-

рее всего с церемонией мы покончим сегодня же. Но после этого нам надо обсудить одно важное дело, и тебе необходимо присутствовать. Только тогда ты сможешь покинуть Логово. А теперь ступай, — прикрывая глаза рукой, сказала она, — мне надо набраться сил.

Ханторэк ничего не сказал. Он коротко поклонился и вышел с гордо поднятой головой. Разара же некоторое время просто расслабленно сидела, прикрыв глаза, потом повернулась к камину. Повинуясь ее воле, пламя заплескало на сложенной поленице, и она протянула к огню ледяные руки. Затрещали пожираемые огнем дрова, и старая женщина замерла, просто наслаждаясь теплом. Потом мысленно потянулась к огню и, как тогда, в подземелье, принялась жадно впитывать его силу, чувствуя, что растекающееся по телу блаженное тепло отгоняет смертельный холод.

«Быть может, и не стоит так торопиться, — подумала она. — Но уж больно долго я ждала».

* * *

— Это мне?! — Соня вертела в руках обновку. — Но когда? Откуда? — спрашивала она, не отрывая восторженного взгляда от платья.

Божак чуть заметно усмехнулся. Он лежал, заложив за голову могучие руки, и с улыбкой наблюдал, как девушка рассматривает наряд.

— Помнишь Чандара? — спросил он. — Я заказал ему нечто строгое, но необычное.

— О ком ты говоришь? — рассеянно откликнулась красавица, поглаживая мягкую ткань.

— Да разве ты не помнишь Чандара, что привез для тебя доспехи? — удивился Север. — Он нашел одного из моих людей, передал ему платье. Вот и все.

— Так ты... — Соня замерла, неприятно пораженная. Она обернулась и впиалась яростным взглядом в Севера, не зная еще, как воспринимать услышанное. — Ты все это задумал... еще тогда? И меня... тоже собирався... затащить к себе в постель?

Наверное, только спокойствие и то, что он не отвел взгляда, сохранило Северу жизнь. Девушка ждала его ответа.

— Ты знаешь, — тихо начал он, — иногда в жизни происходят события, которые никто, — Север покачал головой, — не в силах объяснить. Я ничего не замышлял, поверь.

— А как же...

— Я просто, — перебил он, — *знал*, что мы будем вместе.

— Это правда? — спросила девушка, и на ее глаза навернулись слезы.

Соня почувствовала, как ее захлестнула волна нежности. Ей захотелось сказать ему что-нибудь ласковое, да не привыкла она произносить нежные речи.

...В ожидании лучших времен платье уютно улеглось в кресле, а девушка начала потихоньку подкрадываться, медленно и неслышно, как подкрадывается к добыче изголодавшаяся рысь, и серые глаза ее хищно сверкнули.

— Э! Э! Я уже почти встал! — успел крикнуть Север, прежде чем рысь прыгнула.

* * *

Когда незадолго до полудня Соня с Севером все-таки спустились в парк, жизнь в Логове уже бурлила вовсю.

— Куда идем? — поинтересовалась девушка. Ей хотелось петь от переполнявшего душу счастья, и она едва сдерживалась.

— А чего бы ты хотела?

— Я хочу расцеловать каждого встречного! — воскликнула она. — Я хочу петь и смеяться! И я... — Тут она запнулась. — Я ужасно проголодалась, — сообщила она громким шепотом.

— Как?! Опять?! — с деланным ужасом воскликнул он.

Лицо рыжеволосой красавицы вспыхнуло, и Север понял, что сейчас в него вонзятся острые коготки.

— Все, — примирительно улыбнулся он, обнимая девушку за талию, — я понял свою ошибку.

Соня приняла извинения, и некоторое время они шли молча.

— Я умираю от голода, — снова заговорила она.

— Хорошо, — согласился Север. — Если пообещаешь целовать только меня, а не каждого встречного, я отведаю тебя в трапезную. Тем более что и время уже пришло. — Он кивком указал на направлявшихся к парку послушников.

— Ты что имеешь в виду? — не поняла девушка.

— Полдень, — объяснил Север. — Они идут звонить в колокол... А вот это уже интересно, — добавил он тихо.

— Что? Что такое? — Соня покрутила головой и вдруг брезгливо сморщилась. — Ф-фу! Вот уж с ними я целоваться точно не стану, — заявила она. — Ты только не вмешивайся, если они прицепятся ко мне, ладно? — попросила она спутника.

— Постараюсь, — нехотя пообещал тот.

Рядом с ротондой, пристроившись в тенечке, тихо беседовали Ханторэк с Юргом. Облако моллы висело над их головами, и иногда Юрг лениво разгонял его перебинтованной рукой. Увидев свою обидчицу, наставник насторожился, но чуть раньше, словно почувствовав устремленные на него взгляды, Ханторэк обернулся. Он явно не ожидал увидеть Соню, но замешательство его длилось лишь доли мгновения. Однако за этот краткий миг девушка успела прочесть в его взгляде всю гамму раздиравших отца-настоятеля чувств. Обида, ненависть, жажда мщения и неудовлетворенное желание — все перемешалось в нем. Но главное, что поразило Соню, он смотрел на нее, как на принадлежащую ему вещь! Так, словно все уже решено и от цели его отделяет лишь пустяковое препятствие, которое он играючи способен устранить прямо сейчас. Этот взгляд содрал с нее платье и облил грязью. Соне захотелось убежать и вымыться, и она разозлилась.

В следующий миг отец-настоятель взял себя в руки, и лицо его исказилось. Губы хищно раздвинулись, обнажив желтые клыки, показавшиеся Соне неестественно длинными. Не сразу она поняла, что эта уродливая гримаса означает улыбку. Юрг, что-то усиленно втолковывавший Ханторэку,

умолк на полуслове и сдержанным кивком поприветствовал подошедших. Отец-настоятель так же кивнул обоим, но произнесенные им слова относились только к Соне.

— Ты все-таки добила своего? Поздравляю! Ханторэк восхищен тобой!

— Ну, это из-за платья, — ответила Соня, показав на глубокий вырез, который подчеркивал соблазнительность ее великолепной груди.

Затем она повернулась, так что короткий подол платья с разрезами по бокам раскрылся, словно бутон, обнажив сильные стройные ноги может быть даже чуть больше, чем следовало. Улыбка исчезла с лица отца-настоятеля, и оно покрылось багровыми пятнами. Он так и застыл с открытым ртом.

— Пасть-то захлопни, уважаемый, а то мухи налетят, — язвительно посоветовала шадизарка и двинулась дальше.

Зубы Ханторэка щелкнули, и одновременно зазвонил полуденный колокол, словно отозвавшись на сигнал. Отец-настоятель понял, что его вновь унизили.

— Ты еще не знаешь, кто такой Ханторэк! — не обращая внимания на Вожака, злобно прошипел он проходившей мимо девушке.

— Зато я знаю, какой он, — не останавливаясь и не удостоив его взглядом, ответила она.

— Вот стерва! — успев пройти всего пару шагов, услышала Соня негромкие слова Юрга.

Север вздрогнул: ну это уж слишком! Но Соня сжала ему руку — ты, мол, обещал, — и он сдержался. Девушка резко обернулась и шагнула к наставнику.

— Тебе, вижу, мало досталось? — с милой улыбкой спросила она. — Или все забыл? Хочешь, вторую руку сломаю?

Юрг побледнел и закусил губу. Соня посчитала, что с него достаточно, и развернулась, собираясь уйти, но тут опять заговорил отец-настоятель.

— Ты не изменилась, — вздохнул он. — Ханторэк разочарован.

— Не переживай. Разочарования воспитывают характер, без этого не стать мужчиной, — не оборачиваясь, ободрила его девушка и быстро догнала Севера.

Некоторое время они шли молча, но вскоре ротонда с двумя оскорбленными приятелями осталась в полусотне шагов позади.

— Ты видел, как он на меня посмотрел? — спросила девушка.

— Да, — согласился Север. — Смотрел он на тебя отвратительно. И больше, пожалуйста, не проси меня молча стоять в сторонке.

— Я ведь чувствовала, чем все кончится, и не хотела впутывать тебя.

— И совершенно напрасно, — возразил Север. — Я сумел бы предотвратить эту бессмысленную переправку!

— Именно поэтому я и попросила тебя не вмешиваться, — стояла на своем девушка.

— Тебе нравятся такие склоки? — удивился Север.

— Нет, — ответила красавица, — но я по опыту знаю, что если кто-то хочет драки или ссоры, нуж-

но не мешать ему. Это как пожар, понимаешь? Гаси его сразу, если не хочешь, чтобы пламя набрало силу. — Север промолчал. Конечно, она права, но правота эта совсем не нравилась ему. — И есть еще кое-что, — продолжила Соня. — И с Ханторэком, и с Юргом у меня свои дела, и тебя они не должны касаться. Будь выше мелких дрызг.

Север поморщился. Вот так и получается, что сперва ты соблазняешься хорошеньким личиком и стройными ножками. Потом чувствуешь, что тебе отвечают взаимностью, и влюбляешься, а там...

Не успеваешь оглянуться, как оказываешься под каблуком. «Сколько раз за историю человечества это уже было, — с иронией подумал он, — а никогда чужой горький опыт никого еще ничему не научил».

— И давай не будем больше об этом, — решительно заявила Соня, пристально глядя ему в глаза. Он подумал мгновение и не стал спорить. Удовлетворенная, она успокоилась. — А ты заметил, как он изменился? То ли челюсть подросла, то ли лоб сузился — не разберу.

— Да, — задумчиво проговорил Север. — Зачастую, конечно, внешность обманчива, но сейчас, по моему, она говорит о многом.

— И бородку свою дурацкую сбрил! А этот оскал?! — не унималась Соня.

— Очевидно, он считает, что так должна выглядеть улыбка, — пожав плечами, отозвался Вожак. — Только и всего.

— Ага, — хмыкнула Соня, — приветливая улыбка старого друга!

— Все это ерунда! — заявил Север, очнувшись от размышлений. — То, что он сделал со своим лицом, касается только его. Ни узкий лоб, ни острые клыки отца-настоятеля меня нисколько не волнуют.

— Да ты, милый, вообще человек спокойный, — ехидно заметила Соня.

— Точно, — безмятежно согласился он. — А потому меня заботит только то, что действительно заслуживает внимания.

— И что же это такое? — поинтересовалась все еще настроенная воинственно девушка.

— Его мысли!

— Мысли? — переспросила Соня. — А ты заметил его первый взгляд? Всего один взгляд, которым он выразил все, о чем не посмел сказать открыто.

— Именно это я и имею в виду.

— Помнится, кто-то убеждал меня, что отца-настоятеля не стоит опасаться, — напредила девушка.

— Я и сейчас уверен в этом, — пожав плечами, ответил Север. — Другое дело, что сейчас, когда мы знаем, что Ханторэк неприятно изменился, не стоит упускать его из виду.

— Да уж постараюсь! Не беспокоюсь... — буркнула Соня и вдруг вскинулась: — А ты заметил, как он говорил о себе? «Хан-то-рэк вос-хи-щен!» — с выражением повторила она.

— Солидности добивает, — рассеянно отозвался Север. — Не бери в голову.

— Ну уж нет! — решительно заявила Соня. — Я ему этого «Ханторэка» еще припомню!

— Любишь ты обращать внимание на мелочи! — недовольно поморщился Вожак.

— Говорят, между прочим, — возразила девушка, — что жизнь и состоит из мелочей.

* * *

Обед прошел спокойно и непринужденно. Послушники и послушницы с интересом поглядывали на Вожака и свою бывшую подругу, которые сидели за столиком для наставников. То одна, то другая из девушек подбегали к ним, чтобы высказать свое восхищение Соне, однако при этом они так игриво стреляли глазками в сторону Вожака, который, оказывается, вовсе не столь недоступен, как представлялось им прежде, что рыжеволосая красавица уже пожалела о своем вчерашнем желании питаться не у себя, а вместе со всеми, в трапезной. Север же воспринимал все происходящее спокойно. Похоже, его это даже слегка забавляло.

Когда обед закончился, Лума подошла к ним и, смущенно улыбаясь, спросила согласия Севера на то, чтобы провести вечеринку.

— Что-то я не припомню, чтобы прежде вам требовалось мое согласие, — ухмыльнулся тот.

— Так ведь прежде Соня жила с нами и вечеринки устраивались каждый день! — нашла девушка.

— Совсем распустились. — Север озабоченно покачал головой. — Придется попекать Кучулугу.

Собравшаяся что-то сказать Лума так и застыла с приоткрытым ртом и удивленно округлившимися глазами.

— Ты что же это такое говоришь? — начала сердиться до сих пор молчавшая Соня.

— Ну а как же? — Север нарочно обращался не к ней, а к ее подруге. — Ты пришла с просьбой ко мне, Вожаку Стаи, выказала явное неуважение, не пригласив первым на пирушку, и после этого удивляешься отказу? Кстати, милая, рот можешь закрыть. А то неприятность случится... Соня знает какая.

Он окинул подруг насмешливым взглядом.

— Как... Какая еще милая?! — сурово одернула шадизарка Вожака, не видя, как остальные послушницы перешептываются у нее за спиной, делясь впечатлениями. Стоявшая рядом Лума фыркнула и тут же прикрыла ладонью рот. — Ты давай-ка отвыкай потихоньку от дурных привычек! — Соня окинула Севера оценивающим взглядом. — А сейчас прекрати неуклюже приставать к моей подруге и немедленно разреши нам девичник!

— Обязательно разрешу! — с готовностью кивнул он.

— Так-то лучше, — проворчала красавица.

— Как только пригласите, — уточнил Север.

Лума хихикнула, а Соня от неожиданности даже растерялась.

— Ты что же, всерьез собрался испортить нам посиделки?

— Ну, сидеть с вами весь вечер я не собираюсь, — Вожак решил не испытывать дальше терпение своей вспыльчивой подруги, — но к окончанию вашей пирушки обязательно пожалую.

— Да зачем же тебе это?

— Должен ведь кто-то отвести тебя домой, — простодушно ответил Север.

— А сама я, можно подумать, не доберусь! — огрызнулась она, раздраженная его непонятным упорством.

— А как напьешься? — спросил он, прикрывая зевот ладонью. — Вполне можешь и не дойти. — Лума закусил губу, зато стоявшие за их спинами подруги рассмеялись. Соня смерила его разъяренным взглядом, но достойного ответа не нашла. — Ну? Не слышу, праздник будет или нет?

— Ладно, приходи, — разрешила она, чувствуя, что чем дольше длится разговор, тем больше она не нравится сама себе. — Только если уж придешь, не сиди сиднем. Расскажи что-нибудь интересное...

— Непременно расскажу, — охотно пообещал он, и Соня тут же спохватилась, что напрасно попросила: ему и впрямь есть что рассказать.

— Нет уж! — Она решительно отменила собственный приказ. — Лучше посиди тихонько. Да принеси чего-нибудь вкусненького — это будет твоим вкладом.

Извинившись, Север встал из-за стола, потому что в дверях показалась огромная фигура Кучулуга, который пришел явно неспроста.

Несмотря на жару, он облачился в полные воинские доспехи. Гирканец принялся о чем-то шептаться с Севером, а послушницы, забыв о своих планах на вечер, смотрели на них во все глаза, пытаясь расслышать, о чем они говорят. Наконец Кучулуг скрылся за дверью, а Север направился к девушкам.

— Ну-ка быстренько все во двор, а то останетесь без посиделок! — скомандовал он, но, видя удивление на лицах девушек, объяснил: — Состоится церемония, о сути которой знает лишь мать-настоятельница. Так что вперед! К северо-западному углу плаца. Там вас Тирал ждет не дождется. Он скажет, где построиться.

За стенами трапезной раздался звук рога. Он взревел подобно медведю, но постепенно начал повышаться, пока не замер на нескончаемо высокой ноте. И тут же ему ответили другие рога, повторив тот же переход.

— По велению матери-настоятельницы Большой Рог созывает Стаю, и Волки откликаются на его зов, — объяснил Север, когда они остались вдвоем. — Пойдем. Похоже, предстоит действительно нечто важное.

— Откуда ты знаешь?

— А чего ради Кучулуг вырядился в полные доспехи?

Они покинули трапезную, вышли на залитый солнечным светом двор и увидели распахнутые настежь ворота и отряды воинов внешней и внутренней стражи, которые выстроились вдоль казарм, как про себя называли жилые здания послушники. Рога продолжали реветь, но теперь к их завыванию прибавился и частый рокот барабанов, зазвучавший призывно и в то же время угрожающе.

Кучулуг замер во главе отряда внутренней стражи. Сто одиннадцать человек с десятником во главе каждого десятка и могучий гирканец

вместо сотника, все в полных воинских доспехах, стояли плотной колонной. В ожидании приказа они застыли за спиной своего предводителя, державшего в правой руке белое полотнище, на котором красовался огромный волк на фоне дворца Логова.

Вамматар держал похожий стяг, только фоном изображенному на нем зверю служила лесная чаща. Несильный ветер заставлял полотнища шевелиться, и тогда изображенные на них картины словно оживали: ветви деревьев раскачивались, а прятая среди них зверь начинал скалиться. Внешняя стража оказалась чуть менее многочисленной, но произошло это, по словам Севера, потому, что они не могли оставить проходы в долину без присмотра. На них не было доспехов, но зато в их одежде было легко спрятаться в зарослях. Основная сила внешней стражи заключалась в скрытности. О том же говорило и оружие. Каждый стражник наряду с легким мечом нес за спиной лук и колчан со стрелами, в то время как основное вооружение воина внутренней стражи состояло из арбалета и тяжелого двуручного меча.

Выстроившиеся за ними следом под предводительством Вулофа два десятка волков, огромных и чрезвычайно сильных, представляли и вовсе удивительное зрелище. Все они, за исключением предводителя, впервые переступили ворота Логова. Звери присели на задних лапах и с интересом осматривались. Вместе с ними наружная стража выглядела едва ли не внушительнее возглавляемых Кучулугом воинов.

Как только забили барабаны, гирканец отдал разнесшуюся эхом гортанную команду, и, шеренга за шеренгой, отряд двинулся вперед. Они прошептались вдоль восточного, вытянутого края плаца, равняясь на мраморные скульптуры воинов, застывших вдоль кромки, у дальнего угла свернули и остановились возле северной его стороны, перед озером.

Как только строй воинов замер, двинулся отряд внешней стражи. Путь их оказался не в пример короче. Вамматар развернулся и повел своих вдоль южной кромки плаца, выстроив их лицом к лицу с воинами Кучулуга. Волки расположились на правом фланге их строя, продолжив его до угла.

Север и раньше бывал на подобных церемониях. Обычно они проводились раз в год на переломе зимы, но никогда прежде в них не участвовала волчья стая, и это подтверждало его нехитрую догадку о том, что сегодня произойдет нечто необычное.

Собрались все. Наставники застыли у западного, длинного края плаца, почти вплотную примыкавшего к стене, свободно разместившись на ближайшей к воротам половине. Рядом выстроилась гораздо более многочисленная группа послушников, две трети которой составляли юноши и треть — девушки.

Все это Соня увидела, окинув плац всего одним внимательным взглядом. Они с Севером пришли последними и пристроились между наставниками и послушниками, причем девушка встала ближе

к своим подругам: так она чувствовала себя увереннее.

Как только последнее движение на плацу замерло, вновь призывно взревел Большой Рог. Соня поняла, что зовут настоятельниц, ведь даже повара, конюхи, сапожники, портные, кузнецы и прочие люди, не представлявшие, как видно, ценности для Логова, а всего лишь обеспечивавшие нормальные условия жизни его обитателям, выстроились у северной стены трапезной. И Соня впервые воочию увидела Большой Рог. Он опирался о землю изогнутой серединой, а два человека стояли по бокам, поддерживая его, в то время как третий дул. (Какому зверю из ныне живущих мог принадлежать такой рог, Соня не знала. Его длина в несколько раз превышала длину бивня огромного животного величиной с дом, что, говорят, водились в незапамятные времена на Земле, да и толщиной значительно превосходил его. Впрочем... Тогда, наверное, существовало немало и иных тварей.) Тут же на рев Большого рога отозвался хор Малых Рогов.

Соня так и не успела придумать для себя историю Большого Рога, потому что в конце парковой аллеи появилась медленно шествующая процессия настоятельниц. Все они были одеты в длинные плащи с капюшонами. Двенадцать настоятельниц — в черные с серебряным шитьем по краю, а Разара — в белый с золотом. Возглавлявшая процессию Владычица опиралась на высокий посох — странную, утолщавшуюся сверху суковатую дубину, которая заканчивалась серебряным набалдаш-

ником в виде волчьей головы с оскаленной пастью. Накинутые на головы капюшоны скрывали лица, но Разара выделялась среди прочих не только цветом одежды и посохом в правой руке, но и ростом и худобой.

Теперь рога молчали, зато барабаны не прекращали звучать ни на мгновение. Пока Соня разглядывала приближающуюся к ним цепочку настоятельниц, те успели подойти и остановиться. Как только это произошло, барабанная дробь смолкла, и повисшая над Логовом тишина показалась бы оглушающей, если бы далекое эхо, гулявшее по долине, не возвращалось через неравные промежутки времени. Девушка бездумно пробежала взглядом по застывшим напротив нее женщинам в черных одеждах, потом невольно посмотрела на музыкантов и увидела, что Малых Рогов тоже двенадцать.

Пока Соня лениво размышляла об увиденном, Разара вышла на середину плаца. Там она остановилась и откинула капюшон на спину, открыв худое и бледное («Бледнее, чем обычно», — отметила про себя Соня) лицо.

— Дети мои, — заговорила она негромко, но то ли из-за воцарившейся тишины, то ли благодаря некоей внутренней силе, голос ее слышался отчетливо, а слова звучали убедительно, — настал торжественный и долгожданный миг, ради которого все это, — она обвела широким жестом каменные постройки Логова, — возродили давно уже сошедшие в землю люди. Многие поколения ваших предшественников трудились ради того, чтобы вдох-

нуть в это место жизнь, сделать его надежным и безопасным убежищем для всех нас. По крупицам собирались богатства Логова, по человеку — его обитатели, каждому из которых я старалась стать матерью. И вот наконец настало время, когда мы окрепли... Более того, накопили достаточно сил, чтобы приступить к главному. К тому, ради чего все это и создавалось.

Соня подумала, что начало церемонии выглядит, безусловно, торжественно, но, к сожалению, речь матери-настоятельницы слишком уж неопределенна. Вот мы шли, шли и наконец пришли... Туда, куда шли! Здорово! Ничего не скажешь! «Впрочем, она ведь еще не закончила», — сама себя одернула девушка. Она огляделась. Люди стояли замерев, полностью обратившись в слух. «Похоже, и вправду раньше такие собрания здесь не проводились», — подумала Соня. Из всех собравшихся только волки позволяли себе изредка озираться по сторонам да принюхиваться к незнакомым запахам.

— Настала пора изменений.

Соня невольно вздрогнула, когда услышала другой голос. Халима стояла рядом с матерью-настоятельницей, и ее капюшон тоже был откинут на спину. Теперь говорила она.

— Прошлой ночью боги явили нам свою волю, и я безмерно рада сообщить о ней всем, кто верит в истинных богов! Тем, кто поклоняется Великой Волчице, — всем обитателям Логова! — Она замолчала, чтобы все поняли: сейчас она скажет нечто необыкновенно важное. — Отныне Разара не мать-настоятельница! Она — Белая Волчица! Ора-

кул, возвещающий смертным о воле богов! Я, Халима, и одиннадцать моих подруг-настоятельниц становимся жрицами Белой Волчицы! Отныне боги станут говорить с нами через нее!

Халима обвела всех торжествующим взглядом. Похоже, она уже успела изменить мнение о своей дальнейшей судьбе. И надо сказать, старалась она не зря. Все замерли в благоговейном оцепенении, и Соня так и не поняла, искреннем или напускном. Впрочем, что ожидать от людей, подавляющее большинство которых просто не в силах постигнуть истинного значения такой перемены, а остальные вряд ли искренне верят, что перемена произошла на самом деле и их не обманывают. Впрочем, изможденный вид Разары позволяет предположить, что ночью действительно произошло нечто удивительное.

Когда Соня пришла к такому выводу, Халима как раз успела насладиться произведенным впечатлением и собралась заговорить снова, но Разара опередила ее.

— Мы, как и прежде, одна Стая,— вновь заговорила она,— у которой всего лишь появился более сильный предводитель — Белая Волчица.— Она склонила голову.— Все вы, кроме жриц, Хранительниц Знаний, отныне Волки и подчиняетесь Вожаку, у которого наконец-то появилась достойная его подруга.

Она высоко подняла посох и ударила им в каменную плиту. В тот же миг Большой Рог призывно взревел, и, когда эхо смолкло, ему ответили два Малых. Однако прежде чем заговорила Ха-

лима, Соня поняла, что последние слова матери-настоятельницы опять-таки не предусматривались перед началом церемонии.

— Кого зовешь ты, Белая Волчица?! — нараспев произнесла жрица.

— Я зову предводителя Волков моей Стаи, благородного и непобедимого Севера, а также его подругу — прелестную и отважную Соню!

Север взял девушку за руку, и та почувствовала, как ее пробрал озноб. Видно, несмотря на весьма ироничное отношение к происходящему, торжественность момента затронула и ее. Они медленно двинулись вперед, могучий воин и прекрасная красавица. Карие глаза Разары мягко и внимательно смотрели одновременно на обоих. Соня невольно прижалась к Северу плечом. Повинуясь жесту жрицы, они остановились в двух шагах от Оракула.

— Зачем ты призвала их, Владычица? — так же распевно спросила Халима.

На мгновение Разара замерла и прикрыла глаза, словно обдумывая ответ.

— Боги повелели мне вручить им неснимаемые Кольца Власти!

«Неужели она действительно разговаривала с богами?!» — мелькнула у Сони мысль, и неприятный холодок снова пробежал по телу девушки.

Владычица величественно взмахнула рукой, и одна из оставшихся в стороне одиннадцати жриц пошла к середине плаца, держа в руках простой ларец темного дерева. Она остановилась рядом с Севером и, так и не открыв лица, опустилась на колени и подняла ларец над головой. Разара открывала

крышку и, взяв с бархатной подушечки простой перстенок, изготовленный как будто из вороненой стали, надела его на палец Северу. Затем взяла из ларца второй такой же и надела его Соне.

— В случае опасности эти кольца прибавляют сил тому, кто крепок духом, хотя и не делают своих носителей неуязвимыми. Они символизируют власть Вожака Стаи и его Телохранителя как внутри Логова, так и за его стенами. К тому же кольца эти нельзя потерять. Снять их сможете только вы сами... Или я.

Повернувшись, Соня услышала, как за спиной ударил в камень наконечник посоха, и Большой Рог взревел вторично, но на этот раз ответил ему только один из Малых. Пока не смолк вибрирующий звук, они успели вернуться на место, и по дороге Соня сумела рассмотреть печатку. Правда, это совершенно ничего не дало ей. Четкий рисунок полутора десятков таинственных рун складывался в загадочную фразу, смысл которой она разгадать даже не пыталась. Впрочем, несмотря на простоту материала, выглядел перстенок совсем неплохо, и это примирило Соню с тем, что его придется носить.

— Кого зовешь ты, Белая Волчица? — повторила свой вопрос Халима.

— Я призываю сильнейшего из Волков моей Стаи, могучего Кучулуга! — ответила Разара.

Замерший справа от Севера огромный гирканец передал стоявшему рядом с ним воину сотни знамя, двинулся вперед и, так же как до него Север с Соней, остановился в двух шагах от Разары.

— Зачем ты призвала его, Владычица? — задала Халима все тот же вопрос.

И вновь на краткий миг Разара замерла и прикрыла глаза, обдумывая что-то или советуясь с кем-то.

— Боги велели мне вручить ему Волчий Клык.

И опять одна из жриц двинулась вперед, медленно и торжественно неся на алой бархатной подушке прекрасной работы кинжал в локоть длиной. Она обошла Кучулуга сзади и, остановившись справа от него, опустилась на колени и подняла над головой подушку с клинком. Разара взяла его в руки и передала Кучулугу.

— Владей им во славу Логова. Отныне все, кроме Вожака и его Телохранителя, подчиняются тебе, ты же — лишь ему да мне.

Кучулуг коротко поклонился. И вновь посох ударил, и взревел Большой Рог, которому на сей раз ответили сразу четыре Малых.

— Кого зовешь ты, Белая Волчица? — в третий раз задала свой вопрос Халима.

— Я зову опытного из лесных воинов Вамматара, прозванного друзьями Ловчим, мимо которого не пробрался ни один из врагов Логова. — Начальник внешней стражи вышел из строя, чтобы занять свое место напротив Разары. — Я зову неутомимого и не знающего ошибок Ханторэка, который обеспечивает Логову нескончаемый приток послушников. — С гордо поднятой головой отец-настоятель направился следом за Вамматаром. — Я зову искуснейшего из воинов Гайрама, чей лук не знает промаха. — Туранец двинулся вперед. — И наконец, я

зову самого ловкого из Волков Стаи, Тирала, чей клинок столь же искусен, как и лук Гайрама.

Юноша остановился крайним правым в ряду, и Халима снова спросила:

— Зачем ты звала их, Владычица?

И вновь Белая Волчица на миг замерла, махнула рукой, и на этот раз сразу четыре жрицы двинулись к ней. Как и их предшественница, они обошли воинов сзади и остановились справа от крайнего из них, Тирала. Первая опустилась на колени и подняла над головой деревянный ларец. Разара достала из него кольцо, похожее на обручальное, и надела на палец Тирала.

— Это символ твоей власти как в Логове, так и вне его, Распорядитель. Отныне тебе подчиняются все кандидаты, прошедшие отбор в Одиночки.

Тирал направился обратно, а место жрицы с опустевшим ларцом заняла другая, державшая на вытянутых руках подушку с новым атрибутом власти. Разара взяла в руки превосходной работы шлем, украшенный, как и ее посох, волчьей головой с оскаленной пастью, и надела его на голову могучего туранца, для чего лучнику пришлось опуститься на колено.

— Отныне ты — Кулак и возглавляешь Бойцов, тех, кто прежде звался внутренней стражей.

Разара подождала, пока удалится Гайрам, и подошла к Ханторэку. Вешая ему на грудь золотой медальон, она возвестила:

— Теперь ты — Глаз Логова, а подчиненные твои — Следопыты и Смотрители, с которыми ты работал и прежде.

Вамматару поднесла она пояс с испещренной рунами серебряной пряжкой.

— Ты остаешься на своем месте, Ловчий, со своими Охотниками. Работы у тебя теперь прибавится, впрочем как и у всех нас. Вы же, — она повернулась к послушникам, — отныне и до окончания обучения зоветесь Прибылыми, что означает — неумелый еще волчонок-переросток.

При этих словах она улыбнулась и, подождав, пока стихнет сдержанный гул одобрения, ударила посохом еще раз.

— Кого зовешь ты, Белая Волчица? — в который уже раз повторила свой вопрос Халима.

— Я зову тебя, моя правая рука и первая помощница, — ответила Разара, посмотрев на девушку.

Жрица медленно двинулась вперед, пока не встала на место, на котором до сих пор стояли все те, кого она выкликала из строя. Одна из стоявших на краю плаца жриц тут же вышла из шеренги подруг и заняла место Халимы. Она откинула капюшон, и все увидели Яру, ее ближайшую подругу.

— Зачем ты призвала ее, Владычица? — так же распевно, явно подражая подруге, спросила Яра.

И вновь, как не раз уже происходило прежде, на краткий миг Разара замерла и прикрыла глаза, советуясь с богами, после чего подозвала последнюю из жриц. Едва та опустилась перед ней на колени, Разара приняла из ее рук головной обруч и надела его на голову молодой колдуньи.

— Отныне ты — Верховная жрица Белой Волчицы! И когда меня нет в Логове, вся полнота власти переходит к тебе!

Она трижды ударила посохом, давая знать всем, что ритуал окончен. В тот же миг коротко прозвучали барабаны и две с лишним сотни глоток гаркнули как одна:

— Хоу!

Вновь ударили барабаны, и опять им ответили люди, и только после третьего раза призывно зазвучал Большой Рог, а на клич его отозвалась дюжина Малых. Так же степенно, как и появилась, процессия двинулась обратно. Только теперь она состояла не из настоятельниц, а из жриц во главе с Пифией, и вела их за собой Белая Волчица.

Когда процессия углубилась в парк, оставшиеся на плацу обитатели Логова возбужденно зашумели. Воцарилось какое-то праздничное настроение, передавшееся даже тем, кого все происходящее непосредственно не касалось: рядовым воинам, слугам, работникам, послушникам или, как они теперь стали именоваться, Прибылым.

Наставники начали расходиться, и вокруг участвовавших в церемонии счастливчиков быстро собрались кружки близких им людей. Проходя мимо Сони с Севером, Ханторэк, как ни странно, учтиво кивнул Вожаку и его спутнице. Соня немало удивилась, но решила подыграть. Она кокетливо ответила на поздравление, и ее улыбка выглядела доброй и искренней. Север, правда, чуть заметно нахмурился. Он понимал, что его подруга просто посмеялась над новоявленным предводителем Следопытов, но Глаз Логова не обладал его проницательностью. Он вновь почувствовал себя на коне, и удача вскружила ему голову. С лучшими наме-

рениями он вторично показал девушке свой гнусный оскал, но перед этим окинул ее с головы до ног сальным взглядом, от которого Соню передернуло от омерзения.

— Ханторэк приносит свои поздравления, дорогая, с оказанной тебе высокой честью, — напыщенно произнес он, и Север понял, что несколько ошибся в своей оценке. — Раньше ты была просто красивой куклой, теперь же наконец что-то из себя представляешь.

— Все мы меняемся, — слегка опешив, ответила Соня: похоже, насмешки от новоявленного Глаза она никак не ожидала. Но в следующий миг ее улыбка стала еще ослепительней. — Без бороды, да еще с этим медальоном на шее даже ты начал походить на человека.

Север пока молчал, надеясь, что все еще обойдется. Кто-то из послушников, столпившихся за спиной Ханторэка, прыснул в кулак, и тот резко обернулся, но увидел лишь обращенные к нему серьезные лица молодых людей и решил, что приглушенный смехок ему лишь почудился.

— А-а! Молодежь! — обрадовался он, хотя сам был ненамного старше обступивших его «неумелых волчат-переростков». — Надеюсь, вам понравилась церемония?

— О, да! — восторженно протянул кто-то.

Север окинул удивленным взглядом собравшихся вокруг Ханторэка подруг Сони. Похоже, пример его напарницы оказался заразительным. Возможно, даже кто-то из них подслушал дневную перебранку. Если так, то дело плохо. Он укориз-

ненно посмотрел на свою подругу и указал взглядом на девушек, которые продолжали восхищаться многочисленными достоинствами бывшего отца-настоятеля. Мол, видишь, что ты наделала? Но Соня лишь ответила ему наивным взглядом и пожала плечами, сделав вид, что она тут ни при чем.

— Когда-то и Ханторэк был таким же, как вы, наивным юнцом,— пустился тем временем в откровения «матерый волк»,— и тоже хотел переделать мир. Ханторэк до сих пор вспоминает о тех днях, как о самой прекрасной поре в жизни.

Соня восхищенно посмотрела на Севера, зато только что подошедший Тирал выглядел ошарашенным.

— Но с годами это проходит,— продолжал вещать Глаз Логова,— и тогда приходит понимание того, что главное в жизни — это работа. Ханторэк любит свою работу, относится к ней с душой. Именно поэтому сегодня Ханторэку не пришлось стыдливо краснеть.

— Ты, наверное, самый лучший в своем деле! — не удержалась Соня.

— Конечно! — гордо кивнул он и добавил напыщенно: — И не только в своем деле. Надеюсь, ты скоро это поймешь.

— А скромный-то какой! — восхитилась Соня, но Ханторэк даже не заметил ни ее насмешки, ни сдавленных смешков за спиной.

— Я прошу тебя: не ввязывайся в перепалку,— попросил Север, когда Ханторэк отвернулся.

— А ты видел, как он опять посмотрел на меня?!

— Ты только не накручивай себя, как ты это умеешь. Давай я поговорю с ним, а ты постой пока здесь,— предложил Вожак.

— Ну уж нет! — вспыхнула Соня. Север увидел в ее взгляде отблеск стали и понял, что дело плохо.— Это я поговорю с ним, а ты подожди меня здесь! — Он попытался еще возражать, но она остановила его решительным жестом: — И не нарушай своих обещаний!

Север поискал взглядом поддержки у Тирала, но тот лишь развел руками:

— Она права, Вожак! Разговоры — это женское дело!

— Сговорились! — беззлобно буркнул Север, и Тирал улыбнулся в ответ.— Ну-ну!

— Ханторэк хочет чего-то добиться в этой жизни,— продолжал Глаз Логова делиться своими откровениями,— что-то оставить после себя.

— Не наступить бы,— заметила Соня из-за спин послушниц. Негромко, но так, что слышали ее все. Ханторэк резко обернулся.

— Что ты болтаешь,— прошипел он с искаженным злостью лицом.— Да отсохнет твой язык!

— И у тебя пусть кое-что отсохнет! — огрызнулась она.

— Почему она так разговаривает с Ханторэком? — с трудом сдерживая себя, спросил он и повернулся к Северу: — Ханторэку это не нравится!

— А Соне плевать! — хохотнула девушка и, весьма удовлетворенная, пошла прочь.

Большинство послушников хоть и сдавленно, но засмеялись, оценив острый язык Сони. Зато Хан-

торэк от ярости даже оскалился и зарычал. Осталось неизвестным, что он собирался ответить, потому что Север решительно пресек дальнейшие попытки противников оскорбить друг друга.

— Ну-ка молчать! — Он повернулся к Соне: — Вот что, милая! Еще раз распустишь язык, из комнаты больше не выйдешь! — Он обернулся к замершему Ханторэку: — А ты не забывай, что она теперь — моя женщина! Еще раз посмеешь так посмотреть на нее — пеняй на себя!

— Ты мне не указ! — прошипел тот.

— Может, и так, — согласился Север, — но я сказал, а ты слышал, и свидетели есть. Так что держись от нее подальше или горько пожалеешь!

* * *

Стражник поставил на стол несколько больших кувшинов с вином, словно здесь действительно должна состояться попойка. Он присел на постель, смеющимся взглядом окидывая девушек и косясь на громоздившиеся на столе блюда с закусками, которые по просьбе Севера приготовил для девушек повар Булио.

— Эй, Имар! — прикрикнула на него Лума. — Ты чего это расселся?

— Ну... Я думал... — растерянно оправдывался он.

— Ну что с ним делать?! — всплеснула руками Мила. — Он опять думал!

Девушки обидно захихикали, а Лума напустила на себя строгий вид.

— Давай, давай — проваливай! — тоном, не терпящим возражений, заявила она. Молодой страж-

ник поднялся, тяжело вздыхая, и девушка сжалась: — Я тебя после отблагодарю.

— Когда угодно, где угодно и как угодно! — воскликнул Имар, мгновенно повеселев, и прошмыгнул в дверь.

Девушки рассмеялись, но тут он снова заглянул в комнату:

— Послушай, Лума...

— Ушел так ушел! — строго ответила она, вытолкала Имара в коридор и заперла дверь на ключ.

— Дверь-то зачем заперла? — удивилась Аванта.

— Чтобы зря не надеялся, — объяснила подружка, — да не бродил под дверью.

— Ну что, девочки, выпьем? — весело спросила Аванта, счищая воск с горлышка бутылки, и посмотрела на Соню.

— Еще как выпьем! — бодро ответила шадизарская красавица, подставляя тяжелый кубок.

И веселье началось.

* * *

Совершенно взбешенный второй уже за день стычкой с Соней, когда она вновь высмеяла его, но теперь уже при всех, Ханторэк убрался в свои покои. Оставаться среди людей, ловить на себе насмешливые взгляды тех, кто посмелее, и нарочито равнодушные — трусов казалось ему невыносимой пыткой. Но, как это ни странно, чем большие унижения терпел он от рыжеволосой воительницы, тем сильнее ему хотелось обладать ею. Прижать к себе ее сводящее с ума тело, впиться поцелуем в сочные губы, сыплющие язвительными

насмешками, от которых впору сквозь землю провалиться. Все усиливавшееся желание кружило ему голову, и он решил, что там, где не помогли ни уговоры, ни запугивание, поможет простая грубая сила. Он вновь со стыдом вспомнил свое глупое намерение лишить девушку жизни. Зачем?! Если хочешь отомстить, заставь делать человека то, что ему отвратительно! И он сделает так — получит от девки двойное удовольствие.

Правда, теперь на пути встал Север... Как он вел себя!.. Посмел угрожать... Это нельзя оставлять без последствий. Ну ничего. Раз они теперь вместе, то одним выстрелом он поразит две цели. В успехе Ханторэк не сомневался. Сама судьба за него! Сперва он чудесным образом избавился от всех своих болячек. Теперь Разара сама пошла навстречу его желаниям. Придется, конечно, покрутиться, чтобы успевать и для Логова дело делать, и свои замыслы претворять в жизнь, но теперь у него есть для этого все возможности — свобода и деньги. Полная свобода, огромные деньги!

Ханторэк едва сдержался, чтобы не завизжать от восторга. Он подошел к зеркалу и всмотрелся в отражение. За лето его лицо изменилось, и до сих пор это не нравилось ему. Его нижняя челюсть словно подросла, а верхушка черепа как бы сузилась. Не слишком, правда, сильно, но вполне достаточно для того, чтобы изменения оказались хорошо заметными. Новая внешность, по его мнению, была нехороша. Он даже сбрил бороду, чтобы лицо не казалось таким вытянутым, но это мало помогло. Зато теперь он взглянул на себя по-но-

вому и понял, что опять нравится себе. Нравится таким, каким стал. Быть может, это тоже результат помощи Странника? Ханторэк задумался. Какая разница? Главное, что все наладилось.

Отец-настоятель снова посмотрелся в зеркало. Из глубины зазеркалья на него взглянула бледная физиономия с узким лбом, оттопыренными ушами и выдающимися скулами. Маленькие глазки колючим взглядом изучили отражение, и тонкие губы растянулись в довольной усмешке. Какой красавчик! Нет, Ханторэк положительно нравился себе все больше. Он удовлетворенно хмыкнул и тут же посерьезнел.

А ты ничего не забыл, красавчик? Подумал ли ты о том, что будет, когда в Логово не вернутся Вожак и его подруга? Поверит ли Разара, что им просто не повезло? Не попытается ли отыскать виноватых? А если попытается, то не заинтересуется ли, кто из обитателей Логова имел на парочку зуб? Соня, правда, успела досадить почти всем наставникам, но они не покидают Логова... Халима готова живьем сжечь рыжую стерву, как она ее называет, но и она на виду. Остается он, Ханторэк... Это плохо... Глаз Логова задумался, и какое-то время ему казалось, что выхода нет. Хоть откажись от плана...

Он долго сидел, старательно убеждая себя, что ничего страшного не случится, если... Если он хорошо сделает свое дело! От возбуждения он даже забегал по комнате. Хвала Великой Волчице! Какая прекрасная мысль! Если он сумеет набрать как можно больше кандидатов, а после этого отправит-

ся на запад, в Аквилонию и Зингару, и сумеет там наладить работу, никто и ни в чем не посмеет обвинить его! Неплохо бы, конечно, знать еще при этом, куда Разара направит Севера и Соню, чтобы держаться подальше от тех мест. Важная мысль. Ханторэк кивнул, и отражение согласилось с ним, скорчив удовлетворенную гримасу.

Отец-настоятель почувствовал гордость за самого себя. Он вырос в собственных глазах. Прежде он явно недооценивал себя. Теперь он понял это со всей очевидностью. Пора прекратить выставять себя в глупом виде. Пора прекратить глупо пялиться на девку, которая вскоре и так станет принадлежать ему. Тем более что все равно ничего, кроме неприятностей, из этого не выходит. Но и прощать обиды просто так не следует. В конце концов, он Глаз Логова и заслужил это звание упорным трудом, а что получится из нее, еще неизвестно. Сейчас он пойдет к Разаре и потребует...

Ханторэк опять задумался. Смерти он уже требовал и теперь понимал, что Владычица и слушать его не будет, не стоит и настаивать. Что-то подсказывало ему, что если у шадизарской красавицы потребуют извинений, пусть даже то будет сама мать-настоятельница, она просто рассмеется в лицо.

А вот... Уважение... Уважения, пожалуй, потребовать можно. Если Соню обяжут уважительно относиться к нему, она вряд ли решится бунтовать всерьез, скорее всего просто перестанет замечать его. Зато хоть в чем-то он добьется своего, то есть одержит верх.

Придя к такому приятному для себя выводу, Ханторэк, не откладывая дело в долгий ящик, встал и направился к покоям Белой Волчицы.

* * *

Прошло уже довольно много времени. Тосты следовали один за другим, и хотя Соня по привычке только смачивала в напиток губы, лишь изредка позволяя себе сделать небольшой глоток, но и она чувствовала себя уже несколько... навеселе. Правда, это вовсе не означало, что остальные перебрали хмельного зелья. Они всего лишь находились в состоянии, когда человек готов позволить себе больше, чем сам же считает позволительным в иное время. Одним словом, они веселились.

Подружки поделились с Соней самыми свежими сплетнями из жизни Логова, которые в основном сводились к обсуждению отношений Халимы и Кучулуга, и принялись выпытывать у девушки подробности ее долгого «отдыха» с Севером. Сперва Соня отвечала на расспросы подруг неохотно, но язык у нее быстро развязался, и она рассказала им все. Почти все... Она увлеклась настолько, что начала с удовольствием припоминать подробности своего недавнего приключения, которое действительно казалось ей теперь отдыхом, а собственное поведение таким глупым! И она с иронией поведала о том, как гонял ее по горам Север, как она злилась на него за это, и о своем купании в ледяной водице не умолчала, но главным образом говорила о тренировках и, о том, сколь многому удалось ей научиться у Вожака. Умолчала она только

о Хэлди́ре и его маленькой внучке, да о своем с Севером сближении предпочла не распространяться. Зато рассказ о том, что случилось с ними на обратном пути, вызвал у слушателей новую вспышку смеха.

— Ах,— мечтательно заговорила Лума,— как бы я хотела оказаться на твоём месте!

Восторженные взгляды остальных девушек говорили о том, что они полностью согласны с подругой.

— Да что же в нём такого? — беспечно спросила Соня.

— Как-никак, а ты Телохрани́тель Вожака,— с благоговением объяснила Аванта.

— Ну и что? — рассмеялась девушка. Сама она не видела в этом ничего необычного.

— Да уж не хочешь ли ты сказать,— усмехнулась аквилонка,— что предпочла бы сейчас очутиться в своём пропыленном Шадизаре?

Она чуть было не бросила пренебрежительное «конечно», когда вдруг поняла, что это не совсем так. Да что там не совсем так — совсем не так! Ведь тогда она не встретила бы Севера! Похоже, что та же самая мысль одновременно пришла в голову не только ей, потому что Мила хихикнула и лукаво подмигнула подруге:

— А ну скажи нам, Телохрани́тель, ты тело Вожака и по ночам охраняешь? — довольно развязно поинтересовалась она: выпитое сказалось на ней сильнее, чем на остальных.

Подруги засмеялись, а Соня против воли покраснела.

— Ага! — обрадовалась Лума.— Вот мы тебя и поймали!

Она погрозила рыжеволосой красавице пальцем и приготовилась вытянуть из нее подробности, но в этот миг, к несказанной радости Сони, раздался стук в дверь, и она, воспряв духом, грозно поинтересовалась:

— Кто там топчется под дверью?!

Подруги прыснули, а из коридора донесся голос Вожака:

— Не чужие, уж поверь мне!

Лума повернула ключ, и Север вошел, окинув насмешливым взглядом подвыпивших послушниц. На плече у него сидела Зади́ра, а в раскрытой ладони как раз поместилось гнездо с птенцом.

— Ага! — обрадовалась захмелевшая Мила.— Вот и наш Вожа́к со своим выводком! Ха! Ха! Ха!

Остальные дружно подхватили. Они находились в таком состоянии, когда человек готов смеяться не только по любому поводу, но и без повода тоже.

Север сразу понял это, хмыкнул и покачал головой, а они все смеялись и никак не могли успокоиться.

— Верно говорят,— заметил он, когда глупый смех несколько утих.— Не найти смешнее пьянки, чем девчонки на гулянке.

Незатейливый стишок вызвал всеобщее одобрение.

— Дорогу Вожа́ку! — крикнул вдруг кто-то, наконец-то заметив, что Север как пришел, так и стоит посередине комнаты, но остальные не спешили потесниться.

И тогда Задира с громким писком прыгнула с его плеча и принялась носиться кругами, перескакивая с одной девушки на другую, пока те с визгом не повскакивали и не столпились вокруг Севера.

— Садись, милый.— Соня жестом показала на место рядом с собой — она одна осталась сидеть.

— Аг-га! Милый! — вновь непонятно чему обрадовалась Мила.

Север сел и, чуть сдвинув в сторону тарелки, пристроил на столе гнездо.

— Садитесь, девушки, садитесь — радушно пригласил он их.

— А она не?..— Лума опасливо покосилась на занявшегося едой крысенка.

— Она не тронет,— заверил их Север и, подождав, пока девушки рассядутся на прежних местах, спросил: — Верно, Задира?

Та оторвалась на мгновение от еды и лязгнула зубами на ближайшую из девушек, заставив ее отпрянуть, после чего занялась прежним делом.

— Эй! Задира! — прикрикнул Север на крысу, которая начала уже выискивать среди расставленных на столе блюд самое вкусненькое.— Покорми заодно и птенца.— Та, не оборачиваясь, недовольно пискнула в ответ, и усы ее задвигались быстрее.— Не жадничай! — повысил голос Север.— Здесь хватит вам обоим.

Задира оторвалась от еды, окинула взглядом тарелки и, вздохнув, опустила в рот вороненка первый кусок, который мгновенно исчез, как будто упал в пропасть.

— Она понимает тебя...— изумилась Лума.

— А я ее,— встряла Соня, считавшая Задиру своей питомицей, совершенно позабыв при этом, сколько пришлось повозиться с ней Северу и Хэладиру.— Правда? — обратилась она за поддержкой к Вожаку.

— Как-кая же ты, Соня...— покачала головой Мила.— Я хочу...— Она вдруг задумалась, позабыв, о чем только что собиралась говорить.— Нет, мы все хотим! — поправила она себя.— Мы все хотим стать такими же, как ты! Мы за тобой хоть куда! — Она воодушевлялась все больше и полезла целоваться, но только почему-то не к Соне, а к Северу.

Вожак принялся, смеясь, отбиваться, а Соня нахмурилась и сдержалась только потому, что подруги, тоже смеясь, тут же принялись отгаскивать послушницу.

— Он такой... Он такой! — не унималась захмелевшая зингарка, продолжая восхищаться Севером и совершенно позабыв о том, что только что так же восхищалась своей подругой.— Расскажи нам, Вожак,— вдруг попросила она,— кому вы поотшибали столько р-рогов, в которые дудели... м-м...— она поискала подходящее слово,— дудари на плацу.

— А правда, Север,— поддержала подругу Соня, радуясь, что тема разговора изменилась.— Мне тоже интересно.

— Не знаю.— Вожак пожал плечами.— Логово хранит много тайн.

— Ну вот...— разочарованно протянула Лума.

— И где-де они наш-шли с-только... м-м... р-рр... рога-той др-ряни? — спросила Мила, пожала плечами и пьяно засмеялась.

— Ну вот, — вздохнул Север, — не хватало мне еще девок упившихся по комнатам разносить.

— И-я не п-против! — известила всех Мила, и подружки ее расхохотались, поглядывая то на нее, то на Севера, то на все больше хмурившуюся и отчаянно кусавшую губы Соню.

— Ну-ка, налейте ей еще, — деловито распорядилась Лума. — Пусть утомонится.

— Ей бы надо, наоборот, поменьше, — заметил Север, но мешать не стал. Все равно уже поздно.

— Ей Юрг прохода не дает, — уже серьезно объяснила Лума. — Пусть забудется.

— Юрг? — Север нахмурился. — Поговорить с ним?

— Не надо, — покачала головой Соня. — Ты уйдешь, а он останется.

— А куда уходит Вожак? — игриво поинтересовалась Аванта.

— Еще неизвестно, — ответил Север. — Решится на днях.

Соня поняла, что он не желает при всех говорить об их делах, и решила ему подыграть. Ее прямо-таки распирало от желания рассказать, что они едут вместе.

— Тебе нельзя ехать одному, — уверенно заявила девушка. — Ты обязательно должен взять с собой спутницу.

— Спутницу? — задумчиво переспросил Вожак. — А что? Это мысль. Кого бы взять?

Он оглядел послушниц, и каждая, на ком останавливался его взгляд, расцветала улыбкой и распрямляла спину, стараясь выглядеть как можно привлекательнее. Это совершенно добило Соню.

— Быстро всем сторбиться! — приказала она. — Я — девушка Вожака!

Север удивленно посмотрел на нее.

— Чего это ты тут раскомандовалась? — грозно прикрикнул он на свою подружку.

Она тут же потупилась, спрятав лицо за водопадом медных локонов. Север удовлетворенно кивнул: так-то лучше. Но тут плечи Сони мелко задрожали от едва сдерживаемого смеха. Зато подружки ее хохотали не стесняясь. Этого еще не хватало!

— Я здесь Вожак! — заявил он еще более грозно и для пущей убедительности нахмурился.

— Да, повелитель, — покорно согласилась она, в то время как подружки ее уже изнемогали от смеха.

— Хорошо, успокойся, — разрешил Север. — Я не сержусь.

— А ты где, кстати, был все это время? — тут же перешла она в наступление.

— Спасибо тебе, у Белой Волчицы, — ответил Вожак.

— А чего это мне спасибо? — удивилась Соня.

— Довела Ханторэка, — пожал плечами Север. — И вот результат!

— Наябедничал?! — восторженно переспросила девушка.

— Наябедничал, — подтвердил он.

— Небось опять смерти моей требовал? — зловещим шепотом поинтересовалась Соня.

— Как ни странно, нет, — ответил Север. — Требовал к себе уважения.

— Эт-то уже серьезно, — подытожила Соня. — Я как увидела его сегодня утром, сразу подумала, что он изменился, и не в лучшую сторону. Ты заметил, какой у него теперь тяжелый взгляд?

— Его взгляд — это его дело, — возразил Север, прожевывая запеченную в тесте телятину.

— Не скажи. — Соня озабоченно покачала головой. — Я видела, как взгляд его упал на случайно пролетавшую над Логовом птицу.

— Ну? — Север перестал жевать и недоверчиво уставился на свою подругу.

— Так вот, она тут же прекратила полет, сложила крылья и упала. — Соня выдержала долгую паузу. — И разбилась насмерть! — закончила она жуткий рассказ, победно посмотрев на Севера. Но тот пожал плечами и вновь принялся за еду, всем своим видом показывая, что и не такое видывал.

Вожак запил мясо и покачал головой.

— Я тебе больше скажу, — продолжала девушка. — Гады ползучие торопятся прочь, когда он приближается!

— Послушай, Соня, он ведь теперь Глаз Логова, — заметил Север.

— Если и глаз, то кривой, — отозвалась она, разочарованная тем, что он не поддерживает ее.

Ну что тут поделаешь!

— Как бы там ни было, а немного уважения не мешало бы проявить и к нему, — настаивал

Север. — Хотя бы потому, что я прошу тебя об этом.

— Ну, ты не думай! — Она постаралась говорить серьезно. — Я уважаю его. Нет, правда... Только совсем чуть-чуть...

Она состроила виноватое лицо и, объясняя степень своего уважения, показала Северу кончик мизинца. Тот понял, что дальнейшие убеждения бессмысленны, и устало вздохнул.

— Ну ты бы хоть вид сделала, что раскаиваешься, — попросил он, уже ни на что не надеясь.

— А то нет? — обиженно заявила она. — Скорби моей нет предела. — Затихший было смех зазвучал с новой силой, а Соня, видя недовольство Севера, добавила: — Клянусь огнем! Такое горе... Оно просто доведет меня до слез!

— Соня, Соня... — Вожак осуждающе посмотрел на свою подругу. — Ну когда ты научишься держать язык за зубами? Ладно. Думай о нем что хочешь, но вслух больше высказываться не смей, — попросил он мягко. Однако она сразу поняла, что шутки кончились. Девушки тоже почувствовали это и притихли. — Я поручился за тебя перед Владычицей. Постарайся меня не подвести.

— Я все сделаю, как ты сказал, мой повелитель, — ответила Соня и, встретившись с Вожаком взглядом, добавила: — Я говорю серьезно.

— Я и не сомневаюсь, — спокойно произнес Север, и повисшее было в воздухе напряжение спало, а девушки заулыбались.

В этот миг Задира раздраженно заверещала и зацокала, и все обернулись к ней. Вороненок си-

дел задрал голову и широко раскрыв клюв, а зверек стоял рядом, уставясь на него черными бусинками глаз. Соня хотела спросить, что случилось, но тут крыса схватила кусочек мяса и с размаху швырнула его в ненасытную глотку. Последовало глотательное движение, и клюв снова открылся. Задира застрекотала о чем-то, показывая то на себя, то на вороненка. Потом покачала головой, резко пискнула и провела лапкой по горлу. Девушки замерли в немом изумлении.

— Что она говорит? — прошептала Лума.

— Что легче свернуть ему шею, чем накормить, — хмыкнул Север.

— Ты не взял его корм?

— Нет.

— Жаль.

— Ничего. Все равно пора расходиться.

— Ну-у, — заупрямились девушки хором. — Так хорошо разговаривали!

— Не о чем спорить, — возразил Вожак. — Скоро полночь, и тут уж ничего не изменишь.

Послушницы попереглядывались, повздыхали и начали прощаться. Они разбудили мирно дремавшую Милу, и та, проходя мимо Севера, ни с того ни с сего чмокнула его в щеку. Остальные захихикали и неожиданно для Сони проделали то же самое.

— Да, подгуляли твои подружки, — заметил Север, потирая щеку. — Хотя, с другой стороны... — Он задумчиво посмотрел в потолок.

— Я тебе покажу — с другой стороны! — яростно выкрикнула она, а когда услышала донесшийся

из коридора смех подруг, рванулась наружу, чтобы поставить насмешниц на место.

— Ну же! Успокойся! — Север легко поймал ее и обнял за талию.

Подруги притаились за дверью, перемигиваясь и прислушиваясь, но некоторое время в комнате царил тишина.

Потом они услышали голос Сони:

— А признайся, тебе, наверное, понравилось, когда они мусолили твою щеку? — И после паузы: — Только попробуй сказать «да»! — И после еще более короткой паузы: — И не вздумай солгать... Смотри мне в глаза!

Не в силах сдержаться, девушки расхохотались, а когда Соня бросилась наружу, кинулись враспынную.

* * *

Догадка Севера оказалась абсолютно верной. Не только послушницы знали об утренней перебранке у ротонды, но и Халима стала невольной свидетельницей происшедшего. То, что случилось, как нельзя лучше отвечало ее замыслам. Она знала Юрга как исполнительного и опытного наставника и в то же время взбалмошного и болезненно самолюбивого человека, который, чтобы удовлетворить собственное тщеславие, готов на любую подлость. Пока Сони и Севера не было в Логове, она старательно разжигала в нем ненависть к своей сопернице, чуть ли не каждый день напоминая ему о перенесенном унижении. Правду сказать, она могла бы и не слишком стараться — наставник и без ее

помощи чувствовал себя как на иголках. Он даже сумел подбить на бессмысленную месть Гайрама, человека, умудренного житейским опытом и предпочитавшего слово силе. Правда, туранец, к чести его надо сказать, и не собирался мстить. Он видел, как искусно девушка управляется с мечом, и просто решил полюбопытствовать, настолько ли хорошо она владеет луком, как говорит.

Когда Вожак вернулся и привез назад девушку, глаза Юрга, который случайно оказался в этот миг на плацу, радостно загорелись. Он знал, что из поездки рыжая задира вернется или спутницей Севера, или, скорее всего, не вернется вовсе. Но она вернулась, и это было ему на руку. Они встретили ее у входа, встретили вдвоем, и Вожак ушел с докладом к матери-настоятельнице, так что у них появилась возможность отомстить. Все, однако, обернулось совсем иначе: его гордость получила второй, гораздо более чувствительный удар, а Соня стала еще более знаменитой. Но самым отвратительным оказалось то, что она не просто переиграла его (в конце концов, проиграть может каждый), а посмеялась над ним. Вот этого он ей простить не мог, равно как и Гайраму того, что он-то не замарал свою честь!

Сразу после случившегося Халима не стала разговаривать с ним, решив, что он должен побыть наедине со своей горькой обидой. Всему свое время. Она тихонько удалилась, так и оставшись не замеченной никем. Только на следующий день, вечером, после церемонии, она отыскала Юрга, желая выяснить его настроение, но даже первого взгля-

да ей хватило, чтобы понять: опасения ее напрасны. Наставник зол, он на все готов пойти, чтобы расправиться с шадизаркой. До этой встречи Халима трезво рассчитывала, что, скорее всего, ей не придется слишком уж трудиться, уговаривая его прикончить Соню, но она никак не ожидала, что будет вынуждена удерживать его.

Однако получилось именно так. Он твердо верил в свою исключительность, считая себя одним из лучших, если не вообще самым достойным из наставников. Разумеется, он ничего заранее не знал о предстоящей церемонии, но когда Разара начала распределять должности, ни на мгновение не усомнился, что окажется в числе избранных. Однако церемония завершилась, а о нем так и не вспомнили. И тогда он почувствовал себя несправедливо обойденным. Здравый смысл подсказывал, что не скоро теперь представится ему случай подняться еще хотя бы на ступеньку, и во всем, как ни странно, он винил Соню. Ему и в голову не приходило, что он сам повинен в собственных бедах, что девушка и думать о нем забыла. В подруге Вожака он видел источник всех своих бед и горел желанием уничтожить ее.

— Желаете мстить? — спросила в конце разговора Халима и,ждавши его утвердительного кивка, заговорила снова: — Я хочу того же.— Юрг удивленно посмотрел на жрицу: она-то что не поделила с воительницей? Халима поймала его вопросительный взгляд и сказала: — На то есть причина. Какая — это тебя не касается, но, поверь, ничуть не менее важная, чем у тебя. Как и ты, я

упустила свою возможность. Теперь мне до нее не добраться.

— Я доберусь,— процедил сквозь зубы Юрг.

Она посмотрела ему в глаза и поняла: он сделает, что обещал. Пожалуй, она все так бы и оставила, если бы не серьезные сомнения, что это вообще возможно. Здесь, в Логове, все на виду, а рыжая сука не из тех, кто позволит застигнуть себя врасплох. Так просто она не даст убить себя. Можно, конечно, попробовать подстрелить ее из лука, но кто поручится, что стрела принесет смерть? К тому же рядом с Соней теперь постоянно находится Север. Но даже если все сложится, поднимется переполох, начнут искать убийцу... Нет, совершенно ясно: в Логове их замысел осуществить нельзя. Подозрения неизбежно падут на Юрга, а он, не приведя Волчица, перед смертью может назвать ее! Конечно, со свойственной ей изворотливостью Халима опровергнет любые обвинения, но она знала, что после этого ей придется забыть о своих честолюбивых мечтах и останется только одно: выбираться потихоньку из Логова. Но не в Похиолу, куда она рассчитывала в конце концов попасть, а куда-нибудь подальше от Логова, где все придется начинать сначала. Этого допустить она не могла.

Юрг попытался было спорить с Халимой, но когда она изложила все свои соображения до конца, за исключением, разумеется, последнего, главного для нее самого довода, возражать перестал. Что толку мстить, если не сможешь насладиться плодами своей мести?

— Что же делать? — погрузившись, спросил он.

Халима задумалась, но совсем ненадолго. Ее острый ум быстро находил решения.

— Сделаем вот что,— ответила она.— Я устрою так, что ты сумеешь на время покинуть Логово, и узнаю, куда направятся Вожак и эта дрянь. Снабжу тебя деньгами, на которые ты сможешь нанять людей. А дальше уже твое дело. Думаю, стрела или две — для верности — лучше всего справятся с задачей. Но помни,— тут же предостерегла она: — Вожак ни в коем случае не должен пострадать. Он слишком ценен для Логова. И второе: что бы ни произошло, ты сам не имеешь права попасться, а наемники не должны знать твоего имени.

— И все-таки как я выберусь из Логова?

— Об этом не беспокойся. Я сумею найти убедительный предлог. Ну как, договорились?

— Договорились!

Юрг хотел улыбнуться, но черные глаза прекрасной колдуньи смотрели на него так холодно и жестко, что он не осмелился.

— Тогда запомни: с нынешнего дня ни шагу без моего ведома!

* * *

В покоях Белой Волчицы собрались четверо, если не считать самой хозяйки. Соня с Севером, Халима, уже привыкшая к тому, что ни одно важное собрание не обходится без ее участия, и Ханторэк, исполненный собственной значимости. Накануне он не уступил, хотя Владычица и попыталась ограничиться всего-навсего осуждением под-

руги Севера. Его слов о том, что обитатели Логова должны с уважением относиться друг к другу, она при всем желании оспорить не могла. И тогда он потребовал, чтобы бывшую послушницу заставили почитать того, кто назывался прежде отцом-настоятелем. Скрепя сердце Разара велела позвать Севера. Она не без оснований полагала, что попытка решить этот спор с самой Соней приведет только к еще одной ссоре, уже в ее покоях. Север подтвердил все сказанное Ханторэком, но при этом прямо сказал, что обиженный сам во всем виноват, ибо напросился на словесную перепалку. Тем не менее Вожак пообещал обуздать строптивницу, и Ханторэк чувствовал себя победителем. Правда, победа его носила половинчатый характер, но все-таки он добился своего! Ради этого можно забыть даже о том, что и сам он пообещал не пялиться на шадизарскую кошку.

Соня и в самом деле старательно отворачивалась от Ханторэка, чем еще больше порадовала его. Правда, он и не подозревал, что делает она это вовсе не потому, что Север дал слово, а по той простой причине, что Глаз Логова отвратителен ей. Кстати, не смотрела она и на Халиму, и вовсе не из-за того, что боялась проиграть в безмолвном поединке взглядов. Просто Вожак, перед тем как идти сюда, попросил ее не ввязываться в словесные баталии, и она, зная свой характер, решила просто не замечать обоих. Теперь же, придя на встречу, Соня упорно отмалчивалась, чувствуя, как нарастает в душе раздражение. Не помогали даже обращенные к ней благожелательные взгля-

ды самой Белой Волчицы и попытки Севера ободрить ее.

Халима же держалась скромно, как и Ханторэк, больше наблюдая и слушая, так что разговор в основном вели Вожак и мать-настоятельница, в то время как остальные то и дело вставляли в него фразы.

— Я много думала о нашей с тобой беседе, — начала Разара, когда все собрались, — и пришла к выводу, что ты прав. — Север склонил голову. — Я полностью полагаюсь на твою оценку и считаю, что вы должны заняться самым главным. Тем более что — я узнала совсем недавно — время не терпит. Документы нужно вернуть, иначе мы рискуем потерять их навсегда. Взгляните на это.

Она бросила на стол карту, и все четверо подошли к столу. Соня всмотрелась в небольшой квадрат пергамента и без труда узнала на нем участок Хайбории, простиравшийся от Гипербореи на севере и вплоть до середины Черного Континента на юге. Справа карта ограничивалась восточным берегом Вилайета, слева граница проходила по линии, на которой расположились Бельверус, Ианта, Кеми и Ксутал. Соня увидела старательно прорисованные горы, города и реки, даже с притоками. Два места на карте помечены красными крестами. Один, как она сразу поняла, указывал местоположение Логова, второй — вероятно, цель их путешествия. Она покачала головой: ехать-то придется далеко.

— Речь идет о планах подземелий Пифона. Сами подземелья близко — за три дня добраться мож-

но, да и то не слишком поторапливаясь. А вот карты, которые позволят нам найти их аж вон где.— Владычица кивнула на крест, прилепившийся едва ли не на самой крайней к югу точке карты.

— Далеко,— согласился Север, изучая пергамент.— Долго придется добираться.

— Если отправитесь морем,— заметила Халима,— то не так и долго.

— Нет,— тут же возразила Соня.— Может, морем и быстрее, но эти водяные качели — для сильных желудком.

Жрица ничего не ответила, просто презрительно скривилась, но воительница предпочла не обратить на это внимания. Север тоже сделал вид, что ничего не заметил, но встал, конечно же, на сторону подруги.

— Что по воде, что по суше — примерно одинаково,— подумав, сказал он.— Крюк по Гиперборее плюс переход через горы и путешествие по тундре съедят почти всю разницу во времени; остатки добьет переход через Туманные горы. К тому же Вилайет кишит пиратами...— заметил Вожак.— Их можно не бояться, но нельзя не учитывать.

— Хорошо,— тут же согласилась Разара.— Тебе виднее. Ты, в конце концов, объездил окрестные страны вдоль и поперек. Зато Иранистан, думаю, вряд ли так же хорошо знаком тебе.

— Твоя правда, Владычица.

— Я, быть может, тоже не слишком-то осведомлена, но знаю о некоторых опасностях, которые существуют и которых следует избегать. Место, где

спрятана карта, находится в Джурдистане, имеющем прочную недобрую славу. Это самый юг Ильбарских гор, ближе к Зембабве. Горы почти необитаемы, и тем не менее таят в себе большую угрозу. Ваша цель — замок, расположенный в ущелье Духов. Сторожевая Стена полукругом огибает выход из ущелья.— Новая карта легла на стол.— В Стене оставлены три прохода: южный, северный и восточный.

— Проходы охраняются? — тут же поинтересовался Вожак.

— Да,— кивнула Владычица,— хотя и не слишком старательно. Людей-то поблизости нет.

— Это нам на руку,— заметил воин, разглядывая рисунок.

— Не слишком радуйся. Дело в том, что главная трудность — вовсе не Стена.

— Что же тогда? — вопросительно посмотрел на нее Север.

— Позже об этом. Давай сперва разберемся со Стеной.— Вожак вновь посмотрел на мать-настоятельницу и поразился. Похоже, она не на шутку увлеклась этим делом. Даже некрасивое костлявое лицо ее словно бы ожило.— Ни в коем случае не следует идти через северный проход. Вообще вдоль гор идти нельзя,— предостерегла она.— Еще в Туране вам придется повернуть на восток, как будто вы собираетесь к морю, и уже потом вернетесь на прежнее направление — на юг.

— Что такого в этих горах? — спросил Север, в то время как Соня просто слегка приподняла бровь.

— Ты слышал когда-нибудь о Янайдаре? — в свою очередь поинтересовалась Владычица.

— Городе, построенном Урой, королем упурей? — уточнил он.

— А ты, оказывается, много знаешь, — одобительно кивнула Разара.

— Я думал, он давно покинут, — заметил Север.

— Верно, — снова кивнула Владычица. — Одно время ходили самые невероятные слухи. Поговаривали даже, что йезмиты сперва уничтожили в ритуальных жертвоприношениях все окрестное население, а потом съели сами себя.

Халима скептически поморщилась, а Ханторэк, взглянув на нее, счел возможным пренебрежительно хмыкнуть:

— Сказки.

— Сказки, да не совсем, — возразила Разара. — Несколько веков город населяли лишь призраки. Может, это так, а может, и нет, но кто бы ни пытался проникнуть в Янайдар, назад не возвращался. Но вот лет триста назад пришли первые известия о том, что в тех местах появились люди. Считается, что пришедшие туда йезмиты каким-то образом сумели выказать призраку Уры свою преданность, и он разрешил приверженцам Йезуда жить в городе. Однако безопасней это место не стало. Скорее, наоборот. Призраки ведь населяли лишь город, зато люди рыщут и в его окрестностях.

— А ущелье Духов?

— Оно всего в десяти лигах к югу от Янайдара. Замок тоже принадлежит йезмитам.

— Теперь понятно, — кивнул Север. — Даже если нас не схватят, а просто заметят, то успеют сообщить о незваных гостях обитателям замка, а мы даже не узнаем о том, что обнаружены, пока не попадемся.

— Именно поэтому я и говорю, что нужно идти в обход.

Север вновь посмотрел на карту:

— Давно ее составляли?

— Нет. Ей можно верить.

— Это хорошо.

Он принялся рассматривать прилегающую к Стене местность.

— Восточный проход мне тоже не нравится, — заметила Соня. — Слишком открытое место.

— Зато южнее я вижу некое подобие леса, — ответил Север. — Если действовать скрытно, то можно подобраться почти вплотную.

— А что мешает вам перелезть ночью через Стену в любом месте? — спросил Ханторэк.

Соня посмотрела на него как на пустое место, а Север торопливо объяснил:

— Оттуда нам скорее всего придется бежать. Коней мы через Стену не перетащим, а на своих двоих от всадников далеко не уйдешь... — Он улыбнулся Ханторэку и продолжил: — Ну хорошо, до ущелья, я думаю, мы доберемся довольно легко. Что нас ждет дальше?

Разара положила перед ними еще один лист:

— Это карта самого ущелья. Разглядывать здесь почти нечего, но она дает общее представление о том, где расположен замок. Дно ущелья полого

поднимается, и почти всю ширину его занимает русло реки, хотя по южному берегу можно дойти до самого замка. Он не сложен из камня, а просто выдолблен в отвесной скале южного берега.

— Выдолблен? — удивилась Халима.

— Порода там не слишком твердая, не гранит, как у нас, так что не удивляйся. В северную стену замка упирается Стена. Она служит плотиной и вздымается вверх на пятьсот локтей. Горное озеро переливается через ее край и вытекает из ущелья рекой. Еще в сотне локтей выше подъемный мост соединяет единственные ворота замка с тоннелем, пробитым в стене напротив. На ночь мост поднимают, а в тоннеле остаются два поста охраны — на одном конце и на другом.

— Как интересно... — проворчала под нос Соня.

Похоже, эти последыши упырей постарались сделать свою крепость неприступной. Если так, то дело может оказаться нешуточным. Сперва прогулка через весь обитаемый мир, а потом замок, который следует обчистить, ставят на вершину отвесной горы и с любопытством смотрят, что ты станешь делать. Девушка покачала головой.

— А что выше озера, вверх по ущелью? — осведомился Север.

— Не знаю, — ответила Разара. — Карта попала к нам не из первых рук, — словно оправдываясь, добавила она, — так что расспросить составителя не удалось. Но, судя по тому, что горы Ильбарс не слишком обширны, не думаю, что там есть что-то.

Север кивнул, принимая это к сведению.

— Склоны обитаемы? — задал он следующий вопрос.

— Нет... — начала было Разара, но вдруг умолкла и некоторое время сидела неподвижно. — Знаешь, что сейчас пришло мне в голову?.. — вновь заговорила она и опять не закончила мысли. Вместо этого она наклонилась и, достав еще один, четвертый по счету, лист пергамента, бросила его на стол.

Соня посмотрела на него и увидела, что на сей раз перед ней не карта, а рисунок, на котором изображен один из высоких обрывистых берегов ущелья. Судя по тому, что рассказывала Разара, южный. С правой, западной, стороны голубела гладь озера, резко ограниченного на востоке плотиной. Над ней высилась громада замка, в который им предстояло проникнуть. Правда, самой плотины, которую перегораживал опущенный мост, она так и не увидела. Соня прикинула в уме размеры замка. Если пропорции рисунка не нарушены, он воистину огромен: деревья, изображенные на вершине скалы, казались рядом с ним низкорослым кустарником. И неизвестно еще, насколько разветвлены выдолбленные в недрах горы помещения.

— Станный замок, — заметил Север. — Я вижу ворота, но в нем почти нет окон.

Соня снова взглядела в рисунок. Огромная купольная крыша накрывала обиталище йезмитов. И не просто накрывала. Судя по тени, она выступала далеко за внешнюю стену твердыни. Лишь под самым дном этого «колпака» виднелся ряд

узких вертикально расположенных бойниц, тянувшийся с запада на восток.

— Все верно,— кивнула Разара.— Такая странная, на первый взгляд, архитектура объясняется тем, что долгое время йезмиты враждовали с зембабвийцами.

— Не понимаю,— вновь вмешался Ханторэк,— при чем здесь зембабвийцы?

— Они используют в битвах ручных крылатых драконов,— сказала Халима,— но эти звери достаточно тяжелы и не могут зависать над одним местом. А лучники через бойницы имели возможность поражать и их, и наездников.

— Именно так,— подтвердила мать-настоятельница.— Этот... смотровой уровень недоступен для них, а значит, и для седоков. Мне пришла в голову мысль... Если в окрестностях замка и существовали поселения, то скорее всего зембабвийцы своими налетами заставили их покинуть обжитые места, но с самим замком ничего поделать так и не смогли. Вполне возможно, что эти бежавшие поселенцы приняли мудрое решение заселить Янайдар. В конце концов, я не могу исключить, что поклонники Йезуда заставили себя пойти на кое-какие уступки в вопросах веры. Если случилось так, то почему бы и призраку Уры не договориться с ними и не принять под свою защиту? Вполне может статься, что после их исхода короли Зембабве оставили обитателей замка, до которых все равно не могли добраться, в покое.

— Что ж, может и так,— задумчиво кивнул Север.

— Во всяком случае, ничего иного мне в голову не приходит,— откликнулась Владычица.

— Мне кажется, следовало разузнать о происходящем там поподробнее,— заметила Соня.

— Ты права,— согласилась Волчица,— но мы не хотели тревожить обитателей замка. Мы строго наказывали разведчикам не пытаться проникнуть даже за Сторожевую Стену, чтобы не вызвать подозрения йезмитов.

— А как же составили рисунок и карты?

— С северной стены ущелья. А на нее поднялись из джунглей. Почти весь отряд сгинул в этом походе... И тот человек, что составил документы, тоже,— подумав, добавила Разара.

— По-моему, туда просто невозможно забраться,— заявил Ханторэк.

— Мне по душе твой радужный настрой, уважаемый,— усмехнулась Соня.— Похоже, ты советуешь нам отказаться от невыполнимой затеи?

Отец-настоятель закусил губу и умолк.

— А что это за дыры в склоне? — поинтересовался Север.— Как я вижу, они расположены над горизонтальной полкой?

— Так и есть,— подтвердила Разара.— Там действительно существует широкий уступ, на котором громоздится каменный мусор, вплоть до валунов величиной с небольшой дом. Уступ изрыт трещинами, которые не показаны на рисунке, а стена изобилует кавернами и пещерами.

— Это хорошо. Есть где спрятаться.

— Но главное не в этом,— продолжила мать-настоятельница.— Среди этих отверстий — несколь-

ко дымоходов, которые находятся примерно в тысяче локтей западнее самого замка.

— Но это значит...

— Да. То, что скрывается непосредственно за фасадом, лишь малая часть внутренних помещений.

— А откуда известно, что это дымоходы? — спросила Соня.

— В один из дней разведчики почуяли легкий запах дыма, — объяснила Разара. — Ветер как раз дул с юга. Они присмотрелись и увидели, что дымок тянется от дыр. Так что можешь не сомневаться.

— Не окажутся ли они слишком узкими? — высказала опасение Халима.

— Нет. — Север отрицательно качнул головой. — Тот, кто пробивал эти ходы, должен был не просто поместиться внутри, но и иметь достаточно места, чтобы замахнуться.

— Да, — согласилась Разара. — Эти дымоходы — наша единственная надежда, иначе...

— Иначе замок придется брать штурмом.

— Может, все-таки окна? — вновь спросила Халима.

Она не на шутку встревожилась. Как бы ни называлось ее чувство к Северу: любовью ли, страстью, просто похотью или желанием обладать им, властвовать, но ей стало страшно при мысли, что он может стинуть в этом проклятом богами месте.

— До окон не добраться ни сверху, ни снизу, — возразила Владычица. — К тому же на смотровом уровне всегда полно лучников.

— Значит, нужно о них забыть. — Север не желал тратить время попусту. — Мост, как я понимаю, тоже отпадает. Там либо полно стражи, либо он поднят, а наше оружие — скрытность. Остаются только эти дымоходы. Известно, куда они ведут?

— Нет. Это вам предстоит выяснять на месте.

— Понятно. Где хранятся документы?

— Тоже неизвестно. Все, что находится за воротами, — полная тайна.

— Но ведь это же верное самоубийство! — вновь вырвалось у Ханторэка.

Глаз Логова вдруг ясно понял, что все его надежды завладеть рыжеволосой красавицей стремительно тают, ибо ее первое задание, полученное от Белой Волчицы, вполне вероятно, окажется и последним.

— Спасибо за поддержку, — хмыкнула девушка, и он умолк, потупившись, чтобы скрыть яро-стный взгляд.

Как же он ненавидел ее! Но еще больше желал...

— Хорошо уже то, — заговорил Север, — что на оба края ущелья можно взобраться. Кстати, составители этих карт не разведали спуски на Ирани-станскую сторону Ильбарса?

— Им удалось выяснить, что на северный склон подняться вполне можно, до южного же они не добрались. Но следует соблюдать осторожность, чтобы не напороться на стражников у выхода из тоннеля.

— Значит, подниматься предстоит ночью, — заметил Вожак. — Впрочем, неважно.

На некоторое время в комнате воцарилось молчание. Разара откинулась на спинку кресла и, казалось, ни на кого не смотрела. На самом же деле она никого не упускала из виду, а молчала потому, что понимала: всем необходимо собраться с мыслями.

Ханторэк, который с самого начала обсуждения нервно обкусывал ногти, похоже, добрался уже и до самих пальцев. Со стороны казалось, что он нервничает, на самом же деле он пребывал в растерянности. Еще немного, и он готов был запаниковать, закричать, что все это глупость, что браться за выполнение этой задачи может лишь тот, кому надоела жизнь. Он знал, что единственная надежда на благополучный исход, на то, что Соня не погибнет в этом безумстве, связана лишь с Севером, неприязнь к которому в последние дни стремительно превратилась в ненависть. Но как можно ненавидеть того, кто призван спасти женщину, при одной мысли о которой у Ханторэка темнело в глазах?

Халима же, наоборот, еще больше возненавидела свою соперницу именно потому, что знала: Север не из тех, кто бросает друзей. А это значит, что даже если сам он сумеет выжить, а эта зазнайка попадется, то из-за рыжей мерзавки рискует сгинуть и он! Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, но ни один мускул не дрогнул на ее лице, только зрачки расширились, а кровь отлила от щек.

— Ну и что же вы мне скажете? — нарушила тишину Разара.

— Вкратце так, — подытожил Север. — Мы спускаемся с северного плоскогорья, находим все дымоходы и исследуем их. Дальше придется наугад бродить по замку в поисках тайника с документами. Забираем их, попутно убивая попавшихся на пути стражников, тем же путем выбираемся обратно и уходим.

Халима смотрела на него, не понимая, как воспринимать услышанное. То ли как безумную самоуверенность, то ли как простую иронию, хотя шутить на такие темы в присутствии Владычицы она бы не отважилась. Впрочем, она не Север... От него можно ждать чего угодно.

— Ну, а ты что скажешь? — Разара посмотрела на Соню.

— По-моему, затея выглядит вполне сумасшедшей. — Девушка пожалала плечами. — А значит, дельце может выгореть.

— Интересный подход. — Разара задумчиво склонила голову набок, а Халима лишь презрительно фыркнула — дешевая бравада! — Для тебя это просто приключение?

— А как же мне это назвать? — взглянула на нее Соня. — Мы должны отправиться в пасть Нергала и при этом попробовать не стать его ужином.

— А если серьезно?

Соня переглянулась с Севером и на миг нахмурилась.

— Я, конечно, умею обманывать других, но врать самой себе не привыкла. Правду следует принимать как есть, какой бы неприятной она ни казалась, — уклончиво ответила она.

— Не привыкла я к твоей манере выражать мысли, но все равно мне кажется, что ты ушла от ответа,— заметила Разара.— Давай-ка начистоту.

— Судя по тому, что я здесь услышала, наши противники не расположены играть в детские игры. Так что дело это опасное.— Соня подумала и добавила: — Очень опасное.

— На что же ты рассчитываешь?

— На умение Севера, на свое умение и на удачу,— ответила девушка совершенно искренне.

— На последнее я бы не слишком полагалась,— сказала Халима.

— А ты никогда не задумывалась о том, что такое удача? — спросил вдруг Север.

Не ожидавшая такого вопроса жрица удивленно замерла и отрицательно покачала головой.

— А я вот давно понял, что люди, как правило, называют удачей умение не теряться среди опасностей, вплоть до того, чтобы даже безвыходную ситуацию использовать себе на благо.

— Такого не бывает,— убежденно заявил Ханторэк.

— Такое случается сплошь и рядом,— возразил Север.— Другое дело, что не все обладают такими способностями.

«Да уж,— подумала Халима,— если и существуют в мире везунчики, то рыжая девка явно из их числа».

— Что ж, звучит очень привлекательно,— кивнула Разара.— Не знаю, насколько ты прав, но удача вам, несомненно, понадобится... Хорошо,— после паузы продолжила она.— То, что вам предстоит

сделать, мы обсудили — по крайней мере, об ущемлении Духов нам больше ничего не известно. Дело, безусловно, трудное, но до Джурдистана еще предстоит добраться. Кого ты собираешься взять с собой, кроме Сони, разумеется?

— Вулофа с Вилвой, Задиру и вороненка,— не задумываясь, ответил он.

— И это все?

— По-моему, вполне достаточно,— стоял на своем Север.

— И все-таки мне бы хотелось, чтобы ты взял с собой отряд. Хотя бы небольшой.

— Нет,— ответил Вожак таким тоном, что все поняли: для него этот вопрос решен уже давно.

— Но почему?

— Есть всего две возможности добиваться поставленной цели,— объяснил Север.— Действовать либо с применением силы, либо скрытно. Первый путь — это, говоря попросту, война. Мы вполне можем послать к замку небольшой, но сильный отряд, перебить ночью стражу в тоннеле, а утром, когда мост опустят, ворваться в замок.

— Пока звучит заманчиво,— заметила Разара.

— Да,— согласился Вожак,— только я не испытываю и тени сомнения в том, что сразу за воротами устроена надежная ловушка для непрощенных гостей.— Волчица кивнула, соглашаясь, и воин продолжил: — Этот вариант я предлагаю оставить на случай, если у нас ничего не получится. Значит, остается тайное проникновение,— заключил он,— и двух человек для этого вполне хватит.

— Может, все-таки еще двоих для страховки? — стояла на своем Владычица. — Когда вы проникнете в замок, они позаботятся о том, чтобы при возвращении на плато вас не подстерегли враги.

— Нет, — возразил Север. — Если мы попадем на глаза страже, то вниз лучше и не соваться: выбраться обратно нам не дадут. Самое разумное в таком случае — скорее вернуться в Логово и повторить попытку, но тогда уже действовать силой. Зато когда мы разделимся, могут случайно увидеть тех, кто останется наверху. Уверю тебя, нас с Соней вполне достаточно, чтобы пробраться внутрь и выкрасть документы, но полезем мы туда не раньше, чем Задира побродит по замку и расскажет, что там да как. Для начала мы должны знать, как расположены помещения.

— Ты всерьез считаешь, что ваша крыса отыщет документы? — с усмешкой поинтересовалась Халима.

Соня вздрогнула, но Север заговорил первым:

— Я не отказался бы от такой помощи, но не слишком надеюсь на нее. Хотя, — он задумался, — всякое случается. Неплохо бы знать Задире, как выглядят эти документы.

Он посмотрел на Белую Волчицу. Та кивнула и развела руками, показывая, что понимает, но помочь не в силах.

— Могу сказать лишь, — все-таки добавила она, подумав, — что в Логове документы хранились в костяном ларце, но, как ты сам понимаешь, вряд ли стоит рассчитывать, что и доньше они остаются в нем же.

— Я тоже так думаю, — продолжил Север. — Мне нужен хотя бы примерный план помещений и расположение постов. К тому же Задира понимает речь. И если кто-то упомянет в разговоре Логово, Гиперборею, Немедию, Пифон, то я не отказался бы знать, где происходил этот разговор.

— Ну хорошо, — согласилась Разара, — убедил. А вороненок-то тебе зачем? Он ведь не то чтобы летать не умеет, даже перьями еще не покрылся. — Она скептически покачала головой. — Тут я вполне согласна с Халимой.

— Говоря по правде, как раз это заботит меня меньше всего... Просто потому, что, когда мы подьем к ущелью, он наверняка успеет и опериться, и научиться летать.

— Когда же ты считаешь добаться туда? — насторожилась Разара. — Учти, времени у нас в обрез.

— Во-первых, — начал перечислять Север, — одну луну нам придется потратить на подготовку здесь, в Логове. Меньшим сроком не обойтись.

— Такой умелый воин... — иронично хмыкнул Ханторэк. — И чего-то еще не умеет?

— Слабоумный червь, — проворчала Соня совсем тихо и, помня о данном Северу слове, отвела взгляд.

— Мне понятны твои сомнения, — спокойно ответил Вожак. — Но посуди сам. — Он повернулся к Глазу Логова и начал излагать ему свою точку зрения: — Нам понадобятся канаты, много канатов. Придется перебираться через ущелье, спускаться на карниз, а с него — через дымоход, неизвестно

на какую глубину. Если нашумим и начнется погоня, о бегстве через горы придется забыть: нас просто подстрелят лучники, которых, мы знаем, в замке с избытком. Значит, остается один путь — вниз. Но в озеро нырять с такой высоты, да еще в неизвестном месте я бы не хотел. Значит, опять канаты. Потом водопад. К тому же не забывай, что все это необходимо иметь в двойном размере, ведь нас двое, да и запас не помешает. Такого количества каната хватит для оснастки небольшой галеры. Нам его просто не унести. Нужна веревка, которая в крайнем случае способна выдержать нас обоих, но тонкая и легкая, чтобы ее можно было везти на одной вьючной лошади. Ты знаешь, где ее взять?

Ханторэк растерянно покачал головой.

— Я тоже, — ответил Север и повернулся к Владычице, дальше объясняя уже ей: — По такому канату не ползаешь — слишком тонкий. Его просто в руке не зажать. Придется соорудить что-то вроде зажимов... — Он задумался.

— Которые можно надеть на руки, — подсказала Соня.

— Верно, — согласился Север. — Оснащенные зажимами перчатки, которые не сползут с рук и в которых можно лазать по тонкой веревке.

— Гуднар сделает их, — заверила его Разара.

— Думаю, да, — согласился Север. — Но ему придется повозиться. Еще потребуется обувь. Что-то вроде легких невысоких сапог на толстой, мягкой и нескользящей подошве. Нужны сильные, но небольшие луки с запасом стрел и побольше мета-

тельных ножей, арбалет и некоторый запас специально изготовленных стрел к нему.

— Ну, это не проблема.

— Верно, но и на ее решение уйдет время. Наконец, нужен набор отмычек... Какие — скажет Соня. Их тоже придется делать Гуднару. Однако, если управимся раньше, я буду только рад. И не стоит забывать о старой мудрости: кто спешит, рискует промахнуться.

— Хорошо. Сколько времени займет у вас дорога?

— Думаю, что быстрее чем за две луны мы до места не доберемся.

— Да обратно две, — начала считать Волчица, — да там, да про случайности забывать не стоит. Итого — полгода. Значит, в Логово вернетесь на переломе зимы.

— Выходит, что так, — согласился Север.

— И все-таки, — опять заговорила Халима, — поедет с вами вороненок или нет, но и Вестницу вам взять с собой придется. Если Великая Волчица вас не убережет и случится что-то дурное, быстро вернуться в Логово за подмогой и привести ее на нужное место сумеет только она.

— Не стану спорить, — кивнул Север, — твой довод разумен, а потому так и поступим.

— Теперь настал твой черед. — Владычица повернулась к Ханторэку. — Ты присутствовал при разговоре и, надеюсь, понял, насколько серьезна стоящая перед Вожаком и его Телохранителем задача. Возможно, они будут вынуждены спастись бегством. Так вот, я хочу, чтобы ты оповестил

Смотрителей всех Следов о том, чтобы оказывали Вожаку и его подруге всю возможную помощь.

— Сегодня же поеду! — Он склонился в поклоне. — Лично всех оповещу!

— Ну, сегодня не надо, а завтра с утра отправляйся. Опишешь внешность Сони и Севера, их знаки власти.

— Слушаюсь.

— Быть может, мне поехать с ними? — неожиданно предложила Халима. — Помощь колдуньи может оказаться совсем не лишней.

Север собрался возразить, но его опередила сама Владычица.

— Э, нет, — ответила она решительно. — Даже не думай об этом.

— Но почему?

— В тех местах высокий уровень магической энергии. Там все не так, как здесь. У колдуна, который впервые попадает в такое место, возникает иллюзия, что он всесилен, а на самом деле это далеко не так. К большому потоку силы нужно привыкнуть, а на это нет времени. Ты рискуешь выдать всех, а защитить никого не сможешь.

Девушка закусила губу и умолкла.

* * *

После разговора у Разары Халима вернулась в свою комнату грустная и задумчивая, совсем непохожая на себя, настолько непривычными оказались терзавшие ее сомнения. Она забыла о ненависти к Соне, о планах мщения Ханторэку. Все на время вытеснила искренняя тревога за Севера.

Именно в этот миг она со всей ясностью поняла, что действительно любит его. Как сделать, чтобы он вернулся невредимым? Прежде она никогда ни о ком, кроме себя, не тревожилась. Не волновалась даже за Севера. Этот могучий воин источал такую силу, что сама собой возникла уверенность в том, что с ним ничего дурного не случится, и жизнь постоянно подтверждала это. Он уходил и возвращался, и ни у кого не мелькало даже тени сомнения, что Вожаку просто суждено побеждать.

Но что она знает о его прежних делах? Разара, конечно, рассказывала своей помощнице о том, что происходит, посвящала в свои замыслы, но никогда не доверяла всего. А потому цель многих поездок Севера оставалась для молодой колдуньи загадкой. Так что же случилось теперь? Что изменилось? Почему эта поездка так тревожит ее? Оттого, что она присутствовала на обсуждении и убедилась, что дело невероятно трудное и смертельно опасное? Она задумчиво покачала головой. Не-ет...

И тут она все поняла. Она впервые в жизни привязалась к кому-то, а теперь этого человека может потерять. А лишаться чего-то Халима не любила, даже когда речь шла о том, чего она еще не приобрела. И еще одно тревожило ее. Не любя никого, она никогда прежде не терзалась ревностью. Но теперь... Ведь Вожак уезжает с шадизаркой. Вдвоем! На полгода... От этого впору сойти с ума!

Халима привычно разложила мысли по полочкам. И неважно, что на этот раз пришлось рыться не в чужих делах, а теребить собственную душу.

Во всем должен соблюдаться порядок, так что теперь, когда причины беспокойства выяснены, можно подумать и о том, как от них избавиться. Она снова надолго задумалась. С одной стороны, все казалось достаточно простым: устранить опасную соперницу, помочь Северу вернуться и заставить его полюбить себя! Но как это сделать?

Прекрасная гирканка несколько раз прошла по комнате. Впрочем, не все так уж и плохо. Конечно, скверно, что Вожак отказался от помощи. Переубедить его теперь не удастся. Халима знала, что он умен, как змей, силен, как бык, и упрям, как стадо ослов, и с этим уже ничего не поделаешь. Однако даже он не в силах помешать ей снарядить небольшой отряд, который дождется их в Иранистане и поможет отбиться от преследователей, если, конечно, их будут преследовать, а затем тайно последует за ними, охраняя от возможных неприятностей. Правда, в самое опасное время они окажутся не у дел, но Халима искренне надеялась, что и такой помощи хватит.

Хорошо бы заручиться поддержкой Белой Волчицы. Что-то подсказывало колдунье, что как раз это не вызовет у нее затруднений. Разара сама серьезно обеспокоена опасностью предстоящего дела и, похоже, вовсе не желает расстаться с Севером, даже если тот потерпит неудачу. Девушка усмехнулась. Пока все складывается как нельзя лучше: те же люди, что придут на помощь мужчине, заодно позаботятся и о его подруге. Правда, несколько иначе... Охотники говорят, что не следует гнаться за двумя оленями сразу, но если те бегут вместе,

отчего ж не нарушить правило? И жрица поздравила себя с прекрасным решением.

Не мешает еще убедиться в том, что именно любовь связывает Севера и рыжую девуку. То, что она видела в окне, еще ничего не значит. Конечно, такому, как он, мужчине нужна женщина, но почему эта ушлая тварь? Почему не она, красавица колдунья? Чем она хуже? Быть может, Севера привлекает броская красота соперницы, ее роскошные волосы? Халима задумалась. Не следует забывать и о том, что почти во всех странах, кроме Ванахейма, считается, что рыжие девки приносят беду. Как глупо поступила она в памятную ночь, представ перед Севером нагишом и предложив ему свое тело, наивно полагая, что тот не устоит перед соблазном!.. Как ни странно, но воспоминание не ожгло ее стыдом, а лишь вызвало чувство горькой утраты, сожаления о невозможности исправить допущенную ошибку.

Впрочем, почему бы нет? И она задумала встретиться с Севером и сказать ему то, что должна была бы сказать в ту ночь.

Придя к такому решению, Халима почувствовала странную умиротворенность, словно некто свыше, наблюдавший за ней всеильный друг, доволен ею. Возникло ощущение, что все, о чем она мечтала, так или иначе сбудется. Она не знала, когда это произойдет и как, но настроение мгновенно поднялось.

Вернулись прежние мелкие заботы и неразрешенные вопросы, а среди них главный — что случилось с Ханторэком? В том, что нечто произош-

ло, у нее не возникло ни малейших сомнений. Жрица знала, что сотворенное ею колдовство неизбежно должно набирать силу, но этого почему-то не случилось. Дойдя до решающей стадии, наложенные ею чары словно зачихали. Однако колдунья чувствовала, что ее заклятие не снято, а лишь приостановлено. Поначалу она хотела горяча вмешаться, изъять привнесенные кем-то в ее чары изменения, но вовремя остановилась.

Тот, кто так тонко разобрался в хитросплетениях ее заклинания и сковал его своим, вполне мог предвидеть, что она пожелает восстановить ход событий, и приготовить ей неприятный сюрприз. Однако даже не это остановило бы Халиму. Прежде чем вступать в единоборство, не мешало бы узнать, с кем имеешь дело. Ну что же, значит, придется пока оставить Ханторэка в покое. Тем более что все равно Глаз Логова никуда от нее не денется.

Халима подошла к открытому окну, посмотрела на занятия Прибылых на плацу и прошлась пару раз по комнате, пока не остановилась у стола. Взгляд ее упал на алую книжицу с зеленым тиснением. Девушка нахмурилась. Странно... Кажется, она убирала томик в ящик стола и не помнила, чтобы доставала оттуда. И тут она нахмурилась еще сильнее, сделав неожиданное открытие. Книжка непременно попадаетея ей на глаза именно после встреч с Севером, разговоров с ним. Она не смогла удержаться от соблазна и, протянув руку, взяла ее, перевернула обложку. И опять, как это уже бывало прежде, страницы рассыпались вее-ром, и книга раскрылась на новом месте.

Колдунья взглянула на строчки и тихо выругалась. Хотя она и прочитала книжку от корки до корки, стихи показались ей незнакомыми. Могло ли оказаться так, что она попросту забыла прочитанное?

Впрочем, хорошо ведь запоминается только текст, наполненный важным смыслом... Ее глаза пробежали по строчкам.

Стальная дверь обита златом,
И будет отперта она
Лишь той,
Чья правит длань булатом,
И чья приметна голова...
Там Ключ Миров,
Там Древо Власти,
Там битв отбиты имена —
Они пророчат нам несчастья,
Они сулят...

Дальше текст оказался подпорченным огнем, и Халима, как ни старалась разобрать обгоревшие остатки фразы, так и не узнала, что же кроме несчастий сулят имена грядущих сражений: нечто призванное уравновесить собой привнесенное в мир зло или, наоборот, усилить его разрушительное действие...

И вновь, в который уже раз, ее изумило прочитанное, потому что если раньше эти строки и не произвели на нее впечатления, то теперь они наполнились глубоким, зловещим смыслом. Она в ярости зашвырнула книгу в ящик стола и заперла его на ключ.

* * *

За окном смеркалось. Север обнял девушку за плечи, и она прижалась к нему спиной, глядя на длинные, отбрасываемые предзакатным солнцем тени деревьев. Его оранжевые лучи окрашивали бегущие по небу облака в цвет апельсиновой кожуры.

— Красные облака и черные тени... — прошептала девушка. — Какое зловещее сочетание — кровь и мрак небытия. Тебе не кажется?

Пытаясь заглянуть ему в глаза, она коснулась затылком груди Севера.

— Ты забыла про синее небо, — отшутился он. — Небо цвета надежды.

Она перевела взгляд за окно, и некоторое время оба молчали. То ли слова возлюбленного убедили девушку, то ли ей просто не хотелось спорить.

— Ты знаешь, — вновь заговорила она чуть позже, — сегодня я видела Кучулуга.

Соня подняла голову, вновь заглядывая в глаза Северу.

— Я каждый день его вижу, и не по разу, — ответил тот, не понимая, к чему клонит его подруга.

— Он изменился, — не обращая внимания на его ироничный тон, заметила девушка. — Когда я проходила мимо плаца, он отчитывал Юрга за то, что тот накануне избил кого-то из послушников.

— Прибылых, — мягко поправил ее Север.

— Ф-фу! — Красавица брезгливо сморщила хорошенький носик и со смехом обернулась к Се-

ру. — Какие дурацкие прозвища дают людям в Логове! Я к твоему-то, Вожак, привыкла с трудом!

— Ну спасибо! — хмыкнул он.

— Да нет, серьезно, — с воодушевлением продолжила красавица. — Но потом я подумала, раз уж существует Стая, то Вожак должен быть. Но что за Прибылые?

— Прибылые — это те, кто только что прибыл в Стаю, — серьезно объяснил Север и посмотрел на нее смеющимися глазами.

— Да ну тебя! — Девушка надула губки, но задумалась и некоторое время молчала. — Ну хорошо, — вновь заговорила она. — Одиночка, Клык, Охотник и прочие — это я еще могу понять. Все это как-то можно соотнести со зверьем или с охотой на него, но Глаз Логова, Кулак — это-то куда годится?

— Перестань. — Север равнодушно пожал плечами. — Глаз или не глаз — какая разница?

— Ухо режет, — пожаловалась девушка. — Старое название — отец-настоятель — нравилось мне куда больше.

— Мне тебя сложно понять, — заметил воин. — Если следовать твоей логике, я имею в виду Стаю и ее Вожака, то отец-настоятель звучит гораздо хуже, чем пресловутый Глаз, который хоть высматривает для Логова кандидатов в Прибылые. А отец-настоятель? Ну посуди сама: детей он до сих пор не нажил, да и настоять ни на чем не способен. — Север испытующе посмотрел на подругу, а Соня рассмеялась и уткнулась возлюбленному в плечо.

— По-моему, ты просто капризничаешь,— заметил Вожак.

— Ну, не знаю...— Она не стала спорить.— Но все равно, не нравится мне этот... Глаз.

— Кстати,— сказал Север,— ты так и не дорассказала историю про Кучулуга.

— Это ты мне помешал,— ответила девушка.— Так вот, Юрг избил кого-то из...— она сделала над собой усилие,— Прибылых. Да так, что тот утром не смог встать с постели. Кучулуг же отчитывал его перед строем, совершенно не стесняясь в выражениях, а когда Юрг заметил, что мальчишка никуда не годен, то Клык заявил, что здесь Логово. То есть место, где из никудышных послушников готовят отважных Одиночек, сильных Бойцов и умелых Охотников, а не увечных. Каково?

— Признаюсь,— кивнул Север,— я от него не ожидал такого.

— И я,— согласилась Соня.— Скажу больше, и Юрг тоже. Я поняла это, когда он с обидой заявил, что не понимает Кучулуга, который всегда ратовал за суровость наказаний.

— И что он ответил? — заинтересовался Север.

— Что времена меняются,— торжествуя улыбнулась Соня,— и тот, кто не ухватывает вовремя сути перемен, рискует оказаться не у дел. Что скажешь?

— Скажу, что Кучулуг, оказывается, научился держать нос по ветру, и это меня радует.

— Меня тоже,— кивнула девушка и, видя удивленный взгляд Севера, добавила: — Во всяком случае, Кучулуг нынешний мне не нравится гораздо

меньше, чем прежний, чего не скажешь о Ханторэке.

— Ну, ты не очень-то увлекайся! — Север шутливо погрозил ей пальцем.

— Мой повелитель ревнует? — просияла она.

— Самую малость,— подыграл Север.— И меня радует, что ты стала принимать дела Логова ближе к сердцу, почувствовала здесь свой дом.

— Дом...— задумчиво произнесла девушка, и лицо ее омрачилось.— Дом — это там, где тебя любят.

— Да, прости,— согласился он.— Наверное, я слишком долго прожил здесь и даже стал забывать о том, что Логово для меня — всего лишь временное пристанище. Все чаще, возвращаясь сюда, я думаю о нем как о доме.

— Но это же естественно.— Соня прижалась к его руке.— Я слышала, что ты много труда вложил, чтобы здесь могли жить по-человечески. И в сегодняшней выволочке Кучулуга Юргу большая доля твоей заслуги.

— Спасибо, милая,— кивнул он, намереваясь поцеловать девушку, но она ловко вывернулась.— Между прочим, о Ханторэке,— заметил Север, досадливо крикнув.— Разара говорила, что у него появилась какая-то блестящая идея...

— У него? Идея? — удивленно переспросила Соня.— Верится с трудом.— Она покачала головой.— Ему и прежде-то задумываться было сложновато, а уж при нынешней ширине лба...

— Ты опять за свое...— начал было Вожак, но девушка перебила его.

— Кстати, о деле,— заметила она, бросая на стол принесенные с собой карты.— Я думаю, нам не помешает еще раз взглянуть на это.

Север разочарованно вздохнул.

— Поздно уже.— Он с тоской посмотрел в окно, на почти черное небо, на котором все ярче разгорались россыпи звезд.— Что, если нам поспать, а разговоры перенести на утро? — с надеждой спросил он.

— Знаю я, что у тебя на уме,— лукаво усмехнулась Соня и погрозила ему пальцем.— Зажигай-ка лучше свечи да посмотрим, пока все свежо в памяти.

— Ну что ж.— Север обреченно вздохнул, высек огонь, зажег пару свечей в бронзовых подсвечниках и расставил их по краям стола.— Значит, приступаем к выработке плана?

— Зачем нам план? — Соня задумчиво покрутила на пальце полученный утром перстенок.— Просто посмотрим что к чему.

— План необходим,— терпеливо объяснял Север.— Если он хорошо продуман, мы можем с большей уверенностью рассчитывать на успех.

— Ладно,— согласилась Соня.— План так план. С чего начнем?

— С дороги, конечно. Итак, из долины уходим через скалы на западе. Если встанем на заре, то к вечеру сможем устроиться на ночлег по ту сторону Врат Черепа.

— Это обязательно?

— Не обязательно, но желательно,— ответил Север.— Мне совсем не хочется ночевать среди кам-

ней, да и тебе, я думаю, тоже. К тому же не забывая, кони должны что-то есть.

— Ну что ж, считай, что убедил,— кивнула девушка,— но нам придется поторопиться. А дальше?

— Дальше у нас на пути Ханумар. Мы его обогнем.— Он посмотрел на карту и перевел взгляд на Соню.— Как предлагаешь? С запада или с востока? Ты ведь недавно проделала этот путь?

— На запад не хочу,— тотчас отозвалась девушка.— Там меня помнят.

— Значит, огибаем его с востока,— сказал Север, разглядывая карту.— Что тут у нас? Ага, Яма.

— Что еще за яма? — удивилась девушка.— Такая большая, что не объехать?

— Да нет. Это деревня так называется,— ответил Вожак.— Местность там холмистая, а посередине котловина. Вот в ней-то, словно в яме, и пристроилась деревенька.

— Ну и что в ней?

— Не знаю,— пожал плечами воин.— Никогда там не бывал.

— Я думала, что ты тут все окрестности изъездил вдоль и поперек,— ехидно заметила Соня.

— А зачем это мне? — удивился Север.— Чем там любоваться? Камень да соляные топи. Впрочем, там мы сможем переночевать.

Он посмотрел на девушку, но та недоверчиво покачала головой, припомнив, какое впечатление произвела на нее грязная таверна в захудалой деревушке на западе Пограничного Королевства. Хотя кто знает? Вполне может статься, что здесь все окажется значительно лучше.

— Дальше дорога пойдет по лесу,— заговорила Соня.— Я думаю, нам следует ехать тем же путем, каким мы добирались сюда из Шадизара.

— Ты хочешь заехать в Шадизар? Зачем это?

— Не беспокойся,— улыбнулась она.— Я вовсе не собираюсь сбежать. Но должны же мы где-то отмыться, отоспаться и отъестся, а у меня там есть место, где можно отдохнуть, ни о чем не заботясь. К тому же,— поспешно добавила она, видя, что Север собрался что-то сказать,— не забывай, что возвращаться мы будем зимой, а значит, нужно где-то оставить теплую одежду.

— Хорошо, считай, что уговорила.— Север поднял руки.— Думаю, нам не стоит присоединяться ни к одному из караванов. Ты как считаешь?

— Только если решим примкнуть к какой-нибудь из разбойничьих шаяк,— улыбнулась Соня.

— Верно,— согласился Вожак.— Значит, как и собирались раньше, пробираемся лесами, избегаем городов, провизию покупаем в деревнях. С нашими разведчиками и охранниками неприятные встречи нам не грозят. До границы Иранистана нигде не задерживаемся, проходим его по восточному краю с таким расчетом, чтобы выйти к южному проходу в Сторожевой Стене,— бодро изложил Вожак и умолк.

— А дальше? — решила подтолкнуть его Соня, когда поняла, что сам он продолжать не собирается.

— А что дальше? — удивился тот.— Приехали.

— Сама вижу, что приехали,— недовольно проворчала девушка.— В замок-то как попадем?

— Не знаю,— с готовностью сообщил он.— Наверное, как и предполагали, полезем через дымоход. Впрочем, ты ведь у нас мастер по проникновениям в чужие дома,— добавил он с иронией.

— И это твой план, от которого нельзя отступать ни на шаг? — ехидно поинтересовалась она, но Север лишь равнодушно пожал плечами.

— Мы слишком мало знаем,— ответил он, подумав,— и тут ничего не изменится до тех пор, пока не попадем на место и не осмотримся. Но ты хотела все обсудить, вот мы и обсудили дорогу. Теперь я снова предлагаю поспать... Хотя бы до утра.

Соня, однако, пропустила последнее замечание мимо ушей. Она закусила губу и недовольно нахмурилась: опять он оказался прав.

— На кого хоть они похожи, эти обитатели замка?

— Вот приедем и посмотрим,— зевая, ответил он подружке.

* * *

Белая Волчица безжизненно замерла в своем кресле-троне. Она думала. В дни, пролетевшие с того памятного вечера, когда они собрались в этой комнате, чтобы обсудить план возвращения документов, она с утра до вечера занималась только этим, лишь изредка прерываясь, чтобы поесть. Когда она замирала в оцепенении, ее тренированный ум привычно входил в состояние, при котором глаза смотрят, но не видят, а уши слушают, но не слышат. Стоило, однако, чему-нибудь нару-

шить ее покой — входил ли слуга с докладом или где-то раздавался новый, непривычный звук, — и она настораживалась, мгновенно приходя в себя.

На следующее утро после совещания Ханторэк уехал. Север дни напролет просиживал в кузнице, где вместе с Гуднаром пытался создать стальные перчатки. Дело, похоже, действительно оказалось непростым, ведь перчатка должна надежно зажимать канат и при этом не стеснять движений, не говоря уж о том, что ни в коем случае не должна соскользнуть с руки. Зато под перестук молоточков по наковальне хорошо думалось. Соня перестала беспокоить Владычицу. Оставшись без опеки Севера, она быстро нашла себе занятие: с согласия Кучулуга стала добровольной наставницей.

Так что все волнения Разары теперь были связаны только с тем, что предстояло Вожаку и его Телохранителю. Она понимала, какие опасности их ждут. Похитители находились в гораздо более выгодном положении. И самое скверное то, что ничего не известно о замке! Владычица прекрасно понимала это, но помочь ничем не могла. Она до тонкостей изучила колдовское ремесло, хотя и редко прибегала к его помощи, но сейчас чувствовала, что не поможет и оно. Несмотря на все свои старания, она даже не сумела разузнать, кто правит в Янайдаре — сам Уру или его призрак. Впрочем, если призрак сумел прижиться в мире людей, это еще хуже. Это значит, что к нему лучше не приближаться, настолько велика его сила. По крайней мере, хорошо бы выяснить пределы его

могущества. Но пока удалось узнать очень и очень мало...

Все это наводило на грустные размышления о том, что дело едва ли не обречено на провал. Белая Волчица никогда не относилась к тем Властителям, которые считали, что трудности ничего не значат, и если приказ отдан, неисполнение его говорит лишь о нерадивости слуг. Она совершенно трезво оценивала степень риска и понимала, что шансов вернуться у Севера с Соней не слишком много. Быть может, она даже согласилась бы на осаду замка, если бы не доверяла Вожаку целиком и полностью. Раз тот сказал, что ловкость предпочтительней силы, значит, так оно и есть. И все-таки серьезные сомнения не покидали Владычицу, ведь не нужно обладать особым опытом, чтобы понять: бродить по замку, не зная расположения комнат, которые к тому же наверняка охраняются, — занятие бессмысленное и смертельно опасное. Она понимала, что изменить ничего уже нельзя и замысел Севера — единственно приемлемый. Лишние люди конечно же ничем не помогут. Она только надеялась, что самолюбие Вожака не окажется настолько высоко, чтобы недооценить опасность. Лучше уж уйти с пустыми руками, чем ничего не добиться и при этом сгинуть. И все-таки почему он отказывается от помощи? Что плохого в том, если их отход прикроют? Ведь не исключено, что придется спасаться бегством, а в таких случаях все возможно. Нет, что бы там ни говорил Вожак, а четверть конной сотни, затаившаяся вне досягаемости прислужников Уру, может

оказаться далеко не лишней. Вот только как убедить Севера в разумности ее предложения? Ведь он упрям ничуть не меньше, чем умен.

В это мгновение дверь отворилась и в комнату вошла Халима. Женщина с белыми волосами так и не пошевелилась, ничем не выдав того, что заметила вошедшую. Только глаза ее коротко блеснули. Гирканка давно привыкла к странностям своей повелительницы, а потому спокойно подошла к столу. В тот же миг рука Владычицы поднялась и указала на кресло справа от себя.

— Что привело тебя ко мне, девочка? — мягко спросила Разара.

— Предстоящая Северу поездка не идет из головы, — призналась девушка, и, хотя она не упомянула еще о том, что именно побудило ее прийти, Волчица прекрасно поняла ее и даже улыбнулась. Надо же! Оказывается, их беспокоит одно и то же!

— Что же заботит тебя? — задала она вопрос, даже самой показавшийся несколько праздным. Но Халима поняла его всего лишь как приглашение к разговору.

— Чем больше я думаю о возложенном на Вожак поручении, тем больше оно мне кажется невыполнимым, а звон в кузнице напоминает мне погребальные колокола.

— Пожалуй, это уж слишком, — заметила Разара, хотя жрица высказала вслух всего лишь ее собственные опасения, правда в более резкой форме, чем позволяла себе Владычица. — Никто не собирается их убивать.

— И от этого затея выглядит еще более глупой! — запальчиво выкрикнула молодая колдунья. — Потому что бессмысленная смерть глупа вдвойне!

— Успокойся! — уже более строго ответила Разара. — Север достаточно здравомыслящий человек, чтобы отступить, если увидит перед собой глухую стену, — добавила она убежденно.

— Увидеть-то он увидит, — согласилась Халима и, нагнувшись над столом, добавила: — Но вот успеет ли отбежать, если она неожиданно обрушится ему на голову?

Халима не отрываясь смотрела в лицо матери-настоятельницы и по ее вздрогнувшим векам поняла, что стрела попала в цель.

— Ты хочешь предложить что-то или просто пришла посыпать мне соль на болячки?

— Хорошо, Владычица, что ты именно так воспринимаешь мои слова, — неожиданно произнесла девушка, — а то я боялась, что мне придется убеждать тебя. Да, я пришла с предложением. Как колдунье ты мне запретила отправиться с ними. Я это понимаю, хотя согласиться и не могу... Впрочем, все это к делу не относится. Мысль же моя проста: нужно послать с Севером отряд.

— Ты не поверишь, милая, — невесело усмехнулась Разара, — но я сама только что думала именно об этом. Дело за малым. Как заставить Севера согласиться принять эту помощь?

— Вожак упрям, его не переубедишь, — согласилась Халима. — Против таких людей есть только одно средство: ничего им не говорить. Пусть

Телохранителя. Это поднимет его значимость для Логова в собственных глазах. Он получит деньги, тайно покинет Логово, тайно проследит за благополучным возвращением Севера и вновь обретет былую уверенность в себе. А потом посмотрим... А если перевести его в разряд Одиночек? Может быть, именно там его место?

Некоторое время Владычица молчала, и Халима не мешала ей обдумывать сказанное.

— Ну что ж,— наконец заговорила Разара,— говорила ты настолько убедительно, что я, пожалуй, соглашусь с тобой.

— Я рада, что наши точки зрения совпадают,— улыбнулась девушка.— Тогда хочу сказать еще об одном. В пару с Юргом я предлагаю послать Яру. Если ему изменит хладнокровие, она подскажет, как поступить. Если ошибется — поправит.

— Но в Иранистане она ни в коем случае не должна прибегать к своему искусству колдуньи!

— Конечно,— кивнула Халима.— Я помню наш разговор.

— Ну что же...— Волчица улыбнулась.— Надеюсь, все получится как нельзя лучше.

Разара позволила себя убедить, лишний раз доказав тем самым, что и проницательные люди способны ошибаться. Справедливости ради надо сказать, что она и не слишком-то сопротивлялась, в душе согласившись сразу; и лишь желала выглядеть осмотрительной, а заодно и послушать доводы своей помощницы, от которой не ждала подвоха. Ей бы отложить решение да задуматься о характере Юрга, а еще лучше — самой поговорить

с ним, но она слишком привыкла полагаться во всем на молодую гирканку.

Халима кивнула и ответила повелительнице удовлетворенной улыбкой.

— Осталось еще одно дело, Владычица.— Колдунья поймала на себе заинтересованный взгляд и продолжила: — Наши красноглазые помощники в подземельях... Я думаю, от них следует избавиться, и как можно скорее.

— Так ли уж это необходимо? — задумчиво спросила Разара.— Зверолюди исполнительны и нетребовательны. Что натолкнуло тебя на такую мысль?

— Причин тому несколько,— ответила жрица.— Из всего зверья, прошедшего обряд посвящения, ортаны оказались самыми никчемными, в то время как ждали от них больше, чем от прочих. Но это полбеда. Они не приспособлены к жизни под землей. Приходится выпускать их на ночные прогулки, а чем это заканчивается, ты знаешь не хуже меня. Среди Прибылых ходят глупейшие истории о неких ужасах, творимых в подземельях, и самые смелые платят своими жизнями за желание проникнуть в тайну. Но если прежде никакой тайны и не было вовсе, а любопытство произрастало на почве незнания, то теперь все меняется. Мы начинаем работать с людьми. К чему это приведет, неизвестно, но, что бы ни случилось, знать о результатах не должен никто.— Девушка сделала паузу и убедилась, что этот довод воспринят так, как она и ожидала.— И наконец, от них так дурно пахнет!

— Что ж,— помолчав, ответила Разара,— я и здесь согласна с тобой. От них и впрямь мало пользы. Но куда же их девать?

— Быть может, просто передать их Ловчему? — спросила девушка.— Насколько я знаю, он отлично ладит с волками. Наверное, ему и ортанов удастся пристроить к делу.

— Хорошо,— согласилась Волчица.— Пришли ко мне Вамматара. Я сама объясню ему все.

Сказав это, она прикрыла глаза и откинулась в кресле, давая понять, что разговор окончен. Халима коротко поклонилась и вышла, весьма довольная тем, что всего, чего она желала, ей удалось добиться, причем затратив гораздо меньше усилий, чем она предполагала.

* * *

Целыми днями пропадал Север в кузнице, вместе с Гуднаром изготавливая одну перчатку-зажим за другой, и всякий раз что-то не нравилось ему и вещь летела в груды лома у дверей, которая росла быстрее, чем обоим того хотелось. То плод их совместных усилий впивался стальными шарнирами, словно зверь клыками, в руку, то сваливался, не желая сидеть на ней, то не зажимал веревку. Наконец мало-помалу дело начало налаживаться, и к самому концу лета они сумели изготовить то, что требовалось. Еще через пару дней прибыл из Бельверуса гонец, посланный за веревками. Их пришлось специально плести из привезенных из Кхитая шелковых нитей. Мастер, которому заказали изготовить из огромного, по немедийским меркам,

количества шелка, что стоил баснословных денег, тонкие канаты, долго не мог понять, кому и для чего понадобились веревки из драгоценных нитей, да еще так много. Он даже заподозрил было подвох, хотя так и не мог сообразить, в чем тут дело, и успокоился лишь после того, как получил щедрый задаток.

И только изготовление сапог для лазания по горам да отмычек, откованных Гуднаром по рисункам Сони, не вызвало никаких затруднений. Так или иначе, но вскоре все приготовления оказались завершены, и Вожак отправился со своей подругой в горы, чтобы испытать снаряжение. Всю последнюю седмицу они провели в горах и остались довольны результатами.

* * *

После закончившегося для нее жестокими ожогами поединка с Соней в Доме Огня Халима так и не разобралась со своими сложностями, но утерянное спокойствие, как ни странно, вернулось к ней раньше, чем колдунья смела надеяться. Быть может, оттого, что теперь она знала, что будет делать. Она вновь обрела, казалось, навсегда покинувшую ее уверенность в своих силах. Но, несмотря ни на что, не все еще было для нее ясно.

По-прежнему оставалось непонятным, как Ханторэк сумел избавиться от ее заклятия, а точнее, кто избавил его. Не сам же он, в конце концов, расколдовал себя! Но, пытаясь понять, что же произошло, она решила, что даже не это тревожит ее. Сейчас она ничего не имела против, чтобы он ос-

тался таким, каким стал: жалким уродцем с непомерным самомнением, над которым потешается все Логово, не исключая Прибылых. Но вот не узнали он от своего тайного покровителя, кто наградил его новой внешностью? Если да, то при всей своей никчемности он способен в будущем доставить своему обидчику неприятности, и немалые... И это хорошо бы выяснить сейчас, пока еще не поздно.

Казалось бы, все достаточно просто. Не зря она зовется Верховной жрицей. Дар предсказывать, и не только предсказывать, но и получать ответы на вопросы, присущ ей в большей степени, чем предполагает Владычица. Правда, дар этот не позволяет узнать все обо всем, но поставить вопрос, рассчитывая получить правильный ответ, она действительно могла. Если бы только...

Для этого она должна попасть в Дом Огня, воспользоваться одной из четырех Сил Мира, которая подвластна ей. Была подвластна до некоторых пор... С того злополучного дня, когда проклятая девка едва не сожгла ее, превратив лицо в обгоревшую до костей рану, когда невыносимая боль терзала колдунью, не отпуская ни на миг, а единственным желанием стала смерть, она сотни раз пыталась заставить себя совершить ритуал Огненного Пути, но так и не сумела преодолеть панического ужаса. Слишком яркими оказались недавние воспоминания и то, сколько сил стоило ей залечить страшные раны. Она сумела восстановиться и даже избавилась от боли. Тело ее вновь стало прекрасным, а вот душа... Душевные раны заживают гораздо дольше.

«И все-таки сделать это придется», — решила она.

Придется, если она не желает остаться простой ворожеей, а мечтает об истинной власти, которой не добиться без Силы. Она давно пришла к такому выводу и, когда поняла, что вот так, сразу, не сумеет перебороть страх, начала добиваться своего исподволь, упорно приучая себя к огню. Сделать это оказалось не так просто. В первые после выздоровления дни она не выносила даже пламени обычной свечи. Кучулуг попытался как-то пошутить по этому поводу, но, поймав на себе ее разъяренный взгляд, замолчал и больше никогда не говорил с ней об этом. Она и начала со свечи и продолжала до тех пор, пока не стала относиться к крохотному язычку пламени если и не с любовью, то, по крайней мере, спокойно.

Сегодня она решила попытаться сделать то, к чему шла последние две луны: проникнуть в Дом Огня. Прекрасная колдунья закрыла дверь на засов, чтобы никто не потревожил ее, затворила окно, чтобы не мешали доносившиеся снаружи звуки, и разожгла в камине огонь. Платье упало в кресло, девушка шагнула на расстеленный перед камином ковер и медленно опустилась на него, уложив руками правую стопу на левое бедро и наоборот. Она приняла самую удобную для вхождения в транс позу и застыла, сосредоточившись на огне, изгоняя из головы посторонние мысли.

Через некоторое время тело ее начало лосниться от пота, став похожим на прекрасно выполнен-

ную статуэтку красавицы гирканки, вырезанную из цельного куска слоновой кости, теплой, искусно тонированной под живое тело, — изваяние Гуяли, гирканской богини красоты с осиной талией, широкими бедрами и полной грудью. Именно такой изображают ее косторезы-степняки.

Постепенно разум колдуньи очистился. Она не думала ни о чем, перестала чувствовать бег времени. Она ощутила внутри себя блаженную пустоту. Однако подсознание продолжало бодрствовать, внимательно следя за всеми изменениями, и в этот миг отметило: время пришло. Халима попыталась впитать взглядом невесомое пламя, привычно потянувшись к огню, впитывая его всем телом, стремясь заполнить его невесомой плотью возникшую внутри себя пустоту.

Нет... Ничего.

Колдунья почувствовала, что еще немного, и паника захлестнет сознание, она вернется в привычный мир реальности, и следующая попытка окажется куда труднее, чем эта. Она огромным усилием воли отогнала от сознания мысли, подкрадывающиеся из внешнего мира, мира предметов и ярких ощущений. Вернулась умиротворенность, и некоторое время Халима просто наслаждалась блаженной легкостью, настраиваясь на повторную, успешную попытку. Вскоре она осознала, что вновь готова, и сосредоточилась на точке «третьего глаза». Осторожно всмотрелась сквозь него в окружающий мир, как в самый первый раз, когда еще только постигала искусство ритуального путешествия в Дом Огня.

Мир послушно изменился. Исчезли окружавшие ее каменные стены и пробивавшиеся сквозь них звуки. Не осталось ничего, только тьма вокруг и пятно света в невообразимой дали.

Огненный Путь...

На пределе сознания билась в голове единственная мысль: «Ты должна увидеть Огненный Путь. Вызвать его... Заставить появиться». Она позволила этому желанию овладеть своим существом, и постепенно оно наполнило ее всю, без остатка.

Огонь начал приближаться. Она не сразу заметила это, но когда осознала, то поняла, что ей удалось... Река жидкого огня зазмеилась навстречу сидящей, становясь все ослепительней и жарче, все шире и тверже на вид, пока не подкралась к самым ногам прекрасной колдуньи. Халима почувствовала невыносимый жар первобытного огня, и у нее на миг мелькнула мысль, что это конец. Сейчас ее плоть вспыхнет, как факел, и попытка повторится, только на этот раз ей уже не остаться в живых.

Она стиснула зубы и заставила себя не паниковать. Это не тот огонь, он не может сжечь ее тело, потому что оно находится в совершенно другом месте. Это всего лишь иллюзия, жестокое испытание на силу духа, на самообладание. Она должна побороть в себе этот страх, иначе сгорит... Но не тело, а душа! И это куда страшнее!

Женщина в комнате не шелохнулась, не поменяла позу, и одновременно Халима встала и шагнула на Огненный Путь. Ее босые ступни косну-

лись огненного полотна дороги, почувствовав приятную прохладу, и колдунья остановилась на миг, не в силах отказать себе в маленьком удовольствии. Взгляд ее скользнул вокруг, но она не увидела ничего, кроме извивающегося змеей пути да горевших по его краям Огненных Цветков.

Халима пошла вперед. Через сотню шагов она обернулась: ее тело, оставленное у начала дороги, уменьшилось, превратившись в маленькую костяную статуэтку. «Если я не вернусь, она так и останется сидеть на этом месте», — мелькнула испуганная мысль, но колдунья тут же отогнала ее. Она знала, что в таких делах первый враг — сомнение. Стоит позволить маленькому червячку недоверия угнездиться в душе, и то, чего опасаться, непременно произойдет. В подтверждение этой мысли Огненные Цветки стали распускаться с молниеносной быстротой и стремительно расти: непрошеную гостью пытались напугать, сбросить с дороги.

Она усмехнулась и направилась дальше. Огненные фонтаны тут же начали иссякать. Теперь ничто не менялось. Огненное пятно впереди не приближалось, да и фигурка за спиной перестала уменьшаться. Халима словно остановилась, бессмысленно переставляя ноги, но она знала, что на самом деле это не так. Теперь уже она не оглядывалась и не считала шагов, потому что не раз ходила этим путем. Придет время, и цель вырастет сразу, мгновенно.

Так оно и случилось. Далекое пятно света вдруг превратилось в огненную стену, а Огненный Путь

растворился за спиной, словно погас. Он больше не понадобится. Обратно она перенесется за доли мига.

Халима наконец достигла своей цели. Вот он — Дом Огня!

Теперь ей предстояло войти внутрь, но она остановилась в нерешительности, хотя страха уже не испытывала. Что-то удерживало ее здесь, какое-то непонятное и тревожащее душу ощущение. Она огляделась по сторонам, но так и не поняла, что происходит. Справа от нее простиралась стена непроницаемого мрака, слева — такая же, на вид непроницаемая, стена огня, и ничего больше. Но она все же чувствовала неосознанную тревогу, и это все меньше нравилось ей.

Она осторожно двинулась вдоль границы огня, напряженно всматриваясь во тьму. Колдунья и сама не могла бы ответить на вопрос, что пытается увидеть там, где разглядеть ничего невозможно, но тем не менее взгляда не отводила. Она попыталась оторваться от этого зрелища, но поняла, что не может сделать этого, словно все-таки надеется что-то увидеть... Она шла достаточно долго, бессмысленно глаза по сторонам, прежде чем Нечто привлекло ее внимание. Она остановилась и начала вглядываться еще напряженнее, потом развернулась и прошла несколько шагов назад, пока не догадалась, что это было.

В стене непроглядного мрака она увидела ступок первородной тьмы, по сравнению с которой окружающая ее темнота казалась ясным полднем. В первый миг она удивилась, почему не заметила этого раньше, но тут же ее обуял ужас. Замеша-

тельство длилось всего мгновение, а потом... Тьма двинулась ей навстречу. Выглядела она как прямоугольник с размытыми краями. Волосы на кукле, оставшейся в комнате перед камином, зашевелились от ужаса и встали дыбом. Потом пришла спасительная мысль, что перед ней предстал новый ориентир — дверь... В никуда?

Пятно наплывало, пока не остановилось на самой границе тьмы. Здесь оно неожиданно обрело объем, и Халима сообразила, что перед ней не дверь... Но кто? Или что?! В страхе она отступила на шаг, подойдя вплотную к стене огня и творя защитные заклинания.

— Здесь твои причитания — пустой звук...

Голос, произнесший эти слова, оказался невероятно низким.

— Кто ты? — с трудом спросила она, и собственный голос показался ей похожим на комариный писк.

— Зови меня Тенью, — ответило пятно. — Для начала этого достаточно.

За те несколько мгновений, что понадобились им, чтобы обменяться этими простыми фразами, Халима немного пришла в себя и с облегчением поняла, что уже не так боится Тени. Тень... Интересно чья? Тень Тьмы?

— Чья ты Тень? — спросила она. — Только если можно, говори другим голосом — у меня голова раскалывается от него.

— Любишь докапываться до сути? — вопросом на вопрос ответила Тень, но на этот раз колдунье показалось, что рядом с ней прогреготала камен-

ная лавина. — Что ж, отвечу тебе. Я Тень Темного Властелина, только вряд ли это тебе что-то скажет.

— Я слышала о нем, — бездумно ответила Халима и тут же прикусила язык, слишком поздно вспомнив старое правило: никогда не стоит говорить всего, что знаешь. Излишняя осведомленность вызывает подозрения. Так оно и получилось. Тень загрохотала с новой силой.

— От кого?!

Вопрос прозвучал скорее как приказ, и колдунья вовремя поняла, что не должна упоминать о книге, украденной у Севера, если не желает причинить ему больших неприятностей. Чутье подсказало ей, что Вожак не понаслышке знает о Темном Властелине, но вряд ли относится к числу его друзей.

— Еще девочкой я слышала о нем от старухи ведуньи, которая учила меня искусству. Имя показалось мне настолько странным, — продолжала она врать, чувствуя, что от того, поверят ли ей, зависит ее жизнь, а может, и нечто большее, — что я запомнила его.

— Где она? — пророкотала Тень.

— Умерла года три назад, — ответила Халима и ощутила, как могильный холод ледяными тисками впился в ее голову.

Однако своим непостижимым чутьем она предугадала, что так произойдет, и ее тренированный ум тут же избавился от всех чувств и мыслей, оставив лишь любопытство и память о старой гирканке. Она едва успела сделать это, и в следую-

щий миг её мысли застыли, как вода стынет на морозе, превращаясь в прозрачный лед. Еще через мгновение она почувствовала, что снова свободна.

— Ты или в самом деле говоришь правду, или искуснее, чем я полагал,— пророкотала Тень уже более спокойно,— хотя... Что-то подсказывает мне, что ты лжешь... Хорошо,— решила наконец Тень,— я не стану вытягивать из тебя правду, хотя люди, которые лгут о своем прошлом, способны обмануть и в будущем. Но пока ты нужна мне живой.

— Я нужна тебе? — прошептала колдунья в изумлении.— Для чего?

— Об этом позже. Пока же прими мое доверие как знак доброй воли и избегай обманывать меня в будущем. Темный Властелин не прощает предателей. А теперь идем. Нам нужно поговорить, а это место слишком доступно.

— Слишком доступно?!

— Не думаешь же ты, что одна имеешь доступ в Дом Огня? В прошлый раз ты здорово погорела здесь! — заметила Тень, откровенно насмехаясь, но колдунья почувствовала только удивление.

— Ты знаешь и об этом? — прошептала она, задавая лишенный смысла вопрос.

— Я знаю очень много,— отрезала Тень.— Ты идешь? — Но Халима еще колебалась.— Я же сказал, что не желаю твоей смерти.

— Хорошо,— решила девушка. Похоже, последний довод Тени убедил ее.— Только... Ты не мог бы принять более... — она помялась,— ...другой... Принять вид человека?

Как только она замолчала, Тень начала меняться. Верхние углы прямоугольника поползли вниз, вытягиваясь в руки, над которыми возвышалась крупная голова без шеи. Между двумя нижними пробежала черта, и половинки разделились на две толстые, похожие на колонны ноги.

— Так сойдет? — Не в силах вымолвить ни слова, колдунья кивнула.— Тогда идем.

Тень неуклюже махнула рукой в сторону, откуда пришла, и странная пара направилась вдоль световой стены, постепенно углубляясь в зону тьмы.

— Куда мы идем? — забеспокоилась Халима. Она сама привыкла устраивать людям неприятные сюрпризы, так что немудрено, что ждала от других того же.— Я предпочла бы разговаривать не у тебя, а где-нибудь в другом месте.

— Мне нравится твоя недоверчивость,— пророкотала Тень, не останавливаясь. Осторожность — первый признак ума. Думаю, что мы договоримся. Смотри «третьим глазом», — посоветовала Тень.— Этот мир пуст и темен, но это вовсе не значит, что кроме Дома Огня в нем не существует больше ничего. Смотри внимательнее и увидишь...

Халима умолкла, пытаясь рассмотреть этот призрачный мир внутренним зрением. Вскоре ей это удалось, хотя картина мало отличалась от той, что она видела глазами. Чтобы сравнить, она позволила себе оглянуться. Дом Огня к этому времени превратился в изначальное пятнышко света. Она шла по дороге, сотканной из тьмы, почти такой же непроницаемой, как и тело Тени. Впереди она уви-

дела странное мерцание. Вроде бы свет, и в то же время не свет.

Халима всмотрелась в странный образ. Он вдруг вырос, едва они подошли вплотную, как то обычно происходило в иллюзорном мире, в котором она находилась сейчас. Стена не виданного ею прежде темного пламени стояла перед ней. Она бурлила и переливалась, как черная ртуть, всеми мыслимыми, а точнее, немислимыми оттенками черноты.

— Нам туда,— кивнула Тень на скопление тьмы, но девушка остановилась.

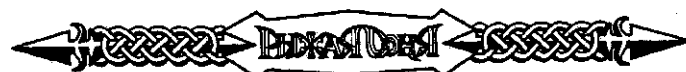
— Что это?

— Всего лишь один из Сторожей, охраняющих пути к Перекрестку Сил, то есть его тень. Не бойся, Сторож не живой. Это всего лишь клубок дорог, и нужно уметь выбрать верную, чтобы попасть на другую сторону.

— Что я должна делать? — Халима решила.

— Ничего,— пророкотала Тень.— Просто не отходи от меня ни на шаг.

Они вступили в клубящуюся тьму. Понять, где она побывала, колдунья так и не смогла, сколько потом ни старалась, хотя сознания не теряла и упорно шла, ни на миг не теряя из виду широкую спину Тени. Она помнила лишь, что здесь уже не царила непроглядная чернота Вечной Ночи, а присутствовали все оттенки серого и даже ослепительная белизна снега на горных вершинах. Халима шла, а окружающее пространство постоянно менялось. Она преодолевала лестничные марши, ступала по мощным квадратными плитами

набережным с низкими парапетами, которые нависали над странными, молочно-белыми реками и зачастую заканчивались всего несколькими ступенями, ведущими на некое подобие лестничной площадки. Иногда по арочным мостам они пересекали бездну, то поднимались, то спускались, пока не подошли к такой же переливавшейся всеми оттенками тьмы стене, как и в начале пути.

Пару раз Халима попыталась осмотреться, но ей тут же становилось дурно, когда она видела, что галерея, по которой она только что прошла, непонятным образом оказалась вдруг на том месте, где полагается находиться стене, а то и потолку. После этого девушка предпочла не задавать себе глупых вопросов и просто следовала за Тенью.

Халима шагнула в пелену мрака и, очутившись снаружи, вскрикнула от неожиданности. Она ожидала и здесь увидеть черный или черно-белый мир, но в первый же миг ее ослепила алая вспышка. Колдунья осторожно посмотрела по сторонам. Черная твердь вокруг громоздилась неприступными скалами, испещренными широкими карнизами, на одном из которых стояли они с Тенью. Переливающаяся пелена, из которой они только что вышли, выглядела отсюда как прямоугольный дверной проем, пробитый прямо в скале. В десяти шагах перед ними, обрываясь отвесно вниз, виднелась кромка карниза, что уходил вправо и влево, опоясывая огромный котлован с одинокой скалой, высившейся в его середине. Девушка подошла к краю карниза. Обжигающий жар поднимался с укрытого паром дна котлована. Подгры-

заемая огнем скала то и дело обваливалась. Иногда порывы ветра принимались точить камень, который крошился буквально на глазах. Потом откуда-то сверху обрушивался водопад, обволакивая все вокруг поднимающимся из недр котлована удушливым паром, а когда он рассеивался, от скалы оставался только ее источенный скелет. Тень молчала, и Халима принялась ждать, когда остатки скелета рухнут в огненную бездну, но с изумлением обнаружила, что каменная плоть нарастает на костях и скала принимает первоначальный вид.

Она поняла, что окончания этой борьбы не дождется никогда, и отступила от грозившего обвалиться края.

— Что это за место? — спросила Халима, обращаясь к Тени.

— Перекресток Сил, — ответила Тень, которая теперь приняла очертания тяжелой фигуры, полной силы. — Здесь они сходятся, чтобы побороться, а может, наоборот, зарождаются и, повздорив, расходятся, каждая в своем направлении. Этого не знает никто. Но тот, кто получит доступ к мощи Перекрестка, покорит мир.

Вот как... Халима вновь посмотрела на клубы поднимавшегося со дна пара, окрашенного во все оттенки красного — от темного пурпура до нежной розы.

Налетевший внезапно порыв бешеного урагана прогнал туманное разноцветье прочь. Над головой раздался оглушающий грохот, и каменная лавина сорвалась вниз неподалеку от них. Девушка испуганно отпрянула. В тот же миг столб ос-

лепительно белого пламени поднялся перед тем местом, где она только что стояла.

— Сейчас мы сгорим, — прошептала гирканка и услышала в ответ рокошующий смех Тени, но, как ни странно, не рассердилась, а успокоилась.

— Тебе нечего бояться, — сказала ей Тень. — Мы невообразимо далеко от того места, где все это происходит.

— О чем ты говоришь? — спросила Халима, до которой не сразу дошел смысл сказанного.

— Я Тень Темного Властелина, который сидит сейчас в своем замке, — начала Тень. — Ты — призрак человека, тело которого осталось в реальном мире. Точно так же и место это далеко отсюда. Оно лишь тень Перекрестка Сил, существующего на самом деле. Но совсем не здесь.

— Так, значит, всего этого, — она обвела взглядом раскинувшуюся перед ней феерию, — не существует?

Колдунья попыталась говорить спокойно и безразлично, но Тень ясно услышала в ее голосе разочарование.

— Я вижу, ты огорчена, — насмешливо произнесла Тень. — Но зачем ты приходила к Дому Огня? Ведь он всего лишь тень настоящего Дома Огня.

— Этого не может быть, — прошептала Халима. — Вернувшись, я видела в зеркале то, что от меня осталось, а ведь это происходило наяву!

— Ты увидела в зеркале то, что ожидала увидеть, — возразила Тень. — Боль, которой ты не успела насладиться в Доме Огня, стала твоей реальностью.

— Ты хочешь меня убедить, что ничего со мной не произошло?! — вскричала колдунья.

— Ну почему же? Я видел, как с тебя опадала плоть... Но подумай, твое тело, как и сейчас, осталось очень далеко. Оно не могло сгореть просто потому, что ему ничто не угрожало. Но твой ум, перенесшийся сюда, сохранил в памяти случившееся и отозвался на него болью.— На мгновение Тень умолкла, а потом продолжила: — Подумай, видел ли кто-нибудь твое обгоревшее лицо?

— Я сказалась больной и отворачивалась, когда мне приносили еду.

— Верно. Но ведь следы ожогов неминуемо должны были остаться и на теле, а их никто не заметил,— рокотала Тень.— То, что с тобой случилось,— это полуиллюзия. Ожог стал реальностью для тебя, но не стал ею для окружающих.

— Ты так говоришь, как будто присутствовал при этом.— Колдунья досадливо поморщилась, чувствуя, что скорее всего Тень права.

Вполне могло стать, настоятельницы просто решили, что она слегка опалила лицо и ждет, пока пройдет легкое покраснение.

И то, что она лечилась втайне, ровным счетом ничего не доказывало. Колдунья произносила оздоравливающие заклятия, и те исцеляли ее память, уничтожали боль.

— Расскажи мне об этом месте,— попросила она.

— Только если...— начала было Тень и осеклась.— А впрочем, почему бы и нет? Это место, где рождаются Силы, управляющие всем, что про-

исходит в реальном мире. Силы, из которых этот мир и состоит. А может быть, и не рождаются. Я уже говорил об этом. Может быть, они встречаются тут, чтобы побороться друг с другом, показать свою мощь, или общаются друг с другом как-то иначе. Пути их воистину неисповедимы. Отсюда они разбегаются, каждая в один из четырех Домов. Там они остывают, крепнут и растекаются по миру, чтобы поддержать его равновесие.

— И какая же из Сил самая могучая?

— Они равны,— последовал ответ.— Иначе это место просто не смогло бы существовать. Подумай сама. Твердь — оплот несокрушимой мощи, но она подвластна огню, ее точит, растворяет в себе вода. Вода способна залить огонь, но и огонь может испарить воду. Они непримиримые противники. Зато ветер может задуть огонь, но может и раздуть пламя. Они по-разному относятся друг к другу, но когда объединятся, союз их необычайно силен. И это только то, что лежит на поверхности.

— Значит, Дом Огня...

— Да. Обратившийся к одному из них прибегает к мощи только одной из стихий. Если же говорить о тени Дома Огня, где побывала ты, то это всего лишь одно из мест в мире Иллюзий, доступное людям, которые избрали путь обретения власти над Силами Мира. Твое проникновение в тень Дома Огня, если хочешь, всего лишь первый шаг на этом пути.

— А тьма?

— У тебя проницательный ум,— пророкотала Тень.— Тьма скользит между Силами, не взаимо-

действуя с ними. Только огонь в состоянии отогнать тьму, но как только он гаснет, тьма возвращается. Она не способна бороться ни с одной из Сил, но зато превосходно скрывает все что угодно. Под ее покровом многое можно сделать втайне. Неожданность же чрезвычайно важна в борьбе.

— Хорошо,— ответила Халима и вдруг вздрогнула и будто очнулась.— Зачем ты привела меня сюда?

Ответом ей послужил раскат громкого смеха.

— Долго же ты приходила в себя,— отсмеявшись, ответила Тень.— Но ты задала прямой вопрос и получишь на него прямой ответ,— заявила она уже серьезно.— Темный Властелин ищет сторонников в твоём мире. Ты подходишь ему.

— А не проще ли встретиться в нормальном месте и поговорить как подобает людям? — возразила молодая колдунья.— Или он не человек?

— Он человек,— ответила Тень,— но не может попасть в твой мир. Или пока не может. Но в любом случае твой мир не нужен Темному Властелину.

— Это почему? — сам собой вырвался у нее вопрос.

— Потому что ваш мир катится к гибели и его ничто не спасет,— пророкотала Тень, и Халима почувствовала, как, несмотря на обжигающий жар Перекрестка Сил, ей вдруг стало холодно.

— Когда это произойдет? — невольно спросила она.

— О-о! Совсем не скоро! Живущим сейчас не о чем беспокоиться. Человеческий век слишком кра-

ток, но ты, колдунья, сможешь насладиться грандиозной картиной гибели окружающего мира.

— Но что с ним произойдет?! — вскричала она.— Почему?!

— Буйство противоборствующих Стихий приведет к катастрофе, которую никто не в силах остановить.

— Твоих рук дело?! — не сдержавшись, вскричала Халима.

— Ты имеешь в виду Темного Властелина? — уточнила Тень.— Зачем это ему? Какое ему дело до людских забот, до всего этого мира? Он просто провидел будущее, которое оказалось мрачным.

Халима попыталась взять себя в руки, и вскоре это ей удалось. «Успокойся и не забывай, что разговор только начался!» — велела она себе.

— Так зачем я тебе понадобилась?

— У Темного Властелина много врагов, и некоторые из них находятся сейчас в твоём мире.

— Ты хочешь, чтобы я боролась с врагами Темного Властелина?

— Пока нет. Пока я лишь ищу людей, готовых на это. Это непросто. Как я говорил, ни он, ни тем более я не в силах попасть в твой мир.

— Как же к нам попали враги твоего повелителя, Тень? — спросила Халима ровным голосом.

— Не всё сразу,— пророкотала Тень.— Придет время, ты узнаешь и это.

— Значит, враги сильнее,— сочла тем не менее возможным заметить колдунья.

— Враги не сильнее! Они в других условиях! — Ответ прогремел так, будто на каменное плато

рухнула вершина горы.— Я не обманываю. И хватит об этом!

Халима испуганно сжалась, ожидая, что ее раздавит камнепад, но ничего не случилось.

— Твоя воля,— поспешно согласилась она, когда поняла, что угроза миновала.— Так чем я привлекла внимание твоего повелителя?

— Не его,— поправила Тень,— а мое. Я же обращаю внимание на всех, кто, очутившись у Дома Огня, смотрит в сторону окружающей его тьмы. И в особенности на тех, кто замечает в ней меня. Согласись, что заметить Тень на фоне тьмы совсем не просто.

— И чего же ты хочешь от меня?

— Вот на этот раз уже не я, а Темный Властелин,— заметила Тень, показав, что и ей не чуждо чувство юмора, и добавила уже серьезно: — Пока ничего. Просто живи как жила. Ты не первая в твоём мире, кто служит Владыке. К тебе присмотрятся и узнают, на что ты способна. Для начала просто скажи, кто ты и где тебя искать.

— Я Халима. Жрица Логова Белой Волчицы. Но искать меня не нужно — твои люди только зря расстанутся с жизнью.

— Даже так? — пророкотала Тень.— Это радует и настораживает одновременно. Что ж, пусть все будет так, как ты сказала. Приходи иногда к Дому Огня, чтобы мы могли побеседовать.

— Постой-ка,— спохватилась Халима,— а мнечто все это зачем?

— Хорошо, что ты спросила, потому что я не верю в бескорыстие. Оно говорит либо о возмож-

ном предательстве, либо о глупости. Если ты оправдаешь ожидания, тебя ждут богатство и почести. И ты не погибнешь вместе с твоим прогнившим миром. Но все это потом. Сейчас, к сожалению, я не могу одарить тебя золотом, но могу дать тебе то, что ценится людьми выше желтого металла,— власть. Точнее, малую толику того могущества, которое ты обретишь со временем, если оправдаешь мои надежды.

Тень подняла тяжелые ручки и коснулась пальцами висков девушки. Та попыталась отпрянуть, но почувствовала вдруг, что тело ее сковало странное оцепенение, с которым она не в силах бороться. Голова закружилась, и мысли вихрем опавшей листвы заматались в ней, путаясь и переплетаясь. Когда же колдунья пришла в себя, она почувствовала странный прилив сил.

— Что со мной? — Она попыталась ощупать тело, которое осталось в невообразимой дали.

— Не бойся,— успокоила ее Тень.— Скажи мне лучше, что ты чувствуешь?

— Не понимаю...— Халима прислушалась к своим ощущениям и покачала головой.— Я как будто стала...

— Сильнее,— подсказала Тень.

— Верно,— согласилась колдунья, с удивлением осознавая, что так оно и есть.

— Я одарил тебя частицей силы моего господина — Силы Тьмы! — сообщила Тень.— Твой взгляд отныне способен проникать в чужие головы и окутывать тьмой чужие мысли. Ты можешь даже лишить человека рассудка! Но берегись. Сколь поле-

зен мой дар, столь же он и опасен. Не торопись применять его на людях. Сперва опробуй на бессловесных скотах.

Последние слова Тени колдунья слышала уже как в тумане. Мир перед глазами поплыл. Последний огненный сполох взметнулся из-за края обрыва, словно предостерегая ее, и мир погрузился во тьму.

* * *

Медленно, словно нехотя, просыпалось сознание. По-прежнему не существовало ничего: ни звуков, ни зрительных образов. Только где-то далеко, на пределе видимости, тлела крохотная рыжая искорка. В голове царила пустота. Мысли вяло заворачивались на границе сознания, ленивые и бессвязные. Понемногу искорка выросла до маленького огненного язычка, и это изменение слегка заинтересовало ее, и она попыталась рассмотреть огонек. Тот сразу начал расти и внезапно заполнил собой все.

И в тот же миг она пришла в себя.

Судя по тому, что огонь в камине похлывал так, словно она только что разожгла его, Халима поняла, что отсутствовала совсем недолго, в то время как провела с Тенью, казалось, целый день. Она повернула голову и посмотрела в окно. Все верно. Солнце висело на прежнем месте, лишь едва сдвинувшись к западу. Значит, она права: времени и впрямь прошло немного.

Она продолжала сидеть в той же позе — расслабленное тело не желало шевелиться — и думать о

случившемся. Как странно и стремительно развиваются события этим летом!

Халима начала с самого незначущего из них. Она сменила любовника и, пожалуй, только выиграла от этого. Безудержная страсть Кучулуга не шла ни в какое сравнение с ленивыми ласками плюгавого Ханторэка! «И это вовсе не мелочь! — поправила она себя. — Кроме того, похоже, этот огромный дурачок и в самом деле влюбился в меня!» — подумала она с иронией, хмыкнула и погрузилась, потому что вспомнила еще об одной перемене. Она и сама влюбилась по уши. Влюбилась в Севера. Причем настолько сильно, что ради этой любви готова теперь пожертвовать всем. Любовь к нему, желание завладеть им стали для нее единственной целью, отодвинув на второй план желание отомстить рыжей твари и обрести истинное могущество, не говоря уж о жалкой мести Ханторэку!

Однако все это пока касается только ее одной. От мести можно отказаться, любовью можно жертвовать, страсть задавить...

Но есть и еще кое-что. Выкраденная у Севера книжица стихов и сегодняшняя встреча с Тенью. Как странно все перепелось! Наивно-бессмысленные строки неожиданно показались ей исполненными скрытого смысла, а сегодня она узнала, что чутье, как всегда, не подвело ее.

Темный Властелин совсем не символ, он существует на самом деле. Это одно из главных действующих лиц в неизвестной ей пока пьесе, в которой свои роли отведены и Северу, и рыжей девке, а теперь, похоже, и ей самой. Едва только мысль эта

возникла в ее мозгу, Халима поняла, что испытывает страстное желание не потерять свою роль, ведь она дает ей надежду и в дальнейшем не терять Севера из виду!

Север... Она вдруг вспомнила о преподнесенном ей Тенью подарке. Знаке доброй воли, как выразилась эта ипостась Темного Властелина. Как только память об этом событии вернулась, колдунья почувствовала, что обещанная ей мощь — не пустые слова. Она действительно ощущала нешуточный прилив сил. Теперь в предстоящей борьбе у нее гораздо больше шансов на победу.

Ударил колокол, возвещая о наступлении полудня, и одним грациозным движением красавица поднялась на ноги. Она оделась, подскочила к окну и увидела, как Север подходит к центральному входу дворца. Не тратя времени, девушка бросилась из комнаты.

* * *

Вожак поднялся по лестнице, свернул в коридор и лицом к лицу столкнулся с прекрасной гирканкой. Он поздоровался с ней, намереваясь, как обычно, пройти мимо, но красавица мягко тронула его за руку. Удивленный, Север остановился.

— Я давно собиралась извиниться перед тобой за ту...— Слова давались ей с трудом, но она сделала над собой усилие и договорила: — ...ночь. Я не хочу, чтобы ты думал обо мне дурно.

У Севера мелькнула мысль, что, быть может, он ошибался и в теле восточной красавицы не живет злобная тварь? Правда, то, что она сделала с

Соней, говорит не в ее пользу, но Север слишком хорошо знал, что способна сотворить с человеком ревность. А если он сам невольно сделал ее такой?

— Ну что ты...— Ответ его прозвучал неожиданно мягко.— Мне и самому жаль, что все так повернулось. Быть может, больше, чем ты думаешь,— неожиданно добавил он, имея в виду свалившиеся потом на голову Сони неприятности.

Девушка, однако, поняла Вожака совершенно иначе. Ее прекрасные черные глаза грустно и внимательно заглянули в его глаза, надеясь найти в них хотя бы отблеск надежды, но того, что они увидели там, ей показалось явно недостаточно. Она закусилась пухлую губу.

— Забудь ее...— Робким движением красавица положила руки ему на грудь, и Север почувствовал охвативший тело трепет.— Я лучше. Ты убедишься в этом в первую же ночь.

— Нет! — выдохнул Север, яростно сжав зубы.— Нет, Халима.— Его ладони сжали ее слабые руки.— Что за нелепое состязание! К тому же ты и сама знаешь, что у нас нет путей друг к другу!

— Значит, с шадизарской красоткой у тебя больше общего? — Она хотела назвать Соню девочкой, но в последний миг сдержалась.— Станный же ты сделал выбор! Влюбился в девушку, готовую выпустить возлюбленному кишки при первом же сказанном поперек слова!

— Перестань! — Север нахмурился.

— А ты что, не знал? — удивилась колдунья.— Рыжие люди отмечены Роком! Каждому известно, что рыжий человек приносит несчастье!

— То, что известно всем, обычно ложь,— усмеялся воин.— И не забывай на будущее: ко всему прочему она мне еще и друг,— добавил он уже серьезно.

— Между прочим, чаще всего предают друга,— огрызнулась прекрасная колдунья.— Ну да ладно, я ведь не то хотела сказать.— Она вновь уставилась на него черными бездонными глазами.— Я тебя люблю, Север, и никуда мне от этой любви не деться.— Голос ее звучал печально и вместе с тем торжественно.— Ты отверг меня снова, но я не в обиде. Это твое право. Но если с твоей подругой что-нибудь случится, заклинаю тебя: вспомни обо мне!

— Эти слова тебе стоило сказать мне в ту ночь,— медленно ответил Север, отпустил ее руки и пошел прочь.

Она стояла и смотрела ему вслед. Могучая фигура скрылась за поворотом, но девушка провожала его взглядом, словно видела даже сквозь гранитную стену дворца. Наконец дверь в покоях Белой Волчицы хлопнула, заставив колдунью вздрогнуть.

Как ни странно, но Халима осталась довольна разговором. О том, что он не послал ее к Нергалу лишь потому, что не хотел лишний раз обидеть, она даже не задумалась. Халима решила, что он сознательно оставил ей надежду на будущее. Вожак никогда бы так не поступил, но это ей и в голову не пришло.

Халима медленно обернулась и снова вздрогнула, нос к носу столкнувшись с рыжеволосой пред-

вестницей несчастий. Она сразу поняла, что шадизарка притаилась где-то рядом и подслушала их разговор. Она слышала все! От ярости колдунью даже затрясло. Она подняла глаза, и Соня увидела устремленный на нее ненавидящий взгляд. Воительница не уступила. Ее серые, как штормовое море, глаза пылали гневом.

— Как ты смела подкрадываться и подслушивать?! — едва сдерживаясь, заговорила Халима, а сдерживалась она только потому, что стояли они недалеко от покоев Белой Волчицы.

— Я не подкрадывалась и не подслушивала,— ответила Соня, вовремя вспомнив, что насмешка сильнее крика.— Я ведь Телохранитель Вожака и обязана охранять его днем... И ночью,— добавила она с улыбкой.— Так что я просто шла и слышала, а не показалась, потому что не хотела смущать тебя. Но теперь, когда мы остались одни, предупреждаю: оставь его в покое, иначе я тебе глаза выцарапаю!

— Ты не очень-то храбрись!

— На твоём месте я бы задумалась,— посоветовала ей Соня.— Ты повстречала сегодня рыжую девку — это не к добру.— Она сокрушенно покачала головой.

— О-о! — зловещим шепотом взывала колдунья, и судорога ярости обезобразила ее прекрасное лицо.— Как я мечтаю убить тебя!

— Лучше мечтай остаться в живых,— заметила Соня, пытаясь скрыть, как глубоко задела ее слова, а главное, лютая злоба, с которой произнесла их жрица.

Грудь ее бурно вздымалась, глаза горели, однако в следующее мгновение все переменялось. Колдунья как-то странно покачала головой, то ли безмерно удивившись чему-то, то ли собравшись упасть в обморок, и Соня уже подумала было, что той и впрямь стало плохо. Она приблизилась на шаг, но едва только сделала его, как Халима, заглянув ей в глаза, впиалась в них взглядом.

Поступок показался Соне глупым и одновременно пугающим, потому что она не понимала его смысла. Она просто почувствовала, что должна отвести взгляд, и даже попыталась сделать это, но в тот же миг словно ледяная игла впиалась ей в мозг над переносицей, подчиняя ее волю колдунье. Соне стало страшно. Она поняла, что сейчас случится нечто непоправимое. Однако она еще не совсем потеряла контроль над своим телом. Наверное, лицо ее исказилось ужасом, потому что Халима злобно оскалилась.

— Наконец-то я раз и навсегда избавлюсь от тебя, тварь! — воскликнула она. — Надеюсь, ты не забыла, кто ты? — с издевкой спросила колдунья. — Ты — дерево!

Соня уже ощущала, как кровь все медленнее бежит по телу, как становятся вялыми мысли, но при этой фразе: «Ты — дерево!» — вздрогнула. Собирая по крохам остатки сил, она взбунтовалась. Слишком хорошо еще помнила она, как горела живьем в подземельях Логова. Это слабое, откликнувшееся застарелой болью воспоминание породило в ней волну ярости, которая мгновенно очистила сознание. Она почувствовала, что снова способна рассуж-

дать здраво, но, когда попыталась пошевелиться, поняла, что не может сдвинуться с места.

Однако и Халима, похоже, заподозрила что-то неладное, потому что улыбка сползла с ее лица, а взгляд вновь стал жестким.

Соня почувствовала, как ледяная спица пронзила ей лоб и, проникнув в мозг, почернела, источая мрак небытия. В черных зрачках колдуньи Соня вдруг увидела целый мир, и что-то стремительно приближалось к ней из этого неведомого далека. То ли тучи, то ли облака чернее ночи летели навстречу, и сквозь них ей предстояло увидеть нечто ужасное настолько, что — она знала это — разум ее не выдержит.

«Хоть бы пятнышко света!» — безмолвно взмолилась она, и, как ни странно, тучи замедлили бег. Свет — вот что ей нужно! Огненный Цветок! Даже Лепесток его смог бы помочь сейчас! Тучи замерли, словно в нерешительности.

Соня продолжала молить, вспоминала, как прекрасен Огненный Лепесток, приютившийся в ее ладони. Она попыталась припомнить, как тот затих в ее руке, будто маленький напуганный зверек. Она сделала над собой еще одно усилие и увидела его внутри себя. Огонек лизнул острие ледяной иглы и испуганно отскочил, словно боялся связываться со слишком сильным противником. Но этого мимолетного касания хватило для того, чтобы рассеялся зловещий черный туман и окончательно прояснились мысли.

Соня опять попробовала шевельнуться, но вновь не смогла. И тогда она, совсем неожиданно для са-

мой себя, почувствовала, как Лепесток нырнул вниз и тут же, прогоняя оцепенение, как бы налилась огнем ее рука. Она тихонько шевельнула мизинцем и поняла, что способность двигаться возвращается к ней. Левая рука по-прежнему не слушалась ее, зато правая ожила окончательно.

Молниеносным движением выхватила она метательный кинжал и приставила его лезвие к пульсирующей жилке на шее колдуньи. От неожиданности та вздрогнула, ослабила нажим, и воительница поняла, что может разговаривать.

— Без глупостей, сучка! — прошипела она с яростью, ничуть не уступавшей ярости колдуньи. — Оставь меня в покое, если хочешь еще пожить!

Халима поняла, что опять проиграла. Даже если она удесятирит усилия, рыжая тварь успеет чиркнуть по горлу, и после этого она успеет разве что плюнуть противнице в глаза. Она расслабилась, и смертный холод ушел из головы шадизарской красавицы.

— Чего ты хочешь? — прохрипела Халима, с ненавистью глядя на свою соперницу.

— Держись от моего Севера подальше, милая, — с улыбкой ответила Соня. — Если увидишь, что он идет по аллее парка, сверни в сторону, для своего же блага. И никаких встреч, за исключением деловых!

— Может, желаешь еще чего-нибудь? — ядовито прошипела колдунья, пытаясь хоть как-то задеть ее.

— Ну, подругами нам уже не стать, — полностью придя в себя, хмыкнула Соня, — но мы мо-

жем хотя быздороваться. Ни к чему остальным знать о нашей вражде.

Она кивнула своей разъяренной противнице и ушла с гордо поднятой головой.

* * *

Едва Север вернулся в комнату, как почувствовал на себе руки Сони. Только на этот раз они оказались совсем не такими ласковыми, к каким он уже привык. Руки развернули его и попытались толчком в грудь припечатать к стене, но с равным успехом девушка могла бы толкать саму стену. Тогда она в ярости пихнула его плечом, видимо твердо намереваясь добиться своего, но отлетела, и если бы он не поддержал, непременно рухнула бы на пол.

— Ну, что стряслось? — участливо спросил Вожак, не обращая внимания на ее жалкие попытки вырваться из крепких объятий.

Соня, однако, ничего не отвечала, пока наконец не убедилась в бесплодности собственных усилий.

— А ну поставь меня на пол! — взвизгнула разъяренная красавица, и он покорно повиновался. — А теперь к стене! — не менее решительно приказала она, толкнув его в грудь.

Он насмешливо взглянул на свою подругу.

— Я чувствую, что провинился, — хмыкнул он, — и, похоже, сейчас узнаю в чем.

Он хотел было пройти к столу, чтобы налить себе вина, но девушка вернула его на прежнее место.

— Стоять! — скомандовала Соня. — Смотреть в глаза! Отвечай быстро: о чем ты разговаривал с ней?

— Да ни о чем не разговаривал, — удивился Север. — Сказал, что подготовка почти завершена, что мы готовы.

— Ты не строй из себя невинного младенца! — вскричала она. — Я тебя не про Разару спрашиваю, а про эту степную змею!

— А-а! Так вот ты о чем... — Север помрачнел. — Да ни о чем не разговаривали. Так... — Он неопределенно пожал плечами и потупился.

— В глаза смотреть! — снова взвизгнула она. — А что это за фраза: «Эти слова тебе стоило сказать мне в ту ночь?» В глаза смотри!

— Откуда ты знаешь?

— Да уж знаю. Слышала я ваш разговор от начала и до конца. Тебя догнать хотела, да не успела, — неожиданно для самой себя призналась она.

— Хвала богам, — сказал он с видимым облегчением, — а то я опасался, что тебе нашептали чего не было... Но если ты все слышала сама, то я тем более не понимаю... — Он посмотрел в глаза возлюбленной.

— Не строй из себя младенца! — гневно воскликнула девушка. — Чего ради она решила признаться тебе в любви?

— Это ее дело, — резонно заметил Север. — Моя-то в чем вина?

— А вот насчет вины не знаю. Что между вами произошло? Ты ясно сам сказал об этом — о той ночи! Неужто не помнишь?!

— Я хоть раз обманывал тебя? — спросил он, пытливо вглядываясь в ее глаза, но за пылавшим в них гневом не разглядел ничего. — Не произошло ничего, о чем тебе следовало бы знать. И давай закончим, — твердо произнес он. — Я не стану об этом говорить.

— Ну так я стану, — прорычала она. — Между вами что-то произошло, а поскольку это что-то ты упорно от меня скрываешь, то нетрудно догадаться, что это! Теперь она ловит тебя в коридоре и заявляет, что любит и намерена ждать... Почему ты не отшил ее?! — вскричала она.

— Просто пожалел, — откровенно признался Север.

— Чуткость проявил?! — Она едва не задохнулась от ярости, и Север понял, что должен что-то предпринять, иначе дело кончится скверно. — Готовишь для себя тылы, Вожак?!

— Ну перестань!

Он попытался поцеловать девушку, но тут же отпрянул, потому что она чуть не укусила его. Он не выдержал и расхохотался, но тут же понял, что сделал это напрасно.

— Я задушу тебя! — прошипела она.

— Нет, ты никогда не сделаешь этого, — сказал он и, хоть она сопротивлялась, нежно прижал к себе.

Она вновь попыталась укусить его, и вновь это ей не удалось.

— Еще как сделаю, вот только руки освобожу, — пообещала она. — Ну, что ты палишься на меня?!

— Я люблюсь,— честно признался он, перехватил за спиной ее запястья левой рукой, а правой попытался убрать с лица разметавшиеся медные кудри. Но она отшатнулась от него, как от зачумленного.

— Он любитесь! Сейчас глаза повыцарапываю!

— Да что ж я стану делать без глаз-то? — опешил Север.

— На гадюку эту болотную пялиться перестанешь, а мне и такой сгодишься. Ненавижу,— добавила девушка, как видно, для того, чтобы он понял: она не шутит.

— Неправда,— мягко возразил он.— Я чувствую, что меня любят.

— Ну вот еще! — кипела она.— Тебя ненавидят! А если не повинись, то прикончат!

— Нет.— Он качнул головой, понимая, что ее злость уже проходит.— Этого никогда не случится.

— Кто это тебе сказал? — запальчиво спросила она.

— Твои глаза,— прошептал он.

— Мои глаза?! — Она окатила его яростным взглядом.— Мои глаза тебя ненавидят!

— Твои глаза говорят, что ты любишь меня...— гнул он свое.

— С чего ты взял, мерзавец?! — прошипела она.

— Твои глаза обожают меня именно за это.

— Что за чушь ты порешь, глупец?!

— Ты и в Шадизаре вращалась среди мерзавцев. Просто не нашла среди них достойного себя.

— Уж не ты ли это?! — взъерилась девушка.

— Мне кажется, да.

Она отчаянно рванулась и укусила его за губу. Потом за вторую. Впиалась жалящим поцелуем. Руки выскользнули из-за спины и обвились вокруг шеи Севера.

— Я задушю тебя! — на миг оторвавшись от его губ, вновь пообещала она.— В своих объятиях...— И накинулась на него.

* * *

В свою комнату Халима вернулась вне себя от злости. Она впиалась зубами в подушку, словно в глотку недосыгаемого врага. Великая Волчица! Да что же с ней происходит?! Почему рыжая стерва все время выигрывает?! Ведь она не колдунья, а всего лишь шадизарская воровка. Правда, красивая, но и только! Так почему же раз за разом Халима терпит поражение в этой борьбе за Севера? Все, что она ни делает, оказывается не к месту и не ко времени! Не помог даже дар Тени! А сколько та вела разговоров о том, что необходимо соблюдать осторожность. Чего там осторожничать, если она надавила изо всех сил, а рыжую девку на колени поставить так и не смогла!

Халима почувствовала, что злится и на Тень, словно та тоже была виновата в ее, Халимы, неудачах. Слезы бессильной ярости потекли из прекрасных глаз. Соленая влага расплылась темными пятнами по расшитому замысловатым узором шелку. Колдунья оторвала заплаканное лицо от мокрой подушки, и ее полубезумный взгляд принялся блуждать по комнате, пока не наткнулся на графин с вином. Девушка почувствовала страш-

ную жажду, как будто не пила целую вечность. Она встала, подошла к столу, и рука ее потянулась к графину, да так и замерла на полпути, когда взгляд Халимы коснулся фруктов в высокой вазе и ножа, который лежал там же. На мгновение она испытала непреодолимое желание схватить этот нож, догнать рыжую стерву и всадить в нее клинок.

Усилием воли Халима отогнала от себя опасные мысли: холодная сталь — не ее оружие. Но ведь и колдовство оказалось бессильным! Что же делать? Ярость с новой силой начала закипать в ее душе. Спокойно! Спокойно! Трясущимися руками девушка налила вина в кубок и заставила себя отойти к окну. «Успокойся! — еще раз прикрикнула она на себя. — Успокойся, пока не наделала непоправимых глупостей!» Она пригубила вино и посмотрела в синее небо, жалея, что сейчас не ночь: созерцание звезд лучше всего успокаивало ее. Она пила вино маленькими глотками, старательно разглядывала проплывавшие по небу облачка и чувствовала, как злость отступает.

Халима еще немного посмотрела на ватные клочья облаков, и мысли ее соскользнули в прежнее русло, только теперь она думала о происшедшем совсем иначе. «Что толку злиться на других, если сама кругом виновата?» — с горечью подумала девушка. Ведь знала же, что чем сильнее человек, даже если он не маг, тем сложнее одержать над ним верх... А в том, что воровка сильна, могла убедиться хотя бы по тому, как стойчески та перенесла наказание. Не повесилась, как ее подруга, а

скорее всего даже не вспоминает о нем сейчас. Она же, понадеявшись на свое колдовство, повторила попытку в Доме Огня и проиграла. Да и дар Темного Властелина, пожалуй, оценила неправильно. Разве он не предупреждал ее, что надо соблюдать осторожность и что для начала следует испытать свои силы на заведомо слабом противнике? Тут она вспомнила о перстеньке на пальце соперницы и выругала себя последними словами...

Халима рассмеялась, но смех получился невеселым. Интересно все складывается. Жизненные тропки, по которым идут она и рыжая девка, постоянно переплетаются. Вероятно, потому, что они соперницы. Но как разнятся эти тропы! Несмотря на все изгибы пути и подстерегающие на нем опасности, эта тварь сумела добиться всего, о чем только могла мечтать. Север с ней, а положение свое в Логове она упрочила настолько, что, хотя власти и не обрела, но и саму ее теперь пальцем тронуть никто не посмеет! А она, Халима?! Что ни поворот, то падение, а о каждое препятствие она набивает шишки. И в результате, вместо того чтобы праздновать победу, она стоит у окна и подсчитывает потери!

Гирканка покачала головой. А ведь как странно все получилось. И в Доме Огня, где Халима ее никак не ждала, и сегодня она проиграла потому, что все происходило для нее совершенно внезапно. Она не успевала ни сосредоточиться, ни даже просто взять себя в руки! И вот противница оба раза одержала над ней верх в том, в чем она считала себя особенно сильной! Что ж, быть может, в

этом и заключается ирония Рока? Раз шадизарская тварь не поддавалась на ее чары, так пусть ее сразит острая сталь! Колдунья обернулась, и взгляд ее скользнул по лежащему на столе ножу.

Она не удержалась от искушения и взяла его в руку. Несколько раз взмахнула клинком в воздухе и поняла вдруг со всей определенностью, что для них двоих в этом мире слишком мало места. Тут ей стало смешно, и она расхохоталась, расплескав вино. Такой большой мир, а куда ни ткнись, везде нарываешься на рыжую дрянь! От этой мысли она расхохоталась еще громче, но тут взгляд ее упал на пролитое вино. Рубиновая жидкость собралась каплями на ворсинках ковра и не спешила впитываться. «Как кровь!» — подумала Халима. Как кровь этой твари!

С ней нужно что-то делать, и делать немедленно. По своему богатому опыту колдунья знала, что если с такими делами не разобраться быстро, то почти всегда они переходят в разряд затяжных трудноизлечимых болезней, избавиться от которых порой не удастся до самой смерти. Которые сами иногда становятся причиной смерти лекаря! А умирать Халима не собиралась, да и страдать от болезней тоже. Впрочем, она знала, что делать.

Плохо другое. Пока шадизарка в Логове, ее присутствие придется терпеть, и с этим уж ничего не поделаешь. Но из поездки в Иранистан она вернуться не должна. Прогулка к ущелью Духов станет последней для нее — это Халима решила для себя твердо. Жаль только, что она лично не сможет прикончить соперницу, и еще жаль, что нельзя

облегчить себе задачу при помощи колдовства: Разара мигом распознает, что произошло на самом деле. Только теперь Халима сообразила, что, быть может, прежде ей просто везло в том, что она терпела поражения. По крайней мере, она жива. Теперь ей остается только надеяться на то, что Юрг выложится полностью... Колдунья почти не сомневалась в нем, и все-таки... Хорошо, что она додумалась послать ему в спутницы Яру. Так будет надежнее.

Придя к такому утешительному для себя выводу, гирканка почувствовала себя гораздо лучше. А тут еще одна неожиданно приятная мысль посетила ее. Халима даже не удержалась от улыбки. Рыжая, сама того не подозревая, подсказала ей прекрасную идею: притвориться смилившейся! Здраваться с ней и с Севером так, словно ничего между ними не произошло. Благо об этом никто, кроме них, не знает! Зато и подозрений никаких не возникнет, когда с соперницей случится беда. Юрг не проговорится, разве что захочет отправиться вслед за своей жертвой, да и Яре она доверяет. Впрочем, если та попытается вести против нее свою игру, то быстро пожалеет об опрометчивом решении.

Халима не смогла сдержаться и побежала к Юргу. Ей требовалось удостовериться в том, что его боевой задор не пропал, что он по-прежнему готов выступить в роли ее оружия. Юрг сидел у себя. После того как Кучулуг отстранил его от занятий, он почти не появлялся вне стен дворца. С утра до вечера не выходил он из своей комнаты и поглощал туранское красное в огромных количествах,

но, видно, что-то всерьез надломилось в нем, потому что хмельное не оказывало на него привычного действия. Зато он стал угрюмым и молчаливым. Мрачным взглядом провожал он Прибылых, которые приносили ему еду и вино, но ни слова не вырывалось из его уст, хотя взгляд говорил о многом. Он копил злобу и ждал. Ждал того мига, когда свершится его месть.

Когда Халима вошла, он мгновенно повернул голову, и угрюмый взгляд его засветился надеждой.

— Ты не передумал? — спросила она, хотя в ответе не сомневалась.

— Я только этим и живу, — хриплым голосом отозвался он. — Когда?

— Как только они покинут Логово, — кратко ответила колдунья.

— Быть может, стоит уйти раньше их, чтобы в пути не разминуться?

— Тогда они узнают о твоём отъезде. — Она посмотрела в быстро трезвеющие глаза Юрга. — Мне кажется, не стоит этого делать, — добавила она.

— Хорошо, — согласился он.

— И помни, Север ни в коем случае не должен пострадать. Он слишком ценен для Логова, — повторила гирканка. — И второе. Убить ее ты имеешь право только на обратном пути. Труп обыщи. Все бумаги, что окажутся при ней, заберешь.

— Вожак, безусловно, ценен для Логова, — поджав губы согласился Юрг. — А как насчет меня?

— Для этого ты и едешь, — заверила его Халима. — Твое задание утверждено Белой Волчицей.

Разумеется, кроме устранения девки. Так что все теперь зависит от тебя. Позаботишься о спутнице Вожака, спасешь его самого и документы, и ты на коне, а при случае и я не останусь в долгу. Ну, а если нет... — Она развела руками. — О возможных последствиях думай сам. В худшем случае, однако, ты просто останешься в нынешнем положении.

Угрюмую физиономию наставника перекосила злобная ухмылка.

— Уж я расстараюсь, госпожа, — процедил он сквозь зубы, и жрица лишней раз удостоверилась, что не ошиблась в своем выборе.

— С тобой отправится Яра.

— Зачем она мне? — насторожился Юрг. — Лишняя обуза в дороге.

— Думаю, тебе представится случай убедиться в обратном.

— О чем ты?

— Не забывай, сколько необдуманных поступков ты совершил в последнее время. Она всегда поможет тебе советом.

— Советом? — недоверчиво переспросил он. — Скажи лучше — указом!

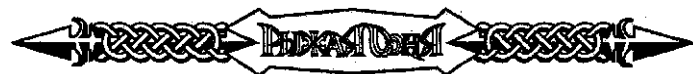
— Именно советом, — помня об уязвленном самолюбии Юрга, настаивала на своем Халима.

— Скажи мне одно, — помрачнев еще больше, спросил воин: — кто главный? Я или она?

— Во всем, что касается военных вопросов — ты, в остальном она.

— Я снова тебя не понимаю, — покачал он головой. — Что за остальные вопросы?

— Хорошо. Как ты собираешься действовать?

— Устрою засаду,— просто ответил он,— а когда появятся Вожак и Телохранитель, подстрелю девку.

— Очень хорошо,— кивнула колдунья.— А ты знаешь, что они возьмут с собой волков и Вестницу?

Она еще не кончила говорить, но уже поняла, что слова ее попали в цель.

— Нет,— ответил тот.

— Тебе придется очень постараться, чтобы они тебя не заметили. И не забывай еще об одном: ты должен охранять Вожака. Как ты собираешься сделать это, оставаясь незамеченным?

— Да...— Юрг озадаченно поскреб подбородок.— То, что ты сказала сейчас, сильно меняет дело.

— Еще не поздно отказаться,— насмешливо заметила девушка.

— Ну уж нет! — Он упрямо тряхнул головой.— Я хочу увидеть, как эта тварь завизжит, пронзенная моей стрелой!

— Смотри только, чтобы Север не стал свидетелем твоей радости, иначе сам завизжишь!

— Но если мне придется защищать его...

— Если примешь бой на его стороне, тогда другое дело! И можешь открыто сослаться на приказ Белой Волчицы. Но с его напарницей все обстоит иначе! Теперь ты понимаешь, что один неверный шаг, и...— Юрг хмуро кивнул.— И еще одно. Разара хочет быть уверена, что ты не воспользуешься случаем и не прикончишь напарницу Севера. Именно поэтому она посылает с тобой Яру. Так что жрица должна вернуться невредимой. Но не опасайся — она тебя не выдаст. Она на нашей стороне... Но только в отношении Сони.

— Теперь я все понял.

— Хорошо. Яра поможет тебе советом. Ей проще выбрать место для засады, она сумеет уничтожить ваш запах, чтобы волки не учуяли. С ней я отправлю Вестницу, которая отыщет незаметное сверху укрытие. Так что прислушивайся к мнению Яры. Это моя просьба.

— А если представится выбор: Яра или?..

— Тогда плюнь на нее. Я сумею тебя оправдать.

— Ну вот с этого и следовало начинать! — повеселел Юрг.

— Но учти, Вестница расскажет мне все. Мне,— добавила она со значением,— а не Разаре. Так что если погибнут обе...

* * *

Наконец настал день отъезда. С утра Север лично, стараясь ничего не упустить, принялся укладывать в водонепроницаемые кожаные мешки все необходимое, так что приготовления закончились только к полудню. Вожак и его Телохранитель направились к воротам, где их поджидала восьмерка коней: четыре навьюченных поклажей, два верховых и два без седел и тюков на спинах — на смену.

Между конями разлеглись Вулоф с Вилвой. Задира и вороненок расположились на седле одного из коней, на вьюке примостилась выбранная Халимой Вестница. Задира превратилась в почти взрослого зверька, напоминавшего скорее помесь крысы с лаской. Вороненок же стал крупной молодой вороной с отливающими на солнце синевой черными перьями и сверкающими, как драгоценные кам-

ни, глазами. Они сидели и переругивались, каждая на своем языке, но друг друга, похоже, понимали прекрасно. Старой Вестнице время от времени надоедала их глупая перебранка, и тогда над плацем разносилось оглушительное «Кра-а!». На мгновение спорщики умолкали, но почти сразу принимались за старое.

Вулоф не отрываясь смотрел на них, склонив голову набок, и его оскал чем-то необъяснимо напоминал ехидную ухмылку. Вилва же просто лежала, положив огромную голову на передние лапы и ни на кого не обращая внимания. Вамматар едва сдерживался от смеха. Спор тем временем достиг высшей точки накала, и Задира вскочила на задние лапы, но как только это произошло, вороненок легко вспорхнул и перелетел на седло соседнего коня. Тот повернул голову и, казалось, с любопытством посмотрел на маленького седока. Задира уперлась лапами в бока и, надменно взглянув на свою подругу, что-то прострекотала. Похоже, что-то обидное, потому что молодая ворона развернулась и, наклонившись, каркнула. Ответ оказался настолько оскорбительным, что Задира на миг опешила, но через мгновение застрекотала с новой силой.

— Угломонитесь обе! — прикрикнул на них Вамматар. — Идут.

Север с Соней уже миновали парк и шли мимо озера, приближаясь к плацу, где заканчивались утренние занятия.

— На что вы годитесь, недоноски? — гремел бас Кучулуга.

Он презрительным взглядом обвел строй новичков и, чтобы подчеркнуть свое презрение к ним, плюнул на камень плаца. Взгляд же его говорил, что он ругает не просто всех скопом, но и каждого в отдельности. Когда в поле зрения молодых людей появилась Первая Пара Логова, те начали восторженно подвывать и улюлюкать, восхищенно разглядывая рыжеволосую красавицу.

Кучулуг побагровел от гнева, и строй притих. Но сказать Клык ничего не успел. Звук шагов заставил его обернуться. Увидев Вожака с напарницей, он улыбнулся.

— Теперь понятно, отчего они одурели... — кивнул он, взявшись за рукоять заткнутого за пояс клинка. — Что ж, желаю вам удачи.

Он кивнул обоим и собрался сказать еще что-то, но в этот миг подошла сопровождаемая Халимой Белая Волчица. Все обернулись к ней.

— Удачи вам, — повторила она пожелание Кучулуга и, как заботливая мать, поправила на груди Севера доспехи, чем привела окружающих в состояние немого изумления. — Возвращайтесь, — сказала она после паузы. — С документами или без, главное — возвращайтесь живыми.

— Не беспокойся, Владычица, — отозвался Вожак. — Мы обязательно вернемся, и вернемся с планами.

— Ты действительно веришь в успех?

— Я верю в то, что человеку по силам все, но только до тех пор, пока он верит в себя.

— Что ж, хорошо сказано. Пусть же Великая Волчица услышит твои слова и проследит, чтобы

и на деле получилось так же. И помни,— добавила она: — в какую бы передрягу ты ни попал, тебе придут на помощь друзья.

Боковым зрением Север увидел, как вытянулось от удивления лицо Вамматара, зато Кучулут остался невозмутимым. Ловчий подвел к ним пару оседланных гнедых, и Вожак одним махом вскочил в седло. Соня последовала его примеру. В тот же миг волки вскочили, вороны взвились в воздух, а Задира устроилась на плече своей хозяйки.

— Спасибо за все,— сказал Вожак, ударил коня по крупу, и маленький отряд, миновав ворота Логова, взял резко вправо.

Последним тронулся с места Вамматар, пустив коня в галоп, чтобы нагнать Вожака.

Часть вторая

ыехав из ворот, Вамматар обернулся и успел бросить всего один мимолетный взгляд на пеструю толпу провожавших, в которой стояла сама Владычица. На ее некрасивом лице играла улыбка, придавая ему необычно мягкое выражение.

В прощальном приветствии Разара подняла правую руку и долго слегка помахивала ею, хотя Соня с Севером уже скрылись за изгибом дороги. В следующий миг стена скрыла всех от Ловчего, и он быстро догнал двух всадников, скакавших во главе небольшого отряда.

— Что ты сделал с ней?! — крикнул он, поравнявшись с Вожаком.

— С кем? — не понял тот.

Девушка, как и он, обернулась, ожидая разъяснений.

— С Разарой,— пояснил Ловчий.— Она улыбалась! — воскликнул он.— Она даже помахала вам рукой!

— Жаль, я не видел этого! — отозвался Вожак, перекивая глухой топот копыт, а Соня звонко рассмеялась. — Ничего я с ней не делал! — добавил он, помолчав немного. — Похоже, роль жестокой властительницы никогда не нравилась ей по настоящему, а я лишь помог ей осознать это.

При последних словах возлюбленного Соня только слегка улыбнулась. Она уже успела привыкнуть к мысли, что он успевает позаботиться обо всех, подумать обо всем и до всего ему есть дело.

Слева мелькнула огромная серая фигура. Это Вулоф обогнал отряд и гигантскими прыжками унесся вперед — разведать дорогу. Кони громко заржали и прибавили шагу, но волк уже скрылся с глаз. Здесь, в долине Волчьего Логова, такая осторожность вряд ли имела смысл, но она уже вошла в привычку, и лучше уж, как любит повторять Север, перестраховаться, чем позволить застать себя врасплох.

Подумав об этом, рыжекудрая красавица едва заметно нахмурилась. Девушка уже не впервые ловила себя на том, что повторяет мысли, высказанные Севером, и, более того, старается действовать так, как он считает разумным. Однако недовольство ее оказалось мимолетным и почти тотчас улетучилось. Она давно уже на опыте удостоверилась в превосходстве своего избранника во всем, в чем прежде считала себя непревзойденной. Вот разве что ее красота... Она бросила взгляд на скакавшего рядом с ней могучего воина и хмыкнула. Глупо сравнивать! Соня знала, как неотразимо ее внешность действовала на мужчин, но она

видела и другое: ни одна женщина, встретив Севера, не оставалась равнодушной. Это, конечно, не могло не щекотать ее самолюбия и в то же время заставляло ее, ревнуя ко всем подряд, злиться на Севера, хотя умом она и понимала бессмысленность и ревности, и злости.

Волки уже вернулись и теперь бежали справа и слева от всадников, время от времени оглядываясь и проверяя, не отстал ли кто. Скакуны настороженно косились на лохматых охранников, но не шарахались, хотя и старались держаться теснее друг у друга.

Вестница то и дело взлетала, чтобы обозреть окрестности с воздуха. Всякий раз вороненок тянулся за ней следом, осваивая ремесло, которым ему предстояло заниматься в будущем. Однако и они быстро возвращались и устраивались на прежних местах.

Задира спокойно сидела на плече своей хозяйки и с интересом глазела по сторонам. Она уже успела забыть, что такое настоящий лес: из-за стен Логова все казалось ей совершенно иным, а первое путешествие давно изгладилось из памяти.

Неширокая река с веселым журчанием несла свои воды на восток, деля долину на две примерно равные части. Та же дорога, по которой они скакали с Севером в самом начале лета к выходу на территорию Бритунии, теперь вела их на запад, но Соня сразу увидела, что тут ездили гораздо реже. Местами ее полностью закрывал присыпанный прошлогодней хвоей оранжевый песок, хотя таких участков на пути встретилось не слишком много.

В основном дорога состояла из плотного красного песчаника, из которого копыта коней выбивали брызги, неприятно напоминавшие девушке капли крови... Зато на обочинах, там, где начинался лес и деревья росли гуще, мягкая коричневая хвоя укрывала песок толстым ковром.

Сосны грелись в солнечных лучах, блестя золотистой чешуей, а за ними сплошной стеной стояли могучие темные ели. То тут, то там солнце прорывалось сквозь строй древесных великанов, а над головой, над укутанными зелеными иглами ветвями, раскинулось пронзительно-синее небо с плывущими по нему хлопьями белоснежных облаков.

Отряд скакал без остановки, и Соня думала, какой наивной оказалась их весенняя попытка незамеченными пробраться в Логово. Не говоря уж о том, что Вестница следила за ними от самого Шадизара и только здесь, удостоверившись, что они спустились в долину, отправилась с донесением к Разаре. Но даже не будь ее, одни только волки Вулофа без труда отыскивали бы непрошенных гостей.

Теперь, в конце лета, обратная дорога заняла гораздо меньше времени. Еще не настал вечер, а отряд остановился у нижнего края тропы, той самой, что привела их когда-то с перевала в долину. Соня узнала это место по огромной ели, которая словно нарочно закрывала путь наружу мохнатыми ветвями. Длинные гирлянды серебристого, выгоревшего на солнце мха, свисавшие со ствола, не позволяли ошибиться.

Здесь все трое спешили, а Вестница улетела на разведку, проверяя, нет ли кого-нибудь на перевале. Отфыркиваясь после долгого бега, кони потянулись к воде.

— Не знаю, что ожидает вас на пути, а потому даже не представляю, чего пожелать вам,— сказал Ловчий, серьезно глядя на них.

— Просто пожелай нам удачи,— с улыбкой посоветовала Соня.

— Я пожелаю вам вернуться живыми,— откликнулся Вамматар.

— Спасибо, дружище,— ответил Север, обмениваясь с ним крепким рукопожатием.

— Быть может, все-таки перекусите? — спросил Ловчий.— Дорога-то впереди дальняя.

— Именно! — Север отрицательно качнул головой.— За приглашение спасибо, но у нас впереди действительно длинный путь. Нужно еще устроиться на ночь, и мне не хотелось бы провести ее на перевале. Но-о! Вперед! — крикнул он, дернув за поводья своего гнедого, когда Вестница вернулась и спокойно уселась ему на плечо.

Опережая его, Вулоф резко рванулся вверх по тропе. Вожак направился следом, ведя за собой скакуна, но, сделав два шага, обернулся.

— Помнишь наш разговор? — спросил он и, когда Вамматар кивнул, добавил: — Здесь тоже стоит поставить пост.

Соня сокрушенно покачала головой. Ох уж эти мужчины! Все мысли о войне, о драках и засадах! Говорить, однако, она ничего не стала и молча повела своего скакуна. Вскоре небольшой

отряд, двигавшийся цепочкой, растянулся по крутому склону и почти скрылся среди камней. Теперь Соня шла последней. Вилва сновала взад-вперед, следя за тем, чтобы ни один из коней не сбился с пути, что, впрочем, было совершенно невозможно. Север вдруг встал, обернулся и помаhal рукой. Она поняла, что он добрался до верхней точки. Это хорошо. Рыжеволосой воительнице уже начал надоедать казавшийся бесконечным подъем.

Она тоже взглянула назад. Вамматар все еще стоял у подножия горы, смотрел им вслед и, когда они обернулись, помаhal рукой. Соня ответила и продолжила подъем.

Через несколько десятков шагов она поравнялась со своим спутником и, остановившись, опять посмотрела назад, на оставшуюся за спиной долину. Вершины елей и сосен застыли в неподвижном строю. Непривычно защемило в груди, как бывает, когда покидаешь родные места и не знаешь, вернешься ли...

— Пора, — сказал Север, поторапливая девушку. — Нам еще предстоит покинуть ущелье да поискать себе место для ночлега. И я хочу все это успеть засветло.

— Ну так в чем же дело? — усмехнулась Соня. — Догоняй!

Она вскочила в седло. Гнедой резко взял с места и понесся по петлявшей между камней узенькой тропинке с такой скоростью, словно седок задумал свернуть себе шею или само животное лишилось рассудка от страха. Проход в скалах то

расширялся, то сужался, но девушка столь искусно направляла скакуна, что тот не только нигде не остановился, но даже ни разу не замедлил своего сумасшедшего бега. При этом всадница еще успевала оборачиваться и поддразнивать Вожака. Тропинка спускалась все ниже и ниже. Вскоре склон стал не таким крутым, показались редкие островки выгоревших на солнце кустарников. Соня натянула поводья и развернула коня, наблюдая с усмешкой, как покинутый ею караван спускается по извилистой тропе.

Север остановился рядом и многозначительно приподнял бровь:

— Однако...

— Не ожидал? — спросила она и звонко рассмеялась.

— По правде говоря, нет, — честно признался Вожак.

— Теперь знай! Я ведь наполовину гирканка, — добавила она уже серьезнее.

Девушка осмотрелась. На первый взгляд, ничего здесь не изменилось. Вот только кусты, в начале лета покрытые молодой зеленью, давно пожухли и лишь кое-где сохранили темную, пропыленную листву.

Не тратя времени на лишние разговоры, они поскакали вперед. Солнце давно прошло половину дневного пути и, хотя стояло еще высоко, теперь неуклонно двигалось к горизонту. Север нагнулся, на ходу шепнул что-то Вулофу, и тот помчался вперед, обогнав скакавших резвой рысью коней так легко, словно те стояли на месте. Вестница

парила над их головами, а вокруг нее летал вороненок.

— Куда это он? — перекрикивая стук копыт, поинтересовалась Соня.

— Я сказал ему, где искать место для ночлега.

Мимолетное впечатление не обмануло. Теперь девушка увидела, что перевал выглядит еще безрадостней, чем показалось ей в первый раз. Редкие деревца кривыми корягами застыли на обочинах, словно погибшие на посту стражники. Кое-где рыжими клочьями торчала между камнями пожелтая трава.

Однако дорога шла под уклон, и вскоре мир вокруг начал оживать. Трава на склонах хоть и оставалась вялой, но начала приобретать зеленоватый оттенок, на деревьях появились, правда скудные, но все-таки листья.

Уже вечерело, когда небольшой отряд выехал из ущелья, которое было единственным проходом в горах, отделявших Гиперборею от остального мира. Вожак остановил коня у исполинского черепа.

— Ты знаешь, что это? — спросил он у пристроившейся рядом девушки.

— Врата Черепа, — спокойно ответила та. — Про них всякий знает.

Они подъехали ближе. Перед ними громоздился выбеленный дождями, иссушенный солнцем череп гигантского животного. Даже если бы Север встал на коня, то и в этом случае не дотянулся бы до его вершины. Для того чтобы влезть на него, Вожаку пришлось бы вдобавок встать самому себе

на плечи. Череп производил чудовищное впечатление. На его лбу виднелась побледневшая от времени надпись. Соне не пришлось подъезжать ближе, чтобы прочесть эти строки, навсегда отпечатавшиеся в ее памяти, быть может, благодаря тому, что все случившееся с ее спутниками подтвердило: эта угроза — не пустые слова.

— Врата Гипербореи — это врата смерти для тех, кто пройдет через них непрошеным, — прошептала она чуть слышно, но Север кивнул.

— Верно, — согласился он. — Именно таков смысл надписи, и хотя она давно уже перестала внушать людям страх, по-прежнему мало кто идет по дороге, охраняемой черепом.

Соня вспомнила, как поддразнила своих спутников, предложив им не искушать судьбу и, пока не поздно, повернуть назад, но они вместо этого только утвердились в своем желании довести дело до конца.

— Зря время теряем, — заявил тогда Сурхан и первым пустил коня навстречу смерти.

Впрочем, кто знает? Быть может, он и остался жив?

— Зря теряем время, — не отдавая себе отчета, повторила его слова девушка и натянула поводья, разворачивая коня.

— Подожди! — Север взял ее за руку, останавливая. — Вулоф еще не вернулся.

Воительница кивнула, отпуская поводья, и посмотрела на солнце. Тени резко удлинились, но до заката еще оставалось время, хотя и не слишком много.

— Помнишь, ты спрашивала, — продолжил Во-
жак, — кому принадлежали те рога? Вполне может
статься, что это череп одного из таких животных.
Хотя Большой Рог когда-то носил явно другой
зверь.

Черная точка выросла до размеров птицы. Мо-
лодая ворона чаще замахала крыльями, примеря-
ясь к плечу девушки, но Задира сварливо застре-
котала на нее, и та мгновенно перепорхнула на
плечо Севера.

— Трхам-м! — высказался вороненок и показал
клювом на уходившие на восток предгорья Грас-
кааля.

— Едем! — крикнул Север, разворачивая коня.

Вулофа они так и не увидели, зато Вилва по-
стоянно крутилась рядом и работала за двоих, под-
гоняя отставших коней. Вороненок, как только они
тронулись с места, снялся с плеча Севера и поле-
тел вперед, показывая дорогу.

Хотя девушка приготовилась к еще одному
длинному переходу, скакать пришлось сравни-
тельно недолго. Вскоре они увидели слабый ды-
мок костра, удачно укрытого со стороны дороги
скальным выступом, и человека, сидевшего рядом.
Вулоф пристроился тут же и лениво поглядывал
на них, приглашая присоединиться. Еще через
мгновение Соня натянула поводья и легко спрыг-
нула на землю.

— Надо же, Хэлдир! — удивленно произнесла
она и подозрительно покосилась на Севера. — Не
могу сказать, что не рада, но столь неожиданная
встреча наводит меня на невеселые размышления.

Не успели они покинуть Логово, как вновь на-
чались секреты, и внезапная перемена совсем не
понравилась красавице. Старец ухмыльнулся и
покачал головой, прекрасно представляя, что сей-
час должно произойти.

— Я уже седмицу поджидаю вас здесь, — с со-
вершенно невинным видом заявил он, как всегда,
опережая ее намерения.

— Ты зря беспокоилась, — облегченно вздохнул
Север. — Мы договаривались о встрече, но я не был
уверен, что она состоится. Именно поэтому и
пустил вперед Вулофа, чтобы он избавил нас от
ненужных поисков.

Соня остановилась, раздосадованная даже боль-
ше, чем в начале разговора. Опять ее обошли, и
снова не к чему придаться! Она возмущенно по-
смотрела на Хэлдира — старый пройдоха! Но тот
только еще шире улыбнулся. Быть может, даже
прочел мысли девушки и посмеялся над ней в
душе! Север неслышно подкрался сзади и обнял
ее за плечи.

— Ну же! — рассмеялся он. — Перестань дуться!

Не видя иного выхода, она позволила усадить
себя на каменную плиту, отполированную неведо-
мыми путниками, и все еще рассерженно посмот-
рела на Вожака, который отошел в сторону, что-
бы разобраться с поклажей.

— Мог бы и сказать, — беззлобно проворчала
она.

— Да закрутился я, — честно признался он, рас-
седлавая коней. На удивление быстро справив-
шись со своей работой, он устроился рядом с де-

вушкой.— Совсем из головы вылетело,— добавил Вожак, вновь обнимая ее за плечи.

— Так он поедет с нами?! — уже успокаиваясь, спросила Соня.

Что ж, если так, то даже лучше. За две проведенные вместе луны она успела полюбить старца. Он совершенно не походил на Севера, и в то же время чувствовалось в обоих некое единство... Единство сильных духом, удесятерившее силы каждого.

Все это время Хэлдир молча наблюдал за ними, длинной палкой помешивая угли в костре, над которым готовилась, исходя потрясающим ароматом, кабанья нога.

Только глаза его, как всегда, смеялись, отражая временами вспыхивавшие угольки, Девушка посмотрела на него, изобразив возмущение, которого уже не испытывала, и почувствовала, как остатки раздражения улетучились. Неожиданно для самой себя, она прыснула, вспомнив, как развлекала подруг рассказами о днях, проведенных вне Логова, и уткнулась Северу в плечо.

— Нет,— улыбнулся старик.— К сожалению, у меня и своих дел по горло. Однако я кое-что привез и хочу рассказать вам последние новости. Но сперва вы поведайте мне, как сложились дела в Логове? — попросил старец. Видно, что-то изменилось во взгляде девушки, потому что он тут же полюбопытствовал: — Я вижу, это место становится для тебя домом?

Он вопросительно посмотрел на нее, но шадизарка неожиданно грустно покачала головой.

— Дом там, где тебя любят,— повторила она то, что недавно сказала Северу.— Не знаю, същется ли когда-нибудь такое место...— Девушка посмотрела на мужчин и улыбнулась.— Лучше уж ты, Хэлдир, расскажи, что произошло у тебя новенького.

Они переглянулись с Севером, и тот кивнул.

— Что ж, дома все по-прежнему,— скупое ответил старец и передал Соне и Северу по амулету.

Девушка тут же принялась его рассматривать. Небольшой, похожий на каплю камень густо-синего цвета в простой серебряной оправе в виде сжавшей его когтями орлиной лапы на короткой витой цепочке. Соня пожала плечами и надела амулет на шею, рядом с подаренным Севером медальоном, с которым она теперь не расставалась ни днем, ни ночью. Вожак тоже надел свой и теперь пробовал мясо ножом. Похоже, жаркое уже приготовилось, потому что он удовлетворенно кивнул и принялся нарезать его пластами. Глядя, как он ловко справляется с мясом, Соня почувствовала сильный голод и вспомнила, что не ела с самого утра. Рот ее мгновенно наполнился слюной.

— С этими амулетами вы можете чувствовать себя в безопасности. Никто не в силах обнаружить ни их, ни вас, пока они с вами.

— Наконец-то я вздохну спокойно,— отозвалась насмешница.— Еще бы поесть чего-нибудь,— добавила она доверительно,— и можно сказать, что все мечты сбылись.

Мужчины вновь переглянулись, и Хэлдир усмехнулся.

— А ты совсем не изменилась,— заметил он.

— Точно,— деловито подтвердила девушка, впинаясь зубами в поданный Севером кусок мяса.

— Логово зато изменилось,— хмыкнул Вожак.

— Да ну?! — удивился старец.

И пока Соня жадно поглощала еду, ее спутник описал в подробностях все проделки своей строптивой подруги.

Когда он закончил говорить, девушка как раз вытирала пальцы куском чистого полотна.

— Тому, кто покажет мне, где можно прилечь, обеспечена моя пожизненная благодарность,— сообщила она, сладко позевывая.

Север устроил ее тут же, расстелив одеяло на шапках сухого мха. Она полулежала и, блаженно, как сытая кошка, шурясь, смотрела на мужчин, сидевших у костра. Однако едва голова ее коснулась мха, как девушка почувствовала, что проваливается в сладкую полудрему. Два силуэта в ступавшихся сумерках четко вырисовывались на фоне догорающего костра, доносились обрывки тихого разговора. Смысла она не улавливала, да, по правде говоря, и не пыталась уловить.

Только один раз она невольно вздрогнула, когда сквозь сон услышала имя Лорны. Это Север поинтересовался, как обстоят дела у девочки. Соня давно уже не испытывала по отношению к ней прежней ревности, но, быть может по старой памяти, насторожилась. Хэлдир, однако, сообщил, что Лорна перестала дуться и успокоилась. Соне показалось, что Вожак удовлетворенно кивнул и на некоторое время умолк. Соня не могла согласиться с ним. Насколько она успела узнать девоч-

ку, Лорна, по крайней мере своим упорством, казалась очень похожей на нее. А она не привыкла отказываться от своих планов, какими бы вздорными или неосуществимыми ни выглядели они в глазах окружающих. Как говорится, было бы желание, состоится и охота. Правда, теперь ее юной сопернице охотиться несподручно — слишком далеко. Мысли Сони начали путаться, но тут Север, словно соглашаясь с ней, заявил:

— Эта девочка не из тех, кто быстро успокаивается.

— Наверное, ты прав,— подумав, согласился старец.— Она грустна и неразговорчива, но время лечит. К тому же Лорна еще ребенок. В ее возрасте люди порой меняются очень сильно и достаточно быстро.

— Надеюсь, что ты прав,— кивнул Север.

Эти слова окончательно успокоили девушку. «По крайней мере, звучит недвусмысленно»,— лениво подумала она. Соня слышала, как Хэлдир сообщил еще о том, что выполнил какую-то просьбу Севера, но не только не поняла, о чем идет речь, но даже окончания фразы не разобрала. Мир подернулся серой пеленой, глаза ее закрылись, и она провалилась в сон.

* * *

На следующее утро девушка проснулась рано, но тем не менее обнаружила, что спутник ее уже успел подняться, оседлать коней и теперь готовит нехитрый завтрак. Сосуд с травяным настоем закипал над костром, а сам Север нарезал ломтями

холодное мясо. Соня поднялась, блаженно жмурясь, потянулась и побежала умываться к ручью.

Хэлдира, как оказалось, и след простыл. Пропал и его конь. Значит, старец отправился по своим делам. Она поймала на себе восторженный взгляд влюбленного в нее мужчины и улыбнулась в ответ.

— Где наш старый друг со скрипучими коленками? — игриво поинтересовалась она.

Вожак хмыкнул и покачал головой, но, похоже, не обиделся.

— Уехал еще ночью, — сказал он. — Просил извиниться перед тобой за то, что не попрощался: у него слишком много дел накопилось за время отлучки.

Север разлил отвар по кружкам и жестом пригласил ее к завтраку. Она вдохнула острый аромат странного напитка и блаженно зажмурилась. Пахло чем-то незнакомым, хотя и весьма приятным.

— Куда теперь? — спросила Соня, прихлебывая согревающий отвар маленькими глоточками, как смаковала обычно вино.

Прежде чем ответить, Север осмотрелся.

— Теперь на юг, — сказал он. — Правда, придется пробираться в объезд. Мы ведь сейчас неподалеку от северной оконечности Великого Соляного Болота.

— Зачем мы вообще забрались сюда? Или ты вчера не знал о том, что поутру придется выбираться?

— Потому и забрались, что здесь никто не бывает. Спокойная ночь стоит того, — ответил он.

Солнце еще только поднималось над горами, а отряд уже тронулся в путь. Местность все еще шла под уклон, хотя и не так заметно, как накануне. Однако вскоре каменистая равнина сменилась равниной болотистой.

Впрочем, в северной части Великое Соляное Болото больше походило на систему небольших, связанных между собой озер с обманчиво чистой, прозрачной водой, но берега блестели от высохшей соли, красноречиво говоря о том, что жажду эта вода не утолит.

— Придется ехать западнее, — сказал Север, — иначе скоро останемся без воды.

Весь день они скакали, держа путь на юго-запад, и только к вечеру им попался небольшой ручей. Север попробовал его воду — она оказалась пресной — и решил, что лучшего места для ночлега не найти. По крайней мере, здесь есть чем напоить коней, да и травы для них по берегам ручья росло вдоволь.

Спать улеглись, с трудом выбрав среди камней место поровнее, так что утром без всякого сожаления встали с первыми же лучами солнца. Наскоро позавтракав, тронулись в путь. Солнце припекало, и разговор не клеился. Даже Задира сидела на плече хозяйки, уныло озираясь по сторонам: ей явно не нравилась раскинувшаяся вокруг каменистая пустыня. Волки тоже не убегали вперед, и только две вороны кружились высоко в небе. Соня знала, что переход до немедийской границы не может занять больше трех дней, но дорога убегала под копытами коней, а горизонт оставался чи-

стым, без малейших признаков леса. Они уже решили было остановиться на обед, когда незадолго до полудня вороненок опустился Северу на плечо и, коротко каркнув, снова взмыл в небо. Приглядевшись, путники заметили впереди невысокие холмы.

Север остановил коня. До сих пор неторопливо трусившие волки мгновенно расселись рядом. «Похоже, им что бежать, что сидеть — все едино», — с завистью подумала Соня. Тем временем Вожак посмотрел из-под руки вверх и указал на юго-восток: вороны кружились впереди и левее. Они поскакали в том направлении и вскоре выбрались на заброшенную дорогу. Соня подумала, что в своем желании уйти подальше от ненавистного болота они немного переусердствовали. Дорогой явно редко пользовались. Тем не менее, подъехав к холмам, которые вблизи показались им не такими уж низкими, они увидели покосившийся столб и валявшуюся рядом с ним выбеленную дождем доску. Север свесился с седла и подхватил ее. На обратной стороне еще виднелась выцветшая надпись: «Яма». Дорога поднималась вверх между холмами и дальше пропадала из виду.

— Ты смотри! — хмыкнула Соня, глядя на изувачшего надпись спутника. — Даже перед Аренджуном на Тракте нет никаких указателей!

— Так то Аренджун, — заметил Север, осматриваясь. — Все дороги в Заморе ведут либо к нему, либо от него.

— Тоже верно, — кивнула девушка. — Ну что, пообедаем в Яме? — бодро спросила она.

— Ты вроде как-то уже обедала в таверне Пограничного Королевства, — насмешливо заметил Север.

— Ну... — протянула воительница. — Не может же везде царить такой кошмар! К тому же Яма стоит на перекрестке дорог, и наверняка ее жители кормятся за счет проезжающих.

— Ну что ж, посмотрим, — отозвался Север. — Вулоф! Вилва! — крикнул он волкам. — Держитесь поближе к коням!

Он ударил гнедого пятками, и тот быстрой рысью понес его вперед. Почти сразу Соня поравнялась с ним, так что на пригорок они въехали одновременно и здесь вновь остановились. Четыре холма и впрямь располагались почти правильным квадратом, точно насыпанные специально. Деревня состояла примерно из сотни покосившихся хибар, стоявших довольно далеко друг от друга чуть ли не у них под ногами, потому что селение и правда находилось в яме, или во впадине между холмами.

Две пересекавшиеся дороги делили деревню на четыре равные части. В центре, где они сходились, Соня увидела нечто напоминавшее площадь, на юго-восточном краю которой громоздилось показавшееся ей огромным по сравнению с другими здание.

— Но-о! — Север легонько ударил по крупу своего скакуна, и тот шагом начал спускаться по дороге, ведущей в Яму.

Очень скоро они достигли границ селения. Здесь уже дорогой явно пользовались. Это Соня поняла

сразу по бесконечным рытвинам и ухабам, которые в осеннюю распутицу наверняка делали дорогу непроезжей, а ведь копыта коней ступили, как показалось всаднице, на главную улицу.

Вблизи деревеньки производила гораздо худшее впечатление, чем с вершины холма. Дома едва стояли, и иногда девушка не могла понять, почему они еще не рухнули. По краям улицы между кособокими строениями высились груды мусора и пищевых отходов, которые, быть может, только благодаря стоявшей все лето прохладе не смердели. Однако исходивший от них запах тлена говорил о том, что по осени Яма станет походить на отхожее место. Над кучами с надсадным жужжанием кружились огромные серые тучи мух. Поднимавшаяся от дороги пыль настойчиво набивалась в нос, и Соня только отфыркивалась и недовольно поглядывала на Севера, словно это он затащил ее сюда против воли, а не она сама изъявила желание отобедать в придорожной таверне.

Путники уже приближались к центральной площади, когда заметили первые признаки жизни: хриплые голоса нестройно горланили песни похабного содержания. Соня с Севером подъехали к краю площади и здесь уже в третий раз остановились, осматриваясь. Здание на противоположном углу перекрестка и в самом деле оказалось огромным и даже сохранилось лучше прочих, хотя крыша посередине просела, грозя провалиться в любое мгновение. На булыжной мостовой, по крайней мере в трех местах, никак не могла как следует разгореться драка. По-видимому, жара нагоняла на

жителей Ямы непривычную вялость. О том же свидетельствовали и несколько разморенных пьяниц, которые разлеглись на площади и сосредоточенно храпели, не обращая никакого внимания на полчища мух. Дверь отворилась, и на пороге возник невероятно широкоплечий, словно приплюснутый сверху, коротышка. Он обернулся на миг и хрипло гаркнул:

— Я сейчас! Разомнусь только...

Все, кто был на площади, поняли его слова совершенно однозначно, потому что один из вяло дерущихся мгновенно оживился и бросился на новичка, но тут же получил дубинкой по голове и сел, ошарашенно тряся нечесаной башкой. Соня подумала, что если такое происходит постоянно, этим в какой-то степени объясняется низкорослость обитателей Ямы.

— Смотри, какие они все породистые! — хмыкнула она. — Оп! Один получил по мозгам!

— Не думаю, что это слишком повредило ему, — отозвался Север.

Он тоже обратил внимание на то, что все участники потасовки, включая спящих, оказались такими же широкоплечими коротышками. Появление нового действующего лица заставило-таки остальных зашевелиться, и потасовка разгорелась с новой силой. Плечистые крепыши метались по площади, размахивая кулаками размером с голову годовалого ребенка. Удар — падение, еще удар — и опять падение. Соня покачала головой, представив, сколько сил тратится бессмысленно, а главное, насколько крепким должен быть череп, что-

бы выдерживать такое вот ежедневное развлечение.

— Славная мужская гулянка, — ухмыльнулась красавица, — а не развлечение для слюнтяев.

Вожак кивнул, соглашаясь. Становилось ясно, что в Яме не только любят, но, что самое главное, умеют отдыхать. Наконец в центре площади завязалась настоящая драка. Коротышки подпрыгивали и орали друг на друга, а тот, кто держал дубинку, орал на всех одновременно. Вестница и ее ученица кружили над дерущимися и яростно каркали, добавляя неразбериху во всеобщую сумятицу, так что понять, о чем идет спор, ни Соня, ни Север так и не сумели.

— Хватит с меня развлечений. Едем! — решительно заявил Север и направил гнедого к таверне.

Возле оглушенного дубинкой, который так и сидел в пыли, Вожак придержал коня.

— Скажи, уважаемый, где здесь можно хорошо пообедать? — спросил он.

Тот, не отводя взгляда от спорящих, медленно, словно во сне, поднял руку и указал на огромное строение на углу площади.

— А не скажешь ли, добрый человек, где я могу оставить коней? — продолжил Север.

Так и не посмотрев на них, коротышка указал на угол таверны где воин заметил нечто вроде конюязи. Самым интересным оказалось то, что жители Ямы не обратили никакого внимания ни на путников, ни на их животных, словно такие гости являлись к ним по десять раз на дню. Север привязал коней и подошел к остановившейся у

двери подруге, которая внимательно изучала вывеску. Прибитая над дверью широкая, покрытая трещинами доска еще хранила на себе следы соблазнительного приглашения: «Промочи глотку!»

— Что-то мне не хочется здесь пить, я только перекушу. — Девушка толкнула ногой покосившуюся дверь и вошла внутрь.

В нос ей ударили запахи перекипшего пива, перебродившего вина и прогорклого жира. Север вошел следом и остановился рядом, окидывая внимательным взглядом огромный зал. Загаженные окна почти не пропускали солнечных лучей, и все освещение состояло из нещадно чадивших сосновых факелов да двух огромных очагов, разоженных в дальних углах зала. Почти половина из двух десятков столов оказалась занятой. Четыре столба, судя по всему установленные сравнительно недавно, подпирали провалившийся конек крыши. Один из столбов, переломленный посередине, носил следы небрежного или, скорее, неумелого ремонта. Над одним из очагов жарилась кабанья туша, над другим — не иначе как бычья. Бревенчатая перегородка отделяла часть зала, как видно, под кухню. К ней же примыкала занавеска, за которой явно что-то происходило.

В зале стоял оглушительный гвалт. Завсегдатаи спорили во весь голос, пошло шутили, пьяно смеялись. Соня посмотрела на посетителей. М-да, порода... Все, как один, обладали скошенными лбами, как будто по ним лупили с самого рождения. Сросшиеся брови и слюнявые оттопыренные губы придавали лицам одинаковое угрюмо-похотливое

выражение. Внезапно кто-то заметил вошедших, и тут же к ним обернулась едва ли не половина собравшихся в таверне плечистых коротышек. Перепившиеся жители Ямы встретили появление Со-ни совершенно недвусмысленными возгласами скабрезного содержания.

— Хвам, видал?! Ну и девка!..— восхищенно протянул один.

— С дружкой приперлась,— гундосо поделился своим наблюдением его сосед и разочарованно протянул: — Не отколетса...

— А паренек-то хорош! — ответил ему еще кто-то.— Глянь, серьезный какой — того и гляди забодает!

Говорившие так и остались неизвестными, но зато слова их привлекли к Северу с Соней внимание остальных пьянчуг. Налитые кровью глаза загорелись, на отечных лицах заиграли довольные ухмылки, которые тут же гасли одна за другой, едва только коротышки сталкивались со спокойным взглядом Вожака.

Задира застрекотала, сидя на плече девушки: запахи явно не нравились ей. В этот миг к вошедшим подскочил низенький толстяк и согнулся в раболепном поклоне.

— Что желают благородные господа? — елеиным голоском поинтересовался он, ни на мгновение не переставая чесаться.

— Для начала — стол почище и место посветлее,— брезгливо поморщившись, высказала пожелание Соня.

— Прошу за мной.

Все так же кланяясь и почесываясь, толстяк начал пятиться, пока не уперся пухлой задницей в первый из столбов-подпорок. Тогда он позволил себе разогнуться и неожиданно резво проскакал в середину зала к относительно чистому столу, который тут же принялся усердно тереть не первой свежести тряпкой.

— Садитесь, господа. Сейчас и свечи принесут.

Взъерошенный мальчуган с таким же, как и у всех взрослых, скошенным лбом принес подсвечник с сальной свечой. Соня недовольно потянула носом: вони от свечи оказалось явно больше, чем света.

— Чего изволите откусать?

Толстяк ослабилась, обнажив в угодливой ухмылке желтые кривые зубы, часть которых торчала вперед. При этом он не переставал кланяться с размеренностью маятника, а рука так же старательно скоблила тело то здесь, то там.

— Кабанью ногу,— ответил Север.— Если есть приличное вино, принеси кувшин. Если нет, налей в него чистой воды.

На последней фразе он подбросил серебряную монету, а толстяк опять-таки неожиданно ловко поймал ее на лету и, мгновенно сунув в рот, проверил на прочность. Удостоверившись, что серебро настоящее, он начал кланяться и чесаться еще быстрее и, пятясь, скрылся за дверью.

— Теперь я понимаю, отчего у него такие зубы,— заметила Соня, осматриваясь.

Все вокруг старательно и увлеченно жевали, словно позабыли об ее существовании. Впрочем,

нет. Так ей показалось только на первый взгляд. Правда, справа за соседним столом один из плечистых коротышек и впрямь жрал так, будто до этого голодал не один год. Соня на миг остановилась на нем взглядом. Почувствовав некое беспокойство, обжора оторвался на миг от жаркого, но тут же зарычал и, захлебываясь слюной, впился в него зубами с новой силой и принялся рвать, пока не отодрал здоровенный кусок. Соню передернуло от отвращения, и она посмотрела на соседа обжоры. Оказалось, что тот пялится на нее, но, поймав на себе негодующий взгляд девушки, он тут же отвел глаза и принялся с неподдельным наслаждением ковырять в носу. Соня поспешно отвернулась, чувствуя, что ей уже вовсе не хочется есть.

За стоявшим спереди столом ели какое-то варево, как показалось Соне, с курицей. По крайней мере, перья она разглядеть успела. Но тут ее отвлек чей-то зычный рев.

— Ух и нажрусь! — с чувством произнес кто-то.

— Пошел вон, — грубо оборвали его.

— Да ты что!.. Хочешь, садись, пожем вместе! — миролюбиво предложил первый, но девушка, потеряв к их беседе интерес, уже перевела взгляд на другой столик.

— Он говорит, кругляки гони, — оправдывался кто-то в углу. — А я что?

Тем временем подбежал хозяин таверны и принес кувшин вина и два кубка, а мальчуган взгромоздил на середину стола огромное деревянное блюдо с кабаньей ногой, только что вырезанной из жарившейся на левом очаге туши. Не переста-

вая чесаться и кланяться, толстяк удалился, и мальчишка поспешил за ним следом. Соня осторожно нагнулась над кувшином и понюхала вино, после откровенного обещания на вывеске ожидая чего угодно. В кувшине, однако, оказалось красное туранское, которое, учитывая жару, показалось ей не самым плохим напитком. Девушка разлила вино по кубкам. Север достал кинжал и собрался было нарезать мясо, когда из-за занавески вышел подтягивавший штаны мужчина, а вслед за ним — миловидная девушка с огромной пышной грудью. Платье выглядело таким же грязным, как и его хозяйка.

Она попыталась проскользнуть мимо стола, за которым расположилась самая шумная и многочисленная компания, но это ей не удалось. Сидевший ближе других к проходу верзила схватил ее за руку.

— Куда, шлюха? Кругляши гони!

Разговоры прекратились. Все обернулись на шум зарождающегося скандала, предвкушая развлечение. Девушка ловко вывернулась и, отскочив на шаг, подбоченилась.

— Эй! — обратилась она ко всем сразу. — Посмотрите-ка на этих! — Она указала на сидящих за столом и презрительно расхохоталась. — Я там за занавеской спину мозолю, а ему кругляши подавай! Нету! — торжествующе выкрикнула девушка.

— Как это нету?! — заорал он. — Где кругляки?!

— Не знаю! — огрызнулась она.

— З-зато я знаю! — взревел верзила, хватая ее левой рукой, а правую запуская за лиф платья. — Монеты давай, дрянь!

Девушка пронзительно завершала, но через мгновение он победно выдернул кулак с зажатými в нем медяками. Окружающие восторженно завопили, хлопая себя по ляжкам.

— Отдай! — закричала девушка, пытаясь отобрать деньги, но он небрежно отбросил ее.

Бедняжка ударилась плечом о чиненый столб, да так, что тот затрещал, но выстоял. Она осела на скамью и всхлипнула, вытерев мокрый нос оборванным рукавом. Соня дернулась было к ней, но, предугадав ее желание, Север положил ладонь ей на руку. «Не нужно, — говорил его взгляд, — такое происходит здесь по десять раз в день».

Соня недовольно поморщилась, и тогда он добавил вслух:

— Если вмешаешься, ей отомстят, когда мы уедем.

Похоже, только это соображение и заставило Соню остаться на месте.

— Ай да Хвам! — глумились тем временем завсегдатаи. — Девка вкалывает, а он пьет себе на ее кругляки!

По-видимому это настолько задело девицу, что она вскочила и снова бросилась на обидчика.

— Отдай деньги, гадина! — кричала она, пока он со смехом отбивался от нее.

Однако когда девица полоснула его ногтями по лицу, Хвам рассвирепел.

— Ах ты, мерзавка! — взревел он, залепив ей затрещину.

Девушка полетела кувыркком, но, прежде чем упала на пол, он схватил ее за волосы и принял-

ся лупить, просто так, ради удовольствия. Соня снова напряглась, и опять Север остановил ее.

— Это не наше дело.

— Ты только до смерти не забей, — прогудел приятель Хвама, — а то мне как раз приспичило...

— Так выкладывай деньги и тащи ее за занавеску, — не прекращая «воспитания», ответил тот.

— Допью сперва, — возразил приятель.

— Как знаешь, — ответил Хвам и отбросил свою жертву словно нарочно к ногам Севера.

Девушка посмотрела на Вожака и с новой силой залилась слезами, похоже, больше со стыда и злости.

— И сколько он забрал себе? — спросила Соня у девушки.

— Все-е... — прорыдала она.

— Х-м... Получается, тебя поимели дважды, — заметил Север, и девица опять зарыдала.

Соня умоляюще смотрела на него. Вожак же проклял в душе все на свете. Дернул же его Нергал заехать в эту деревню! Ведь чувствовал, что не стоит здесь останавливаться!

— Ты уверена, что хочешь этого? — тихо спросил он, посмотрев подруге в глаза.

— Да, — твердо ответила она.

— Хорошо, — согласился воин. — Тогда оставайся на месте и прикрывай меня. Считай, что это последняя проверка.

Север встал, и в зале тут же воцарилась тишина, словно все ждали именно этого. Побитая всхлипнула, подняла голову и удивленно уставилась на чужака, явно не понимая, что тот собирается де-

лать. Приятели Хвама притихли, а сам он, хоть и понял, что что-то происходит за спиной, продолжал спокойно уминать бобовую похлебку, старательно делая вид, что ничего не случилось. Вожак остановился у него за спиной.

— Ты нечестно обошелся с девушкой, — сказал он, — так что верни ей деньги.

— Как?! Нечестно! — нагло ухмыльнулся тот, развернувшись, но глаз на Севера поднять не посмел. — Мы тут все в Яме вперемешку, — он сыто рыгнул, — и просто не знаем, что такое бесчестье!

Его друзья одобрительно загалдели, а сам он, вполне довольный собой, склонился над своей миской с похлебкой. Север понял, что говорить с этими людьми не имеет смысла. Он сделал шаг и придавил рукой голову коротышки. Тот плюхнулся мордой в бобы, но, несмотря на все старания, поднять голову не мог. Пока Север шарил по его карманам в поисках денег, Хвам только пускал пузыри и расплескивал липкое пойло по столу.

— Хобо! Хобо! — заорал хозяин таверны. — Хвама бьют!

Тот, кого звали, выскочил из кухни, едва не сорвав с петель дверь. Он оказался таким же низкорослым, как и все обитатели Ямы, но, пожалуй, даже Хвама превосходил шириной плеч. Он бросился на помощь брату, но Соня, не потрудившись даже подняться, залепила ему ногой в живот. Он врезался в целый еще столб, сорвав его с опоры, согнулся вдвое и остановился.

— Ну, сейчас начнется потеха! — восторженно прошептал кто-то в наступившей тишине.

Север выпустил загривок Хвама, но тот, вместо того чтобы броситься на обидчика, отпрыгнул, опрокинув скамью, на несколько шагов в сторону.

— Ну и гнусная у тебя морда, приятель, — спокойно заметил Север, бросая деньги девушке.

— На улицу драться идите! — заорал таверщик. — На улицу!

— Заткни глотку, папаша! — рывкнула на него побитая Хвамом девица. — Не то и тебе достанется!

— Подкрался сзади, да?! — завопил Хвам. — Ну ничего! Мы тут в Яме тоже кое-что умеем!

Пока он говорил, его маленькие глазки с ненавистью буравили чужака, а огромные кулаки сжимались и разжимались, словно жили своей собственной, отдельной от остального тела жизнью. Север понял, что драка и пьянка — два занятия, которым Хвам посвятил всего себя без остатка. Коротышка бухнул себя кулаком в грудь, словно собрался проломить ее.

— Выше нос, Хвам! — кричали вокруг.

Вожак же все это время спокойно ждал, что последует за всем этим представлением. Только раз он мельком взглянул на девушку, когда отбросил ей деньги, которые она тут же убрала на прежнее место — за пазуху.

Хвам к этому времени уже воспрял духом и шагнул вперед. Все поняли, что сейчас он сграбастает обидчика, и тогда...

— Не трусте, парни! — подтвердил он догадку окружающих, вновь бухнул кулачищем в грудь и бросился на Севера.

Казалось, для того чтобы остаться в живых, Вожак должен увернуться. Север спокойно позволил противнику приблизиться и почти без замаха послал вперед кулак. Удар пришелся в грудь нападавшего и не только остановил его, но, к неописуемому изумлению всех присутствующих, отбросил мощное тело Хвама на несколько шагов назад. Сокрушив по пути стол, коротышка врезался во второй из подпиравших крышу столбов, сломал его и без памяти повалился на пол. Толпа ахнула. Крыша угрожающе просела, хотя еще держалась.

— Убил! — выдохнул кто-то, и широкоплечие низкорослые крепыши медленно полезли из-за столов.

— На улицу выметайтесь! — истошно завопил хозяин таверны, предчувствуя, что сейчас должно произойти, и бросился на середину, пытаясь предотвратить неизбежное.

— Прочь с дороги! — взревел очухавшийся Хобо, вскочил, двинул папашу в ухо, и тот плюхнулся на заплеванный пол.

Даже не взглянув на него, Хобо бросился на Севера. И тут подружка Хвама разразилась многоступенчатым и столь цветистым ругательством, что, услышав его, покраснели бы и мессантийские нищие. Прихваченный ею кувшин туранского красного с размаху врезался в висок коротышки Хобо, уложив его на прежнее место. Соня изумленно взглянула на девушку. Та смущенно улыбнулась и нервно пожала плечами.

— Все равно он ни на что не годился в постели, — добавила она, словно оправдываясь.

И тут на них полезли со всех сторон. Все это, правда, не слишком волновало Соню. Совсем недавно она насладилась зрелищем вялой драки на площади и не без оснований предположила, что не более шустро здесь дерутся и остальные. Так оно и получилось.

Несмотря на обилие желавших почесать кулаки, девушка пока успешно избегала стычек, руководствуясь наставлением Вожак: умелый воин протаскивается между препятствиями, а не смеет их с дороги. Сам же Вожак медленно отступал к двери, лишь изредка прикладываясь кулаком к тому, кто, на его взгляд, подходил слишком близко. Самые смелые уже лежали на полу, но тех, кто рвался в бой, по-прежнему оставалось много. К тому же крыша продолжала проседать, треском и скрипом оповещая, что вот-вот может накрыть всех.

Удар кувшином не обошелся для обиженной девицы даром. Соня услышала истерический визг и, когда обернулась, поняла, что той грозит расправа. Двое коротышек, схватив ее за руки, тащили за перегородку. Воительница поняла, что Вожак, как всегда, оказался прав. Впрочем, теперь уже поздно сожалеть.

— Север! — крикнула она и, когда тот на миг обернулся, кивнула в сторону девушки.

Вожак махнул рукой — мол, ступай, сам разберись. Соня бросилась на выручку. Лица тех, кто напал на девушку, красноречиво свидетельствовали, что она не собирается сдаваться. У одного под глазом быстро темнел огромный синяк, морда

второго выглядела так, словно его долго и с остервенением драли кошки.

Парень с подбитым глазом оказался неробкого десятка и, завидев Соню, бросился на нее, растопырив руки и плотоядно ухмыляясь. Чтобы показать, что она не таит ни на кого зла, Соня улыбнулась в ответ и ласково заметила:

— Если сейчас же не уймешься, станешь еще краше, поганец!

Тот, однако, будто не услышал ее, и маленький кулачок вонзился в его нос. Бедняга немедленно схватился за лицо руками, и между пальцами у него потекла тонкая красная струйка. Покончив с ним, Соня направилась было к девушке, но та уже вырвалась из рук второго верзилы. Соня узнала в нем одного из приятелей Хвама. Того самого, что собирался развлечься с девушкой. Однако девица, похоже, решила сама постоять за себя. Как только верзила вновь попытался сграбастать ее, она залепила ему ногой в пах с такой силой, что несчастный зашипел от боли и присел.

— Надеюсь,— зло процедила девушка,— тебе уже ничего не хочется.

— Бежим! — Соня схватила ее за руку и потащила к двери.

— Куда? — спросила та на ходу, хотя и не сопротивлялась.

— Когда тебя спасают, лучше не задавать вопросов.

Судя по всему, такой ответ вполне удовлетворил девушку, потому что больше она ни о чем спрашивать не стала. Хотя, вполне может стать-

ся, ей просто помешали. Север отступал не торопясь, ни на миг не упуская из виду Соню, и путь его отмечали в беспорядке разбросанные по полу тела драчунов. Рыжеволосая воительница уже почти догнала его, когда у самой двери один из противников Севера бросился на нее. Ее спутница отчаянно завизжала, но Соня просто остановилась и подставила ногу. Нападавший споткнулся и нырнул под стол, сломав по дороге скамью.

Наконец все трое остановились у двери. И тут Вожак, понимая, что просто так им уйти все равно не дадут, схватил стоявший слева от него стол и с размаху обрушил его на последний из уцелевших столбов.

— Не-ет! — донесся из глубины зала отчаянный вопль, и крыша начала с треском проваливаться.

— Скорее! Наружу!

Север подхватил обеих девушек и выскочил в дверь. Вовремя. С грохотом кровля обрушилась внутрь, заглушив крики бросившихся к стенам людей. Беглецы развернулись и столкнулись нос к носу с остававшимися снаружи местными драчунами, о существовании которых успели уже позабыть. Все как один были здесь. Даже мирно храпевшие на солнцепеке разогнали мух, поднялись на ноги и теперь стояли вместе с остальными, плечом к плечу. Девица болезненно сморщилась, видно, слишком хорошо представляя, что с ней могут сделать односельчане. На Вожака, однако, толпа не произвела никакого впечатления.

— Крыша провалилась,— сообщил он то, что и так было ясно каждому.— Нужно срочно разгре-

сти завал — там остались наши парни, — закончил он как ни в чем не бывало и шагнул к коновязи.

— Они-то наши, а вот ты чей? — угрюмо спросил коротышка с дубиной, угрожающе надвигаясь на троицу. — Что-то я тебя здесь раньше не видел! Да и рыжую эту...

— Да ты что?! — одернул его приятель. — С ними же Хвамова девка!

Судя по всему, довод показался недоверчивому убедительным, потому что он опустил дубинку и уже более миролюбиво спросил:

— Что там случилось?

— Да парни натрескались кислятины до одурения, — вступила в разговор местная, — ну и покуролесили малость. Мне вон глаз подбили, уроды, чтобы не встревала.

— И правильно, — степенно согласился крепыш с дубинкой. — Сами-то куда?

— С Хвамом переговорил, теперь отправляюсь улаживать дела, — деловито пояснил Север.

Он неопределенно махнул рукой и вскочил в седло. Соня кивнула девушке на одного из свободных коней, и та довольно уверенно забралась в седло.

«Ну что ж, оно и к лучшему, — подумала Соня. — Меньше мороки». Чтобы не возбуждать излишних подозрений, коней не подгоняли. Однако вскоре дома Ямы остались позади. Спустившись с холма, Соня натянула поводья, остановив гнедого у покосившегося столба с названием деревни. Разница состояла лишь в том, что здесь, на юге, дощечка еще держалась на столбе.

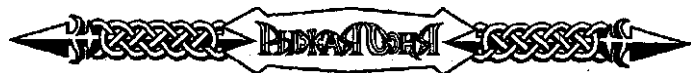
Ни Север, ни их новая подруга, не говоря уже о волках, не понимали, что она задумала, но тоже остановились. Соня прыгнула на землю и поднятым с земли куском угля приписала над названием деревни не менее выразительное: «Помойная». Полубовавшись на плод своих усилий, она вытерла руки и вновь вскочила в седло.

— Зря ты так, — укоризненно покачала головой их новая попутчица. — Все-таки здесь моя родина.

* * *

Когда беглецы вырвались из Ямы, уже перевалило за полдень. Соня выразила тревогу, как бы ямские не пустились за ними в погоню, но Север отмахнулся, сказав, что у них теперь и без того забот хватает. Спасенная ими девица тут же сообщила, что у Хвама мстительный характер и обид он не забывает. После короткого спора Вожак уступил, и они пустили коней в галоп. Правду сказать, он и не слишком настаивал на своем. Ему и самому надоели окружавшие их камни. Девушка болтала без умолку, и когда Северу это вконец надоело, он сказал, что разведает дорогу, и оставил девушек в компании друг друга.

Его гнедой легко нес седока, и Вожак наконец смог насладиться тишиной и одиночеством. Вскоре он достиг вершины каменистого вала. Настроение воина еще улучшилось: сравнительно недалеко виднелся лес и змеилась речушка. Он вспомнил давно немытое лицо их новой попутчицы, удовлетворенно хмыкнул и обернулся. Его спутницы неспешно приближались. По правде сказать, упо-

миная о погоне, Север не думал, что их настигнут (у них слишком хорошие кони), но вот ночлег им испортить вполне могли. Однако и эти его опасения оказались напрасными. Все доступное его острому зрению пространство позади оставалось чистым. Только кони да два огромных волка, которые старались не слишком удаляться от отряда на этой голой равнине. Они первыми и подбежали к Северу.

— Бегите к лесу,— сказал он Вулофу с Вилвой.— Найдите рядом с рекой место для ночлега. Помогите им,— обратился он к Вестнице, и та мгновенно взлетела с его плеча.

— Вот так мы и живем в Яме,— тараторила девушка.— Целый день в проклятом кабаке — то метлой машу, то за занавеской лежу, а то и по кухне помогаю. А этот мерзавец все деньги отбирает...— закончила она и привычно хлопнула носом.

— Ну-ка, помолчи! — прикрикнул на нее Север, видя, что она собирается продолжать.

Девушка осеклась и растерянно заморгала. Вожак повернулся к Соне. Они ехали шагом, давая Вулофу с Вилвой время подыскать подходящее место.

— Теперь ты видишь, что натворила? Куда нам ее девать?

Соня равнодушно пожала плечами.

— Не следует стыдиться хороших поступков, добрый господин. Грех это! — наставительно заметила замарашка таким тоном, что Север едва не поперхнулся, а Соня от души расхохоталась.

— Звать-то тебя хоть как? — помолчав, спросил он, видя, что серьезного разговора все равно не получается.

Вопрос его, однако, вызвал совершенно неожиданную заминку. Север удивленно посмотрел на девушку.

— Ты что, милая, имя свое забыла?

— Не сердись, добрый господин,— улыбнулась та,— но именно так и есть. Хвамовой девкой меня кличут уже так долго, что я и впрямь позабыла имя, что дала мне мать.

— Так-таки и не вспомнишь? — недоверчиво хмыкнул Вожак.— Не могу ж я тебя называть этой самой... Девкой!

— И ты вправду станешь звать меня по имени, добрый господин? — радостно спросила она.— Ганой меня звать,— наконец разоткровенничалась она.

— Гана, Гана...— Север задумчиво попробовал незнакомое имя на вкус.— Хорошее имя,— заключил он.— Мне нравится.

— Правда?! — обрадовалась девушка.— А Хвам сказал, что оно звучит по-дурачки...

— Ну,— вмешалась Соня,— быть может, разве что по сравнению с его собственным!

Как ни странно, девушка, всю жизнь прожившая среди тупых пьяниц, восприняла шутку нормально.

Все трое расхохотались, и, завидев приближавшихся волков, Север пустил коня в галоп. Почти сразу они ворвались в лес. Девушка продолжала привычно тараторить, но вдруг закашлялась и на-

тянула поводья. Ее спутники тоже придержали коней.

— Ну? Что еще такое?

Гана согнулась в седле и, схватившись рукой за горло, зашлась надсадным кашлем, словно курильщица лотоса. Наконец она выпрямилась и вытерла заслезившиеся глаза, размазав грязь по щекам.

— Я только что проглотила какого-то жука,— сдавленно сообщила она.

— Ты, вообще-то, держала бы рот закрытым,— посоветовал Север,— а то здесь, среди деревьев, много чего летает.

Они углубились под сень леса. Вулоф бежал впереди, показывая дорогу. Вилва ждала на месте. Вестница и вороненок уже пристроились на плечах Севера. Наконец они оказались на поляне, заросшей изумрудной травой. Неширокая речушка охватывала ее почти кольцом. Несколько молодых елей стояли полукругом с северной стороны. В середине рос раскидистый дуб.

— Красотища-то какая! — всплеснула руками Гана и принялась восторженно осматриваться.— Не то что у нас в Яме!

— Это точно,— подтвердил Север.

Он уже расседлал коней, стреножил их и теперь укладывал вещи под дубом. Соня отправилась в лес за хворостом, а Гана уже собралась заняться приготовлением еды, но Север вовремя поймал ее за руку.

— Ты чего это, добрый господин? — удивилась девушка.

— Ты что собралась делать? — вопросом на вопрос ответил он.

— Как что? Ужинать пора.

— Ужин подождет,— заверил ее Север.— Сперва мыться.

— Это еще зачем? — Она подбоченилась и посмотрела на него с вызовом.— Хвам говорит, что моется тот, кому чесаться лень, и я ему верю.

— Пока ты с нами,— ответил Север, стараясь держать себя в руках, тем более, что пришла Соня с охапкой хвороста и, бросив его на землю, весело смотрела на спорщиков.— Пока ты с нами,— повторил он,— изволь делать то, что я говорю, а не то, что говорил Хвам. Понятно?

Она кивнула, умудрившись не оторвать взгляда от его глаз, хотя он и возвышался над девушкой как гора. Соня негромко хохотнула и снова отправилась в лес. Север порылся в мешке, достал чистую тряпицу и тонкое, но теплое одеяло. Гана тем временем спустилась к реке и стояла на влажном песочке, с интересом глядя на воду. Север бросил принесенное с собой в траву и внимательно посмотрел на девушку. Если та всю жизнь прожила в Яме, то не мудрено, что речушка вызвала у нее такое оживление.

— Ты что, никогда реки не видела?

— Нет, добрый господин.

Он поморщился:

— Перестань называть меня так.

— А как же?

— Север мое имя.

Она обернулась и от удивления раскрыла рот.

— Это как же? — ошарашенно прошептала она. — Сам Великий Север?! — Глаза ее засветились восторгом. — Я сразу поняла, что ты — это он! — вдруг заявила она. — Ты такой могучий и высокий, господин Север, не то что все наши мелкие свиньи, хоть и зовут себя мужиками!

Север досадливо сплюнул, услышав, как за спиной расхохоталась Соня.

— Не великий... Не великий! — раздраженно повторил он. — Просто Север! Запомнила?

— Да, добрый господин, — покорно кивнула она, и Вожак почувствовал, что бессилен что-либо изменить.

— Отлично. Лезь в реку, — бодро скомандовал он, но, поймав на себе непонимающий взгляд девушки, добавил чуть ли не просительно: — Хотя бы лицо умой.

Она отвернулась, потрогала воду пальцем и осторожно потерла лоб. Освобожденная от грязи полоса показалась ослепительно яркой.

— Да что ты ее трогаешь? Раздевайся и лезь в воду, а то ты чумазая, как рудокоп.

— Ну вот еще! — капризно надув губы, возразила девушка. — Она холодная и мокрая.

Север окинул Гану внимательным взглядом, прикидывая, как же заставить ее помыться. Ему вдруг стало ясно, что сама она в реку не полезет. Девушка же задумалась о том, как ей отделаться от Великого Севера. Ну что в самом деле за дурацкая затея — мочить тело в холодной воде? С другой стороны, добрый господин столько для нее сделал, что как-то и неудобно ему отказывать. Она

сокрушенно вздохнула. Ну попросил бы он чего другого, так она бы с радостью...

Она не сразу заметила, что кто-то настойчиво тянет ее за подол платья, и сперва только отмахнулась, но ее тянули все сильнее, и когда девушка обернулась, то увидела, что гнедой с пятном на лбу, на котором она скакала, подошел к самой воде и теперь увлеченно жует ее платье.

— Ах ты, скотина! — закричала она, пытаясь вырваться, но могучее животное, казалось, не обращало на ее вопли ни малейшего внимания.

Конь то и дело тряс головой, явно пытаясь оторвать кусок. Девушка тянула в свою сторону, а Север стоял подбоченившись и хохотал во все горло. Гана поняла, что он вовсе не собирается ей помогать. Тогда она рванулась изо всех сил, ветхая ткань не выдержала, и платье разорвалось. Весьма довольный собой, гнедой не спеша поскакал прочь, на ходу пережевывая добычу. Север понял, что если он хочет добиться своего, то именно так и должен действовать.

— Вулоф! Вилва! — крикнул он волков. — Стерегите ее, чтобы не сбежала!

Он повернулся к девушке, которая жалкими остатками платья отчаянно пыталась прикрыть наготу, и потащил грязную в воду. Та уже поняла, что нового надругательства над собой ей не избежать, и не сопротивлялась, а только непрерывно жаловалась, что вода мокрая и холодная. Длились ее причитания недолго — до тех пор, пока Север не окунул ее в реку с головой. Тут дыхание ее перехватило, и, пока она судорожно ловила воз-

дух ртом, он принялся мыть ей голову. Он уже почти справился со своим делом, когда Гана пришла в себя и запричитала. Она терла глаза, время от времени неловко пытаясь ударить Севера, и ругалась с такой силой и выразительностью, что мужчина только досадливо морщился да изредка посмеивался.

— Хватит слезы лить,— спокойно убеждал он девушку,— здесь и так воды полно.

— Чем это вы заняты?! — привлеченная ссорой, крикнула Соня. Они и не заметили, как та оказалась на берегу.— Я уж думала, что он пристаёт к тебе,— увидев, что происходит, успокоилась она.

— Если бы! — обиженно ответила Гана, заставив Сонию поперхнуться.— Посмотри, что с моим платьем!

Она привстала, показывая сохранившийся лиф и обнаженное ниже пояса тело. Глаза рыжеволосой воительницы потемнели от ярости.

— А ну — вон из воды! И выше голову! — напустилась она на Севера.— Я сама займусь ею. А ты ступай к костру да не вздумай подглядывать!

Север хмыкнул и, явно довольный, направился прочь. Двумя ловкими движениями Соня скинула с себя доспехи и шагнула в реку.

— Какая ты красавица...— восторженно прошептала девушка, не в силах оторвать от рыжеволосой воительницы восхищенного взгляда.

Наконец обе вернулись, веселые и довольные. Воин посмотрел на них и обомлел. Если к красоте возлюбленной он не то чтобы привык, но уже и не слишком ей удивлялся, то внешностью Ганы ока-

зался просто сражен. Он помнил ее как не лишенную известной миловидности молодую замарашку со спутанными волосами неопределенного цвета, облаченную в замызганное, покрытое пятнами грязи и жира платье. Теперь же перед ним предстала завернутая в одеяло ослепительная блондинка с чуть вздернутым носиком. Даже залепивший левый глаз роскошный синяк не мог скрыть того, что Гана — красавица, какие встречаются нечасто. Казалось странным, что такая девушка осела в захолустной деревеньке Пограничного Королевства, но еще более удивительным было то, что она выглядела совсем не похожей ни на кого из обитателей Ямы.

— Кто это? — с несколько наигранным изумлением поинтересовался Север, когда увидел рядом со своей возлюбленной блондинку с розовыми губками и сияющими синими глазами.— А ты, оказывается, красотка,— заметил он, перемешивая палкой угли в догорающем костре.— Я и не думал, что у тебя такие роскошные волосы.

— Да я и сама не знала об этом, пока не помылась,— с радостью сообщила девушка и ласково взглянула на него, прищурившись здоровым глазом.

— Ты поменьше смотри на нее, побольше на меня,— нахмурившись, посоветовала Соня.

Север в ответ рассмеялся. Огнегрия красавица взглянула на него с вымученной улыбкой, хотя взгляд ее источал едва сдерживаемое бешенство. Гана кокетливо потупилась.

Теперь, когда они вернулись, Вожак подбросил в костер дров, решив, что настало время подумать

и об ужине. Пламя затрещало с новой силой, и девушки подсели поближе к огню, чтобы волосы быстрее высохли. Гана потянулась к жалким останкам своего платья, но Север перехватил ее руку.

— Не трогай,— ответил он на ее недоуменный взгляд,— только что ведь помылась.

Кончиком меча он подцепил тряпье и бросил его в костер. Пламя затрещало, выбросило облако густого дыма и занялось с прежней силой.

— Какое же это свинство с твоей стороны, добрый господин! — возмущенно воскликнула девица, и Соня едва сдержалась, чтобы не расхохотаться. — У меня ведь нет ни гроша за душой! Только и было, что это платье, а теперь и его не стало!

— Севером меня зовут,— мягко напомнил он, старательно сохраняя серьезность.

— Если тебе непременно нужен какой-нибудь титул,— вмешалась Соня,— то зови его Вожаком.

— Вожак... — проворчала Гана. — Разбойник! Что мне теперь делать?!

— А вот это действительно вопрос,— согласился он, поворачиваясь к своей подруге. — Что скажешь? Твоя затея.

Девчонка притихла.

— Не надо ничего со мной делать,— испуганно пролепетала она.

— Тебе есть куда идти? — спросил Вожак.

— В Яму. Куда же еще? — Девушка обреченно пожала плечами. — Хвам обрадуется мне, как выпивке,— добавила она, подумав.

— Ты привязана к нему? — с надеждой поинтересовался Север.

— Я?! — искренне изумилась девушка. — На кой он мне сдался, пьянчуга? Он и не мужик давно. Все пропил.

Соня фыркнула в кулак, Север поморщился.

— Как ты вообще очутилась в Яме? — поинтересовался Север, похоже, просто для того, чтобы потянуть время.

— Известно как,— она пожала плечами,— родилась там.

— Ты уверена в этом?

— Ну, не знаю. — Она задумалась. — По правде сказать, мне и самой казалось, что я не слишком похожа на своего папашу.

— И ты ни разу не захотела уйти оттуда?

— Как же? — удивилась она. — Лет пять назад встала утром и говорю старику своему: ухожу, мол. А он обрадовался даже, закивал. Правильно, говорит, доча. Иди, говорит, прямо. Главное — никуда не сворачивай. Я разозлилась и ушла.

— Ну и?

— Что ну и?! — раздраженно передразнила она. — Дошла до таверны и угодила прямиком под Хвама — он тогда еще что-то мог... Ну а потом пошло-поехало...

Соня отвернулась, чтобы скрыть выражение своего лица. Она почему-то вдруг вспомнила Альрику, и ей захотелось во что бы то ни стало помочь девушке.

— И ты ничего не пыталась изменить в своем положении?

— Пыталась,— со вздохом ответила она,— но очень скоро поняла, что легче уступить, чем спо-

ритель.— И, заметив, как Север покачал головой, добавила обреченно: — Тут уж ничего не поделаешь.

Ох уж эта обреченность! Однако всякий раз, когда Север наталкивался на такие рассуждения, он обнаруживал, что она служила, скорее, оправданием, чем причиной.

— Так, значит, ты не хотела бы вернуться туда? — спросила Соня.

— А чего я там забыла? — пожала плечами Гана.— Молодость проходит, а я лежу за занавеской да смотрю на раскачивающийся потолок — так и свихнуться недолго.

Она выразительно посмотрела на Соню, но та уже повернулась к Северу.

— Может, возьмем ее с собой?

— Нет!

— Эй! Эй! Добрый господин! — Гана упорно не желала называть Севера никак иначе.— Ты вытащил меня из дому, из тепла и уюта, где я вела сытую, спокойную жизнь, и теперь хочешь с голым задом бросить в лесу?

— Она правду говорит,— вступилась за нее Соня.— Дома ей делать нечего.

— Других мест нету?

— Как ты не понимаешь?! — Шадизарка досадливо закусила губу.— Для нее любое другое место через пару седмиц превратится в ту же Яму.

— Тоже верно,— озадаченно согласился Север.

— Так ты согласен? — обрадовалась его подруга.

— Посмотрим,— сказал он сдержанно.— Поднимайся! — Девушка поспешно вскочила.— Дай ей что-нибудь из одежды,— попросил он Соню.

Та кивнула, и девушки отправились к дубу, где Вожак сложил все вещи. Через мгновение послышались восторженные восклицания Ганы, а когда обе вернулись, Север увидел на ней зеленоватое с золотым пояском платье, что купил для Сони в начале лета. Сама воительница надела платье, подаренное ей Севером после возвращения в Логово. Вожак пристально посмотрел на обеих: пожалуй, путешествовать с такими спутницами — заведомо обзаводиться лишними хлопотами. Правда, за Соню он не беспокоился — она сумеет постоять за себя. А вот что представляет собой спасенная ими девица?..

— Ну как? Хороши у тебя подружки? — Девушки стояли в обнимку и не без ехидства наблюдали за меняющимся выражением его лица.

— А это мы сейчас проверим,— сказал он, вставая.— Лови!

И он бросил Гане камешек-голыш, причем девушка так и замерла с открытым ртом, пытаясь угадать, откуда он его достал. Соня легко поймала снаряд, едва не угодивший ее подруге в грудь. М-да. Север недовольно поморщился.

— Попади им вон в то дерево,— предложил он, указав на дуб, под которым лежали все их припасы.

Соня размахнулась, но он остановил ее.

— Э, нет. Не ты,— усмехнулся он.

Она передала камешек Гане. Та повертела его в руке, потом неловко, всей рукой размахнулась и швырнула. Пасующийся у реки гнедой с пятном на лбу обиженно заржал.

— А ты мстительная! — усмехнулся Север. — Ему после твоего платья и так жить осталось недолго.

— Я не мстительная. Я раненая, — нашла девушка. — Мне целиться сложно.

— Она права, — поддержала подругу Соня. — И про платье ты напрасно... — заметила она.

— Не могу не согласиться, — кивнул Север. — Гнедой всегда страдал извращенным вкусом. — Я думаю, что из лука ты стреляешь примерно так же? — спросил он наудачу.

— Не знаю, — пожала плечами девушка. — Никогда не пробовала.

— Похоже, единственное, что ты пробовала — это лежать под...

— Все! Хватит! — категорично заявила Соня.

— Хватит так хватит. — Север отвернулся и пошел проводить гнедого.

— Зато я умею это лучше всех! — вслед ему крикнула девушка, но Север даже не оглянулся.

— Так-таки уж и лучше всех! — хмыкнула Соня.

— Может, поспорим? — простодушно предложила Гана.

— Интересно, как ты собираешься доказать свою правоту? — ехидно поинтересовалась шадзарская красавица.

— Пусть он скажет, — бесхитростно предложила Гана, кивнув на возвращавшегося Вожака.

— Забудем о споре! — отрезала Соня и, окатив Севера испепеляющим взглядом, добавила: — И когда меня нет рядом, не подходи к нему ближе

чем на три шага! А ты что улыбаешься?! — прикрикнула она, заметив на лице возлюбленного скептическую ухмылку.

— Кому благоволят женщины, тому благоволят боги, — скромно заметил он.

— Ах ты, негодяй! — прошипела Соня, едва не задохнувшись от возмущения. — Скользкий, как комок речного ила!

Она вскочила и набросилась на него с кулаками, но он легко поймал руки девушки и потянулся к ее губам.

— Потому-то ты и полюбила меня.

Сопротивлялась она яростно, но безуспешно и недолго, а когда губы их соединились в поцелуе, почувствовала, что гнев улетучивается так же быстро, как и возник. Гана смотрела на них с нескрываемой завистью.

— Так что же нам все-таки делать? — через некоторое время спросил Север. — Меча, как я понимаю, ты тоже в руках не держала?

— Метлу я в руках держала, — хмуро ответила девушка, — так что удар у меня — что надо.

— И она хорошо дралась, — стремясь поддержать подругу, заметила Соня.

— Я всего-навсего деревенская девушка и храброй бываю, только когда уже деваться некуда, — со вздохом заметила Гана и раздраженно спросила: — И что вам дались все эти мечи, луки да ножи?

— Дело в том, что из нашей поездки мы рискуем не вернуться, — ответил Север, — и если ты отправишься с нами... — Он выразительно посмотрел на Гану, удостовераясь, что она поняла его как

надо.— Но мы можем оставить тебя в любом городе, что встретится нам по дороге.

— Ну уж нет! — с жаром воскликнула она, припомнив мрачное пророчество Сони и прекрасно понимая, что так оно и случится, если только они оставят ее одну.— Вы вытянули меня из Ямы, и я не хочу угодить в другую! Я отправляюсь с вами!

— Ну? Что скажешь?

— А что тут скажешь? — обернулся он к Соне.— Умом я понимаю, что нам следует с ней распрощаться, но почему-то не могу этого сделать.

— Спасибо, добрый господин,— обрадовалась девушка,— ты не пожалеешь о своем решении,— пообещала она.

— Остается только надеяться, что так и будет,— сдержанно ответил Север,— а пока не мешает вспомнить об ужине.

— Я сейчас! — воскликнула она, убегая, но через миг вернулась, неся тяжелый мешок, и принялась доставать из него снедь.

Перед ними появились кабанья нога, на вид та самая, что лежала на блюде на их столе, бараний бок, жареный каплун... Соня вдруг осознала, что все это было на соседних столах.

— Откуда это? — спросила она.

— А! — небрежно отмахнулась девушка, но желание похвастаться оказалось сильнее.— Паника — дело хорошее,— пустилась она в объяснения,— потому что заставляет людей забыть обо всем.— Она пожала плечами.— Не пропадать же добру. Крыша-то все равно рухнула.

Логика Ганы оказалась неотразимой. Во всяком случае, ни Соня, ни Север не нашлись, что ей возразить.

— Скажи, Гана,— спросила шадизарка, старательно нарезая мясо,— а что за жизнь такая странная в вашей Яме? Что там, вообще, творится?

Север, отрезая от куска небольшие дольки, ел сам и кормил Задиру, сидевшую у него на правом плече, и вороненка, устроившегося на левом. Вестница, как ни странно, еду из рук не брала и, хотя от угощения не отказывалась, есть предпочитала в сторонке, отдельно ото всех.

— Две дороги сходятся в Яме,— пустилась в объяснения девушка,— и делят ее на четыре части. Или четыре шайки, которые враждуют между собой. Каждый день какая-нибудь из шак дерется с другой. Иногда две шайки объединяются и идут против двух других, и тогда начинается большая драка, но такое происходит нечасто.

— А зачем все это?

— Как зачем? — удивилась девушка, принимаясь за следующий кусок.— Тренировка.— Она пожала плечами.— Издавна они нанимаются к купцам охранять караваны, идущие через Пограничное Королевство. К тому же драки позволяют установить очередность найма.— Она помолчала.— Правда, в последнее время все переменилось. Какой-то человек начал нанимать шайки для ловли людей.

Едва только девушка произнесла последние слова, как Соня насторожилась, словно взявшая след гончая.

— Что за человек?

— Какой-то бледный заморыш с жидкой бородашкой.— И имя у него какое-то нездешнее... Хан... Хан...— пыталась она вспомнить.

— Ханторэк,— внезапно севшим голосом подсказала Соня.

— Точно! — обрадовано подтвердила Гана, уминая очередной кусок. Соня наблюдала за ней в немом восхищении.— Я еще, помнится, тогда подумала, что для такого, как он, имя больно мудреное.— Тут только девушка заметила, что ее новые друзья, посерьезнев, переглянулись.— Да вы никак с ним знакомы? — спросила она, переводя взгляд с одного из них на другого.

— Сталкивались,— нехотя ответила Соня.— Ну и что этот Ханторэк? — напомнила она.

— Ну так вот я и говорю: нанимал он шайки отлавливать каких-то людей, бежавших неизвестно откуда. Платил хорошо, а работа казалась легкой, но из последнего похода шайка Руха не вернулась. Так что теперь шайка Хвама самая сильная в Яме.

— И когда это произошло? — поинтересовалась Соня.

— Да уж пару лун как ушли, и с концами.

Соня опять посмотрела на Севера, и тот кивнул: все сходится.

Ей стало вдруг ясно, почему Ханторэк перестал требовать ее смерти. Вот только на что он рассчитывает? Ясно ведь как день, что бойцы из деревенских никудышные и уж если они и умеют что-то делать хорошо, так это напиваться до бесчувствия.

— Бойцы-то из них никудышные,— вслух повторила Соня, и Север понял, что она имеет в виду, но и Гана неожиданно обрадовалась и согласилась закивала.

— Верно говоришь,— подтвердила она.— Раньше-то я думала, что они парни хоть куда, но теперь-то понимаю, что драться они гораздо только друг с дружкой, а как увидели Вожака,— тараторила она, восхищенно глядя на Севера,— так и обгадились. Он ведь половину Хвамовой шайки положил голыми руками!

— Как бы они там не поумирали,— мимоходом бросила Соня.

— Да ты что?! — со смехом отмахнулась от столь нелепого предположения Гана.— Для того чтобы вышибить из них дух, понадобится нечто большее, чем простой кулак. Пару лет назад,— затараторила она,— Хвама лошадь лягнула. Прямо в лоб угодила копытом. Так что ты думаешь? Хваму хоть бы что — выпил винца и думать забыл, а конягу перековывать пришлось. Подкову сорвал, бедняга! Так-то вот! — победно завершила она свой рассказ.

Соня, однако, скептически покачала головой. Судя по словам девушки, шайка Руха не вернулась с охоты, а охота, по всей вероятности, велась на них с Севером. Но от стрел пали только пятеро. Где остальные, остается непонятным.

— А больше этот Ханторэк в Яме не появлялся? — спросила Соня.

— Не-а.— Гана отрицательно помотала головой, вгрызаясь в следующий ломоть жаркого.— Раз приехал от него гонец. В начале лета. Тогда дело со-

рвалось, но все вернулись. А через пару лун наведася сам, и ушедшая шайка сгинула, но об этом я уже говорила. Ф-фу, не могу больше,— заявила она, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— У нас говорят, что и маленький человек за столом способен на большие дела,— ухмыльнулся Север.

Гана застенчиво улыбнулась. Соня, однако, лишь рассеяннo кивнула и задумалась.

— Что будем делать? — спросила она Севера.

— Да ничего.— Он равнодушно пожал плечами.— Пусть себе охотится.

— А ты уверен, что...— начала было она, но Север жестом остановил ее.

— Сейчас у нас нет времени заниматься этим. А там посмотрим.

Наступила тишина, и некоторое время каждый думал о своем. Сумерки сгущались. Стало слышно, как шелестит листва на ветру, как с тихим журчанием несет свои воды речушка. Чистый и ароматный, словно в преддверии весны, воздух сам вливался в легкие. Соне захотелось закрыть глаза и забыть обо всем: и о путешествии, и о задании, не говоря уж о связанных с его выполнением трудностях, и даже о Гане, которую она непонятно почему решила опекать. И не только опекать, но и настояла, чтобы та отправилась с ними. Зачем? Если бы она сама это знала...

Издалека, с востока, донесся леденящий душу волчий вой. Почти сразу на него ответили с противоположной стороны. Гана испуганно вздрогнула. Волки устроили какую-то странную перебран-

ку. Казалось, звуки отличаются один от другого, как слова человеческой речи. Паузы между ними становились все короче, а сами завывания звучали все более громко: они приближались. Тут Гана испугалась уже не на шутку и начала тревожно поглядывать на своих спутников, которые не обращали на звериную перепалку ни малейшего внимания.

— Они уже совсем рядом,— побелевшими губами прошептала девушка. Похоже, она здорово перетрусилась.

— Вулоф! Вилва! Прекратите! — крикнул Север.— Что вы хотите сказать?!

— Не обращай внимания,— объяснила Соня.— Это волчьи шутки. Они тебя пугают.

— Волчьи шутки? — недоверчиво переспросила девушка, но в этот миг из-за елей выскочили два огромных волка и остановились перед Севером.

— Все... тихо...— в два приема выдохнул Вулоф, мельком взглянув на девушку, и, как показалось Соне, уже привыкшей к гримасам разумного зверя, довольно ухмыльнулся.

— Чтоб я сдохла... Оборотень...— изумленно прошептала та.— Вот это да!

Так и закончился день, в который их маленький отряд увеличился до трех человек. На ночь они устроились под ветвями дуба, расстелив одеяла на траве. Соня с наслаждением расслабилась, обняв Севера и уютно пристроив голову у него на груди. Прошедший день неожиданно оказался ей долгим и утомительным. Она радовалась тому, что в предстоявшем им долгом путешествии у нее по-

явилась подруга. Как ни странно, но, обычно осторожная, Соня с первого взгляда прониклась к ней симпатией. Может, тут действительно сказалось некоторое сходство Ганы с Альрикой, а может быть, ее расположило к себе грубоватое простодушие девушки, за которым, казалось, не могло скрываться и тени коварства. Так или иначе, но заснула она вполне умиротворенная.

Совсем иные чувства испытывал Север. Он ничего не имел против девушки, но связывал с ее появлением лишь грядущие неприятности. Совершенно неприспособленная к жизни, она потребует усиленной опеки там, где и для них, вполне опытных людей, может стать, будет далеко не безопасно. С другой стороны, он понимал, что позволил уговорить себя просто потому, что пожалел девчонку. Соня, конечно, права. Без них она неминуемо пропадет.

Перед самой же Ганой будущее представало в розовом цвете. Ей казалось, что с этого дня жизнь ее резко изменится к лучшему, потому что эти двое просто не могут жить скучно, а она теперь намертво пристала к ним и не отцепится, пока не погибнет, пока хватит сил держаться. Мысли эти оказались столь радостными, что она уже в полусне нащарила руку Севера и, схватив ее, заснула с блаженной улыбкой на лице.

Утром, когда первые косые лучи солнца залили луг, Соня открыла глаза и сладко потянулась, глядя, как испаряются последние клочья тумана. Высокая трава, в которой паслись кони, пока еще оставалась холодной и влажной от росы. Она по-

смотрела вверх. Ясное небо пронзительно голубело над головой. Она повернулась к Северу, чтобы нежно разбудить его поцелуем, но, увидев прилепившуюся к его боку Гану, передумала. Тогда она собралась устроить небольшой скандал и вновь передумала, решив бороться с поползновениями подруги незаметно. В конце концов, есть ведь и другие способы достигнуть желаемого.

* * *

Еще не настал полдень, когда попавшийся им на пути небольшой лесок, на северной окраине которого беглецы заночевали, кончился. Не выезжая за черту леса, Север натянул поводья и привстал на стременах, осматриваясь.

— Ты случайно не этим путем ехала в Логово? — спросил он Соню.

— Нет, — помотала та головой. — Мы объехали Ханумар с западной стороны.

Север посмотрел на высокие стены, охватывавшие город широким полукругом. Огромные ворота приглашающе распахнулись. Стражники, стоявшие за ними, лениво привалились к стене.

— По-моему, в стенах Ханумара есть только Северные и Южные ворота.

— Ты должен лучше знать, — заметила Соня, разглядывая мощные высокие стены с узкими бойницами для стрелков.

Настоящая крепость, стены которой могли выдержать нештучную осаду.

Гана сидела молча на своем скакуне и глядела во все глаза. Всю жизнь прожив в глухой, за-

бытой богами и людьми деревне с красноречивым названием Яма, она если и покидала изредка ее пределы и выходила за наружные склоны холмов, то увидеть там могла только те же пыль, грязь и камни. И вот теперь она побывала в настоящем лесу, а наутро перед ней предстал город, о существовании которого девушка лишь слышала, но по рассказам даже примерно не могла представить, что это такое. Впрочем, и сейчас она плохо понимала, что это такое. Она с изумлением смотрела на огромную грудку обработанного человеческими руками камня, уложенного в определенном порядке. Она подспудно чувствовала, какой титанический труд вложен строителями города в их детище, знала, что здесь живут люди, много людей... Так много, что число их не укладывалось в ее голове. И сознание этой чудовищной мощи, пусть даже неполное и неточное, подавляло.

— Ты прекрасно знаешь, — Север недовольно поморщился, — что в Ханумар нам нельзя, а у меня слишком мало времени, чтобы проявлять праздное любопытство.

— Извини, я забыла, — ответила Соня. — Мы объезжали город с запада и не видели с той стороны никаких ворот. А что тебя волнует? — в свою очередь поинтересовалась она.

— Мне хотелось бы незаметно проскользнуть мимо. С южной стороны к городу почти вплотную примыкает лес, но я не знаю проходов в нем.

— Зато я знаю! — обрадовалась Соня. — Думаю, что сумею отыскать начало дороги, ведущей через него. Мы вполне можем ехать прямо. Берега Жел-

той реки болотисты, и вода в ней соленая. Именно из-за нее мы обогнули Ханумар с запада, и теперь я вижу, что только напрасно потеряли время.

— Ну так вперед! — крикнул Север. — Вулоф! Вилва! Держитесь за нами, чтобы стражники на стенах вас не заметили!

Он ударил коня пятками, и тот взял с места в карьер. Остальные поскакали следом, вытянувшись двухрядной цепью. Оба волка пристроились левее, прекрасно поняв, что имел в виду Вожак. Ни тому, ни другому не хотелось получить в бок арбалетный болт, выпущенный кем-нибудь из стражников, решивших, что они напали на всадников. Волки легко выдерживали заданный великолепными скакунами темп. Им даже приходилось сдерживать себя. Соня с Севером скакали, откровенно наслаждаясь гонкой, но Гана скрючилась в седле, обхватив бока коня ногами и судорожно вцепившись в его гриву. Изумленное животное только изредка поглядывало на свою наездницу, словно удивляясь про себя ее страху.

Громада города надвигалась с непостижимой для воображения девушки стремительностью. До стены оставалось не меньше тысячи локтей, а ей уже казалось, что они сейчас врежутся в нее, что ни остановиться, ни свернуть уже просто невозможно. Ну тут стена перестала расти, и отряд помчался прямо на юг. Конечно, они могли подождать и ночи, чтобы под ее покровом пересечь открытое пространство, но тогда бы они напрасно потеряли весь день, да и скакать ночью столь быстро без риска переломать коням ноги просто

не смогли бы. Но, похоже, расчет Севера вполне оправдался: если кто-то на стенах и заметил пронесшийся мимо отряд, то не обратил на него ни малейшего внимания.

Вечер еще не настал, когда они остановились в вымышленных коней у самой кромки леса, только на этот раз уже южнее Ханумара. Кони прядали ушами и отфыркивались. Вулоф с Вилвой улеглись рядом и, высунув огромные красные языки, блаженно щурились на спящее глаза солнце. Гана потихоньку приходила в себя и даже отпустила гриву своего гнедого.

— Здорово, правда? — словно не замечая ее состояния, спросила у подружки Соня.

— Ну уж нет, — покачала та головой. — Я чувствую себя так, словно пропустила через себя всю Хвамову шайку.

Несколько мгновений царила тишина, потом Север не выдержал и расхохотался. Вулоф переводил удивленный взгляд с одного из говоривших на другого, видимо, не понимая, что так развеселило его повелителя и почему при этом Соня так осуждающе смотрит на него, а их новая подружка совсем не выглядит веселой, хотя шутила, безусловно, она.

— Ну и сравнения у тебя, — сказал Север, отсмеявшись, и, заметив сердитый Сонин взгляд, добавил: — Прости, я не хотел тебя обидеть. Но так говорить об удовольствии...

Девушка хмуро посмотрела на него, и вороненок тут же перепорхнул на голову ее гнедого и устался на девушку, ожидая, что она скажет.

— Хорошенькое удовольствие... — мрачно отзывалась та, расправляя затекшую спину. — У меня уже зад болит.

— Крау! — выкрикнул вороненок, оживившись. — Кр... Кр... Хр-р... — начал было он, но Север оборвал его.

— Эй! Эй! — крикнул он. — Ты перестань учить птицу чему не надо! Не хватало еще, чтобы она начала ругаться!

— Я не ругаюсь! — обиженно воскликнула девушка. — Просто у меня спина одеревенела и зад болит! — повторила она. — И вообще, я есть хочу!

— Она права, — поддержала подружку Соня. — Мы ведь так и не пообедали. Что, если нам остановиться здесь и перекусить?

— Нет, — твердо ответил Север.

— Но почему? — удивилась Соня.

— Есть хочу, — простонала Гана, умоляюще глядя на Вожака.

— Если ты сейчас сядешь, то до утра уже не встанешь. Потерпи еще немного. Скоро Вестница отыщет лесную дорогу, о которой говорила Соня. Там и остановимся сразу на ночь.

Север оглянулся на Ханумар. Солнце стояло еще высоко, но тень от стены упорно разворачивалась к востоку, указывая на то, что день близится к концу.

— А почему нам нужно скакать непременно через лес? — спросила Соня. — Почему ты не хочешь выбраться на Тракт?

— Ты забыла о Доктрине, — напомнил Север, предпочитая не вдаваться в подробности.

Соня сразу вспомнила о путешествии в Логово, когда та же Доктрина заставила их отказаться от посещения городов. Но тогда они опасались своей воровской репутации, а теперь?

— Доктрина запрещает все, что считается опасным или просто подозрительным, так что нам лучше никому не попадаться на глаза,— попытался разъяснить Север.

— Не понимаю, что в нас подозрительного и уж тем более опасного,— вскинулась воительница.

— В том-то вся и беда, что вопрос этот оставлен полностью на усмотрение должностных лиц. Любой десятник городской стражи может потребовать у тебя объяснений относительно наших четвероногих и пернатых спутников, и вряд ли его убедит трогательная история о твоей любви к животным.

— Но ведь они же разумны, как люди,— заметила Гана и, морщась от боли, поерзала в седле.

— А вот об этом я попрошу тебя не упоминать в разговоре ни с кем, кроме нас,— ответил Север и остановился на ней долгим взглядом, который отвел, только удостоверившись, что она правильно поняла сказанное.

— Вот дерьмо...— проворчала девушка и кивнула Северу, показывая, что сделает, как он велел.

Вороненок открыл клюв и покосился на нее одним глазом, как курица.

Наконец вернулась Вестница, положив конец их спору. Она уселась на плечо Вожака и, выразительно посмотрев на него, указала клювом на запад, давая понять, что они могут отправляться.

— Далеко? — спросил Север.

— Кар-р! — каркнула ворона, и это означало, что ехать предстоит меньше лиги.

— Вперед!

Вожак легонько ударил коня, и тот пошел вдоль кромки леса резвой рысью. Гана направилась за ним, то и дело вздрагивая от боли. Она чуть ли не с ненавистью смотрела в спину Вожака. Во время короткого отдыха начинающая наездница успела расслабиться и теперь чувствовала себя так, словно стоит на четвереньках, а кто-то безжалостными пинками гонит ее все вперед и вперед.

Ворона летела медленно, приглашая всадников за собой, и вскоре свернула на юг, к неширокой просеке. Соня сразу узнала это место. Именно этой просекой заканчивалась дорога, которой они пробрались через лес.

С другой стороны леса они должны выйти прямо к Нумалии. Они поехали по каменистой земле, заросшей высохшим за лето мхом, сквозь шапки которого лишь кое-где пробивались жалкие клочки травы.

— Ну когда же остановка? — не переставая ныла Гана.

— Потерпи немного,— отмахнулся Север,— мы должны найти место с травой и водой: кони тоже голодны.

— Я знаю, где остановиться,— сказала Соня и уверенно повела их в чащу, забирая вправо от просеки.

Вожак не стал спорить и послушно направился следом. На пути им встречались только ели и

сосны, и заросли их становились все гуще. Вскоре начал попадаться живой мох. Воздух стал влажным, трава — выше и гуще, и наконец путники выбрались к ручью, который с тихим журчанием струился между камнями.

— Ну вот и приехали,— сообщила Соня.

— Я думала, не дожусь,— простила Гана, сползая на землю.

Хорошо зная, чем это должно закончиться, Север быстро соскочил с коня, но подхватить ее успел только в самый последний миг, когда она едва не ткнулась лицом в камни.

— Вот дерьмо,— выругалась девушка, тщетно пытаясь встать на ноги, а когда осознала, что не в силах этого сделать, подняла на Севера полные ужаса глаза.— Я что же, теперь ходить не смогу? — чуть не плача, спросила она.

— Успокойся,— рассмеялась Соня, подхватывая подругу с другого бока.— Для первого раза ты слишком долго пробыла в седле. Так со всеми случается поначалу.

Пока они вели девушку к облюбованному Со-ней для ночлега месту, Гана только вяло перебирала ногами, но лишь до тех пор, пока ее не попытались опустить на мягкое ложе из мха.

— Только не на зад! Только не на зад! — закричала она, испуганно замахав руками, и даже попыталась самостоятельно встать, но, едва ее отпустили, тотчас повалилась на землю, и Северу вновь пришлось ловить ее.

Только уткнувшись лицом в мох, она вздохнула с облегчением. Ее спутники тем временем позабо-

тились о конях, о ночлеге. И когда костер запылал, отгоняя незаметно подкравшиеся вечерние сумерки, она даже смогла жевать свежеприготовленное жаркое и выглядела гораздо лучше.

— Ну, как ты? — участливо спросила Соня подругу.

— Спасибо, отвратительно,— отозвалась та, подкармливая вороненка от своего куска, в то время как Вестница предпочитала есть мясо сырым.

— Не расстраивайся так.— Север ободряюще улыбнулся.— Вот увидишь, когда пройдет боль, тебе понравится.

— Может быть,— вяло согласилась Гана.— Только пока мне кажется, что это битье седлом по зад — сомнительное удовольствие...

С восходом солнца, едва позавтракав, они продолжили путь. Гана со стоном забралась на своего гнедого и принялась стонать, уверяя своих спутников, что жить ей осталось совсем чуть-чуть. Однако останавливаться она не решалась. Постепенно стоны ее начали раздаваться все реже и звучали уже не так страшно, а вскоре она догнала спутников и, ответив смущенной улыбкой на их вопросительные взгляды, поскакала рядом.

Весь день они ехали через лес, который становился все гуще. Почва стала суше, и камни перестали попадаться на дороге. Только раз остановились они, чтобы пообедать, и снова тронулись с пути. Лес вновь начал редеть, и к вечеру путники достигли его южной границы. Впереди высилась громада Нумалии, увидев которую Гана едва не выпала из седла. Непрístupные стены Ханумара до сих пор стояли

у нее перед глазами. Он казался ей чудовищем, почти недоступным человеческому пониманию. И вдруг она увидела нечто еще более грандиозное...

— Чтoб мне сдохнуть...— прошептала она.— Сколько же там внутри домов? — Соня, не выдержав, рассмеялась, но Север только слегка улыбнулся. Она окинула обоих недоумевающим взглядом.— Вы чего?

— Узнаешь, когда окажемся внутри,— уклончиво пообещала Соня.

— Мы поедем туда? Ты не шутишь? — ужаснулась Гана.

— Ты что это задумала? — насторожился Север.

— Поедем,— пообещала она,— но только не туда.— И повернулась к Северу:— Нам ведь все равно придется сделать кое-какие покупки, да и передохнуть не помешает. Я предлагаю остановиться в Шадизаре,— повторила она высказанное в Логове желание.

Именно поэтому Вожак ничего не ответил. Просто вопросительно смотрел на нее, ожидая дополнительных разъяснений.

— Там я знаю всех и все. У меня куплены все, начиная с десятников и заканчивая начальником городской стражи. К тому же и мне самой хорошо бы появиться там, чтобы показать, что я не пропала, и заплатить кое-кому, чтобы мое особое положение сохранялось и впредь,— объяснила она, и Север понял: слова его подруги предназначены не столько Гане, сколько ему.

— А Вулоф с Вилвой? — спросил Север. Ему эта затея с остановкой в Шадизаре не понравилась в

Логове, не нравилась и сейчас.— Что делать с ними? Их ведь не взять с собой в город, пусть это и Замора с ее вольными нравами.

— Оставим их в горах,— ответила Соня.— Это меньше чем полдня пути от города, и там им нечего опасаться: зуагиры наверняка уже двинулись к югу, на зимние пастбища. Что скажешь?

Теперь уже она вопросительно смотрела на своего спутника.

— На месте решим,— ответил он.— А сейчас — вперед! Заночуем к югу от Нумалии.

Он вновь ударил коня, и они помчались вперед. Только теперь скачка длилась несколько дольше.

В самом начале лета, когда, полная честолюбивых планов, Соня скакала на север, ей и в голову не пришло рассмотреть город хотя бы снаружи. Они старательно держались кромки леса, больше заботясь о том, чтобы их не заметили.

Теперь же она увидела Нумалию вблизи и впервые понял, почему никто — ни гирканцы, ни Туран, ни Аквилония, ни варвары с севера — не сумели покорить эту державу, мощь которой составляли превращенные в крепости города и похожие на города крепости.

Пожалуй, Шадизар своей пышностью даже издали превосходил Нумалию, не говоря уж о Ханумаре, самом северном из немедийских городов, но даже его стены не могли сравниться с шадизарскими высотой и мощью. А нумалийские, оснащенные могучими бастионами, производили потрясающее впечатление.

Теперь, не опасаясь увязнуть в болотистых берегах Желтой реки, они скакали уже гораздо дальше от города и вскоре миновали его, вновь ворвавшись под сень леса, на сей раз лиственного. Их встретила плотная стена дубов, листву которых еще не отметило дыхание припозднившейся в этом году осени. Правда, встречались еще и ели, и сосны, но их было очень мало.

Соня вновь уверенно выбрала место ночевки, пообещав, что следующую ночь они проведут среди людей и в нормальных постелях. Этот переход Гана перенесла лучше предыдущего и даже смогла принять участие в разговоре. Ночь прошла спокойно, и с рассветом тронулись в путь. К вечеру и впрямь добрались до деревушки лесных жителей, которые сперва, из-за сопровождавших людей огромных волков, встретили их настороженно, но когда узнали Соню и поняли, что зверей опасаться не следует, успокоились.

Полутру Север щедро расплатился, и все трое, уверенные, что в этой деревушке их теперь всегда примут с радостью, продолжили путь. Очень скоро лес перешел в заросшие деревьями участки, похожие на небольшие рощи. Постепенно и сами рощи становились все мельче. Между ними заструились текущие с востока речушки, теперь уже все с пресной водой. Путники мчались вперед, радуясь тому, что местность казалась дикой, а еще более — тому, что она изобиловала дичью. Странники уже потеряли счет дням, которые сплелись для них в одну нескончаемую вереницу, наполненную непрерывной скачкой.

Теперь отряд скакал вдоль Карпашских гор, оставляя их слева от себя. Здесь, на юге Коринфии, рощи встречались все реже и реже, пока не исчезли вовсе. Это значило, что путники попали в центральную часть страны — плодородную равнину. Об этом говорили многочисленные стада диких коз, ланей, быков. Если все и прежде не испытывали недостатка в съестном, то теперь началось форменное обжорство, потому что Вулоф с Вилвой после вечерней охоты притаскивали еды больше, чем они могли съесть впятером.

— Скоро перевал, — сказала в один из дней Соня. — Завтра выберемся на Тракт.

Именно так и получилось на следующее утро, почти сразу после того, как они покинули место ночевки. Здесь отряд невольно остановился, чтобы осмотреться. Как оказалось, даже Север не бывал прежде в этом месте Тракта, и Соня подумала, что это несколько странно, ведь, по его же словам, он много путешествовал. Тем не менее она чувствовала себя на высоте, показывая это великолепие. Тракт тянулся на запад и, пересекая Коринфию, устремлялся к Бельверусу. Разглядывая с ювелирной точностью пригнанные друг к другу полированные плиты, Север восхищенно присвистнул.

— Чтoб мне сдохнуть! — изумилась Гана. — И это называется дорогой? — искренне ужаснулась она.

Прежде из дорог Гана видела только центральную улицу Ямы с загаженными обочинами. Мощенная булыжником площадь казалась ей верхом совершенства, поэтому легко понять, насколько ее

поразило увиденное. Девушка без устали бродила по гранитным плитам, пытаясь найти хоть травинку, проросшую сквозь стык, и не могла ее отыскать.

— Чтоб мне сдохнуть,— в который уже раз повторила она, вскакивая в седло, и направилась следом за своими спасителями.

Весь этот день ушел на дорогу через Карпаши. Несмотря на то что Вестница проверила путь, а волки бежали впереди, Соня всерьез опасалась напороться на шайку Кривого Тугуна. Она не общалась с промышлявшими разбоем и убийствами грабителями и потому не рассчитывала на особое к себе отношение. Не помогла бы и выучка Севера. Соня знала, что разбойники расстреливают свои жертвы из луков, а потом просто добивают раненых. Но, как и на пути в Логово, они не встретили никого.

«Впрочем,— подумала она,— вряд ли это можно назвать удивительным. Кривой Тугун промышляет на Тракте, только когда всерьез рассчитывает на жирный куш. А это обычно караван из Бельверуса или Шадизара, и время его выхода, хоть и держится в тайне, известно всем».

К вечеру, когда солнце уже садилось за уходящие на юго-запад отроги Карпашских гор, они достигли наконец конца перевала и попали в Замок. Соня тут же направила маленький отряд на восток, и они скакали почти до захода солнца. Зато отсюда город стал виден как на ладони.

— Чтоб мне сдохнуть...— опять прошептала Гана, уставившись неподвижным взглядом на похожий на некий сказочный город Шадизар.

— Кр-рау! — подражая ее интонациям, изрек вороненок.

Стены города не производили такого неизгладимого впечатления, как наружные укрепления Нумалии, зато они оставляли открытыми для обозрения гигантские купола храмов, расписанных разноцветной глазурью, громады дворцов и шпили, гордо устремленные в высокое небо.

Соня с Севером переглянулись и начали расседлывать коней, а Гана так и осталась в седле. Она смотрела и не могла насмотреться. Губы ее что-то беззвучно шептали, и Соня не могла понять, то ли это молитва, то ли ругательства. Восторг ее подруги мог проявиться в самой неожиданной форме.

* * *

Спать легли сразу после ужина, и сон мгновенно сморил всех троих. На ночь по-прежнему ложились все вместе: хотя солнце продолжало палить днем, ночью приближавшаяся осень давала о себе знать даже здесь. Север не без иронии отметил одну мелочь: после первой же совместной ночевки Соня закрепила за собой место между ним и Ганой. Однако даже шутить по этому поводу он не пытался, слишком хорошо зная, что может сделать его вспыльчивая возлюбленная.

Ночь пролетела как один миг. В это утро рыжеволосая красавица проснулась еще до зари. Быть может, причиной тому послужила близость Шадизара — города, в котором она провела последний год и который стал ей почти родным. Она вспом-

нила собственные слова о том, что дом — место, где тебя любят, и задумалась.

Любят ли ее здесь? Она, безусловно, могла рассчитывать на признательность Саиба. Вполне вероятно, он и любил ее по-отцовски, но кому, кроме тавернщика, она позволяла хотя бы изредка заглянуть себе в душу? Пожалуй, никому. Более того, она старательно избегала сближения с кем бы то ни было, опасаясь ненужных привязанностей. Находясь в центре всеобщего внимания, она предпочитала оставаться одна. Такое положение не позволило ей обзавестись друзьями, зато врагов она имела немало. Возможно, даже с избытком.

И все-таки четверо мужчин и одна женщина стали для нее неожиданно близкими, и ко всем она прикипела душой, пока они пробирались в Логово. Но, как видно, Рок по-своему распорядился ее будущим. То же самое Логово, что свело ее с друзьями, погубило троих, а еще двоих безжалостно выбросило из ее жизни...

И все-таки она сейчас вспомнила Логово с теплотой, которой и сама от себя не ожидала. Что же происходит?

Дом — это место, где тебя любят...

Логово — место, где ее ненавидят...

Так почему же она вспоминает о нем с таким особым, похожим на грусть чувством? Не потому ли, что там нашла свою любовь? Она с нежностью посмотрела на Севера и досадливо закусилла пухлую губу: проклятая девчонка уже прилепилась к руке ее любимого, и Соня готова убить ее за это! Красавица через силу заставила себя улыбнуться.

Недаром говорят, что от любви до ненависти один шаг. Теперь она ясно почувствовала это и поняла, что если любовь к Северу когда-нибудь и покинет ее сердце, то лишь когда ее вытеснит ненависть! Нет, только не это... Она отстоит свое чувство, чего бы это ей ни стоило!

Воительница посмотрела на тонущие в утреннем тумане стены Шадизара, и ей пришло в голову, что, быть может, и Логово обрело для нее значимость, потому что подарило ей и друзей, и врагов, отняло жизни друзей, а кое-кого из врагов, наоборот, сделало друзьями. Конечно, Соня вряд ли могла назвать Разару другом, но чутье подсказывало ей, что она обрела если не любовь, то уважение Белой Волчицы. И она знала, что, выпади случай, Гайрам придет ей на помощь, не дрогнет и не отступит. И еще Север! Много это или мало? Всего три человека, но зато на них можно положиться.

И наконец, у нее появилось дело. Правда, ее мало заботили властолюбивые замыслы повелителей Похиолы, но она помнила, что теперь заодно с Вожаком. Он не открыл ей всего, но она верила, что такой человек не станет рисковать ни своей жизнью, ни жизнью близких ему людей ради недостойной цели. А враги... А когда она их боялась? Врагов можно презирать, можно ненавидеть; но бояться?

Солнце тем временем медленно поднималось над покрытыми ослепительно белым снегом далекими вершинами Кезанкийских гор. Прохладный утренний ветер, лаская, обдувал разгоряченное лицо девушки. Туман понемногу рассеивался, открывая ее взору бескрайнюю степь, пестревшую раз-

нотравьем, которое теперь, в преддверии осени, окрасилось в более мягкие, пастельные тона. В лазурном небе не виднелось ни облачка. Соня посмотрела по сторонам. Вокруг никого, если не считать стреноженных коней, что паслись неподалеку. Однако не они интересовали рыжеволосую воительницу. Прикрыв от солнца глаза ладонью, девушка смотрела на юг, где вдалеке, рядом с башнями манившего ее — она не могла не признаться себе в этом — Шадизара, она заметила тонкую змеящуюся цепочку навьюченных животных.

— Похоже, караван? — услышала она голос Севера и досадливо закусил губу: опять она не слышала, как он подкрался.

— И как это тебе удастся? — обернувшись, спросила она с улыбкой.

— Тебе ли спрашивать? — ответил он, и она тихонько рассмеялась.

Так и есть. Она гордилась умением подкрадываться неслышно, вот только с Вожаком это никак не получалось. Конечно, ее самолюбие страдало, но девушка почти смирилась с тем, что он превосходит ее во всем.

— Караван, — сказала она. — И нам лучше уйти отсюда поскорее.

— Но почему? — удивился Вожак.

— Караван могут поджидать в ущелье, — объяснила Соня то, что сама считала очевидным. — А это большой караван, — подумав, добавила она. — К полудню они добредут сюда, а значит, нам пора сматываться. То же самое случилось, когда я покидала Шадизар. Мы проехали через горы и не

заметили засады, хотя точно знали, что караван поджидают.

— Так здесь тоже промышляют шайки? — обрадовалась Гана. Она уже проснулась и теперь стояла рядом со своими друзьями.

— Да, — кивнула Соня. — Только называются они наемниками или грабителями — по-разному. Все зависит от обстоятельств.

— Тогда нам лучше уйти немедленно, — испугалась девушка. — Не люблю я этих потасовок! Жаль только, поедем натошак.

— Ничего, — успокоила ее подруга. — Пообедаем в Шадизаре. Я до смерти соскучилась по приличной кухне и хорошему вину.

Быстро собравшись, они пустили коней вниз по склону горы и через несколько мгновений остановились у ее подножия, ожидая, когда Север даст последние указания волкам. Он что-то говорил Вулофу и поглядывал на Вилву. Оба согласно, совсем как люди, кивали. Выглядел этот разговор настолько необычно, что Гана на время даже отвлеклась от созерцания стен далекого еще Шадизара и переключила свое внимание на Вожака. Наконец Север удостоверился, что его поняли как надо, и кивнул своей подруге — можно трогаться.

— Вперед! — крикнула Соня, вновь почувствовав себя главной, и Гана вздрогнула, словно проснулась.

Прекрасная воительница мгновенно вырвалась вперед на добрую сотню локтей и помчалась по степи, подбадривая коня, а может, и себя, воинственными криками. Не желая отставать от подруги,

Гана хлестнула гнедого и бросилась в погоню. Север, словно нарочно пропустив их вперед, поскакал следом, гоня перед собой коней без седоков.

Свежая зелень трав, которую лишь едва колыхал слабый ветерок, походила на водную гладь, и благородные животные утопали в ней едва ли не по грудь. Только теперь Гана поняла своих новых друзей, которые наслаждались, целиком отдаваясь бешеной скачке! Синее небо раскинулось над головой, а впереди неподвижно застыли покрытые снегом вершины Кезанкийских гор. Ей и вправду казалось сейчас, что ничего нет в мире прекрасней, хотелось мчаться за горизонт, бесконечно долго, пока копыта коней не простучат дробно по краю мира! Соня чуть придержала гнедого, чтобы подруга смогла догнать ее, и дальше они поскакали рядом.

Время от времени то одна, то другая вырывалась вперед, подзадоривая соперницу. Зажженная солнцем темная медь волос шадизарской красавицы разметалась на ветру, подобная пламени факела, что освещает путь в ночи, и намеренно отставший Север невольно любовался Соней.

Вскоре невдалеке, скрытая доселе между травами, мелькнула широкая полоса дороги. Еще через несколько мгновений копыта коней застучали по камню Тракта.

Только возле самых ворот Соня натянула поводья, поджидая спутников, втайне жалея о том, что лихая скачка завершилась так скоро.

Когда Север нагнал остановившихся у ворот спутниц, седой десятник уже подошел к ним и

теперь с восхищением, которое граничило с наглостью, взирал на его подругу.

— Цель приезда? — осведомился он.

— Ты что же, придурок, глаза свои дома оставил? — нахмурилась Соня.

— Припоминаю, что когда-то встречались, — равнодушно ответил тот, старательно не замечая оскорбления. — Время летит быстро, — философски заметил он, — а через ворота проезжают столь многие, что всех, как ни старайся, не упомнишь.

Он выразительно посмотрел на девушку, и глаза прекрасной шадизарки потемнели, предвещая бурю, но более чем прозрачный намек на пролетевшее время остудил ее пыл.

— Север, — обратилась она к своему спутнику. — Отсыпь этому прохвосту сотню золотых. Это вернет ему память.

Вожак удивленно вскинул бровь, но спорить не стал и, послушно развязав кошель, уплатил требуемую сумму.

— Ну как? Теперь припоминаешь?

— А как же! — ухмыльнулся стражник. — Еще не родился мужчина, способный забыть божественную Соню, если увидел ее хоть раз!

При виде золота, посыпавшегося в руки их начальника, толпившиеся рядом стражники одобрителем загалдели. К тому же часть этих денег должна была перекочевать в их кошельки, и это обещало достойное завершение прекрасно начавшегося дня в одной из таверн славного города воров.

— Я все еще должна объяснить, куда еду и зачем? — поинтересовалась красавица.

— Ба! — хлопнул себя по лбу десятник. — Я сейчас припомнил: ты ведь живешь в этом городе! А кто твои спутники? — Он вновь осклабился.

— Довольно того, что они мои спутники, — нахмурилась Соня.

— Конечно, конечно... — заторопился десятник.

Он вовсе не желал портить отношения с прекрасной воительницей, которая с королевской щедростью сорила золотом.

— Тем не менее я отвечу тебе. Север — *мой* казначей, а Гана — *мой* писарь, и, смею надеяться, что *моим* спутникам нечего опасаться в *моем* городе?

— Не сомневайся! — ухмыльнувшись, поспешил он заверить девушку. — За такие деньги он может на моих глазах помочиться на статую Тиридата Великого! Но только на моих. И моих людей... Поняли, бездельники? — спросил он, повернувшись к своим людям, и те радостно загоготали, что означало полное согласие.

— Не беспокойся, — ответила Соня, — остальные получат свою долю сегодня же.

— Я рад знакомству, Северянин! — Он кивнул Соне, показывая, что вполне удовлетворен ее ответом, и улыбнулся Северу открытой улыбкой, посвоему истолковав произнесенное девушкой имя. — В тебе чувствуется сила, а такие люди везде ко двору.

— Благодарю за добрые слова, — сдержанно ответил Вожак. — Да и насчет статуи мысль интересная, хотя я вряд ли воспользуюсь предоставленным мне правом.

Десятник захохотал, стражники подхватили, и, сопровождаемые их смехом, путники въехали в город.

Пока Соня разговаривала с десятником, Гана сидела в седле, не зная куда девать глаза. С одной стороны, ей льстили более чем жадные взгляды, которыми ее одаривали стражники, а с другой — она просто не знала, как вести себя в таких случаях. В Яме ее просто использовали, как использовали бы любую другую женщину, окажись та на ее месте. Здесь же она почувствовала, что ею еще и восхищаются. Это оказалось настолько приятно и непривычно одновременно, что она не могла понять, какое из ощущений сильнее.

Север лишь посмеивался про себя, прекрасно понимая ее состояние, но, в отличие от деревенской девчонки, он заметил и еще кое-что: на Соню смотрели совсем не так, как на Гану. В обращенных на его подругу взглядах читался такой священный восторг, какого он никак не ожидал от огрубевших на службе вояк. Пожалуй, когда десятник назвал Соню богоподобной, он выразил свое истинное к ней отношение, и не только свое, но и своих людей.

Постепенно улица, по которой они ехали, становилась все просторнее, а дома все роскошнее, но даже те постройки, что остались позади, произвели на Гану неизгладимое впечатление, и чем дальше они продвигались вперед, тем шире раскрывались ее и без того огромные глаза.

— Неужели здесь живут люди? — с изумлением прошептала она.

— Я так понимаю, что дома тебе понравилось? — улыбнулась Соня.

— Да уж... — покачала головой ее подруга.

Небольшой отряд въехал в центральную часть города и начал понемногу приближаться к торговой площади. Лавки ремесленников непрерывающимися рядами лепились одна к другой. Рискуя вывалиться за прилавки, торговцы наперебой протягивали проезжающим ткани, оружие, обувь и украшения. У Ганы глаза разбегались при виде такого изобилия.

Продавцы вина, фруктов, сладостей и прочей снэди надрывно расхваливали свой товар, вызывая у девушки перемежающиеся приступы то голода, то жажды — в зависимости от того, что ей предлагали. Она умоляюще посмотрела на Соню, но та предложила ей немного потерпеть, и Гане не оставалось ничего другого, как вдыхать божественный аромат свежей выпечки и глотать наполняющую рот слюну.

— Теперь следите внимательнее, чтобы не пропали деньги и вещи, — предупредила Соня.

— Да у меня денег-то... — начала было Гана и ощупала глаз. — Даже синяка не осталось, — вздохнула она, поймав на себе насмешливые взгляды Сони и Севера.

— Ну так следи за поклажей.

Предупреждение оказалось как нельзя кстати, потому что не проехали они и сотни шагов, как к ним подскочил пронырливый торговец, с головы до ног увешанный всевозможными талисманами и амулетами.

— Благородный господин! — даже не посмотрев на Соню, с ходу закричал он, наваливаясь Северу на ногу. — Ты едешь на рыночную площадь, а там полно отребья без совести и чести. Купи амулет от воровства! — Он затряс перед лицом Севера плоской дощечкой с грубо вырезанными на ней рунами непонятного содержания. — Он защитит! — простодушно пообещал коротышка.

На краткое мгновение он замер, а Вожак молниеносно — Соня даже удивилась, как ловко это ему удалось! — поймал воришку за руку с зажатым в ней ножом, которым тот намеревался срезать кошель Севера.

— Да ты, я вижу, и цену сам себе назначил, — насмешливо сказал воин, легко поднимая вора на пару локтей над землей. — И даже взять их решил сам, не утруждая меня. Только сдается мне, что это сильно смахивает на воровство. — Он обернулся к Соне, которая едва заметно улыбалась. — Что в Шадизаре делают с карманником?

— Отрубают руку.

— Вот как? — Неуловимым движением он выхватил из-за спины клинок и приставил его к кисти вора, все еще сжимавшей нож. — Слишком длинные у тебя руки, — заметил Север. — Не укоротить ли их прямо сейчас? — задумчиво спросил он, все еще держа коротышку на весу.

— Соня... Бела ради, Соня... — лепетал тот побелевшими губами, переводя затравленный взгляд с воина на огнегрящую воительницу.

— Что случилось? — раздался рядом хриплый голос.

Отряд городской стражи во главе с десятником остановился рядом, с интересом наблюдая за происходящим.

— Все хорошо, Артан.— Соня успокаивающе подняла руку.— Мы сами разберемся.

— Никак божественная Соня вновь почтила Шадизар своим присутствием? — заметил он почти-тельно, но достаточно холодно.— Мы уже стали забывать тебя.

— А ты приходи ближе к вечеру к Саибу. Я намереваюсь напомнить о себе,— пообещала она, и напускное равнодушие десятника как рукой сняло.

— Вот это дело! — обрадовался он и мгновенно исчез, а вместе с ним и его люди.

— Ну и что с ним делать? — уже серьезно спросил Север.

— Отпусти. Чего же еще? — удивилась Соня.

Север пожал плечами и, кинув клинок в ножны за спиной, поставил воришку на землю, одновременно снимая у него с груди дощечку, которую тот пытался сбыть.

Руны показали знакомыми, и он поднес амулет к лицу.

— Благодарю за покупку,— прочитал он вслух и расхохотался.— Веселый, оказывается, город Шадизар. Что ж,— сказал он вору, все еще стоявшему рядом и даже понемногу приходившему в себя,— я покупаю.— Он бросил монету, которую незадачливый торговец поймал на лету, и монета тут же исчезла у него из рук.— По крайней мере, сегодня ты честно заработал деньги,— добавил Се-

вер и собрался ехать дальше, но вор неожиданно задержал его.

— Постой, господин. Позволь я дам тебе другой амулет.— Он протянул маленькую статуэтку Бела.— Надень его, и, пока не покинешь Шадизар, ни один карманник не посмеет посягнуть на твой кошелек.

Север рассмотрел статуэтку и повернулся к воришке.

— Быть может, у тебя найдется еще одна такая же? Для подруги Сони? — спросил он, указывая на Гану.

— Для спутницы богоравной Сони у меня найдется все,— обрадовался тот, доставая еще одну фигурку покровителя воров.

— А скажи,— спросил его Вожак, кидая вторую монету, которая так же стремительно и так же непонятно, как и первая, исчезла в голой руке вора,— отчего ты вдруг вспылал заботой о моем имуществе?

— Скажу честно.— Он печально вздохнул.— Никогда еще меня не ловили так легко, как это сделал ты, а вина моя никогда не выглядела столь неопровержимой, как сегодня.— Он сокрушенно покачал головой.— Артан у меня на откупе, но, если бы ты настоял, даже он ничего не смог бы поделать. Я получил серьезный урок, за который стоит заплатить.

— Это Филог,— сообщила Соня, когда они отъехали на два десятка шагов.— Состоятельным людям он предлагает купить у него амулеты, которые защищают от воровства. Ханторэк в свое вре-

мя пожадничал. Это обошлось ему в пятьсот золотых, а ведь купи он один, и тот защитил бы его, по крайней мере, от самого Филога.

— Ага,— кивнул Север.— Теперь я понимаю значение начертанной на амулете фразы.

— Верно,— ухмыльнулась Соня.— Филог человек благодарный, но и переоценивать его простодушия не стоит.

— То есть?

— Ну... Те амулеты, что он продал тебе и Гане...

— С ними что-то не так?

Гана забеспокоилась и принялась рассматривать подаренное ей украшение со всех сторон.

— Да нет, с ними все нормально,— объяснила девушка.— Просто беспокоился он вовсе не о тебе, а о своих людях. Теперь вы оба как бы меченые. Любой член гильдии воров, только заведя их на ваших шеях, поймет, что с вами связываться опасно. Впрочем,— поправила она сама себя,— какая разница? Главное, что свое дело он действительно сделает.

Север рассеянно кивнул, потому что как раз в это время они выехали на площадь.

— Чтоб мне сдохнуть...— изумленно прошептала Гана.

Казалось, она забыла и об амулете, и о терзавших ее запахах. Она смотрела на величественную статую воина, восседавшего на могучем коне.

— Это Тиридат Заморийский,— принялась объяснять Соня.— Он приложил огромные усилия к тому, чтобы отыскать сокровища легендарной Ларши. После Великой Катастрофы он отправил на

поиски большой отряд воинов, но все они сгинули. Говорят, те, кто дожидались смельчаков снаружи, долго слышали леденящие душу крики, доносившиеся из-за полуразрушенных стен. Вскоре случилось сильное землетрясение, которое еще больше разрушило покинутый город, и никто уже не отваживался проникать за его стены.

— Какая красота! — восхищалась Гана.

— Кстати,— ухмыльнулась Соня.— Именно здесь тебе разрешили облегчиться.

Гана возмущенно фыркнула, а Север лишь усмехнулся и перевел разговор на другую тему.

— А ты заметила, как быстро удалился Артан? — спросил он.

— Конечно,— кивнула Соня.— Стражник — очень прибыльная должность, ведь им платят все, кто не в ладах с законом. Они должны видеть все и находиться везде, и одновременно оставаться незримыми, если их присутствие нежелательно. Филог платит Артану за то, что тот не замечает его.

— По-моему, он не ограничился этим,— заметил Север.

— По собственному желанию,— с улыбкой согласилась Соня.— Филог — мастер гильдии воров и щедро платит, а ты попытался лишить Артана одной из кормушек. Не мудрено, что он насторожился, но как только понял, что тревожился напрасно, тут же вновь растворился в толпе.

Север покачал головой. При всей своей опытности он никогда не сталкивался со столь своеобразной охраной порядка. Скорее уж, здесь соблю-

дали определенные правила совершения преступлений. А как же жители города? Похоже, кто платит, тот защищен. Остальные выходят из положения кто как может.

— О чем задумался? — поинтересовалась Соня.

— Об увиденном, — отозвался Вожак. — О чем же еще?

— Ну и как?

— Да никак, — ответил он, пожав могучими плечами. — Жить здесь, конечно, можно, но я бы не хотел.

— Что же тебе не понравилось?

— Сильный должен защищать слабого. Умный должен указывать сильному путь. А здесь лучшие качества человека используются для того, чтобы возвыситься над теми, кто их лишен. В лучшем случае — просто защитить себя.

— Ты прав, — согласилась девушка. — Но ведь везде так.

— Не везде, — уверенно ответил он и, поймав на себе ее удивленный взгляд, добавил: — Надеюсь, и ты когда-нибудь убедишься в этом.

Что подумала о его словах Соня, так и осталось неизвестным. Скорее всего он говорит о своей загадочной родине, но расспрашивать его в присутствии Ганы она не стала. Девушка же смотрела на них и, казалось, вовсе не понимала, о чем они спорят. Такая красота, такое богатство... Как все это великолепие может не нравиться? Уж в Ямето всяко жилось похуже, чем здесь. Впрочем, где им понять это... Отсыпь, говорит, поганцу сотню монет, чтобы память освежить, а тот берет и сып-

лет, и хоть бы слово сказал против! Да на эту сотню в Яме!.. Гана вспомнила покосившиеся лагуны и горы гниющего мусора на обочинах, и ей сделалось дурно от одной только мысли, что она когда-нибудь вернется обратно. Ну нет! Эти двое богаты, как короли, и она теперь от них ни за что не отстанет, разве что только сдохнет...

— Приехали, — известила своих спутников Соня, когда они добрались до моста через широкий канал.

Соня спрыгнула на землю и осмотрелась. Ничто не изменилось, пока ее не было, словно она и не отлучалась на все лето. Она повернулась к Северу, который не последовал ее примеру и остался в седле:

— Подождите меня здесь.

Спутник ее кивнул в ответ и принялся разглядывать фасад здания, перед которым они остановились. В два этажа, чистое и опрятное, с распахнутыми настежь окнами, из которых доносились голоса гуляк, оно примостилось на самом берегу канала, перед мостом, соединявшим центральную часть города с Пустынькой — воровской частью Шадизара.

Девушка бесшумно отворила дверь, мягко скользнула внутрь и по выработанной годами воровской жизни привычке остановилась на пороге, приглядываясь. Все как всегда. Люди пили, ели и веселились. Однако внимательный взгляд девушки отметил и кое-какие изменения. Несмотря на то что едва перевалило за полдень, свободных столов в большом зале оставалось совсем немного —

едва ли четверть от общего числа. Это означало, что старалась она не зря, и дела Саиба пошли в гору.

Девушка мельком оглядела посетителей, отмечая немало давно знакомых пьяных и еще не успевших захмелеть. Правда, попадались и незнакомцы, которые вели себя с тихим достоинством, явно показывавшим, что они выбрали эту выгодно расположенную таверну для деловой встречи. Однако ни один из них не внушал опасений, а чутье Соню еще никогда не подводило.

Одним словом, обстановка, царившая у Саиба, успокоила Соню. Большой квадратный зал с двумя примыкавшими к нему малыми, отделенными от него только плотными занавесями, наполнял нестройный шум голосов. Несмотря на отворенные настежь окна, стояла духота, которую не могла рассеять даже близость канала, но привычные ко всему завсегдатаи не обращали на это особого внимания. Впрочем, такая выносливость посетителей не вызвала удивления: шадизарцы привычны в равной степени и к летней жаре с ее пылью и духотой, и к пронизывающим до костей колючим зимним ветрам.

Надо, однако, сказать, что к осторожности Соню побуждала скорее привычка действовать осмотрительно. Ее давно не было в Шадизаре, да и уехала она из города без шума. Все последние дела прошли тихо и гладко: если уж Соня бралась за заказ, то исполняла его чисто и следов не оставляла. Иногда, правда, ей случалось совершать кражу для себя, но в таких случаях она никогда не

брала вещей, которые могли бы опознать бывшие владельцы.

Наконец Соня поймала взгляд Саиба, круглое лицо которого мгновенно расплылось в улыбке. Он крикнул пару слов жене, которая тут же заняла его место в зале, и засеменил между столами навстречу своей компаньонке. Она же кивнула на входную дверь, показывая, что ожидает его снаружи, и вышла.

Соня успела только обменяться взглядами с Севером, когда дверь отворилась и на улицу выскочил коротышка-таверничик.

— Ах, Соня! — воскликнул он, всплеснув пухлыми ручками, но тут же заметил могучего незнакомца с белокурой красоткой и осекся, не зная, как вести себя в их присутствии.

— Это мои спутники, Север и Гана. При них можешь говорить ничего не скрывая, но перед этим я хотела спросить: моя комната еще свободна?

— Ай! — Толстяк снова всплеснул ручками, и его круглое лицо опять расплылось в улыбке, превратив и без того узенькие глазки в две почти незаметные щелки. — Ну как не стыдно? Ведь я уже говорил: ту комнатку, что тебе приглянулась, я никому не сдаю! — Он улыбнулся еще шире, хотя, казалось, это уже невозможно. — Несмотря на тревожные слухи, я все же надеялся, что когда-нибудь ты почтишь ее своим божественным присутствием!

— Тревожные слухи... — задумчиво повторила Соня и, поняв, что он имеет в виду, продолжила: — Тогда вот что. Позаботься о конях... Надеюсь, в

стойлах для них найдется место? — Саиб с готовностью кивнул. — Тюки пусть поднимут вверх, и приходи сам.

— Слушаюсь, моя госпожа, — ответил толстяк и согнулся в шутилом и неожиданно грациозном для столь тучного человека поклоне, в котором, однако, все трое почувствовали неподдельные искренность и восхищение.

— Юрг! — приоткрыв дверь, крикнул он от порога. — Позаботься об этих прекрасных скакунах, — повторил он почти дословно приказ Сони, когда юноша предстал перед ними, — а поклажу снесешь в комнату госпожи. И пошевеливайся — скоро начнут появляться завсегдатаи.

Он открыл двери, пропуская почетных гостей вперед.

Север прыгнул с коня, которого тут же взял под уздцы молодой слуга, и помог спуститься на землю Гане, что заставило Соню нахмуриться, но она тут же отругала себя: он ведь просто поступил так, как не мог не поступить. Все трое вступили в общий зал. И тут только Соню заметил один из завсегдатаев.

— Ба! — воскликнул он. — Да никак сама божественная Соня решила вернуться в наш богами забытый городишко!

Многие обернулись ко входу и теперь с удивлением взирали на вошедших: незнакомого могучего воина с черной как смоль вороной на правом плече и белокурую красотку с таким же, как у мужчины, вороненком. Но главное — все искренне обрадовались возвращению старой знакомой и тому,

что она жива и здорова, несмотря на упорно ходившие по Шадизару слухи, будто она и четверо ее спутников, слишком многим известных в Шадизаре, стигнули на чужбине. Именно эту мысль и высказал кто-то вслух:

— Так она жива!

— Да я вроде помирать и не собиралась! — ответила Соня и насмешливо оглядела присутствующих.

— Красота бессмертна! — шутиливо заметил другой голос. — Да здравствует краса Шадизара!

— Вот болтуны, — усмехнулась красавица, когда ей и ее спутникам поднесли по кубку ледяного пальмового вина.

— А кто же это с тобой? — спросил Зарус, только что провозгласивший тост, а теперь с интересом разглядывавший спутников своей знакомой.

— Мой телохранитель и моя подруга, — не раздумывая, ответила Соня. — Ты, наверное, хочешь узнать побольше? — спросила она, и аргосец тут же кивнул. — Тогда поднимись с нами. Прошу простить, друзья, — обратилась она к тем, кто пил за ее здоровье, — но мы проделали долгий путь, устали и проголодались.

Саиб тут же повел их между столами, и все, мимо кого она проходила, провожали восторженными взглядами ослепительную красавицу, казалось, еще более похорошевшую. Ее нежная кожа потемнела от загара. Короткое платье из тонкой замши едва прикрывало стройные ноги, оставляло открытыми спину и точеные плечи, по которым рассыпались вьющиеся мелкими кольцами

роскошные волосы. А длинные стройные ноги просто сводили с ума.

Спутникам ее досталась своя доля внимания, правда, на Севера смотрели скорее настороженно. Хотя и явился он в Шадизар вместе с некоронованной королевой Пустыньки, но его необычайно мягкая поступь свидетельствовала об огромной таившейся в нем силе, о том же говорили невероятно мощные мышцы. Твердый же взгляд умных серых, как грозовые тучи, глаз не оставлял сомнений: тому, кто оказался у него на пути, лучше отойти в сторону...

Что же касается Ганы, на нее устремилось множество восторженных взглядов. Хотя она и проигрывала в сравнении с огнегровой воительницей, но о недоступности Сони знали все, а вот ее новая подруга охотно отвечала на приветствия незнакомцев.

— Тебе придется повесить мне содержание, — заявил Соне Север, уже поднимаясь по лестнице.

— Интересно, что ты имеешь в виду? — не поняла девушка.

— У ворот ты сказала десятнику, что я твой казначей, а теперь оказываюсь еще и телохранителем, — заметил он совершенно серьезно. — Такая работа требует двойной оплаты.

— Перестань набивать себе цену! — Она ехидно прищурилась. — Разве я когда-нибудь обижала тебя?

— Ловлю на слове, — покорно согласился Вожак, чувствуя, что здесь, в Шадизаре, звание Вожака больше заслуживает Соня.

— Прошу, мои дорогие!

Хозяин таверны отпер дверь, и пока они входили, подбежал к окну и распахнул его настежь, выпуская потоки свежего воздуха.

— Саиб! — крикнула Соня, усаживаясь в кресло, и он мгновенно обернулся и замер, как сторожевой пес, ожидающий приказа хозяина. — Мы со вчерашнего дня ничего не ели и надеемся, что твой повар постарается ради нас.

Она открыла было рот, чтобы добавить еще что-то, но в этот миг в дверь постучали, и Соня решила промолчать. Саиб подскочил к двери — похоже, стук не был для него неожиданностью — и впустил в комнату свою дочь. Она весело впорхнула, неся перед собой поднос, на котором стояли ваза с фруктами, кувшин охлажденного вина и четыре высоких бокала из розового хрусталя. Девушка посмотрела на гостей веселыми глазами и принялась сервировать стол.

— Жаркая нынче осень, — заметил Саиб.

— Как и весна, — отозвалась Соня, подходя к отворенному окну, которое выходило на канал.

— Да, — кивнул таверщик, — не хочу даже вспоминать о том, что творилось здесь летом. Ты уже закончила, Гюли? — Он обернулся к дочке. — Скажи маме, пусть распорядится насчет обеда на четверых. самого лучшего. Я скоро спущусь.

Та еще раз стрельнула глазками в гостей, особенно в Севера, и скрылась за дверью.

— Да, лето оказалось жарким, — согласилась девушка.

— Камни плавилась, — подхватил Саиб.

— Ну, твой-то жирок солнце не растопило,— усмехнувшись, заметила Соня.

— Что поделаешь? — Он смеясь развел короткими, толстыми руками.— Боги ограничились мой рост, зато вширь я могу расти сколько угодно.— Он сокрушенно вздохнул.— А сейчас я должен покинуть вас ненадолго.

Саиб ушел, но вскоре появился вновь. Гораздо раньше, чем ожидали его увидеть оставшиеся в комнате четверо молодых людей. Север подошел к столу, наполнил вином бокалы и разнес их присутствующим, после чего уселся в кресло и с наслаждением сделал первый глоток.

Еще поднося бокал ко рту, он почуял терпкий аромат, узнал его и одобрительно кивнул. Он, как и его спутница, испытывал слабость к хорошим винам, а это оказалось не просто хорошим. Поймав его взгляд, Соня улыбнулась, а Вожак заметил:

— Оказывается, совсем неплохо живут воры в Шадизаре!

Склонив голову, Соня насмешливо посмотрела на него.

— Лучшие из воров Заморы! — поправила она и посмотрела на Заруса, который с достоинством кивнул, соглашаясь.— Кстати, едят они не хуже.

Гана пила вино маленькими глоточками, но не потому, что привыкла смаковать напитки. Просто боялась, что бокал опустеет слишком быстро. В Яме в основном употребляли перекишшее пиво, от которого живот раздувался и немилосердно болел.

Наверное, если бы не Зарус, они уже обменялись бы первыми впечатлениями, но сейчас все

предпочитали молчать. Наконец раздался стук в дверь и Саиб, сообщил, что обед готов. Дверь отворилась, толстяк внес посуду и расставил ее на столе.

Вскоре появилась и Гюли. Ей пришлось-таки побегать.

На столе друг за дружкой появились большая супница с черепаховой похлебкой, печенная на вертеле кабанья нога, фаршированный черносливым фазан, отваренные в меду цыплята, маринованный в вине фаршированный свиной заяц, запеченный в тесте сом и многое другое.

Гана смотрела на все это великолепие и, чтобы не казаться остальным полной дурой, все глубже опускала свой маленький носик в бокал, в котором почти не осталось вина. На голод она не могла пожаловаться. Питались в Яме сытно, но однообразно. Как правило, животное или птицу обдирали, потрошили, солили, насаживали на вертел и подвешивали над огнем — просто и быстро. Из жидких блюд она пробовала только бобовую похлебку.

— С твоего позволения,— обратился Саиб к Соне, в последний раз окинув стол придирчивым взглядом и убедившись, что ничего не забыл,— я зайду попозже.

Он пятился, кланяясь, пока не вышел за дверь, которая тут же закрылась за ним. Послышались удаляющиеся шаги, и все стихло.

— Довольно,— заявила Соня и первой уселась за стол.— Не знаю, как вы, а у меня больше сил нет терпеть.

Ее друзья не заставили себя долго упрашивать, тем более что разговор все равно не клеился. Наверное, сказывалось то, что даже Соня знала Заруса не так уж хорошо, а сдержанный Север вообще предпочитал молчать. По крайней мере, пока обсуждалась страшная жара, все лето простоявшая в Шадиаре. Но как только заговорили о судьбе исчезнувших спутников его подруги, неожиданно вмешался.

— Пути наши разошлись в начале лета, — опередив ее, уклончиво ответил он. — Но я знаю, что Альво с Сурханом осели на севере Немедии.

Услышав это, Соня едва не вцепилась в него, но в последний миг сдержалась, решив отложить месть на более позднее время.

— Вот как! — поднял бровь Зарус. — А в Шадиаре ходили упорные слухи о том, что все вы погибли.

— Интересно, — нахмурилась девушка. — Кто их распространял?

— А Бел его знает... — пожимая плечами, равнодушно ответил Зарус. — Во всяком случае, не я и уж никак не молчун Золо.

Аргосец не слишком задержался наверху. Узнав, что хотел, он встал, заметив на прощание, что нет ничего неприятнее назойливого гостя, и спустился вниз.

— И что это значит? — поджав губы и испепеляя Севера взглядом, тихо, но твердо спросила девушка, когда шаги гостя затихли в коридоре.

— Ты о чем? — оторвавшись от жаркого, заинтересовался он.

— Об Альво и Сурхане, — сказала она еще тише, так что Гана, почувствовав, что тучи сгущаются, растерянно заморгала, недоуменно поглядывая на свою подругу. — Ты знал, что они живы, и ни словом не обмолвился мне!

— Но ведь об этом рассказал Хэлдир в ту ночь, что мы провели за Вратами Черепа. — Вожак недоуменно пожал плечами и добавил, извиняясь: — Я думал, ты слышала.

Соня нахмурилась. Непонятно почему, но она не сомневалась, что он увильнул от ответа, хоть и сказал правду. В самом деле, она ведь вполне могла и не спать, а значит, слышать их разговор от начала и до конца. «Скользкий, как комок речного ила!» — опять подумала она. Наверняка опасался, что ей приспичит завернуть в Ханумар повидаться с друзьями! Как только эта простая мысль пришла ей в голову, она успокоилась.

— А теперь объясни-ка и ты мне кое-что, — выждав несколько мгновений, задал Север вопрос. — Чего ради ты заплатила бородачу у ворот сотню золотых и, как я понимаю, до конца дня собираешься облагодетельствовать еще уйму бездельников?

Он вопросительно посмотрел на девушку, и та кивнула, соглашаясь с его предположением.

— Твоя наблюдательность делает тебе честь, — ехидно заметила Соня.

— Зачем это? — продолжал настаивать Север.

— Это плата за год спокойной жизни в Шадиаре, — в конце концов объяснила она. — Надеюсь, ты не против?

— Сколько их, этих десятников? Сотня? Две?

— Примерно, — уклончиво ответила Соня. — Но что тебя беспокоит? Неужели деньги?

— Деньги здесь ни при чем, — поморщился Север. — Хотя и ими разбрасываться не стоит.

Гана одобрительно кивнула — ну наконец-то! — но этого никто не заметил.

— Так в чем же дело? — удивилась красавица. — Что тебя беспокоит?

— Меня беспокоит то, — в тон ей ответил Север, — что завтра весь Шадизар узнает: красавица Соня вернулась в славный город воров!

— Конечно узнает.

— Но узнают не только об этом. Станут говорить, что вернулась ты не одна, а с воином со странным прозвищем «Северянин» — кажется, так понял мое имя десятник у ворот? — и подружкой-красоткой.

Он посмотрел на Гану, и та, довольная такой оценкой, заулыбалась.

— Все верно, — согласилась Соня, — но я по-прежнему не понимаю, что в этом плохого?

— Плохо то, — поморщившись, принялся объяснять Север, — что ты слишком известна в этом городе, а теперь и мы с Ганой тоже. А значит, если кто-то увидит меня или ее, то с уверенностью сможет предположить, что где-то неподалеку и остальные двое.

— Да, это так, — подтвердила Соня, — но это же хорошо. — Она непонимающе посмотрела на возлюбленного. — Теперь ты в случае необходимости сможешь обратиться к любому из городских десят-

ников за помощью и, даже если он прежде не видел тебя, сослаться на меня и требовать, — она со значением посмотрела на него, — не просить, а требовать, — повторила девушка, — его содействия. И все это на том простом основании, что ему и его людям уплачено за любое содействие на год вперед. Что же в этом дурного?

— Все хорошо, — согласился Вожак, — кроме одного: если придется прятаться, то где угодно, но только не в Шадизаре.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — кивнула Соня. — Но согласишься и ты: иногда удобней не прятаться, а укрыться под защиту силы. Любой из десятников почтет за честь присматривать за таверной Саиба, если я его попрошу об этом, и днем и ночью. Но если и этого будет мало, то достаточно перебраться через мост, и мы окажемся в Пустыньке. Я шепну нужным людям два-три слова, и туда вообще никто не посмеет сунуться, даже городская стража. — Гана слушала подругу, и глаза ее все больше округлялись от удивления. Север с сомнением покачал головой, и Соня, вздохнув, добавила: — Вижу, что не убедила тебя.

— Скажем так — не полностью, — поправил он.

— Тогда давай подойдем с другой стороны. В любом случае меня здесь знают, так уж лучше мне укрепить привычное для себя положение, к которому к тому же привыкли остальные. Не забывай, что вырваться из системы, в которой имеешь свое прочное место, всегда опаснее, чем оставаться внутри нее.

— Когда-то ты похвлялась своей независимостью,— сдержанно заметил Север.

— Все так,— согласилась девушка.— И тут, пожалуй, ты прав: нельзя не зависеть ни от кого и ни от чего вообще. Что скажешь?

— Что бы я ни сказал, ничего уже не изменишь,— ответил Север.

— И снова ты прав,— улыбнулась она.

— Хорошо,— наконец согласился он.— Но в будущем о подобных сюрпризах я просил бы предупредить меня заранее.

— Договорились,— с готовностью согласилась красавица.

Как и предполагал Север, остаток дня Соня провела в беспрестанной беготне. В одном из боковых залов, по ее просьбе, Саиб устроил «небольшое угощение» для городских стражей. Когда не оделенных ее вниманием набиралось больше пяти, прекрасная воительница спускалась вниз, прихватывая с собой несколько увесистых мешочков с золотом, а после непродолжительной беседы возвращалась к себе в комнату уже без них. Поток «гостей» иссяк, только когда солнце начало клониться к закату.

— Надеюсь, это все? — сдержанно спросил Север, когда, вернувшись из очередной прогулки в общий зал, она уселась в кресло и насмешливо посмотрела на него.

— Да,— кивнула девушка, попивая вино маленькими глоточками.— Правда, остались еще сотники и кое-кто из городских чиновников, но я хочу, чтобы в дальнейшем с ними общался Саиб.

Сдается мне, что я теперь нечасто стану появляться в Шадиаре, а значит, пора передавать ему свои связи.

— Зачем это тебе?

— Слишком обременительно,— ответила девушка, и Север понял, что свою подругу он так скоро не переделает.

— А кем, если не секрет, тебе доводится почетный хозяин? — решил он сменить тему.

— Да в общем-то никем. Просто половина этого заведения принадлежит мне. В свое время я помогла ему перебраться сюда из Пустыньки, и дело оказалось сложнее, чем я рассчитывала. Пришлось потратить немало денег на подкуп чиновников и устранить кое-кого из конкурентов. Зато теперь он владеет двумя тавернами — этой и прежней, той, что в воровском квартале. Ею управляет племянник Саиба, а это тоже немаловажно.

— Ты веришь ему? — поинтересовался Север.

— Верю ли?...— задумчиво повторила девушка.— Наверное, да,— кивнула она.— Верю, насколько вообще можно верить человеку, не будучи связанным с ним родственными узами. Впрочем, суди сам.— Она улыбнулась.— Несколько лет назад с моей помощью он переехал из Пустыньки в центральную часть города. Сделка сулила большие выгоды, ведь здесь посетители значительно богаче, да и сама таверна намного больше старой. Обычно владельцу заведения из Пустыньки трудно перебраться через канал. Так получилось и у нас. Мне пришлось использовать для этого все свои связи и немалые деньги, свои деньги, ведь

у Саиба не было за душой ничего, кроме плохонькой таверны за каналом, которую он хотел продать. Но я уговорила его не делать этого: не отказываться же от налаженного дела. Я же имела больше, чем могла потратить, и он предложил мне стать совладелицей.

— Интересная история,— кивнул Север.

— Интересная,— согласилась Соня,— да не вся.— Главные трудности начались позже, когда Саиб освоился. А освоился он быстро, потому что не чурался выходцев из воровского квартала, которых при прежнем хозяине здесь не жаловали. Он и продал то таверну из-за того, что мало кто из состоятельных горожан наведывался сюда: слишком близко от нечистой части города. Саиб все изменил, и знаешь, к чему это привело?

— Могу догадаться,— усмехнулся Север.— Мелкой шушере из-за канала такое угощение,— он кивнул в сторону уставленного яствами стола,— оказалось не по карману, и тут начали собираться особо удачливые воры.— Он насмешливо посмотрел на девушку.

— Верно мыслишь,— усмехнулась та.— И очень скоро здесь же стали появляться те, кто нуждался в их услугах, но боялся совать нос в Пустыньку. Ты, наверное, и сегодня заметил в зале немало странных, на первый взгляд, пар.— Север молча кивнул.— В общем, таверна оказалась воистину золотым дном, но, когда это выяснилось, начались неприятности с властями. Признаться, я поначалу удивилась: чего это вдруг? Но разгадка оказалась простой.

— Соперник,— заметил Север, отпив вина.

— Удивительно верно мыслишь,— усмехнувшись, повторила Соня.— Ты словно родился в Шадизаре.— Север лишь пренебрежительно хмыкнул, и она продолжила: — Оказалось, что Ваиран, владелец дюжины самых прибыльных увеселительных заведений Шадизара, хотел купить ее, но посчитал невыгодным вкладывать деньги в малоприбыльное дело, а свою ошибку понял, только когда увидел, как резко пошли в гору дела у Саиба. Остальное оказалось проще,— невинным голосом заметила девушка.

— Что же ты сделала с этим беднягой? — поинтересовался Вожак.

— Ничего особенного,— скромно ответила Соня.— Но когда я поняла, откуда дует ветер, неприятности начались уже у Ваирана. Хочу заметить, что я действовала очень осмотрительно и неторопливо, надеясь, что он поймет, что к чему.

На протяжении всего разговора Гана молчала, так что время от времени оба просто забывали о ее присутствии.

Она потеряла дар речи, слушая, как эта девушка, вряд ли намного старше ее самой, рассказывает совершенно невероятные истории, в которые, если бы не та легкость, с какой красавица разбрасывалась золотом, она никогда в жизни не поверила бы.

— Так что же случилось с Ваираном? — напомнил Север о том, что рассказ еще не закончен.

— Да ничего с ним не случилось.— Соня пожала плечами.— Жив и здравствует до сих пор, но

вот четыре его каравана бесследно исчезли в степи. Такое иногда случается.

— Ага,— хмыкнул Север, давая понять, что приблизительно представляет, как это происходит...

— Самая большая таверна, расположенная в центре города, сгорела.

— Наверное, свеча неудачно упала,— с серьезным лицом заметил Север.

— Говорят, именно так и было,— подтвердила Соня.

— И что Ваиран?

— Не понимает, хоть ты тресни! — Соня всплеснула руками с таким разочарованным видом, что впервые за время рассказа Гана не выдержала и прыснула в ладошку.— Посчитал, что караванчики сбились с пути, а пожар произошел случайно. Просто беда! Признаться, я тогда едва не растерялась, прикидывая, что же делать дальше. И тут Бел помог мне. Чтобы восполнить затраты, наш доверчивый торговец откупорил заветную кубышку, и тогда выяснилось, что кто-то уже позаботился о ее содержимом.

— Вероятно, именно в этот миг первые страшные подозрения зашевелились у него в мозгу,— заметил Север.

— Можно сказать и так,— согласилась Соня.— Он устроил форменное дознание, но не смог даже выяснить, когда произошла кража. Просто денег не стало. Ему бы задуматься о происшедшем, но, видно, занятие это оказалось для Ваирана слишком уж непривычным. Вместо этого он принялся ездить по Шадизару, выжимая слезы и деньги из

друзей, число которых совершенно неожиданно резко сократилось. В отличие от жадного и недалекого Ваирана все понимали, что главную причину его неприятностей надо искать в Пустыньке, откуда явился Саиб. Наконец кто-то посоветовал бедолаге оставить Саиба в покое, объяснив, что выходец из-за канала — не та рыбка, которую можно съесть, не подавившись.

— И что же дальше?

— К чести гирканца, у него хватило ума последовать дельному совету, так что неприятности его на этом прекратились,— закончила рассказ Соня.— Впрочем,— тут же добавила она,— я на него не в обиде, ведь он позволил мне заработать немало денег, упрочить свое положение и получить полное право на преданность Саиба. Именно поэтому я никогда не сомневалась в искренности нашего хозяина.

— А Ваиран знает, кто виноват в постигших его бедах? — Голос Севера прозвучал совершенно спокойно, но Соня невольно насторожилась, впервые подумав о том, что гирканец может отомстить.— Те, кого боги обделили умом, зачастую оказываются очень злопамятны.

— Именно поэтому я и плачу за свою безопасность,— ответила девушка и добавила: — Если что-то случится с Саибом, все поймут, откуда пришла беда, и тогда Ваирану не поздоровится.

— Но у Саиба, вероятно, нет других врагов,— заметил Вожак.— Иное дело — ты...

Красавица хотела было возразить, да осеклась. А ведь он прав... Известная беда — не беда. Насто-

ящая беда — та, которой не ждешь... Она упрямо тряхнула волосами, и они рассыпались по плечам. «Мне ли, лучшей среди шадизарских воров, бояться мести жирного торгаша?!» — говорил ее гордый взгляд.

Север недовольно поморщился. При всем своем уме, силе и отваге он не любил рисковать понапрасну.

— О том, что делается тайно, знать не должен никто, — наставительно заметил он.

— Ты прав, — согласилась она, — но... Только для себя. В Шадизаре все иначе. Никто и никогда не обратится к вору, о котором ничего не известно. Так что нравится это тебе или нет, но такие слухи даже полезны.

— Но только не теперь, — возразил он.

— И снова ты прав, — согласилась девушка. — Однако сейчас уже ничего не поправишь.

Неожиданно Соне вновь захотелось пить. Она бездумно взяла стоявший на столе бокал и поняла, что это не поможет. День подошел к концу, но ночь не принесла прохлады: нагретые за день здания и камни мостовой начали щедро отдавать тепло, суля душную ночь. Тогда она встала, пошире отворила окно и, глядя на темную воду канала, пригубила вино. За окном уже совсем стемнело. Только заправленные свежим маслом лампы при входе в таверну изливали на опустевшую улицу мягкий желтоватый свет.

Как ни странно, но слова Севера упорно не выходили у красавицы из головы, хотя прежде она мало прислушивалась к чужому мнению. Впрочем,

не так уж и странно, если вспомнить о непогрешимости Вожака, которая так злила ее поначалу. Конечно же, он прав и сейчас, но прав на свой лад.

Ей вдруг подумалось, что вор, как колдун, живет не только оттачиванием своего мастерства, но и своей славой. Она похвалила себя за необычное, а главное, верное сравнение и снова отпила из бокала. В самом деле... Колдун добывает знания древних и с их помощью находит собственный путь к овладению искусством. Точно так же и вор тщательно овладевает воровскими навыками, накапливает знания и факты, которые могут пригодиться ему лишь в будущем. Но это только одна сторона дела, а ведь есть и другая. Каждое успешно завершенное колдовство увеличивает уверенность колдуна в своих силах и множит его славу. Точно так же и каждая удачная кража оттачивает навыки вора и порождает слухи, которые делают ему имя, что напрямую связано с оплатой заказов.

Впрочем, и Север прав. В том, что им предстоит, излишняя известность ни к чему. Нет, Соня вовсе не боялась. Сознание грозящей опасности никогда прежде не отпугивало девушку, как и большинство нормальных людей, а скорее уж, наоборот, притягивало, подталкивало к действию. Собственно, и ремеслом своим она давно уже занималась не ради выгоды — денег у нее накопилось столько, что вовек не потратить! — а чтобы время от времени пощекотать себе нервы. Нередко она без сожаления отказывалась даже от выгодных заказов только из-за того, что те казались ей слишком простыми.

Подумав об этом, она вспомнила, что в начале лета такие соображения уже приходили ей в голову. Тогда же она поняла, что берется за заказ Ханторэка только потому, что он означал нечто большее, чем простую кражу. М-да... Она чувствовала, что ввязалась в серьезную историю, всей опасности которой предвидеть не смогла. Теперь она ясно видела это и, наверное, вряд ли согласилась бы повторить пройденный путь.

Она покачала головой и невесело усмехнулась: «А сейчас-то ты куда собралась?» Судя по всему, путешествие к ущелью Духов окажется куда опаснее... Впрочем, сейчас ведь она с Севером! При мысли о возлюбленном на душе у нее потеплело, и тут же девушка едва не расхохоталась в голос. Да ведь не согласись она на поездку к Логову, они бы никогда не встретились! Ей захотелось подбежать к нему, усесться на колени, прижаться к могучей груди и позволить себе то, чего она никогда не позволяла прежде — с наслаждением ощутить себя слабой и беззащитной! Но она не сделала этого, не поддалась соблазну, чуть ли не с ненавистью подумав о Гане, которую, неизвестно за каким демоном, потащила за собой. Она только вздохнула и осталась на месте.

Время близилось к полуночи, и лишь редкие прохожие, испуганно поглядывая в сторону раскинувшейся за каналом Пустыньки, где жизнь только набирала силу, спешили укрыться за стенами домов. Там они чувствовали себя в безопасности. Север неслышно подошел, остановился сзади и сделал то, что не решилась в присутствии

подруги сделать она — обнял ее и прижал к себе. Через мгновение к ним подошла Гана. Втроем они молча стояли у раскрытого окна и смотрели на противоположный берег. Сейчас, на пороге ночи, воровской квартал производил странное впечатление. Отдельными островками на нем виднелись ярко освещенные участки, в то время как расположенные совсем близко районы казались вымершими. Однако, судя по доносившимся со всех сторон нестройным крикам, на самом деле все было не так.

— Наверное, ты прав, — негромко сказала Соня.

— Ты о чем? — переспросил Север.

— Не стоило нам заезжать в Шадизар.

— Ты знаешь, — он улыбнулся, — после твоих рассказов я изменил свое мнение. Быть может, и следовало заплатить всем этим бездельникам. Хотя бы ради собственного спокойствия.

Соня улыбнулась, запрокинула голову и, не замечая завистливых взглядов Ганы, поцеловала его в щеку. Как все-таки хорошо, что он есть!

* * *

На следующее утро все втроем отправились на рыночную площадь. Предстояло купить кое-что из одежды. Но если приобретение сшитых на туранский манер шальвар, просторных рубаш к ним и невысоких сапог из мягкой кожи для всех троих не вызвало затруднений, то специальные накидки с сеткой, закрывавшей лицо, пришлось поискать.

Излишне говорить, что такой товар в Заморе не пользовался спросом. Шадизарские женщины

предпочитали скорее уж обнажиться больше дозволенного, чем скрывать свои прелести от глаз поклонников, даже если эти прелести оказывались весьма сомнительными.

Так что довольно скромными выглядели лишь дамы, достигшие почтенного возраста, но и они прилагали все усилия, чтобы выглядеть привлекательно.

Наконец после долгих поисков они отыскали пожилого туранца, который вез свой товар из Султанапура в Кутхемес. Тот несказанно удивился, когда две красавицы, сопровождаемые могучим бойцом, объяснили, что они ищут. Тем не менее он развернулся, ушел в глубь лавки и вскоре вернулся с двумя черными бесформенными кусками грубого полотна.

Соня, конечно же, знала, что это за одежда и для чего она служит, но сама никогда ее не носила и теперь с возраставшим раздражением вертела в руках сшитый по последней туранской моде — по крайней мере, именно в этом уверял их купец — образец портняжного искусства. Она никак не могла решиться не то чтобы надеть, но даже просто прикинуть это на себя, словно боялась, что черный цвет нового наряда оставит несмываемые пятна на ее нежной коже.

Гана просто замерла и изумленно смотрела на подругу, словно спрашивая: да что же это такое?! Правда, поначалу, еще не зная, что держит в руках, она добросовестно рассмотрела обновку, затем несколько раз отогнула и опустила на место чачван — ту самую сетку, сквозь которую ей предсто-

яло смотреть на мир, — а потом и вовсе превратилась в статую.

Север понял, что ее скудный умишко не может воспринять происходящее.

Нечто подобное испытывал и почтенный туранец. Во всяком случае, если сначала, взглянув на дорогие наряды покупателей, он рассчитывал сорвать хороший куш, продав им столь редкий товар, то теперь со всей очевидностью понял, что поторопился с выводами. Хорошо еще, если они купят пару предложенных им мешков хотя бы по обычной цене.

* * *

— Все, Турег. Дальше не ходи, — остановил наемника Юрг, искоса поглядывая на троицу, копотившуюся у лавки. — Мы и так подкрались ближе, чем следовало: нас могут узнать.

— Тебя могут узнать, — спокойно возразил вертявый туранец.

— Нас, — стоял на своем Юрг. — Мужчина запомнит твое лицо и, если ты еще раз попадешься ему на глаза, не преминет выяснить, зачем ты крутишься возле него.

Туранец внимательным взглядом окинул мускулистую фигуру воина. Немало повидал он бойцов на своем веку, но такого ему встречать еще не приходилось.

Правда, он не знал, на что способен незнакомец в драке, но что-то во внешности сурового воина подсказывало ему, что лучше этого не выяснять. По крайней мере лично.

— Не понимаю, какой смысл его охранять,— удивился туранец, раздраженно передернув плечами.

— Смысл есть,— уклончиво ответил Юрг.— Уж ты поверь. Хотя я лично надеюсь, что ты окажешься прав и нам не придется заботиться о мужчине. Просто запомни его и не попадайся на глаза. А главное — запомни девушку.

— Которую из двух?

— Ту, что с волосами цвета меди! Неужели не понятно?! — чувствуя, как нарастает раздражение, прикрикнул он на наемника, но тут же взял себя в руки.— Не сердись,— сказал он примирительно.— Не могу равнодушно смотреть на нее.

— Не мудрено,— ухмыльнулся туранец, окидывая жадным взглядом великолепную воительницу.— Вторая тоже хороша... Даже очень,— заметил он,— но рядом со своей товаркой выглядит бледной тенью.

— Меня эта девушка не интересует,— пожал плечами Юрг.— Я даже не знаю, кто она. Теперь ты все понял? — переспросил он.— Мужчину нам предстоит охранять, а рыжую девку...— Он красноречиво посмотрел на приятеля и провел большим пальцем по кадыку.

— Жаль...— вздохнул туранец и отвернулся.

Это совсем не понравилось Юргу.

— Знаешь что,— проговорил он, задумчиво пожевывая губу,— если вдруг тебе или твоим людям придет в голову великолепная мысль, забрав деньги, перерезать глотку мне, убить мужчину и похитить девушек, забудь об этом сразу.

Высказавшись предельно откровенно, он посмотрел на сообщника таким взглядом, что тот испуганно отпрянул.

— Что ты, что ты, уважаемый! — поспешил разуверить его Турег, старательно изображая на хитрой роже подобострастную улыбку.— Ничего подобного мне и в голову прийти не могло!

— Очень рад, если так,— кивнул Юрг.— Но раз уж мы заговорили о неприятном, позволь мне закончить, чтобы больше к этому не возвращаться. Я действую не от себя лично. За мной сила, а какая, тебе знать не надо. Зато ты должен твердо усвоить, что, как только ты согласился на это дело, я поставил тех, кто надо мной, в известность о заключенном нами договоре. Так что если что-то пойдет не так, поверят лишь моему слову. Это значит, что я должен вернуться при любом раскладе, иначе тебе не сносить головы.

— Жаль...— во второй уже раз кисло протянул туранец.

— Ну уж так и жаль...— хмыкнул Юрг.

— Я хотел сказать,— поправил себя разбойник,— жаль, что придется убить ее.— Он посмотрел Юргу в глаза.— А нельзя что-то изменить в плане? — вкрадчиво поинтересовался он.

— Будь моя воля, я обошелся бы с ней иначе.— Юрг поджал губы.— Но она должна умереть.

— Как-то это неправильно.

— Но если она попадет к нам в руки живьем, я не стану возражать против недолгой отсрочки,— пообещал наставник Логова, и разбойник гнусно ухмыльнулся.

Соня швырнула на прилавок мешковатый балахон и раздраженно посмотрела на Севера, словно он в чем-то виноват перед ней.

— Если ты всерьез рассчитываешь, что я стану носить это,— обвинительным жестом она ткнула хорошеньким пальчиком в бесформенную кучу черного тряпья,— то вынуждена огорчить тебя. И не подумаю!

Гана тоже нахмурилась, соглашаясь с Соней.

— Не понимаю, чего ты кипятишься? — спокойно спросил Вожак, поднял брошенную одежду и расправил ее.— Мрачновато немного, и фасон странный... Зато в нем тебя никто не узнает!

— Нет, ну ты посмотри на него! — воскликнула красавица, обращаясь к подруге.— Он еще шутит! — Она смерила своего возлюбленного гневным взглядом и прошипела сквозь зубы: — Я тебе пошучу!

— Да ладно тебе! — Вовремя заметив надвигающуюся бурю, Север пошел на попятную.— Теперь я и сам вижу, что фасон хоть и оригинален, но не практичен. Да еще это...— Он раздраженно уставился на чачван, словно только что впервые увидел его и теперь пытался догадаться, для чего тот предназначен.

Красавицы обменялись победными взглядами, и торговец решил, что настало время вмешаться в разговор, а то чего доброго сделка сорвется.

— О благородные господа! — затянул он.— Ничайше прошу прислушаться к вашему недостойному слуге, ибо, как в своей бесконечной мудро-

сти учит нас пророк Тарим, несущий неверным свет истины...

— Короче, торгаш!

Соня прицелилась в него тяжелым взглядом, давая ясно понять, что ничего хорошего не ждет от человека, который пытается заработать, продавая такую одежду.

— Можно и короче,— мгновенно согласился тот и заговорил нормально, хотя и несколько витиевато: — Не подобает мне интересоваться планами господ, но если путь ваш лежит через Туран, особенно области его, раскинувшиеся южнее Замбулы и Хоарезма, то без одежды этой, сколь она вам ни неприятна, никак не обойтись.

Север ожидал нового взрыва негодования, но его не последовало. Вместо этого Соня хмуро уставилась на торговца.

— И что, без этого действительно никак нельзя? — спросила она.

— Можно,— кисло ответил тот, чувствуя, как уплывают из рук деньги.— В Султанапуре, например, царят относительно свободные нравы, но чем дальше на юг, тем больше ужесточаются требования служителей Тарима. А чтобы путешествовать в таком наряде, как на тебе сейчас, прекраснейшая, вам придется пробираться безлюдными местами, избегая показываться правоверным на глаза.

— Пожалуй, меня это устроит больше,— проворчала Соня, поздравляя себя с тем, что ей все-таки не нужно будет щеголять в черном мешке с волосяным забралом.

Она посмотрела на Севера, готовая в любой миг вступить с ним в новую перепалку, но тот лишь согласно кивнул.

— И все-таки, благородные господа, я настоятельно советовал бы вам обзавестись двумя платьями,— вновь затянул туранец, упрямо не желая отпустить их без покупки.

— Перебьемся,— отмахнулась Соня.

— Вас могут запросто побить камнями, а в Иракистане и вовсе посадят на колья возле храма как осквернителей! — прибегнул к последнему доводу купец и выразительно посмотрел на Севера, надеясь, что здравый рассудок мужчины возьмет верх над женскими капризами.

— Соня,— заметил Север.— Думаю, стоит прислушаться к тому, что говорит этот достойный торговец.

— Мы же станем пробираться безлюдными местами,— сказала она, и в голосе ее прозвучала мольба.— Ну зачем это?

— Вполне согласен с тобой,— мягко ответил он.— Но я говорю о возможных неожиданностях... Ну пожалуйста. В конце концов, я ведь не прошу тебя без нужды надевать это.

Она возмущенно фыркнула и отвернулась, с ненавистью разглядывая скомканную одежду. Гана хихикнула, даже не задумавшись о том, что и ей придется носить то же самое. Впрочем, ее это не сильно волновало.

— А чего-нибудь другого нет? — с надеждой в голосе наконец спросила девушка.— Чего-нибудь... Не такого мрачного?

— Можно носить шандру,— с кислой физиономией отозвался купец,— но это одежда для низкорожденных. Вряд ли госпожа пожелает надеть ее.

— Ты все-таки покажи.

Обреченно вздохнув, толстяк поплелся в лавку, но через некоторое время вернулся, неся на этот раз что-то гораздо более легкое. Соня расправила длинное, до пола, покрывало, с разрезами для рук, тянувшимися от плеч до пяток. Вместо волосяной сетки на передней части накидки была сделана узкая прорезь для глаз. Север ничего не сказал, хотя и подумал, что наряды достойны один другого. Этот, по крайней мере, в случае надобности быстрее надеть и проще снять. Придя к такому выводу, Вожак потянулся за кошельком, хотя Соня своего мнения еще не высказала. Он развязал тесьму и выудил золотую монету. Купец судорожно вздохнул, и взгляд его засветился восторгом.

Соня обернулась к своему спутнику.

— Что скажешь? — поинтересовалась она.

— Ну! Совсем другое дело! — с видом знатока окинув тряпку восторженным взглядом, бодро отозвался он.

— Богиня! — Толстяк всплеснул пухлыми ручками.— Настоящая богиня!

Гана наконец-то не выдержала и расхохоталась.

— Тьфу!

Соня сплюнула с досады, перекинула через руку два ненавистных покрывала и направилась прочь.

— Держи! — крикнул Север, бросая купцу золотой, и пошел следом за девушками.

— Э-э! Эй! — крикнул тот, протягивая к ним руку. — А за второй? За второй кто заплатит?!

Север хмыкнул и покачал головой. До чего же доходит человеческая наглость! На этот золотой можно купить сотню таких тряпок, и еще останется, а ему доплату давай!

— Ворюга! — не унимался за спиной купец. — Ты мне еще попадешься!

Ну, это уже, пожалуй, слишком! Север резко развернулся. Купец тут же осекся; золотой, что он держал в руке, мгновенно переключившись за щеку, а лицо туранца расплылось в слащавой улыбке.

— Прошу прощения, благородный господин! — воскликнул он. — Ошибка — с кем не бывает!

* * *

На этом посещение Шадизара закончилось. Вечером этого дня они впервые сумели наконец отдохнуть, ни о чем и ни о ком не беспокоясь. Рано поутру, едва солнце показалось над крышами домов, все трое спустились вниз, чтобы наскоро позавтракать и отправиться в дорогу. Часть имущества, в основном теплую одежду, которая могла им понадобится на обратном пути, они оставили на попечение Саиба и, распрощавшись с ним, поскакали к воротам.

Вестница тут же взмыла в небо и полетела напрямик на север, туда, где остались ждать волки. Город еще спал. Тихие безлюдные улицы хранили ночную прохладу, и Соня подумала вдруг, что никогда не видела Шадизара таким, как сейчас, — спокойным и умиротворенным. Обычно он пора-

жал приезжих шумом и обилием красок, многоголосой пестрой толпой, в которой любому несложно затеряться. А главное, он нравился девушке именно таким — задорным и веселым городом воров. Городом, где хорошо живется любому, у кого водятся деньги.

Соня посмотрела на Севера. Ее избранник ехал, глядя прямо перед собой, как всегда, невозмутимый, полный достоинства. Она никогда не могла угадать, о чем он думает, даже когда предполагала, что должно занимать его мысли. Гана остервенело зевала, рискуя разорвать свой хорошенький ротик. Вот уж кому явно наплевать на Шадизар с его тайнами и красотами!

Поездка по пустому городу заняла совсем немного времени. У ворот они увидели давешнего десятника со своими воинами.

— Никак уже покидаете нас? — удивился тот.

— Да мы и не собирались оставаться надолго, — ответила девушка и ударила коня.

Тот резко взял с места и понесся по степи. Вулоф с Вилвой должны ждать их на юго-западе от ворот. Именно так они решили при расставании у предгорий Карпаш. Так оно и получилось. Солнце не успело проделать и десятой части своего пути до высшей отметки, когда два крупных зверя начали приближаться к ним, прокладывая путь в высокой, пересохшей за лето траве.

Вулоф радостно подпрыгнул, пытаясь на бегу лизнуть Севера в нос, едва не свалив при этом и всадника, и коня. Гана расхохоталась. «Совсем как пес», — подумала Соня. Такой же преданный, толь-

ко намного умнее. Не успела она подумать об этом, как точно такой же трюк проделала с ней самой Вилва, только у волчицы прыжок получился изящнее.

Они тут же взяли резко на запад, намереваясь заночевать у отрогов Кезанкийских гор, а утром выйти к верховьям Незваи. Конечно, такой путь к границам Турана оказывался длиннее, зато удобнее. Не говоря уже о том, что в горах больше дичи, чем в пересохшей степи, да и ручейков много; а где вода, там и трава для коней.

На исходе третьего дня они, как и рассчитывали, вышли на берег реки. Недлинная, но полноводная, она пересекала с юго-запада на северо-восток почти весь Хауран и теперь, на самой границе с Тураном, превращалась в широкий ручей. Они остановили уставших коней на растрескавшемся иле, который когда-то лежал на дне Незваи, а теперь превратился в берег ручья.

Соня с грустью посмотрела на торчавшие из пересохшей земли обломанные стволы сухих камышей, на плескавшуюся в огромных грязевых лужах рыбу и на чумазую детвору, что безжалостно била ее острогами, вилами, а то и просто заостренными палками.

— Поехали отсюда, — хмуро сказала девушка и, не оглядываясь, направила своего скакуна к мосту, соединявшему берега реки, через которую сейчас могла бы перешагнуть и курица.

Север ударил коня и поскакал вперед. Пить из этой вонючей лужи ему не хотелось. Почти сразу за мостом раскинулась деревенька. Старик, у

которого они расположились на ночь, радостно сообщил, что в колодцах — хвала Эрлику! — есть вода. Похоже, уровень в подземной реке, питавшей Незваю, упал, но сама она не пересохла.

Утром снова тронулись в путь. Следующую остановку они наметили неподалеку от Ильбарса. Заночевали в степи. Казалось бы, совсем недавно они покинули Логово, а ночи стали гораздо теплее, исчезли предрассветный туман и тяжелая роса, пригибавшая траву по утрам.

К Ильбарсу они подсккали перед полуднем, в первый миг удивившись тому, что жара не сказалась на уровне воды в реке, но потом Соня вспомнила, что Ильбарс берет начало в горных ледниках. Они двинулись вдоль русла реки, протекавшей в этом месте почти точно на север, лишь немного забирая к западу. По левую руку от них, на другом берегу, тянулись невысокие Туманные горы.

Здесь, в плодородной долине Ильбарса, степь уступила место лесам. Правда, леса эти сильно отличались от тех, что остались у путников далеко за спиной, в Немедии и даже Коринфии. Они, скорее, походили на рощи, теснившиеся друг к другу. Акации стояли в цвету, как будто вслед за летом вновь наступила весна. Словом, природа здесь настолько отличалась от той, что они видели на берегах Незваи, что, казалось, они попали совсем в другую, сказочную страну.

Однако если прежде кони скакали во весь опор, а всадники заботились лишь о том, чтобы выдержать верное направление, то теперь им пришлось резко сбавить скорость и вести себя осмотритель-

но. Они хорошо помнили предупреждение купца и старались следовать его советам, как только попали в Туран, но на исходе первой седмицы путешествия по югу Хайбории им представилась возможность на собственном опыте убедиться, насколько справедлива старая пословица, гласившая, что и сотня рассказов не заменит однажды увиденного.

До сих пор они просто старательно выбирали путь таким образом, чтобы городские стены сперва Замбулы, а потом и Кутхемеса оставались в стороне. И в то же время им приходилось объезжать многочисленные деревеньки, раскинувшиеся на берегу Ильбарса. Однако поначалу все эти препятствия хоть и замедляли продвижение вперед, но не слишком-то обременяли путешественников. Наконец, миновав Кутхемес, они вздохнули свободнее.

Рощи теперь попадались не то чтобы реже, но стали мельче, иногда представляя собой всего лишь группу из двух-трех деревьев. На юге путь им перегородили не слишком высокие холмы. Когда путники поднялись по склону одного из них, им открылось совершенно неожиданное зрелище — череда выветренных скал песчаника тянулась насколько хватало глаз и на запад, и на восток.

Север остановил гнедого и посмотрел по сторонам.

— Похоже, мы приближаемся к цели, — наконец сказал он.

— А куда мы едем? — простодушно поинтересовалась Гана.

— Про ущелье Духов никогда не слышала? — ухмыльнулся Север.

Девушка отрицательно покачала головой, и улыбка медленно сползла с ее лица.

— А зачем нам туда? — Она нервно сглотнула. — К духам?

— Дело есть, — кратко ответил Север. — Хотя тебе-то, пожалуй, туда и впрямь ни к чему.

Соня неодобрительно посмотрела на Вожака, а Гана закусил губу и умолкла. Да, с Хвамом-то, пожалуй, было попроще: всегда знаешь, чего от него можно ждать, а у этих двоих все иначе. Едут неизвестно куда и неизвестно зачем... И с какой только стати она увязалась с ними? Осталась бы в Шадизаре — такой уютный, славный город! Тут она припомнила слова Сони о том, что для нее любое место в скором времени превратится в Яму, потрогала давно переставший болеть глаз и, подражая своей подруге, упрямо тряхнула русой головой. Нет уж! Сказала, что не отвяжется, значит, так тому и быть!

— Ну и где оно — это ваше ущелье с духами? — спросила она.

— Успокойся. — Соня ласково тронула подругу за руку. — Это он так... Пугает тебя... На самом деле до нужного нам места еще дней десять пути, а то и больше.

— Ах вот он какой! — Гана осуждающе посмотрела на воина. — Север Великолепный! — Вожак оглянулся на девушку, никак не ожидая от нее такого ехидства. — Недаром я не люблю красивых мужчин.

— Да, я заметил,— растерянно пробормотал Север.

— А что?! — Девушка подбоченилась.— Хвам бывает очень даже ласковым! — заявила она и, помывшись, добавила: — Когда трезв...— Соня невольно прыснула, а почувствовавшая внезапный прилив гордости за родную деревню Гана разошлась не на шутку.— Бывало, подойдет сзади, как давеча Север к тебе, обнимет ручищами и стиснет так, что дух вон, а глаза, кажись, сейчас полопаются!

Соня, схватившись руками за луку седла, хотала до слез, не в силах остановиться, в то время как Север только хмыкнул, дивясь про себя нехитрым сельским радостям.

— Ладно, девочки,— сказал он наконец,— давайте-ка трогаться в путь.— Нам еще предстоит среди этих камней выбрать место для ночлега.

Соня, едва успокоившись, откинула волосы на спину и глубоко вздохнула.

— Не смейся меня так больше,— попросила она.

— А я, между прочим, ничего смешного и не сказала,— насупившись, ответила ее подруга, и Соня поняла, что так и есть: говорила-то она всерьез и, должно быть, обиделась на ее слова.

— А что это за холмы? — спросила шадизарка, переводя разговор на другую тему.

— Ильбарские горы,— ответил Север.

— Ильбарские? — удивилась Соня.— А я-то думала...

— Ты правильно думала,— кивнул Вожак.— По правде говоря, это уже и не горы. Да ты и сама

видишь, что от них осталось. Время, ветры и дожди сделали свое дело. Но ведь когда-то они здорово помогли иранистанцам удержать то, что осталось от некогда обширной империи. Хотя, если честно, туранцы не слишком-то и стараются захватить кусок каменистой равнины на юге.

Они двинулись вперед. Север пристально смотрел по сторонам: не укрылся ли где враг. Девушки же ехали совершенно спокойно. Ни Соне, ни тем более Гане ничего подобного и в голову не приходило. Мельком взглянув на них, Вожак увидел, что глаза обеих светятся едва ли не восторгом. Скалы и впрямь поражали красотой. Ветер словно резцом стачивал отдельные слои, следуя лишь своей, недоступной человеческому пониманию, прихоти, создавая удивительное творение, которое никого не могло оставить равнодушным.

— Соня! — Голос Севера заставил девушку оторваться от созерцания.— Я все понимаю, конечно, здесь очень красиво, но прошу тебя: будь повнимательнее.

— Ты чего-то опасаясь? — спросила она.

— Мы ведь едем к реке, а где вода, там и жизнь, люди.

— Ну так и что?

— Не забывай, мы на границе Турана с Иранистаном, а это не Немедия и не Бритуния.

Сказав это, он поскакал вперед. Наверное, чтобы не слышать возражений, которые, это он безошибочно понял по лицу своей подруги, она уже готовилась ему высказать. Он и сам понимал, что Вулоф с Вилвой надежны и как бойцы, и как раз-

ведчики, но они привыкли к лесу. Здесь же все иное: и природа, и, главное, запахи. Кто поручится, что одежда какого-нибудь затаившегося в засаде кочевника не пропиталась конским потом настолько, что тот убил все остальные запахи. Правда, есть еще Вестница и вороненок, но ведь и они не всесильны. Им доступно только то, что способны разглядеть с высоты полета глаза разумных животных. Конечно, он понимал, что, может быть, эти страхи напрасны, но считал, что излишняя предосторожность — меньшее из зол.

Девушки остались позади, и поэтому Север не видел, как Соня показала ему язык и состроила уморительную гримасу. Гана рассмеялась весело и беззаботно как раз в тот миг, когда неожиданно откуда-то донеслась заунывная мелодия. Девичий смех тут же оборвался, а улыбка, застыв на лице девушки, стала вдруг походить на маску, но через мгновение и она исчезла. Гана растерянно посмотрела на подругу. Та тоже насторожилась, хотя и понимала, что, скорее всего, ничего страшного не произошло: просто они слишком долго сознательно избегали людей. Север натянул поводья и резко остановился, пытаясь определить, откуда пришел звук, но здесь, среди скал, это было невозможно. Тогда он развернул коня и вернулся к своим спутникам.

— Что это? — спросила Соня.

— Я недостаточно хорошо знаю местные нравы. Сперва я подумал, что это кая — песня, что распевают в горах и среди скал пастухи, но теперь слышу, что мотива нет, а отдельные слова, кото-

рые мне удалось разобрать, напоминают, скорее, темджиу, какую мы уже слышали в Шадизаре, хотя я никак не ожидал услышать ее здесь.

— И что это может значить?

— Понятия не имею. — Воин пожал плечами. — Но ясно одно: раз поминают Эрлика, значит, где-то совершается некий религиозный обряд.

— Я думаю, что нам стоит на него посмотреть, — задумчиво проговорила Соня.

— А вот я так совсем не думаю, — возразил Север.

— Неужели боишься? — хмыкнула красавица.

— Боюсь? Просто меня не интересуют обряды почитателей Огненного Бога и его пророка Тарима.

— Зато меня всегда интересовало пламя! — продолжала стоять на своем девушка, упрямо поджав губы. — И, клянусь Лепестком Огненного Цветка, я понаблюдаю за их ритуалом!

Он внимательно посмотрел на нее и, вздохнув, сокрушенно кивнул Гане:

— Похоже, ты права.

— О чем это ты, добрый господин? — Она удивленно захлопала глазами.

Девушка так и не привыкла называть Вожака по имени, так что он давно перестал с ней спорить.

— Иногда действительно бывает легче согласиться, чем спорить.

Гана поспешно закрыла рот ладонями, чтобы не расхохотаться, и уставилась на Севера в немом восхищении. Соня возмущенно фыркнула и отвернулась.

— Хорошо,— решил наконец Вожак.— Мы поедем туда. Только обещай мне...— Тут он помялся, тщательно выбирая слова.— Обещай держать себя в руках и не увлекаться.

Недовольно нахмурившись, Соня кивнула. Они тронули коней, но тут из-за ближайшей скалы выскочил Вулоф.

— Деревня,— как всегда, кратко сообщил он.— Люди... Много...

— Сколько?

— Четыре лапы...— Он задумался.— И еще четыре...

— Чем они заняты? — спросила Соня.

— Жгут...— Вулоф запнулся.— Колдуна...

Его умные глаза выражали явное непонимание. Волк взволнованно переступил с лапы на лапу. При всем своем уме зверь многого не понимал в жизни людей.

— Веди нас,— приказал Север, и волк, старательно идя по собственным следам, двинулся обратно по тропе, которую сам и проложил в каменном лабиринте.

Медленно, но верно они двигались вперед. Славивший Эрлика голос становился все громче, и теперь Соня поняла, что Север опять оказался прав. Она узнала слова величальной молитвы, но теперь, когда стало ясно, что готовится человеческое жертвоприношение, смысл восхваления Эрлика сделался более понятным.

— Ты никак собрался спасти неверного от очистительного жара огня? — насмешливо поинтересовалась Соня.

— Странно, что тебя это удивляет,— спокойно ответил Север.

— Это почему же?

— Насколько я понял, ты ненавидишь митрианцев, а они-то как раз немало людей пожгли на кострах. И едва ли один из тысячи казненных действительно творил зло.

— Я и не сомневалась, что ты все правильно понимаешь,— уже серьезно сказала девушка.— Просто не ожидала, что ты решишь выручать неизвестного... А если он заслужил свою участь?

— Ну это вряд ли,— рассеянно отозвался Север, думая о своем.

— Ты так уверен?

— Да,— кивнул он.— Быть может, то, что я скажу, тебе покажется странным, ведь учения Митры и Эрлика сильно разнятся, зато адепты их пользуются одними и теми же методами убеждения и искоренения и по сути мало чем отличаются друг от друга.

— И что же это за методы?

— В общем случае — пытка и смерть,— пожав плечами, ответил Вожак.— Правда, восточный народ издавна славился богатым воображением и стремился разнообразить и то, и другое, в то время как на западе в ходу в основном дыба и костер.

— Пришли...— выдохнул Вулоф.

Север натянул поводья и спешил. Они остановились на самом краю скалистой местности. Дальше тянулась полоса майелиновых рощ, а влажный воздух указывал на близость реки. Север выглянул

из-за скалы и, окинув расположившуюся в низине деревеньку внимательным взглядом, вернулся назад.

— Что высмотрел? — деловито поинтересовалась Соня.

— Небольшое сельцо, — кратко ответил Вожак. — Дюжина расположенных кругом домов — обычная рыбацкая деревня. На площади между домами рыбаки разбирают улов и чинят сети. Правда, сейчас вместо сетей разложили костер. И того, кого собираются жарить, я тоже видел. Не похож он на преступника, — высказал свое мнение Север и, обернувшись, удивленно посмотрел на Гану.

Ему и прежде приходилось слышать, что зубы человека могут стучать не только от холода, но в жизни он столкнулся с этим впервые.

— Перестань лязгать зубами, милая, — с серьезным лицом попросил он. — Нас могут услышать.

Она судорожно шлепнула себя ладонью по побелевшим губам и уставилась на Севера округлившимися от страха глазами. Тот кивнул, давая понять, что она все сделала как надо, и обернулся к Соне.

— Без страха мы теряем осторожность, — заступаясь за подругу, заметила Соня.

— Верно, — кивнул Север. — Но во всем следует соблюдать меру.

— Как ты собираешься действовать? — спросила девушка.

— Ты, Гана и Вулоф останетесь здесь, — без раздумий ответил он. — Где Вилва? — обернулся он к волку.

— За селом...

— Отлично. Лети! — Он подбросил Вестницу. — Найди Вилву и приведи меня к ней. — Он повернулся к девушкам. — Сейчас я уеду. Как только вернется Вестница, выезжай на середину села, к людям, — обратился он к своей подруге.

— Это еще зачем? — подозрительно взглянула на него Соня.

— Обычная охотничья уловка. Будешь у нас приманкой, — пояснил Север. — Заодно проверим, как относятся в Иранистане к женщине в таком, как на тебе, наряде.

— Умен, ничего не скажешь! — хмыкнула Соня. — А сам-то ты что намерен делать?

— Пока они будут на тебя пялиться, — с готовностью поделился своим замыслом Вожак, — я подкрадусь сзади и умыкну у них жертву.

— Просто бездна коварства, — съехидничала его подруга, в то время как Гана только ошалело переводила взгляд с одного из них на другого, не понимая, как они не боятся. — Где это ты научился обманывать бедных рыбаков?

— Перестань, — остановил ее Север. — Не время сейчас. Если хочешь остаться в живых, — обернувшись к Гане, сказал он, — никуда не уходи с этого места. Веди меня, — велел он возвратившейся Вестнице, и та вновь взмыла в небо.

Скоро Север скрылся за краем скалы, а девушки остались в обществе Вулофа. Соня посмотрела на подругу, но та по-прежнему не могла говорить. «Хорошо еще, что она может сидеть», — подумала бесстрашная воительница. Впрочем, Альрика ведь то-

же отчаянно боялась всего, но в подземелье полезла. Соня ободряюще улыбнулась Гане, и та ответила ей благодарным взглядом.

Никем не замеченный, Север остановился на дальней окраине села.

За спиной у него остался левый берег Ильбарса, в этом месте вряд ли превышавшего тридцать локтей в ширину. Убедившись, что берег пустынен и нападение сзади ему не грозит, воин приблизился к небольшой роще фруктовых деревьев, которые, похоже, несколькими кольцами окружали все селение.

Он медленно продвигался между стволами, пока не подошел к внутреннему кругу деревьев и не отыскал место, с которого мог спокойно наблюдать за начавшимся на площади действием. Только после этого он отпустил Вестницу и сосредоточился на происходящем. Посередине площади, перед огромной поленницей, из которой торчал врытый в землю столб, стоял средних лет мужчина, несколько полноватый, с благородным лицом зингарского вельможи. Одежда его, препоясанная простой веревкой черная хламида с капюшоном, говорила о том, что он, скорее всего, совершал паломничество. Да и ноги его, грязные и босые, подтверждали это.

В окружавшей его толпе и впрямь стояло около четырех десятков людей, и Север порадовался тому, что Вулоф и на сей раз не ошибся. Большинство рыбаков молчало, и Север даже подумал, что они не слишком довольны происходящим, но от них вряд ли что-нибудь зависело. Пять человек

суетились вокруг приговоренного. Глаза их горели фанатичным огнем, а на лицах играли ухмылки: эти люди явно радовались предстоящей казни, видя в ней славное развлечение. Тут же суетились несколько облезлых тощих псов. Огромный полуголый детина остановился в шаге от пленника и принялся водить заржавленной зазубренной саблей перед горлом зингарца, несомненно получая удовольствие от этого занятия.

— Ты слишком много говорил, митрианец! — радостно сообщил он. — Так много, что мы решили освободить твою шею от болтливой головы.

Он смерил пленника насмешливым взглядом и зачем-то попробовал пальцем тупое, как доска, лезвие.

— Нет, Балаш! Погоди! — вскричал его рыжебородый приятель. — Неверный ведь искренне верит в своего ложного бога! Он так рьяно отвращал нас от откровений всеблаготворного Тарима, что не должен принять столь постыдную смерть.

— Верно говоришь, Хаман! — вскричал третий из пятерки суетившихся возле пленника заводил. — С нами он был терпелив, как покойник! Он скоро и станет им, но только не от твоей ржавой железки, Балаш! Лишь пламя костра способно очистить от скверны постыдного учения Митры его заблудшую душу, а затем вознести ее к огненным чертогам Эрлика!

— А я предлагаю способ лучше! — закричал четвертый. — По частям ли, целиком ли сожженный на костре, он все одно предстанет перед создателем, так и не раскаявшись. Победа-то оста-

нется за ним, ведь при жизни он не признался в своих заблуждениях! Зато повисев на колу денек два и дождавшись, когда пламя проникнет в него изнутри, он все поймет. Вместе с колом войдет в беднягу и свет истины. И вот тогда настанет пора кому-то из вас позаботиться о душе заблудшего! — Торжествующим взглядом он окинул своих приятелей.

— На словах-то у тебя хорошо получается, Кобад,— мрачно усмехнулся Балаш.— А вспомни-ка, что случилось два года назад с беднягой-шемитом. Ты тогда тоже кричал, что кончик кола высунется из его лживого языка, а на деле что вышло?! Твой умелец угодил ему острием прямо в горло! — Он широко открыл рот, усеянный гнилыми зубами, и ткнул в него грязным пальцем.— И неверный задохнулся! То есть принял во всех отношениях позорную смерть! Нет уж! — закричал полуголый.— Моя сабелька хоть и не слишком востра, но дело свое сделает!

— Видели! — усмехнулся Кобад.— Сколько ты три года назад пилил ею бедного аквилонца? Тот и оно! Всю площадь кровью залил!

— Я протестую! — заголосил Балаш.— Он страдал полнокровием! Больше такое не повторится!

— Хватит спорить, братья,— вмешался в разговор Хаман, о котором все, казалось, забыли.— Вы сами видите, что сейчас ни один из ваших способов не подходит, а значит, очистительного пламени ему все равно не избежать. Вы ведь сами видите,— повторил он,— что у моего способа нет недостатков, присущих любому из ваших.

— Зато у него своих неупрочен! — в один голос огрызнулись спорщики.— Вспомни-ка лучше немедийца, которому внезапно начавшийся ливень не дал догореть. Как жалобно он стонал под окнами правоверных! — добавил Балаш.

Он хотел сказать еще что-то, да так и замер с раскрытым ртом, глядя на противоположный край площади. Его противники загалдели, досадуя на столь вопиющее неуважение к себе, когда неожиданно прозвучавший тихий голос заставил их заткнуться и посмотреть туда, куда уже пялилась вся деревня.

— Это Гули! — в ужасе прошептал кто-то.— Сейчас она сожрет всех.

Север не знал, услышала ли его подруга эти слова, но на губах Сони заиграла брезгливая усмешка. Она остановила коня и окинула пятерых заводил презрительным взглядом, а на остальных просто не обратила никакого внимания. Устремившиеся к ней псы заходились истошным лаем, но нападать не решались.

— Какая еще Гули, идиоты! — завопил Кобад.— Просто бесстыжая рыжая девка! На кол ее вместе со жрецом! На два кола! — поправил он себя.

— Вот видишь, Кобад! — не меньше его обрадовался Хаман.— У нас ведь всего один кол. Зато мой способ... На одном костре можно одинаково успешно поджарить обоих!

— Головы бы им посрезать... — мечтательно протянул Балаш.— Чтоб не болтали лишнего.

— Да рыжая еще и вякнуть не успела! — заорал Кобад.— Ей-то чего голову усекать, придурок?!

Окончательно потеряв терпение, он развернулся и залепил полуголому в ухо. Тот взревел и занес над Кобадом ржавую сабельку, пообещав при этом, что на сей раз много крови не ожидается, да так и замер с занесенной для удара рукой: он увидел Севера.

— Эгей, братья! — бодро вскричал он. — Вот и третий! Конiec спорам-то.

Однако что-то явно складывалось не так. Он увидел, как, не обращая на него ни малейшего внимания, облаченный в одну набедренную повязку незнакомец усаживает на коня зингарца, которого они только что безуспешно делили, и трогается в путь. В следующий миг он сообразил, что ни сожжения, ни отсечения головы, не говоря уж о посадке на кол, в обозримом будущем не предвидится. Когда эта простая мысль достучалась до его сознания, он издал зычный рев и бросился на похитителя. Откуда в руке у того вдруг взялся меч, Балаш так и не понял. Не успел он и глазом моргнуть, как его собственная сабля упала в песок вместе с отсеченной кистью руки, которая мертвыми пальцами продолжала держаться за рукоять. Кровь брызнула из культи, и полуголый взревел, как дикий зверь, левой рукой зажав рану.

Его дружки бросились было на обидчика, но тот взмахнул окровавленным клинком, и они благоразумно остановились.

— Гнаться за мной не советую — убью! — пообещал незнакомец таким тоном, что все поняли: он так и сделает.

Сам же воин, ударив коня, умчался прочь.

Соня не торопясь развернула скакуна, давая Северу время скрыться.

— Что же вы стоите, братья? — закричал Хан-ман. — Эти люди изувечили Балаша! Смерть им!

Он, Кобад и еще двое стоявших с ними в центре площади вскочили на коней, в то время как остальная толпа, до тех пор безучастно следившая за приготовлениями к казни, теперь столь же равнодушно наблюдала за начинавшейся погоней. Единственный раз, когда Север отрубил руку Балашу, молчание толпы нарушила какая-то женщина. Правда, за свою несдержанность она тут же получила от мужа оплеуху и покорно умолкла.

Рыжеволосая воительница насторожилась. Она поняла, что, несмотря на всю нелепость происходящего, эти четверо настроены весьма решительно. Не то чтобы она испугалась, но и не принимать во внимание четырех рослых мужчин тоже не могла.

В руках у всех четверых появились луки, а это значило, что бегством можно пытаться спастись, только если не боишься получить стрелу в спину. Незаметным движением она достала пару метательных ножей, все еще надеясь, что удастся уйти без боя.

— Остановитесь! — Она предостерегающе протянула к ним руку со спрятанным в ладони клинком. — Иначе, во славу Огненного Цветка, мне придется отобрать ваши жизни!

— Братья! — взревел изувеченный Балаш. — Она говорит, а значит, она не Гули! Ее плоть уязвима,

а в жилах течет кровь! Так проверьте же, так ли она красна, как ее бесстыже распущенные волосы!

Соня искренне надеялась, что разум возьмет верх над жадой крови, но случилось обратное. Псы совершенно остервенели и, заливаясь яростным лаем, подходили все ближе. Двое подручных Кобада и Хамана, ударив коней пятками, ринулись было к девушке, которая как-то странно взмахнула руками. Раздался свист, и два бездыханных тела, вылетев из седел, повалились в песок. Балаш замер с выпученными от изумления глазами и на время даже позабыл о своей руке, зато его соратники смело вырвались вперед. Хаман устремился к девушке, а Кобад выхватил стрелу из колчана, явно намереваясь поддержать товарища.

Именно этот миг Вилва сочла достаточно серьезным, чтобы вмешаться в происходящее. Соня даже не знала, что та находится за ближайшим домом и внимательно следит за всеми. Одним прыжком огромная волчица выскочила на площадь и, остановившись рядом с Соней, угрожающе оскалилась, показывая клыки чуть не в локоть длиной. Ее оглушительный рык заставил рыбаков испуганно отпрянуть к домам. Конь Хамана взвился на дыбы, сбросил седока и умчался прочь. Скуля и трусливо поджимая хвосты, собаки попрятались кто куда.

— Оборотень! Оборотень! — закричали люди, пятясь все дальше.

Но Кобад, как ни странно, не струсил даже теперь. Вместо того чтобы спастись бегством, он натянул тетиву и тщательно прицелился в волчицу.

И тут еще более грозный Вулоф вступил в бой. В два прыжка, с совершенно непостижимой для такого крупного зверя скоростью, он пересек площадь, перемахнув по пути через присевшего от страха Балаша. Ломая ребра стрелка, передние лапы волка ударили всадника в грудь. Тренькнула тетива, и стрела ушла в голубое небо. Могучий хищник толкнул коня, ноги того подкосились, и вместе со всадником он повалился на поленницу, которой так и не довелось стать погребальным костром. Судорожно перебирая ногами, конь вскочил и с безумным ржанием унесся прочь, утаскивая за собой застрявшее в стремени бездыханное тело Кобада.

Остолбеневшие от изумления жители деревни проводили его взглядами, а когда конь, волочивший по земле тело хозяина, скрылся за домами, посмотрели на площадь, но ни огнегровой воительницы, ни ее чудовищных зверей уже не увидели.

Все, что случилось на их глазах, было настолько невероятно, что, скорее всего, селяне должны были решить, что им это почудилось. Всем сразу. Но... Подручные Кобада и Хамана валялись в пыли, и у одного торчало из горла странное, без рукояти, лезвие, а у второго — такое же из правого глаза. Обезумевший от боли и страха Балаш сидел на земле и не отрываясь смотрел на свою отсеченную руку. Хаман замер, глядя вслед кляче Кобада.

Когда Соня с волками присоединилась к своим, то увидела, что спасенный уже сидит на свободном коне и оторопело смотрит на нее примерно такими же глазами, какими Балаш смотрел на

свою руку. Север встретил ее настороженным взглядом. Она, пожав плечом, улыбнулась:

— Со мной все в порядке.

И он тут же успокоился. Гана сидела на своем гнедом и тихо шептала что-то походившее на молитву, хотя Соня сильно сомневалась, что ее подруга знает хотя бы одну.

— Вперед! — скомандовал Север.

— Им сейчас не до нас, — спокойно заметила Соня.

— Верю, — отозвался Вожак, — но в любом случае нам лучше уйти подальше. Не забывай, еще предстоит выбрать место для ночлега. Эй, почтеннейший! — крикнул Север, обращаясь к митрианцу. — Ты как себя чувствуешь в седле?

Соня с интересом посмотрела на человека в черном. Тот по-прежнему не мог вымолвить ни слова, но когда спаситель обратился к нему, кивнул, давая понять, что все будет в порядке. Девушка хмыкнула, но тут же подумала, что дело ведь могло кончиться и хуже. Она мельком глянула на возлюбленного и, встретившись с ним глазами, поняла, что он думает примерно так же. Север едва заметно улыбнулся, ударил коня и умчался вперед.

Вьючные лошади бросились следом, волки побежали за ними. Вестница вдвоем с вороненком взмыли в небо — высматривать погоню. Последними тронулись в путь трое оставшихся всадников. У Сони никак не выходила из головы улыбка Севера, значения которой она никак не могла понять и от этого злилась.

— Мы живы, живы... — шептала Гана, разворачивая коня.

— Конечно, живы! — рассмеялась воительница и, ударив коня по крупу, поскакала вперед.

Она поняла, отчего улыбался Север, но не только не успокоилась, но, наоборот, разозлилась еще сильнее. Он просто показал ей, к чему могут привести решения, вызванные не велениями долга, а капризами. Иными словами, освобождение этого митрианца — всего лишь месть за освобождение Ганы.

Соня глубоко задумалась: так ли это? Гана — всего лишь простая девушка, никогда не покидавшая Яму. Она даже не представляла, что может быть иная жизнь, другие обычаи, другие отношения между людьми. И чтобы понять, что девушка не лжет, Соне оказалось достаточно посмотреть на ее изумленное лицо, когда она подарила ей одно из своих платьев. Совсем иначе обстояло дело с зингарцем, который явно происходил из знатного рода.

Соня посмотрела на сутулую спину их нового спутника, скакавшего чуть впереди и слева от нее. Как она ненавидела всех этих зингарцев-аквилонцев! Всех этих рассуждающих о судьбах мира, щеголеватых подонков, купающихся в роскоши, и тысячной доли которой они не заслужили делами! Провалились они все пропадом!

Наверное, злость ее оказалась настолько сильна, что испепеляющий взгляд вонзился в спину спасенного, и тот неуютно заерзал в седле. Соня усмехнулась. Э, нет! Тут все совершенно иначе.

Своими ногами митрианец отправился на поиски смерти, своими словами добился ее — никто его не заставлял. Так что нет, Север, и случай не тот, да и человек другой. Она удовлетворенно улыбнулась и тут же покачала головой: раз она это понимает, то и Вожак не мог не подумать о том, что она непременно догадается. Да ведь и привела-то его сюда именно она. Захотелось, видишь ли, посмотреть, чем там занимаются почитатели Огненного Бога. Посмотрела... Так сказать, ощутила близость родственных душ... Сколько их там отлетело к Эрлику? Она пошевелила губами: похоже, трое. Взгляд ее вновь уперся в черную спину. Стоила ли одна его жизнь трех отданных ради ее спасения?

Впрочем, если судить по разговорам тех трех скотов, они немало людей отправили в огненные чертоги своего бога, чего явно не скажешь о зингарце, который, похоже, просто надоед несчастным рыбакам чуждыми им проповедями. Однако как же так случилось? Терпели, терпели и вдруг... Очень странно. Особенно странно опять-таки, если припомнить их разговоры, из которых она поняла, что расправа задержалась только из-за того, что они никак не могли выбрать способ казни, или «приобщения к истине», как метко выразился один из них.

Когда Соня въехала на небольшую, окруженную невысокими отвесными скалами круглую площадку, Север уже деловито расхаживал, освобождая выючных коней от поклажи. Гана перестала что-то бормотать и, схватив бурдюк, побежала по

воду. Зингарец тоже выбрался из седла и теперь с истинно митрианским смирением стоял в сторонке, сложив пухлые ручки на объемистом животе.

— Давай-ка! — прикрикнула на него Соня, прыгивая на землю. — Собери дров — нечего столбом стоять на месте!

— Нет, дочь моя, — неожиданно возразил тот. — Не пристало мне, служителю божьему, осквернять себя заботами мирскими.

— Вот оно как? — От неожиданности красавица даже остановилась и окинула его насмешливым взглядом, начиная от босых грязных ног и заканчивая выбритой наголо макушкой. — Значит, не пристало?

— Истинно так, дочь моя, — ответил он, старательно отводя взгляд от прекрасной полуобнаженной воительницы. — Мое дело — нести заблудшим свет истинной веры и принимать их благодарность в виде скромной пищи и крова на ночь.

— А скажи-ка мне, жрец, культовые служители соглашаются отягощать себя такими мирскими пустяками, как помощь ближнему и изъявление благодарности? — елеинным голосом поинтересовалась Соня.

— О, да, дочь моя! — с готовностью закивал жрец. — Эти основные мирские заповеди святы и для нас, служителей Всеблагого, — с достоинством согласился он. — Хотя есть и другие...

Похоже, он собрался пуститься в пространные объяснения, но Соня оборвала его словоизлияния в самом начале.

— Остановимся пока на первых двух, которые ты собирался нарушить,— заявила она.

— Я-а? — в ужасе воскликнул тот.

— Тебя только что спасли от смерти,— хладнокровно напомнила Соня,— и желают получить благодарность в виде твоей доли в общих приготовлениях к ужину и ночлегу.— Она хмуро посмотрела на него и покачала головой.— Давай-ка за дровами...— Она помолчала.— Пока Митра не разгневался.

Соня не стала следить за борьбой благодарности, ущемленной гордости, нежелания работать и желания поесть, отражавшейся на лице их неожиданного спутника. Она просто развернулась и пошла заниматься своими делами: устраивать очаг, расчищать землю от камней и готовить для всех спальные места.

Север только что освободил от упряжи коней, которые успели напиться воды из протекавшего неподалеку ручья, и решил вернуться к спорщикам, чтобы высказать и свое мнение, но Соня уже отошла в сторону.

— Вулоф! — крикнул он тогда.— Отведи коней к траве и отправляйтесь с Вилвой на охоту. Да и мне, похоже, пора,— сказал он, обращаясь уже к жрецу, нагнулся за луком и добавил: — Лучше не спорь с ней, жрец, а то пожалеешь, что жив остался.

— Воистину сказано,— сложив пухлые руки на животе, согласился уже пришедший в себя зингарец.— Рыжие люди либо отвратительно дурны, либо необыкновенно хороши.

— Я необыкновенно хороша! — гордо заявила Соня, которая, оказывается, слышала весь их разговор.— Убедись сам, жрец.— Она бросила на землю одеяла, которые держала в руках, откинула на спину роскошные медные волосы и, выгнув спину, призывно посмотрела на него. Ее рука скользнула по сильному загорелому бедру, задела подол платья, чуть приподняв его.— Ну-у,— протянула она,— хороша я?

Он смотрел на нее, раскрыв рот, а когда опомнился, сил бедняги хватило только на то, чтобы махнуть рукой, отталкивая ужасное видение.

— Митре нет дела до красоты лица,— судорожно облизнувшись, прошептал он мгновенно севшим голосом.— И до привлекательности тела тоже,— закончил он, окинув красавицу торопливым взглядом, и стыдливо отвел глаза.— Всеблагого интересует только душа.

— Моя душа еще прекрасней! — заверила она толстяка, делая шаг вперед.— Вот хоть у Севера спроси!

Вожак, однако, сейчас больше походил на каменного истукана, чем на живого человека. Он знал, что незадачливый жрец понимает все совсем не так. Никто и не собирался его соблазнять. Он просто проходил обряд посвящения в их маленькое общество. Отчего-то Север ни на миг не усомнился, что спасенный митрианец пойдет с ними, как и Гана. Он не радовался этому и не злился. Он просто не хотел влиять на принятие решения. Вернувшаяся с целым мешком плодов, собранных в соседней роще, Гана некоторое время прислуши-

валась к разговору, пока не сообразила, что к чему. Тогда она всплеснула руками и мгновенно включилась в игру.

— Ах, Соня! Хоть ты и прекрасна, но, похоже, не в его вкусе! — уверенно заявила она. — Правда?

Увидев, как жрец закатил глаза и зашептал охранительную молитву, отчаянно взывая к своему покровителю, Север чуть заметно хмыкнул и обменялся насмешливым взглядом с Соней, которая кивнула на подругу. Вожак понял ее мысль. Впрочем, он и сам не раз удивлялся тому, как быстро удаётся девушке, выросшей в Яме, приспособляться к нормальной жизни.

— Я ведь тебе больше по нраву? — лукаво спросила Гана, зазывно улыбаясь.

— Я думаю, мне лучше уйти, — побелевшими губами прошептал зингарец и на ватных ногах медленно побрел прочь.

— Вот ведь лень до чего доводит, — ехидно заметила Соня. — Лишь бы не работать!

— Я с тобой, жрец! — обрадовалась Гана. — Мы найдем укромное местечко, ты обнимешь меня, и пусть мудрость Всеблагого озарит мою заблудшую душу.

— Нет!!! — завопил тот, чуть не рыдая. — Пожалуй, мне лучше остаться!

— А-а-ха-ха-ха! — расхохоталась девушка. — Соня, он нас боится! — поделилась она своим открытием. — Какой душка! Дрожит и потеет, как шлюха в храме Митры!

— Все! — Север решительно поднял руку, останавливая издевательство над беднягой. — Во всем

следует знать меру. Я считаю, что грех гордыни наказан, причем с избытком.

— Послушай, жрец, — сказала Соня, когда огонь в очаге запылал и подстреленная Севером лань, истекавшая над огнем соком, начала источать аромат, предвещавший скорую трапезу, а люди уютно расположились вокруг, коротая время за чаркой вина. — Хоть бы имя свое назвал. Ну какой ты мне, к Нергалу, отец, когда ты всего-то лет на десять старше меня самой!

Говоря откровенно, она несколько преуменьшила разницу в возрасте, но жрец не заметил этого.

— Зовут меня Мурзио, — ответил он. — А ругаться нехорошо, дочь моя.

— Нехорошо с грязными копытами сидеть за столом! — не моргнув глазом, парировала Соня.

— Это не грязь, — с достоинством ответил жрец, тем не менее прикрывая замызганные ступни подолом своего одеяния. — Это плоть земли.

— Вот и смысл бы ее в ручье, — стояла на своем девушка.

— Что ж... — Мурзио со вздохом поднялся. — Не пристало гостю спорить с хозяином, — изрек он и отправился к ручью.

Опустив ноги в холодную воду, митрианец поморщился: непривычное ощущение не было приятным. Сам он считал себя подвижником, едва ли не мучеником, призванным претерпевать лишения ради того, чтобы нести дикарям свет истинной мудрости. А какое при этом имеет значение чистота тела? Главное, чтобы дух оставался незапятнан! Правда, оттирая ноги от грязи, он вспомнил,

как нелегко далось ему постижение этой истины. Пожалуй, если бы не свалившиеся на его голову беды, вовремя укрепившие слабый дух, он так и не сумел бы отказаться от пагубного ублажения плоти.

И вот сейчас он совершенно неожиданно для самого себя почувствовал стыд, вызванный словами распущенной девицы.

Мурзио сокрушенно покачал головой: оказывается, сильно еще в нем влияние мирского. Он старательно вымыл не только ноги, но также руки и лицо, и вернулся к костру изрядно посвежевшим, что удивило его самого.

Он уселся на прежнее место, старательно избегая встречаться взглядом с девушками, чьи насмешки приводили его в непонятное смущение. На добровольно выбранном им пути он часто встречался с женщинами, девушками и девочками, но никогда не обращал на них особого внимания, да и сам он всегда оставался для них жрецом или мучеником, как он втайне желал, чтобы его называли. Эти же двое не просто не придали значения его сану и отнеслись к нему как к мужчине, но, к немалому удивлению митрианца, заставили и его почувствовать себя мужчиной. Причем мужчиной молодым, совсем ненамного старше любой из них.

Не прислушиваясь к шушуканью девушек, он посмотрел в лицо своему спасителю, и тот приветливо кивнул в ответ.

— Расскажи нам, Мурзио,— попросил воин,— что за дорога привела тебя на костер?

— То долгая история,— ответил жрец, чувствуя, как рот наполнился слюной, когда незнакомец протянул ему на ноже огромный кусок ароматного сочного мяса.

— Да мы вроде и не торопимся,— не упустила случая поддеть его рыжеволосая девица.— Кто знает, быть может, ты злодей, которого мы легкомысленно избавили от заслуженной кары! — добавила она, а ее подруга прыснула и закрыла рот ладонью.

Мурзио тяжело вздохнул.

— Да нет...— начал он свой рассказ.— Митра свидетель, не совершал я злодеяний, а грех мой состоит в том, что пытался я всеми силами приобщить этих кровожадных дикарей к единственной истинной вере.

— Что ж за вера такая? — с наслаждением жуя мясо, ехидно поинтересовалась Соня.

— Как, вы не знаете?! — обескураженно воскликнул жрец.— Невежественные иранистанцы едва не убили меня, и до сих пор я пребывал в уверенности, что великий Митра в своей благости позаботился о спасении моей жалкой жизни, послав мне на помощь братьев по вере, то есть вас, незнакомцы! — Он недоверчиво переводил взгляд с одного на другого, но лица всех троих ничего не выражали.

— Так я ошибся?! — воскликнул Мурзио.— Во что же вы верите, несчастные?!

— За всех не могу отвечать,— проговорила Соня.— Я, например, верю в Огненный Цветок и Великую Волчицу.

— О, Митра! — ахнул митрианец, и непрожеванный кусок едва не выпал у него изо рта.

— Ты, верно, думаешь, твой бог придет тебе на помощь? — ухмыльнулась Соня. — Подумай-ка: тебя, своего преданного слугу, Митра оставил в руках дикарей.

— Он послал вас спасти меня, — прошептал зингарец.

— Ну перестань! — Соня сморщила носик. — Неужели же ты и впрямь думаешь, что мы пришли сюда из Гипербореи исключительно ради того, чтобы избавить митрианского жреца от кола?

Зингарец поерзал на месте, словно убеждаясь, что кол остался в деревне рыбаков, подумал о том, во что бы он превратился к этому времени, если бы не эти люди, и понял, что возразить нечего.

— Спасибо вам, — пролепетал он, чувствуя, что краснеет. — Без вас висеть бы мне сейчас на шесте.

— Он, кажется, что-то понял! — восторженно всплеснула руками рыжеволосая красавица.

— Я виноват, что промедлил с благодарностью, — с достоинством ответил митрианец, — но это не значит, что я согласен со всем, что ты сказала.

— Да? — Соня с интересом посмотрела на него, и жрец смущенно потупился. — И как же понимать тебя?

Север ел не торопясь и не вмешивался в разговор. Только веселый блеск его глаз говорил о том, что ему интересно.

Гана уже знала, как Соня относится к митрианцам, и теперь с улыбкой посматривала то на одного, то на другого.

— Все просто, — ответил жрец. — Я, конечно же, не сомневаюсь, что вы ехали по своим делам, но Митра в своей бесконечной мудрости и милосердии, увидев, что я в беде, а вы рядом, внушил вам мысль свернуть и вызволить меня из беды. Что вы и сделали, — заключил он с достоинством.

На этот раз уже Соня не нашла слов. Вместо ответа она пренебрежительно фыркнула и отвернулась. Зингарец удовлетворенно кивнул: наконец-то ему удалось одержать над этой самоуверенной девицей пусть маленькую, но победу. Все-таки мудрость Митры неопровержима!

— А что скажешь ты, воин? — видя, что ни одна из девушек продолжать разговор не собирается, обратился он к Вожаку.

— Зови меня Севером, — ответил тот.

— Север... Север... — задумчиво прошептал толстяк, теребя себя за губу. — Не сочти меня невежей, но где дают такие имена?

Соня с интересом уставилась на возлюбленного: что он ответит на столь неожиданный вопрос?

— Никаких тайн, — непринужденно ответил Вожак. — Моя мать всегда любила суровую зиму с ее морозами и обильными снегами, вот и решила назвать сына Севером. Отец ничего не имел против. Так я и получил свое необычное имя.

«Вывернулся!» — хмыкнула про себя Соня, почему-то ни на миг не усомнившаяся, что ответ его не имеет никакого отношения к истине.

— А что касается митрианства и всего прочего, — продолжил он, — то я всегда стараюсь молчать, когда речь заходит о вере.

— Но почему? — удивился Мурзио. — Разве тебе есть что скрывать?

— Нет, — не задумываясь, ответил Север. — Просто я стараюсь никогда не забывать, что искренняя вера — это сокровенная святыня. Именно вера делает человека человеком, и если эта, последняя, цель достигнута, то не все ли одно, во что он верит и каким путем пришел к своей вере?

— Так ты хочешь сказать!.. — воскликнул митрианец, и Север кивнул.

— Именно! — подтвердил он. — Посмотри на Гану! — неожиданно сказал он. — Она не верит вообще ни во что. Душа ее чиста и готова просто-душно соблазниться любой приманкой!

Митрианец встрепенулся:

— Я готов зажечь для тебя свет истины!

— Охотно послушаю, Мурзио, — промурлыкала она. — Сегодня же ночью ты расскажешь свою историю, а я в благодарность поделюсь тем, что имею сама. Надеюсь, предисловие не окажется излишне длинным?

Зингарец испуганно отпрянул, досадуя на то, что никто здесь не желает воспринимать как должно то, чему он посвятил свою жизнь. Гана расхохоталась, а Соня нахмурилась.

— Вот, вот, — решительно вмешалась она в разговор, — держись от нее подальше и не вздумай пачкать ее незапятнанную, как выразился Север, душу никчемными митрианскими догмами.

Зингарец непонимающе посмотрел на девушку. Вроде бы разговор был таким мирным, и вот ни с того ни с сего!

— А вот и Соня! — усмехнулся Вожак. — Не удивляйся ее словам и не обижайся на них. Она ярая противница митрианства, но и у нее есть вера. — Зингарец оживился. — Она верит в себя. — Удивление на лице жреца сменилось пренебрежением. — Думаю, что верит в меня, — продолжил Север, и пренебрежение уступило место растерянности: что же это за религия? — Она верит в превосходство Силы и Ума, — продолжил воин, и вместо растерянности на лице Мурзио отразилось разочарование. — И, наконец, она верит в Огненный Цветок, — закончил Север, сознательно повторив уже сказанное самой Соней, и зингарец вновь удивленно посмотрел на красавицу: ну что за каша в мозгах этой девчонки!

Он собрался с мыслями и попытался что-то сказать, но тут заговорила Соня:

— Я, между прочим, даже в зверобогов поверю скорее, чем в твоего Митру.

— Но почему?! — не скрывая отчаяния, воскликнул бедолага.

— Да потому, что я вижу зримые подтверждения того, что они существуют. — Север покачал головой: надо же, он и не заметил, как его подруга стала убежденной зверопоклонницей! — Они помогают мне, — продолжала девушка. — Они дали мне разумных животных, которые спасли меня сегодня от стрелы, а тебя от погони, в то время как твой Митра пальцем о палец не ударил! Может, его просто нет? — язвительно спросила она.

— То есть как это нет?! — точно ужаленный, взвился жрец.

— А вот так. Нет и все! — непреклонно стояла на своем Соня.

— Прекратите спорить! — поморщившись, крикнул на них Север. — Ты ведь не можешь убедительно доказать, что твой бог существует, — обратился он к Мурзио и тут же перевел взгляд на Соню. — Равно как и ты не в силах доказать обратного.

— То есть как это не могу?! — в один голос вскричали спорщики, и так же одновременно оба поникли.

И девушка, и жрец вспомнили недавний спор о его чудесном спасении. Он ведь и в самом деле не мог доказать, что именно Митра направил к нему на выручку трех оказавшихся неподалеку людей. Соня же, в свою очередь, не могла опровергнуть предположения о том, что именно Митра разжег в ней желание поглазеть на поклонников Эрлика. Этак можно до утра переливать из пустого в порожнее...

На некоторое время в их маленьком обществе воцарилась тишина. Соня и Мурзио возмущенно сопели, старательно глядя каждый в свою сторону, а Север и Гана переглядывались с видом победителей. Оба имели на это право: ни тот, ни другой не дали втянуть себя в бессмысленный спор. Правда, причина этого оказалась у каждого своя. Север знал слишком много о многом, в то время как Гана не знала ничего ни о чем, но сути дела это не меняло. Оба не потеряли лица.

— А какая драка получилась! — заявила Гана, когда почувствовала, что молчание затягивается.

При этих словах Соня полуобернулась и хмуро посмотрела на подругу. Митрианец же выглядел растерянно. Он-то до сих пор просто считал, что Север вывез его без всяких препятствий со стороны палачей. Он даже пропустил мимо ушей слова Сони о том, что волки спасли и его, и ее. Еще не придя в себя от пережитого, он даже на самих волков не обратил внимания, а ведь они явно стоили того! И вот теперь одна фраза вдруг все поставила на место.

Все ведь и впрямь не так просто. Волки-то ростом почти с коней — таких на свете не бывает. И как там сказал Север большему из них? «Найди коням траву и отправляйтесь охотиться!» Ничего себе! Так человек говорит слуге, но не хозяин псу, то бишь волку! Выходит, они не просто заблудшие, а убежденные в своей правоте люди... Если ему удастся обратить их в свою веру, да ведь это же!..

— А ты видела? — заинтересовался Север.

— А как же! — восхищенно воскликнула Гана. — Все от начала и до конца! Думала, помру со страху!

Услышав такое признание, Соня невольно улыбнулась, и раздражение ее как рукой сняло. Жрец же лишь удивленно посмотрел на Гану.

— Ну-ка, расскажи, — попросил Вожак.

— Ох, добрый господин! — затараторила она. — Как отхватил ты руку тому, с саблей, да увез Мурзио, — тут она с истинно материнской лаской посмотрела на митрианца, — четверо оставшихся оседали коней, за луки схватились — и к ней. Ну, ду-

маю, погорела подруженька, а она спокойно так: «Стоять! — говорит. — А то жизни лишу!» А они все одно к ней! А она ручками как-то так незаметно — р-раз! И одному ножичком в горло, а другому в глаз! Тут Вилва как выскочит, да как зарычит — людишек аж по стенам размазало! А шавки облезлые — так те просто передохли со страху! Конь-то у третьего на дыбы, да седока сбросил, а четвертый уж в волчицу целится из лука, но тут Вулоф как прыгнет... Ну и зашиб лучника вместе с лошастью. Так что, я так думаю, тот, первый, хоть и лишился руки, но все-таки ему повезло — живым остался.

Мурзио обалдело смотрел на рыжеволосую красавицу: эта девушка совершенно спокойно поразила насмерть двух громил! Впрочем, наверное, таким людям и должны служить такие животные... Да, зачем бы ни приехали сюда эти трое, но явились они явно не по воле Митры...

— Одним словом, хоть и кончилось все хорошо, но страху я натерпелась, — закончила Гана рассказ и, подумав, добавила: — Нет уж, вы как хотите, а мое оружие нравится мне больше.

— Что за оружие? — рассеянно поинтересовался жрец.

— Будешь хорошо себя вести, узнаешь, — пообещала девушка.

— Между прочим, — заметил Север, — ты ведь так и не рассказал нам свою историю.

— Да что там рассказывать, — отмахнулся Мурзио. — Четвертый год путешествую я по Иранистану, пытаюсь обращать дикарей в истинную ве-

ру, а все без толку. Слушают, кивают, — с горечью поделился он невеселыми мыслями, — а все косятся в свой таалман.

— А ты не задумывался о том, — серьезно спросил Север, — что, быть может, не стоит и стараться? Ведь они верят!

— Нельзя верить во что попало, — задумчиво ответил митрианец. — Верить должно в истину.

— Но ведь к истине можно прийти разными путями, — заметил Север. — С чего ты взял, что твой — единственно верный?

— А как же иначе?

— Да ты приглядишься, сколько троп под ногами. Придет время, и каждый найдет свою.

— А если нет?

— Ты о тех, кто не ищет?

— Хотя бы.

— Ну, — Север пожал плечами, — этих ты и не заставишь.

— Так ты предлагаешь ни во что не вмешиваться?

— Да почему же? — удивился Вожак. — Я предлагаю оставить других в покое и делать дело самому. Не справляешься, найди помощника, но не тяни за собой того, кто этого не хочет!

— А сам-то ты чем занят?

— У нас дело на юге Иранистана. Важное, но и опасное тоже. Так что, думаю, тебе лучше расстаться с нами. Не обязательно завтра, но в ближайшие дни.

— А куда мне идти? — с неожиданной тоской в голосе спросил Мурзио, и Северу вдруг стало

жаль этого человека, который попусту растрчивает жизнь.— Надоели мне эти крестьяне и рыбаки,— подумав, пожаловался он.— Наверное, ты прав: они идут своим путем. Быть может, и сами не знают куда, но разве это так уж важно? — Он помолчал.— Вы хоть и странные, а хорошие люди. Разрешите мне остаться с вами хотя бы на время,— попросил он, глядя в сторону.

— Зачем это тебе? — удивился Вожак.— Я ведь не преувеличил, говоря, что наше путешествие опасно. Ты можешь и погибнуть.

— Пусть,— посмотрев ему в глаза, спокойно ответил зингарец, и Север понял, что тот не кривит душой.— Вы спасли мою жизнь и теперь вольны распоряжаться ею. Во всяком случае, я хочу отплатить вам тем же.

Север взглянул на Соню, и та, не раздумывая, кивнула.

— Ладно,— согласился Вожак и тут же подумал, не совершает ли еще одну ошибку.— Ты говорил, что исходил этот край вдоль и поперек,— перевел он разговор на другую тему.— Расскажи, что ждет нас на юге и как туда безопасней добраться?

— Это и просто, и сложно,— подумав, ответил Мурзио.— Простота в том, что край этот гол как...— запнулся он, ища подходящее сравнение.

— ...Череп митрианского жреца,— с невозмутимым видом подсказала Соня.

Гана прыснула, а Мурзио непроизвольно дотронулся до выбритой макушки, улыбнулся — ну и характер! — и кивнул.

— Верно,— согласился он.— Можно сказать и так, дочь моя. В этом простота, но в том же и сложность: нам ведь придется обходить селения стороной.

Соня уже во второй раз услышала этот совет, и первый же опыт подтвердил его правильность, но, быть может, именно поэтому рассердилась.

— Да почему же мы должны обходить стороной селения?! — воскликнула она.

— Это Иранистан,— ответил митрианец и пожал плечами.— Здесь не любят безбородых.

Внимавшая ему со всей доступной ей серьезностью Гана снова прыснула, потом не выдержала и рассмеялась: видно, представила себя с бородой.

— Не удивляйся,— пояснил жрец, вполне уже освоившийся в обществе красавицы-насмешницы и красотки-хохотуны.— В Иранистане безбородым называют не только того, у кого нет бороды, но и любого, кто хоть чем-то отличается от прочих. К ним относят и тех, у кого действительно нет бороды, и блондинов,— он посмотрел на Гану,— и в особенности рыжих, а также всех, кто отмечен каким-либо физическим недостатком. Всем им приписывают хитрость и коварство и относятся, в лучшем случае, настороженно.

— Так это из-за отсутствия бороды тебя попытались обезглавить?

— Ну, не совсем так,— помявшись, ответил Мурзио.— Как я сказал, я здесь уже четыре года, и все это время в каждой из посещаемых мною деревень с удручающим постоянством повторялось

одно и то же. Сперва меня принимают за странствующего нищего монаха и окружают почетом и поклонением. Потом во мне начинают видеть слабоумного, и мои проповеди никто не слушает. Затем я превращаюсь в отступника, и меня начинают избегать, как чумного.

— Интересная цепочка,— хмыкнул Север.— И что же происходило после этого?

— Как только я замечал, что на меня начинают косо смотреть, я уходил.

— А сейчас, как я понимаю, не успел? — засмеялась Соня.

— Так оно и есть,— смиренно согласился Мурзио.

— А кто эти пятеро? — поинтересовался Вожак.

— Двое — просто подручные,— пожал плечами митрианец,— а те трое, что спорили, сипахи — главы этой и двух соседних деревень, что лежат севернее по течению Ильбарса.

— Странно...— задумчиво протянула Соня.— Даже в Заморе, где не слишком-то возятся с неудобными, ты неизбежно предстал бы перед судом.

— Может, так оно и происходит в Заморе,— не стал спорить жрец,— но здесь Иранистан. Среди сипахов бытует пословица: шах правит в Аншане, а эта земля принадлежит мне. Так что сипах — он владыка для людей своего села и судья для любого очутившегося в его владениях. Я побывал в двух соседних селах, когда Балаша и Хамана не было там, а сюда пришел, когда Кобад отправился в гости к Хаману, но тут неожиданно нагрянули

все трое. Вот так и возник спор: каждый из них считал себя вправе разделаться со мной по собственному усмотрению.— Он невесело усмехнулся.

— Не стоит печалиться.— Соня ободряюще кивнула ему.— Посмотри на происшедшее иначе: ты жив! — Девушка взглянула на плывущие по небу облака.— Небо синее, солнце светит! — Она кивнула на верхушки скал.— Да. Утро было мрачным,— согласилась она.— Зато день выдался радостным, а вечер золотым! Чего же тебе еще?! — Она насмешливо посмотрела на жреца.

— Все так,— вымученно улыбнулся тот.— Но четыре года жизни пропали впустую,— заключил он с горестным вздохом.— С этим можно смириться, но это совсем не радует...

— Многое в жизни зависит от твоей точки зрения,— заметил Север.— Отнесись к происшедшему не как к краху, а как к уроку. Как к жестокому уроку, который преподавал тебе Рок.

— Ты веришь в предначертанность судьбы? — удивился Мурзио.

— Если хочешь, то отчасти да,— не стал спорить Север.

— О, Митра! — воскликнул жрец, закатив глаза и молитвенно сложив на груди ладони.— Воистину невежество твое превыше северных гор и глубже океанских впадин.

— Да ладно тебе! — добродушно отмахнулся Вожак.— Зато моя вера дает мне простые правила на каждый день. И одно из них гласит: помни вчерашний день, живи сегодняшним, думай о завтрашнем, и душа твоя обретет покой.

— По-моему, думать стоит только о вечном,— заметил Мурзио.

— Ну, думай о вечном,— пожав плечами, согласился Вожак. Он видел, что зингарец не склонен воспринимать чужое мнение, и потому не настаивал.— Но расскажи нам, как мы пойдем дальше? Учти: нас четыре всадника, восемь коней и двое волков.

При этих словах Задира прыгнула к нему на колени и, встав на задние лапы, зацокала, глядя человеку в лицо и возмущенно жестикулируя. Мурзио изумленно уставился на зверька.

— Ну, извини, милая! — усмехнулся Север.— Если не заметят меня, то уж тебя, поверь, и подавно. Поэтому я перечисляю только крупных животных и не упоминаю ни тебя, ни тем более Вестницу и вороненка.

— Она что — тоже? — спросил жрец, переводя изумленный взгляд со зверька на человека.

— Разумна? — Вожак вопросительно посмотрел на толстяка.— Конечно! И Задира, и вороненок, и Вестница, и Вулоф с Вилвой. Кони тоже умны, но лишь как кони.

— Пресветлый Митра! — взмолился зингарец.— Как же ты допустил такое!

Соня нахмурилась, ясно давая понять, что ей не нравится такой подход, но пока молчала.

— Перестань.— Север поморщился.— Ты противоречишь сам себе. Если, по твоему разумению, Митра направил нас тебе на выручку, то, значит, он и зверей направил тоже, потому что в твоём спасении они участвовали с нами наравне. И, сле-

довательно, они угодны Подателю Жизни,— закончил он насмешливо.

Мурзио ошарашенно уставился на воина.

— Мне такие соображения не приходили в голову,— признался он и тут же спохватился.— Мы пройдем. Иранистан пустынен, но не настолько, чтобы по нему не сумел тайно пробраться такой немногочисленный отряд. Главное, не углубляться на запад, где край гол и каменист. Впрочем, и на востоке нам тоже делать нечего. Ближе к морю много такыров. В засушливое время года это бесплодная пустыня, которая в сезон дождей превращается в вязкое болото. Нам лучше держаться между ними. Сперва я поведу вас майелиновыми рощами,— пообещал митрианец.— Дальше начинаются буксовые рощи, иногда настолько большие, что правильнее бы их назвать лесами.— Он помолчал, прежде чем спросить.— А куда вы направляетесь?

— Нам нужно незамеченными добраться до юга Иранистана,— ответил Север.— Там мы свернем на запад.

— Но ведь тогда мы попадем в Джурдистан! — ахнул зингарец.— Там и не живет-то почти никто!

— Верно, в Джурдистан,— согласился Север.— Именно туда мы и едем.

— И что же вам понадобилось в этом проклятом Митрой месте?

— Ты слышал когда-нибудь об ущелье Духов?

— Так ведь там...— прошептал Мурзио побелевшими губами.— К ущелью и близко не подобраться,— сообщил зингарец, несколько придя в себя.—

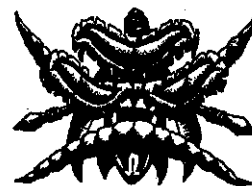

Ущелье окружает стена. Я ее видел. И люди там не такие, как здесь. К ним лучше не приближаться!

— Ну, сперва давай доберемся до стены, а там посмотрим.

Часть третья

утешствие через Иранистан неожиданно затянулось, хотя и проходило именно так, как предсказывал Мурзио. Местность оказалась слишком открытой, дорог почти не было, так что путешественникам приходилось пробираться между деревьями и невысокими скалами, не забывая при этом, что место для ночной стоянки надо будет выбрать рядом с водой и зеленью.

Именно поэтому каждый день Вестница с утра отправлялась на поиски и возвращалась только после полудня. Пока ее не было, вороненок присматривал между скалами и рощами дороги в стороне от поселений. Быть может, от избытка неожиданно появившегося свободного времени или просто потому, что давно уже было пора, Соня дала наконец вороненку кличку — Шалло. Молодой воронке имя явно понравилось.

Волки постоянно шныряли вокруг, то обгоняя отряд, то отставая, заботясь не только о безопасности людей, но и о пропитании для всех.

Видя, как помогают людям звери и птицы, и понимая, что, не будь их, отряд двигался бы гораздо медленнее, митрианец только качал головой. В нем боролись противоречивые чувства. Он видел, сколько пользы приносят животные, но давняя неприязнь к зверопоклонникам мешала ему признать правоту Севера. Он все еще считал, что звери и птицы не должны думать, и не находил в себе сил избавиться от этого предрассудка.

Первые дни отряд пробирался майелиновыми рощами. Низкорослые деревья едва закрывали всадников, а кое-где, привстав на стременах, Север даже мог осматривать окрестности. Однако день шел за днем, а вокруг простирались все те же заросли. Казалось, что здесь растут только они, но Мурзио пояснил, что это не так. По его словам, на западе, у моря, и на востоке, в предгорьях, природа гораздо разнообразнее, а это фруктовое изобилие скоро кончится.

Так оно и случилось. На четвертый день путешествия по Иранистану рощи превратились в небольшие островки, разделенные все более протяженными участками голой каменистой равнины. Вскоре начали попадаться буксовые рощи. Вначале они перемежались с майелиновыми, но через три дня последняя роща фруктовых деревьев осталась позади.

К этому времени деревни почти перестали попадаться, но это уже не имело значения. Еще в самом начале путешествия Север заехал в первое же попавшееся селение и купил жрецу простую, но прочную обувь, без которой путешествие пре-

вратилось бы для Мурзио в пытку. Он и в следующие дни продолжал заглядывать в деревни, приобретая то овечий сыр, то плоские хлебцы, испеченные в виде небольших круглых лепешек. Ни то, ни другое не отличалось особым вкусом, но нельзя же было все время есть только мясо.

Еще через день пути майелины вообще перестали встречаться, а это значило, что путники достигли южной, почти ненаселенной части страны и теперь должны избегать встреч с людьми. Местность стала голой и каменистой, изобиловала выветренными скалами и узкими ущельями между ними, зачастую служившими единственным проходом. Теперь помощь разведчиков оказалась незаменимой. Тем не менее отряд начал передвигаться быстрее: здесь людей не было вовсе и прятаться было не от кого.

* * *

Путешествие подходило к концу. Тут, на юге Иранистана жара сделалась и вовсе непереносимой. Создавалось впечатление, что теперь, к концу осени, лето вновь заявило о своих правах. Желанную тень давали только встречавшиеся все реже деревья да скалы. Ручьи, частенько попадавшие в майелиновых рощах, почти исчезли, и теперь отряд останавливался у каждого источника живой влаги.

Наконец каменный лабиринт кончился, и путники выбрались на плоское, как стол, место. Здесь вновь начали попадаться буксовые рощи, и хотя тени деревья давали мало, все обрадовались: лю-

дая до смерти уже надоело блуждать в каменных коридорах.

— Вот она, Сторожевая Стена, как ты ее называешь,— сообщил Мурзио, натягивая поводья своего коня.

Еще после утренней разведки Вестница условным карканьем дала понять Северу, что они вплотную приблизились к цели, но лишь теперь он убедился, что это на самом деле так. Вожак внимательно посмотрел по сторонам. Полуденное солнце слепило, и скалы, разбросанные по равнине, сливались с камнем Стены, но цепкий взгляд воина различал их. Стена и впрямь производила неизгладимое впечатление, причем оно оказалось гораздо сильнее, чем Север мог предположить на основании рассказов Разары и рисунка. И хотя над Стеной изрядно потрудились время, проломы, отмеченные на рисунке, обитатели ущелья успели залатать.

— Плохо дело,— отвечая своим мыслям, прошептал Север.

— Что-то не так, добрый господин? — насторожилась Гана, и он невольно улыбнулся: девушка уже чувствовала себя полноправным членом их маленького отряда.

Север спрыгнул с коня и расстелил на земле карту той части Джурдистана, к которой они только что вышли.

— Ого! — воскликнул митрианец. — У вас и карта есть!

— А как же,— ответил Север, вглядываясь в Стену на плане, в то время как Соня смерила

зингарца ехидным взглядом, и тот поспешил отвести глаза. — Мы вышли к восточным воротам, а пробираться внутрь хотели возле южных,— заметил Вожак. — Возможно, там найдется прореха. — Он лишь мельком взглянул на Соню, но девушка знала, что сказанное относится только к ней, хотя обращался он вроде бы и ко всем одновременно. — Передохнем здесь, у воды, а после обеда тронемся дальше. Ты бывал здесь раньше? — спросил он Мурзио.

— Да,— с достоинством ответил тот. — Даже пробовал пройти в ворота.

— Ну и как? — оживился Север.

— Чудом жив остался,— помявшись, ответил жрец. — Хотели принести меня в жертву.

— Что с них взять? Дикие люди! — покачала головой Соня, и зингарец так и не понял, иронизирует девушка или говорит всерьез.

— Ты другое скажи,— посмотрел на него Север. — Часто ли они выходят из замка?

— Нет,— покачал тот головой. — Крестьяне из близлежащих деревень говорили, что поставляли живущим здесь иезмитам еду в обмен на луки, наконечники для стрел, мечи, ножи и кое-что еще, но вот уже лет пять, как обитатели ущелья отказались от обмена и теперь сами обеспечивают себя всем необходимым. Правда, рассказывают, кое-кто и сейчас ходит к воротам и носит стражникам вино, меняя его на острую сталь. Только оно и способно теперь соблазнить дикарей.

Север еще раз взглянул из-под руки в сторону Стены и тихонько присвистнул.

— Ты что? — насторожилась Соня.

— Не успели их помянуть... — ответил он. — Вот как раз идет один такой, за сталью, видать. Сейчас мы его...

Он быстро осмотрелся, выбирая место для засады, но тут вмешалась Гана.

— Что ты собираешься делать, добрый господин? — спросила она, глядя на воина глазами преданной собаки.

— Скрутить его и допросить, — кратко ответил Север.

— Дозволь мне.

— А-а, перестань! — отмахнулся от девушки Север.

— Дозволь, добрый господин, — не унималась Гана. — То, что собираешься узнать с помощью силы, я выведаю проще и быстрее, — пообещала она с лукавой улыбкой. — Ведь я женщина!

— Хорошо, — согласился Вожак.

Поколебавшись несколько мгновений, он не без оснований решил, что уж с мужчинами-то она управляться умеет. Тем более с такими.

Девушка улыбнулась и, прикинув, куда направился крестьянин, пошла так, чтобы шагов через тысячу перехватить его в буксовой роще.

— Я за дровами, — известил о своем намерении Мурзю и скрылся в противоположной стороне.

Вулоф отправился на охоту. Вилва погнала коней на водопой. Вестница уселась на самой высокой скале и оттуда осматривала окрестности. Шалло и Задира пристроились на плечах Севера и Сони.

— Плохо дело, — заметил Вожак, вернувшись от ручья с бурдюком воды.

— Мы ведь еще в Логове решили, что через проломы не пробраться, — пожав плечами, отозвалась Соня.

— Да, — согласился он, — но я, по правде говоря, рассчитывал именно на такой путь.

— Поживем — увидим, — спокойно ответила она.

— Может, ты и права, — кивнул Север. — Но меня настораживает другое. Деревни в верховьях ущелья, о которых упоминала Разара, судя по всему, восстановлены и теперь снабжают обитателей замка продуктами. Бреши в стене заделываются. — Он помолчал. — Как тебе кажется, о чем все это говорит?

Он посмотрел на девушку, и та вновь пожала плечами: прекрасно понимая, что имеет в виду ее возлюбленный, она не придавала этому особого значения.

— Ясно как день — они готовятся, — ответила девушка. — К чему, не знаю, но одно несомненно: раз зашевелились, значит, почувствовали силу.

— А силу рано или поздно они надумают применить, — закончил за нее Север.

— Верно, — кивнула девушка. — Только нам что до этого? Сделаем дело и домой, — спокойно закончила она, даже не заметив, что назвала Логово домом.

— Что ж, — согласился Север, — хорошо, если так.

Некоторое время оба сидели молча, но вдруг Вожак насторожился, мгновенно почувствовав, как

что-то изменилось вокруг, хотя и не мог понять, что? Соня встревоженно взглянула на него. Ее собственные чувства пока молчали, однако она знала, что чутье Севера работает столь же безошибочно, как и ее собственное, но улавливает больше. Воин задрал голову. В тот же миг Вестница каркнула, снялась со своего места и полетела в ту сторону, куда направилась Гана.

Вожак стиснул челюсти, злясь на самого себя за то, что не проследил за девушкой, слепо доверившись ее словам. Побоялся спугнуть незнакомца, а теперь из-за этого в беду угодила его спутница! Он рванулся на выручку. Соня бросилась следом.

* * *

Когда-то, еще до того, как стал жрецом, Мурзио ничем не отличался от своих сверстников, отпрысков знатных родов Кордавы. Он фехтовал, хотя и не слишком успешно, вполне прилично ездил верхом — слабым его назвать было нельзя. Но за последние годы он растолстел, слегка обрюзг, и его мышцы изрядно заплыли жиром.

Едва скрывшись за выветренным выступом скалы, он побежал, от всей души надеясь, что зверинец Севера все еще при нем, а не пустился за ним следом в похвальном стремлении защитить слабого человека от опасности.

Защитить! Лучше бы защитили девушку!

Бедняге становилось дурно, когда он думал, чем грозит красотке столь опрометчивый поступок, а ведь никто из троих, похоже, даже не за-

думывается об этом! Ну да ничего. Он, Мурзио, исправит этот промах! Он испытывал к Гане невольное влечение, но всякий раз, когда мысли о девушке посещали его, гнал их от себя, словно видел в том проявление некоей слабости. Однако мечты о красотке возвращались, и чем сильнее он старался избавиться от них, тем ярче они становились. Как ни странно, но вовсе не неотразимая Соня покорила его. Быть может, он подспудно сознавал, что соперничать с Севером бессмысленно, но, скорее всего, шадизарка напомнила ему красавицу-аквилонку, что когда-то отвергла его. Как бы там ни было, жрец, вновь превратившийся в мирянина, решил: раз эти двое бросили девушку на произвол судьбы, о ней позаботится он, Мурзио!

Первую сотню шагов митрианец промчался как на крыльях, не чувствуя под ногами земли. После второй сотни ощутил, что камни стали неожиданно глубоко впиваться в мягкие подошвы. Его начала мучить одышка, дыхание вырывалось со свистом, и против воли зингарцу пришлось перейти на шаг. Впрочем, быть может, и вовремя. Он понял, что не то чтобы заблудился, но сбился с пути, а значит, рискует не только не помочь девушке, но и попасть в беду сам.

Тогда он подобрался к открытому пространству и, посмотрев на Сторожевую Стену, прикинул, где находится. Поняв, что сильно отклонился к югу, он пружинистой походкой, стараясь подражать Вожаку, направился дальше. Скоро дыхание его успокоилось. Теперь он выбирал место, куда ступить,

так что ноги перестали отзываться на каждый шаг болью. Вздригнувшись, Мурзио почувствовал себя сильным и уверенным в себе. Почти как Север.

В какой-то миг ему показалось, что он слышит впереди голоса. Он остановился и настороженно прислушался: так и есть! Правда, сперва он усомнился, уж больно мужской голос походил на звериное рычание, но тут же услышал сдавленный девичий вскрик.

Так и есть! Он не зря пошел за ней следом! С самого начала эта затея не понравилась ему. Он-то, проживший в Иранистане четыре года, хорошо знал, что ждет девушку, рискнувшую открыть лицо незнакомцу!

Он пошел медленнее и постарался успокоиться, уверяя себя, что ошибся и все еще, быть может, обойдется. Вот и голоса затихли. Выветренные скалы давно остались за спиной. Теперь митрианец пробирался среди зарослей букса, внимательно осматривая кусты, пока не увидел ужасную сцену: негодяй повалил девушку на землю. Слабыми руками Гана вцепилась в одежду насильника, пытаясь его оттолкнуть, но силы оказались явно неравными.

Когда Мурзио увидел это, все его смирение как ветром сдуло. Он подхватил с земли булыжник и, приблизившись крадущейся походкой, обрушил его на затылок верзилы. Тот мгновенно обмяк и повалился в высокую траву. Мурзио блаженно заулыбался. С сознанием выполненного долга он отбросил камень и сложил руки на животе. Округившимися от изумления глазами девушка

смотрела на него, и жрец подумал, что пора бы ей его отблагодарить.

В следующее мгновение красотка вскочила и трясущимися руками принялась поправлять одежду. «Вот сейчас,— решил Мурзио,— она кинется мне на шею».

— Болван! — с совершенно неожиданной яростью закричала девушка. — Не мог подождать немного?!

За спиной зингарца появились Соня с Севером, но Гана уже не могла остановиться.

— Вы посмотрите на него! Святой человек! — воскликнула она, уперев руки в бока и смерив несчастного презрительным взглядом. — Что наделал! Череп проломил парню! И, главное, время-то какое выбрал! — Она посмотрела на Вожака. Он оставался совершенно серьезным, но девушка ни на миг не усомнилась, что в душе он потешается над ней. — Нет, серьезно,— словно оправдываясь, продолжила она,— мне уж показалось, что ухватила-таки Митру за бороду. Еще несколько мгновений, и... Он бы мне все рассказал! И тут этот... Приперся... Схватил булыжник и хрясь по макушке! Ты обо мне подумал? Этот ублюдок своим лбом мне чуть нос по всей физиономии не размазал!

Мурзио переводил растерянный взгляд с Ганы на Севера, с Севера на Соню, словно прося у последних помощи.

— Но я думал... — робко начал он.

— Он думал! — запальчиво воскликнула девушка. — Не думай больше, милый, это до добра не доводит!

Наконец Вожак поднял руку, и шум мгновенно прекратился.

— Покричала, и будет,— спокойно заметил он,— а теперь пора сматываться, пока парень не пришел в себя.

— Надо бы добить его,— совершенно неожиданно заявила Гана.— Он очухается и непременно попрется за нами следом, чтобы отомстить.

У Мурзио от ее слов глаза полезли на лоб.

— Никого мы убивать не станем,— нахмурился Север.— Не думаю, что он пойдет за нами. Наверняка решит, что по затылку его съездил твой дружок, и не захочет добавки.

— Мой дружок...— оторопело повторила девушка и как-то странно посмотрела на жреца.

От ее взгляда тот непроизвольно поежился и отступил на шаг.

Север тем временем подошел к лежащему и прикоснулся к пульсирующей жилке у того на шее.

— Живой,— сказал он через мгновение,— и скоро очнется. Так что чем быстрее мы отсюда уйдем, тем лучше для всех.

Они вернулись на место стоянки, но, вместо того чтобы расположиться на отдых, быстро собрались, нагрузили коней, вскочили в седла и тронулись в путь.

Ехали не быстро, стараясь, чтобы между ними и Сторожевой Стеной все время оставалась преграда. Очень скоро они въехали в лес. Даже росшие в нем буксы оказались чуть ли не вдвое ниже, чем прежде. Попадались и другие породы, но, как ни

странно, тоже карликовые. Зато от нежелательных глаз такие деревья скрывали даже лучше своих высокорослых собратьев, у которых ветви начинались высоко над головами людей.

Все еще оставаясь невидимыми, они подъехали к северной оконечности леса и остановились. Отсюда были хорошо видны ворота, на самом деле представлявшие собой открытый проход в стене. Пять человек устроились в створе ворот прямо на земле, затеяв какую-то игру, достаточно увлекательную, чтобы заставить их позабыть обо всем. Север окинул внимательным взглядом Стену. Отсюда, гораздо с более близкого расстояния, он мог рассмотреть каждый камень, а потому и времени ему понадобилось совсем немного. Он развернул коня, махнул рукой остальным, и отряд углубился в чащу, из которой только что выехал.

— Что скажешь? — спросила Соня.

— А что тут скажешь! Пробраться мимо таких стражей проще простого... Если бы не кони.

— А если этих ублюдков грохнуть? — предложила Гана, настроенная весьма воинственно.

— Какая-то ты недобрая сегодня,— хмыкнул Север и тут же посерьезнел.— Если стражников убрать, их тут же хватятся, и тогда нам останется только бежать отсюда без оглядки.

— Я могу взять их на себя,— предложила девушка, и Соня даже подавилась водой из фляги: уж больно двусмысленно прозвучало предложение.

Север поморщился.

— Камни холодные — спину застудишь. Возись с тобой потом,— как всегда, серьезно ответил он.

По вспыхнувшему лицу Ганы он понял, что она готова возражать, и решил привести другой довод.— К тому же они вполне могут заинтересоваться, откуда в этих краях девушка с такими, как у тебя, волосами, и отправят в замок.— Он выразительно посмотрел на нее.— Для дознания.

Его слова убедили Гану. По крайней мере, она закусила губу и ничего не сказала.

— Ну а что ты сам предлагаешь? — спросила Соня.

— Дождусь сумерек.— Север пожал плечами, словно для него такого вопроса не существовало вовсе.— Схожу к Стене и осмотрюсь на месте.

— Вместе сходим,— поправила его девушка.— А если проход не отыщется?

— Вот тогда пойдем с тобой вдвоем,— ответил он,— а их оставим здесь.

Гана вновь собралась возразить, но в этот миг из-за дерева, заставив Мурзио вздрогнуть, выскочил Вулоф и отрывисто рыкнул:

— Идет... Тот...

Гана промолчала, но взгляд ее был красноречивей слов: «Ну? Что я вам говорила?».

— Похоже, парень разбирается в следах.— Север покачал головой.— Напрасно он пошел за нами. Соня, придется тебе вновь побыть приманкой.

— Поразительно богатое воображение,— усмехнулась девушка, выходя на тропу, в то время как Вожак забежал вперед, чтобы в нужное время очутиться за спиной незнакомца, и затаился в кустах.

Через несколько мгновений на тропе показался громил, который почти сразу увидел Соню. В первый миг он опешил от неожиданности, но тут же решил, что именно рыжая красотка съездила его камнем по затылку. Он замер, и лицо его расплылось в довольной улыбке: девиц-то, оказывается, две, а две девки ровно в два раза лучше, чем одна. Обрадованный, он рванул вперед с такой скоростью, что Северу ничего не оставалось, как вновь оглушить его ударом по затылку — ни на что другое у него просто не осталось времени. Громила упал как подкошенный, и Соня озабоченно посмотрела на возлюбленного.

— Ты не перестарался? — иронично спросила она.— Он нам нужен живым. Что толку от мертвеца?

— Это точно,— со знанием дела подтвердила Гана.

— Не беспокойтесь,— заверил девушек Север.— С ним все в порядке. Просто его сегодня слишком часто били по голове.

Север связал руки пленнику, привалил его спиной к дереву и отправился разводить костер. Он не боялся, что дым заметят. Валежник, что шел на топливо, настолько высушило солнце, что опасаться следовало только пламени в ночи, а это значило, что лучше приготовить пищу до наступления сумерек.

Когда он вернулся к пленнику, тот уже пришел в себя и теперь с ненавистью поглядывал на сновавших вокруг людей. Кляп заставлял его молчать, но полный ненависти взгляд говорил, пожа-

луй, не хуже слов. Увидев Севера, Соня подошла к нему:

— По-моему, он хочет что-то сказать.

— Очень может быть,— согласился Север.— Только вряд ли это то, что нам хотелось бы услышать.

— Но ведь Гана сказала, что еще немного...

— Я думаю, она имела в виду совсем другое.— Он пожал плечами.— Но если ты так хочешь...

Вожак подошел к пленнику, который явно прислушивался к их разговору, и выдернул изо рта затычку.

— Грязная шлюха! Проклятая девка, даже лицо не прикрывает! Плевал я на вас! На тебя! — Связанный прожег Гану разъяренным взглядом.— И на тебя, рыжая тварь! Тьфу! — Он смачно сплюнул в сторону Сони.

— Не попал,— хладнокровно заметила воительница.— Побереги пока слюну,— посоветовала она, вставляя кляп на место, и пленник ответил ей ненавидящим взглядом.

— Я же говорил тебе, что он ничего не скажет,— пожал плечами Север.

— Если не скажет ничего,— отгрызнулась Соня,— то прямо тут и подохнет.— Она повернулась к связанному.— Я тут разговаривала с одним зугиром... Таким же упрямым, как и ты,— пояснила она.— Так теперь он покойник. Не желаешь составить ему компанию? — поинтересовалась девушка.— Жизнь ведь хорошая штука, верно? Правда, только пока дышишь,— заметила она, приставляя острие кинжала к горлу пленника.

Глаза детины округлились. Он заерзал и замычал, пытаясь выплюнуть кляп.

— Ничего он не скажет,— убежденно проговорил Север.— Я таких, как он, повидал. Жизнь для них — ничто!

— Значит, сейчас на Серых Равнинах появится новичок! — усмехнулась Соня, с удовлетворением отмечая, как напрягся связанный бородач.

Впрочем, не только он. И Гана, и Мурзио замерли. Ни тот, ни другой явно не привыкли к таким зрелищам.

Воительница тем временем вытерла клинок, попробовала пальцем лезвие и снова повернулась к пленнику.

— Нет! — с деланным ужасом воскликнул Север, но иранистанец не разобрал в его голосе фальши.— Не умеешь ты пользоваться кинжалом! Залпаешь все вокруг, а я здесь, между прочим, спать собрался!

Мурзио закатил глаза и покачулся, глаза Ганы округлились. Пленник заерзал, с ужасом глядя на свою мучительницу.

— Хорошо,— поджав губы, согласилась Соня.— Отдадим его Вулофу. Он тут все подчистит. И следов не останется. Вулоф! — крикнула она.— Иди сюда!

Гана перестала дышать. Мурзио вздрогнул, щеки его раздулись, он прикрыл ладонью рот и бросился в кусты. Огромный волк выскочил на поляну. Пленник засучил ногами и завизжал.

— Нет! — запротестовал Север.— Только не это! Я опять ночью спать не смогу! Уходи отсюда! —

махнул он Вулофу, и так же беззвучно, как появился, зверь исчез в зарослях.

— Кха! Кха! — донеслось с ветки ближайшего дерева. — Ха! Ха! Ха! — Шалло залилась хриплым, похожим на кашель, смехом.

Похоже, птица оказалась единственным из невольных зрителей, кто понял, что здесь происходит. Соня перевела возмущенный взгляд с нее на Севера.

— Все тебе не так! — раздраженно выкрикнула она. — Не нравится — проваливай, но он у меня заговорит!

— Интересно, как?!

— Вот сейчас пихну его башкой в костер, — кровожадно пообещала она. — Огненный Цветок живо растопит жир, которым запыли мозги этого парня!

— Хорошо, — сдался Вожак, сунул палец в рот и поднял его над головой. — Подожди только, пока встану с наветренной стороны. Не выношу запаха паленого, — брезгливо передернув плечами, пояснил он.

— Давай, белоручка, проваливай! — огрызнулась Соня и пнула пленника. — А ты ползи к огню!

Тот повалился набок, но от страха, похоже, вообще лишился способности двигаться. Он бешено вращал вылезшими из орбит глазами и, несмотря на воткнутую в рот тряпку, визжал, словно и впрямь начал уже подрумяниваться, а в воздухе повис запах паленой плоти.

— Вынь тряпку, — сказал Север. — Похоже, наш друг что-то вспомнил.

Она нагнулась и с интересом заглянула в выпученные глаза бородача, поигрывая перед его лицом метательным ножом.

— Так ты решил, что день был достаточно жарким? — спросила девушка. Пленник замер на миг, а когда понял смысл сказанного ею, лихо радочно закивал. — Если я выну это, — она поддела тряпку ножом, — ты ведь не станешь звать на помощь, верно? — Он затряс головой, выражая полное согласие. — Но всё-таки тебе есть что сказать?

Он заскулил, пытаясь что-то вымолвить, а когда понял, что это невозможно, вновь закивал.

— Ну что? — Соня повернулась к своему спутнику. — Поверить ему?

— А что мы теряем? — равнодушно пожал плечами тот. — Обманет, изжаришь его по частям.

— Хорошо, — кивнула Соня, вытаскивая клык изо рта пленника.

— Все скажу... Только не надо в огонь! — взмолился тот, но девушка приложила лезвие к горлу дитины, и тот умолк.

— Что-то ты подозрительно быстро согласился, — проворчала она.

— Я помогу только потому, что там вас ждет смерть! — лязгая от страха зубами, выдавил пленник.

— Хорошо, — кивнула девушка, которой уже надоела эта перебранка. — Ты лучше скажи для начала, можем ли мы провести коней мимо стражей на Сторожевой Стене так, чтобы они не узнали об этом?

— Все скажу, клянусь Вечноживущим Тарином! — выкрикнул он

Север покачал головой.

— Река! — Пленник кивнул к сторону бурлящего недалеке потока.

— Веди нас, — приказал Север, разрезая спутывавшие ноги громилы веревки.

— А ты меня отпустишь? — с надеждой спросил он.

— Чтобы ты сразу донес на нас? — хмыкнула Соня.

— Ты уйдешь, когда мы сделаем свое дело, — пообещал Север, и по искаившемуся лицу пленника Соня поняла, что это ему не слишком-то понравилось.

— Ну! — прикрикнула она, ткнув его острием ножа в спину. — Показывай! И без глупостей!

— Пошли, — прохрипел тот.

Вскоре трое людей вышли к кромке леса. Прямо перед ними возвышались разбросанные по каменистой равнине валуны, закрывавшие от взглядов южные ворота. На востоке несла свои воды река, которую Север, не тратя времени даром, нарек Безымянной.

— Туда, — произнес пленник, кивнув в сторону зарешеченной пробоины в стене и зашагал вперед.

— А ну-ка стой! — прикрикнула на него Соня, но бородач, вместо того чтобы остановиться, побежал.

Вот сейчас он выскочит из-за валуна, и его увидят стражники.

Соня взмахнула рукой, но мгновением раньше пущенный рукой Севера клинок свистнул над ее ухом и вошел между лопаток пленника. Словно наткнувшись грудью на незримую преграду, он остановился и, постояв мгновение, рухнул на землю.

— Опять ты оказался быстрее, — с досадой заметила Соня.

— Просто я чувствовал, что этим кончится, — пожал плечами Вожак.

— Ну и Нергал с ним, — согласилась Соня. — Мертвый йезмит лучше живого, — философски заметила она. — Что делать с трупом?

— А что с ним сделаешь? — Вожак поморщился. — Могилы здесь не вырыть, костра не развести — увидят. Забрасаем камнями.

Север прислонил труп к валуну и начал собирать обломки камней, которыми Соня заваливала покойника.

Солнце тем временем ушло за горы, и быстро стгустившиеся сумерки плавно перешли в ночь. Север выглянул из-за валуна. Прямо перед ними, в проходе южных ворот горели огни, но рокот воды заглушал все звуки.

— Давай-ка сходим к реке, — предложил Вожак.

— Ты думаешь, он не солгал? — усомнилась Соня.

— Думаю, нет, — кивнул Север. — Он решил бежать чуть позже, когда понял, что ты оставляешь его в живых, но перед этим говорил правду. Уж слишком сильно ты напугала его, — добавил он с мрачной ухмылкой.

«Да, размякли они здесь,— подумал Север.— Себя освещают, помогая врагу...» Он покачал головой и пошел дальше. Шум воды становился все сильнее. До них начали долетать подхваченные ветром брызги. Север еще раз осмотрелся, но не заметил ничего подозрительного. Только у самой реки он понял, что имел в виду пленник. В том месте, где русло пронзало Сторожевую Стену, ее перегораживала стальная решетка, окончательно прогнившая не меньше сотни лет назад.

— Ты только посмотри.

Север потрогал вмурованный в камень стальной стержень толщиной в два его пальца. Точнее, остаток стержня, потому что из каменного гнезда торчал лишь изъеденный ржавчиной огрызок не длиннее половины локтя. Точно такими же через равные промежутки оказалась утыкана вся внутренняя поверхность прохода. Теперь от могучей решетки остались одни воспоминания.

Север вошел в воду. Дно полого опускалось на протяжении четырех шагов, а затем круто уходило вниз. Север прикинул высоту нависшего над водой свода — только-только, чтобы провести коня без седока. Именно то, что им нужно. Он повернулся к девушке и молча махнул рукой — пошли назад. Говорить не имело смысла. Шум реки заглушил бы даже крик. Только когда они вошли в лес, Соня обернулась к Вожаку:

— Когда пойдем?

— Как можно быстрее,— ответил тот.

Девушка молча кивнула. Все верно. Чем меньше они оставят следов своего пребывания, тем луч-

ше для них. Говоря по правде, им и костра разводить не стоило. Мало ли что? Его пламя уже виделось в просвете между деревьями. Двое — мужчина и девушка, сидели у костра. Волков Соня не увидела, но не сомневалась, что они где-то поблизости. Шалло с Задирой привычно ругались из-за еды. Жрец угрюмо молчал и смотрел в огонь, Гана изредка поглядывала на него, но тоже молчала.

Соня с Севером появились совсем неожиданно, заставив обоих вздрогнуть. Воительница сразу уселась рядом с подругой, а Север подошел к костру и деловито потыкал мясо ножом.

— Чего не едите? — бодро поинтересовался он, нарезая жаркое пластами.

— Не могу,— хмуро проворчал митрианец.

— Что так?

— Живот у него болит,— пояснила Гана.

— Странно,— ухмыльнулся Вожак, попробовал мясо и удовлетворенно кивнул — то, что надо.— Он ведь не ел твоего платья.

Гана сперва не поняла, но потом вспомнила историю с конем и рассмеялась, но даже ее заразительный смех не вывел зингарца из странного оцепенения.

— Да что с тобой? — удивилась Соня.

— Как вы могли? — прошептал он, с возмущением глядя на девушку.

— О чем ты? — удивилась воительница, а Север уселся рядом с Мурзио и вновь предложил ему мясо, но тот лишь помотал головой.

— Как вы могли пытаться пленника? — тихо спросил он.

Соня с Севером переглянулись, и тут только до них дошло. Девушка рассмеялась, а Вожак хохотнул и по-приятельски хлопнул жреца по спине, отчего тот кувырнулся на землю.

— Никто не собирался его пытаться, — ответил Север, с жалостью посмотрев на поднимавшегося с земли зингарца. — Просто мы попугали его, чтобы стал разговорчивее.

— А я думал... — растерянно пробормотал тот, переводя взгляд с воина на его подругу.

— Не беспокойся, — остановил его Север. — Соня не собиралась ни резать его, ни жарить, а Вулоф людей не ест. Повторяю: мы просто пугали его.

Соня насмешливо посмотрела на Мурзио.

— Какие странные мысли приходят в головы митрианским жрецам, — усмехнулась она. — Прямо не верится. Даже Шалло догадалась, что это глупый розыгрыш!

Зингарец удивленно взглянул на девушку, но та лишь пожала плечами:

— Неужели ты не слышал ее смех?

Жрец перевел взгляд на птицу. Та покосилась на него черным глазом и, раскрыв блестящий клюв, каркнула.

* * *

— Пора, — сказал Север, и Соня мгновенно открыла глаза.

— Чего пора? — спросила она, пытаясь понять, откуда донесся голос Вожака.

— Подниматься пора, — объяснил он, появляясь совсем не с той стороны, где она ожидала его

увидеть. — Рассвет мы должны встретить за Сторожевой Стеной.

Соня начала молча собираться. Она злилась и не скрывала этого. Плотно поели, легли поздно, выспаться не успели... Она посмотрела в черное как вороново крыло небо. И ночи эти южные! Никак она не могла привыкнуть к внезапному наступлению темноты по вечерам и столь же стремительному рассвету. Конечно же, Вожак прав: пока не рассветло, нужно пройти ту часть пути, что они разведали вечером, чтобы в запасе осталось побольше времени.

Ночь выдалась безлунная. В слабом свете звезд она увидела Гану и Мурзио. «Копаются, как навозные жуки в куче отбросов», — невольно подумалось Соне, и она с раздражением пнула жреца.

— Пошевеливайся, зингарец! — усмехнулась воительница, чувствуя, как на душе мгновенно полегчало. — А то встретишься со своим богом прежде, чем рассчитываешь!

Тот захлопал глазами, ничего не понимая.

— Собирайся, жрец! Уходим! — повторила девушка. — После выпейся.

Пока она будила друзей, Север уже накрыл коней чепраками, положил на них седла и теперь проверял подпруги. Как только он закончил свое дело, Шалло уселась ему на левое плечо. Задира по привычке пристроилась на плече Сони. Как только люди собрались вместе, Шалло недовольно замолчала. Тут же в темноте засветились две пары желтых огней, которые двинулись навстречу людям, и показавшаяся огромной тень закрыла

от них звезды. Стояла душная ночь, но Мурзио зябко поежился: он все еще не мог привыкнуть к четвероногим и пернатым спутникам. Послышались громкие хлопки крыльев, и Вестница уселась на луку седла коня Севера.

— Мы уходим,— сказал Вожак, обращаясь одновременно ко всем.— Там, куда мы направляемся, смерть, быть может, грозит одинаково и людям, и животным. Поэтому каждый из вас волен остаться.

Он умолк. Соня тоже молчала, понимая, что сказанное не относится к обитателям Логова. Вулоф шагнул вперед и склонил голову.

— Моя жизнь... Твоя...— хрипло прорычал он и повернулся к своей подруге.

Та, не раздумывая, встала рядом и кивнула. Вестница коротко каркнула и, расправив крылья, качнула головой, подражая волчице. Север едва заметно улыбнулся и скосил глаза на Шалло, которая тоже расправила крылья.

— Др-ра! — хрипло крикнула она и уставилась на Задиру.

Та встала на задние лапки и возмущенно запищала. Держась левой передней лапой за Сонин локон, она погрозила правой Шалло и ударила себя в грудь когтистым кулачком. Север посмотрел на Гану.

— С вами мне ничего не страшно,— заявила она, и Мурзио удивленно взглянул на девушку.

Сам он чувствовал себя не в своей тарелке и испытывал от этого невольный стыд, понимая, что не к лицу ему, мужчине, робеть, когда даже не слишком смелая девушка не боится.

— За мной долг! — гордо провозгласил он, поймав на себе внимательный взгляд Вожака.— Я намерен вернуть его!

— Тогда в путь,— кивнул Север, вскакивая в седло.

Вестница тут же взвилась в воздух и повисла над их головами, став практически невидимой на фоне черного неба.

Вулоф побежал вперед, Вилва осталась с отрядом. Каждый из людей взял под уздцы одного коня, и отряд тронулся в путь. Теперь, когда глаза несколько привыкли к темноте, они уже могли двигаться более-менее уверенно, направляясь к невидимой пока реке.

Вскоре отряд растянулся по берегу. Люди вздрагивали от ледяных прикосновений долетавших до них редких брызг. Соня увидела, как Вожак поднял руку и тут же спрыгнул на землю, удерживая коня.

— Я пойду первым,— сказал он поравнявшейся с ним воительнице.— Вулоф уже ждет нас за стеной, так что не мешкай. Проведем коней по одному и тронемся дальше.

Не дожидаясь ответа, он направился к проему и, взяв своего гнедого под уздцы, ступил в воду. Соня спешила и повела вперед свою пару, сделав знак остальным идти за ней.

Девушка вошла в ледяную реку, увидела несущийся навстречу поток, и на миг ей стало страшно, что она не удержится на ногах. Однако воительница тут же отогнала неприятные мысли и быстро прошла сквозь арку.

Когда по узкой полоске пологого дна все кони перебрались на другую сторону, Мурзю, неуклюже придерживая рукой полы длинного одеяния, засеменял следом, на удивление спокойно прошагав по дну пенящейся речушки. Зато Гана лихорадочно цеплялась за ржавые остатки решетки, и Соне с трудом удалось оторвать подругу от них.

Оказавшись внутри, все собрались на небольшой поляне на берегу. Север удовлетворенно кивнул:

— В самый раз. Только начало светать.

— Светать? — зябко ежась, раздраженно переспросила Соня. — Да где ж это, интересно узнать, ты увидел свет?

— В этих местах говорят, что рассвет начинается в тот миг, когда белую овцу можно отличить от черной, — заметил он.

— Я н-не виж-жу тут н-никаких ов-вец, — клая зубами от холода, сообщила Гана. — Од-дни в-волки...

— Тогда посмотри на своего гнедого, — предложил Север. — Видишь белое пятно у него на лбу? — Девушка судорожно кивнула. — Значит, рассвело.

— Нам бы следовало идти, а не спорить по пустякам, — напомнила Соня.

— Вернется Вулоф, пойдем, — ответил Север. — А пока мы не знаем дороги.

Словно услышав, что речь идет о нем, появился Вулоф. Он остановился перед Севером и уставился на него желтыми глазами.

— Река... — прорычал он. — Уходит в горы... Дальше нора... Внутри люди... Запах... Много людей... Темно...

— Тропу нашел?

— Да... — ответил зверь. — Идем...

Он развернулся и пошел прочь, по-прежнему внимательно осматриваясь и ловя ночные запахи.

— Вот и зверь говорит, что еще ночь, — проворчала Гана, забираясь в седло. — А то — белая овца! Черная...

Она никак не могла успокоиться. Разворачивая коня, Соня ухмыльнулась. Уже не только черное можно отличить от белого, уже видна зелень листвы, а когда они доберутся до тропы, и подавно рассветет. Опять Вожак прав. И нужно поторапливаться. Ступая по каменистой почве, кони шли неспешной рысью, и цокот копыт полностью скрывался шумом воды, даже когда они отдалились от нее на приличное расстояние. Перед этим, правда, поднявшись по крутому склону, они пересекли мелкое озеро, образованное разливом реки при выходе из ущелья. Здесь вода стремительно замедляла бег, зато доносившийся из ущелья рев невидимого еще водопада стал просто оглушительным.

Через сто шагов отряд подошел к тоннелю, который Вулоф назвал норой, и, прячась за деревьями, проскользнули мимо него. Склон горы круто уходил вверх, и было не понятно, как здесь можно найти тропу. Однако тропа отыскалась, и достаточно удобная. Во всяком случае, даже кони смогли подняться по ней, и только в некоторых местах всадникам приходилось спешиваться и вести скакунов на поводу.

Соня ехала, вполглаза наблюдая за однообразным ландшафтом, и думала о своем. Как-то все

странно получалось. Дикий Иранистан с его безумными нравами они миновали спокойно, без приключений, если не считать единственного, когда спасали Мурзио. Но в него-то они ввязались сами. Теперь наконец они добрались к самому ущелью Духов, о котором даже проживший здесь четыре года жрец наслушался немало ужасов, и что же? Да ничего! Стену, правда, начали чинить, что, если вдуматься, говорит о грядущих, а может, и уже наступивших переменах, но словно специально для них оставили проход, по которому внутрь Сторожевой Стены можно проникнуть даже верхом! Казалось бы, следует охранять пролом от непрошенных гостей, но отряд без помех миновал ворота, где расположился один из постов, а следом и тоннель, где, как им известно, должно находиться еще два, но даже следов пребывания людей не обнаружили. Только запах, который учуял Вулоф.

Соня невольно поморщилась. Ей не нравились собственные мысли и не нравились такие, как это, дела. Такая беспечность предполагала только два объяснения. Либо обитатели крепости знали, что делали, и вполне обоснованно чувствовали себя за ее стенами в полной безопасности. Либо никто не беспокоил их настолько давно, что они стали чересчур беспечными.

Ни то, ни другое не нравилось Соне. Первое означало, что, вполне возможно, они просто полюбуются наружной стеной твердыни и ни с чем вернутся обратно, чтобы собрать несколько сот воинов и при их поддержке попытаться захватить

крепость штурмом. Об этом говорилось в Логове, но это означало, что, если нынешняя попытка окажется неудачной, они не имеют права обнаружить себя.

Что же касается второго... Соня задумалась. Как правило, беспечными бывают очень сильные люди. Зато среди них встречается много недалеких, и это еще хуже, потому что такие вояки не останавливаются ни перед чем. Они способны идти к цели, пренебрегая даже смертельной угрозой.

«Впрочем, что гадать? — подумала девушка, когда ее конь миновал последний поворот. — Сейчас найдем место для лагеря, отоспимся, а там посмотрим».

Они выбрались на плато, протянувшееся вдоль северного края ущелья на лигу к западу и поросшее низкими пальмами и кустами акации. Севернее стеной стояли араукарии, но не такие высокие, как Соне доводилось видеть прежде.

Когда Соня подъехала к стене леса, ее встретил Север, успевший уже каким-то образом выяснить у Вестницы, что тропа, по которой они поднялись, единственный путь наверх. С юга и с запада эти края совершенно неприступны. Так что те, кто составлял карту, похоже, пришли с севера. На север, однако, заросли тянулись довольно далеко, но, обитаем ли лес, ей выяснить пока не удалось. Разведкой поутру займутся волки.

Правда, сейчас это не слишком занимало Севера. К полудню Вулоф с Вилвой выяснят все, а сейчас главное — отоспаться, чтобы остаток дня посвятить осмотру крепости. И хотя он понимал,

что время особой роли уже не играет, тратить его понапрасну тоже не хотел. Одним словом, Вожак разбил лагерь в зарослях акаций, и, наскоро перекусив, все отправились спать.

Давно перевалило за полдень, когда Север, как и полагается Вожаку, первым поднял голову и осмотрелся. Его спутники спали. Вулоф с Вилвой лежали рядом, внимательно следя за тем, когда повелитель проснется. Вестница парила высоко в небе, чтобы предупредить людей, если возникнет опасность.

Вожак уселся на своем ложе, потянулся, потер глаза и встал. Стояла тишина. Только чириканье птиц в лесу да приглушенный расстоянием и обрывистым берегом шум водопада нарушали ее.

Север взглядом подозревал Вулофа, и тот в три неслышных шага приблизился к нему.

— Что там? — спросил Север, мотнув головой в сторону леса.

— Чаща... Следов нет... Только звери...

— Это хорошо, — задумчиво проговорил Вожак. — Мы можем остаться здесь? — спросил он.

— Да... — кивнул зверь. — Но Вестнице придется следить за тропой и лесом... — Он помолчал. Видно, такая непривычно длинная фраза отняла у него слишком много сил.

— Хорошо, — согласился Север. — Этого не избежать, но сегодня вам с Вилвой придется взять на себя и тропу, и лес. К вечеру мы с Соней собираемся перебраться на ту сторону ущелья, — пояснил он, — и я хочу знать, что нас там ожидает. И это придется выяснять ей.

Вожак кивнул на парившую в небе птицу. На этом разговор закончился. Север тихо встал и направился к краю тропы, которой они поднялись на плато. Крутой склон заканчивался такой же каменистой равниной, поросшей буксом. Внизу, теряясь в утреннем тумане, изгибалась пологая дуга Сторожевой Стены. Ничто не указывало на то, что здесь есть люди. И однако же мрачный бородач побоялся провести их внутрь, значит, ему было чего опасаться.

Сюда тоже доносился рокот водопада, правда, едва слышный. Назад Север пошел, чтобы его не заметили снизу, вдоль края ущелья, внимательно осматривая противоположную сторону. У выхода из ущелья от самой земли поднимался не слишком широкий карниз. Он вел все дальше и дальше на запад, в то время как практически отвесная в начале ущелья скала отступала на юг, нависая не только над карнизом, но и над узким берегом реки.

Еще издалека Север увидел громаду крепости, но намеренно не стал разглядывать ее, а двинулся дальше. Размышляя о предстоящем деле, он шел вдоль берега, пока не увидел, что карниз продолжается с западной стороны крепости. Правда, возле озера он оказался не в пример шире. Огромные, превышающие рост Севера валуны валялись на нем, словно их небрежно раскидало сказочно могучее существо.

Север живо припомнил известные ему старинные легенды, повествовавшие о войнах, что вели с помощью летающих драконов дикари Зембабве,

но так и не сумел представить себе существо, способное принести в лапах такую глыбу, чтобы сбросить ее на головы осажденных.

Незаметно он добрался до западного края плато. Здесь раскинулось горное озеро, и даже издали он рассмотрел деревни на противоположном, пологом берегу.

Их догадка оказалась совершенно верна. Впрочем, он и прежде в этом не сомневался. Когда-то эти поселения уже существовали здесь, но зембабийцы попытались избавиться от неприятных соседей, и во многом это им удалось. По крайней мере, с берегов озера они йезмитов прогнали, но дальше дело не пошло. Тогда дикари использовали крылатых драконов и, видимо, что-то еще, что так и осталось неизвестным. В конце концов деревни оказались сожженными, но люди укрылись в замке, и как ни пытались их выкурить из ущелья, все оказалось тщетным.

Это Север знал давно. Почему война закончилась ничем — это уже другое дело. Он не привык ломать голову над заведомо неразрешимыми вопросами, а потому, выяснив, что отсюда опасность их маленькому отряду не грозит, развернулся и пошел обратно. С него достаточно и того, что он знает: йезмиты не только остались в ущелье Духов, но со временем вернули утраченные позиции и теперь восстанавливают Сторожевую Стену, что может означать только одно: укрепившись на западе, они считают необходимым точно так же укрепиться и на востоке. Верно Соня сказала: не иначе как готовятся к чему-то.

Впрочем, все это не было для Вожака неожиданностью. Пару лун назад они разговаривали об этом с Хэлдиром в присутствии Сони. Тогда они желали, чтобы девушка поняла: *мир уже не таков, каким привыкли видеть его люди*. Мало кто знает об этом даже среди тех, кого принято считать вершителями судеб. Но те, кто представляет, какая угроза надвигается на Хайборию, не в силах что-либо изменить, потому что действуют каждый сам по себе.

— Вот ты где! — услышал он за спиной негромкое восклицание и обернулся, улыбаясь. — Ты чем-то встревожен? — подойдя поближе, обеспокоенно спросила Соня.

— Да, — кивнул он. — Хожу вот, смотрю и думаю, да мысли все невеселые, — признался Вожак. — Хорошо еще, что здесь, на плато, мы в безопасности, да и то если не станем разгуливать по склонам.

— Вот и славно! — беззаботно тряхнула рыжими кудрями шадизарка. — Пойдем-ка пообедаем, а там, глядишь, и препятствия покажутся проще. Все уже готово, — добавила она серьезно.

— Что ж, идем, — согласился Вожак, внезапно почувствовав голод. — Надеюсь, вы огня не разводили? — поинтересовался он.

— Конечно, развели, — хмыкнула девушка. — Да перестань, — добавила она, глядя, как насторожился Вожак. — Дрова сухие, дыма нет, а жаркое, кроме нас, нюхать некому.

Север, похоже, согласился с ней и вновь задумался. Соня вздохнула и пошла следом. Обедали, почти не разговаривая. Вожак выслушал Вулофа,

который более подробно обследовал северную оконечность плато и покрывавшую его лесную чащу, и кивнул, ничего не говоря. Вполне, правда, возможно, что он ожидал именно этого: спуска нет, а в лесу, кроме зверья, никого.

— Да что же тебя так гнетет? — дождавшись, когда он насытится, удивилась Соня. — Мне так кажется, что все как-то слишком уж просто получилось.

— Да ничего меня не гнетет, — ответил Север и обвел присутствующих внимательным взглядом.

Шалло тут же вспорхнула ему на плечо, а Задира прыгнула на колени и, заглянув в лицо, требовательно пискнула. Вожак отрезал каждой по ломтику мяса и, пока они ели, обратился к подруге:

— Я не считаю, что все получилось слишком просто. По пути ведь мы и не ждали осложнений, — видя недоумение на ее лице, пояснил он, — зато сейчас настало время обдумать каждый шаг.

— А! — легкомысленно отмахнулась девушка. — Зачем? Будем действовать как привыкли, и если ничего не выйдет, значит, зря сюда приехали.

— Хорошо, — согласился Вожак, понимая, что большего он от нее все равно не добьется. — Тогда пошли, осмотримся на месте.

— А нам с вами можно? — спросила Гана, переводя настороженный взгляд с девушки на воина.

— Почему бы и нет? — отозвался Север. — Быть может, и в твою светлую голову придет умная мысль, а может, и жрец придумает что-нибудь ценное.

Он посмотрел на митрианца, а тот обвел растерянным взглядом всех троих.

— Не знаю, право, — пролепетал он. — Я никогда прежде не принимал участия в таких делах.

— Ну вот и попробуешь, — пожал плечами Север. — Кстати. Если ты и впрямь уверен, что Митра руководит твоими поступками, так попытайся внушить твоему богу, что, если документы, за которыми мы пришли, останутся здесь или попадут в чьи-то, кроме наших, руки, беды не миновать. — Он говорил совершенно серьезно, но хорошо знавшая его Соня уловила во взгляде серых глаз смешинку. — Пусть помогает.

— Я, признаться, как-то, никогда прежде... — залопотал митрианец но Север остановил его жестом.

— Надо же когда-то начинать делать дело.

Соня тем временем стянула волосы на затылке и вдруг стала походить на готовую к прыжку хищную кошку. Гана сделала то же самое, но ее симпатичное улыбчивое личико так и осталось мордашкой наивно-простодушной красотки. Поверх платья воительница надела темную замшевую рубаху с капюшоном, который закрывал голову почти целиком. Точно такая же спрятала соблазнительные формы ее подруги.

Север стоял рядом и молча ждал, пока девушки переоденутся. Мурзио топтался тут же. Наконец все приготовления закончились, и Вожак, коротко скомандовав: «Пошли», — первым направился к южному краю ущелья. Пройдя совсем немного, он остановился:

— Хочу только напомнить об одном. Вести себя тихо, вперед меня не лезть, с края обрыва не свешиваться, руками не размахивать, не кричать.

— Э, как тебя понесло! — хмыкнула Соня.

— Я говорю это не для тебя, — пояснил Вожак, — а для наших малоопытных друзей.

Соня удовлетворенно кивнула и накинула на голову капюшон. Гана последовала примеру подруги.

— Ты тоже давай, жрец, — улыбнулась красавица.

— А мне-то зачем? — удивился тот. — Север вон не закрывает голову, а у меня тоже волосы темные... — начал было он, но Соня решительно отменила его возражения.

— Зато лысина твоя отражает ослепительное сияние Ока Митры, как зеркало.

Гана расхохоталась, а жрец покраснел и со вздохом натянул капюшон на голову.

Никем не замеченные, они подошли к южному краю ущелья и залегли в кустах акации, что разрослись прямо напротив замка. Вблизи убежище йезмитов производило еще более сильное впечатление, а разглядев его повнимательнее, Соня подумала, что вряд ли эту твердыню можно назвать замком.

Безвестный разведчик явно привнес в рисунок то, чего не было на самом деле. Соня подумала, что, скорее всего, он просто побоялся изобразить на пергаменте увиденное и решил упростить свою задачу, придав крепости более привычный вид. Впрочем, он зря опасался. На самом деле крепость была не менее грандиозной.

Соня посмотрела по сторонам и осторожно заглянула вниз. Гана последовала ее примеру, но, когда она увидела почти на самом дне глубокой пропасти поперечину подъемного моста, сердце ее чуть не остановилось. Она против воли начала потихоньку съезжать под уклон. Через мгновение девушка уже представила себя летящей вниз. Представила, как тело ее падает, переламываясь о доски моста, и сил не хватило даже на крик. Север схватил ее за рубаху на спине и легко, как котенка, втащил на место.

— Я ведь просил, — сердито заметил он, — не лезть вперед и не высовываться, а ты кивала.

Гана ничего не ответила. Она только жадно ловила ртом воздух да дикими глазами смотрела на Вожака, похоже, даже не понимая, что он ей говорит.

Соня ухмыльнулась. Со своего места она прекрасно видела не только громаду замка, но и все ущелье, начиная от голубого озера на западе и заканчивая Безымянной рекой, что бежала на востоке. Горлышком огромной бутылки озеро вытягивалось на восток, к тому месту, где замок подпирала с севера исполинская стена, с которой вода с ревом срывалась вниз, разбиваясь на мириады мельчайших брызг.

На рисунке замок имел форму полукруга, выступающего внутрь ущелья, но на самом деле убежище йезмитов представляло собой огромный неопределенной формы уродливый нарост на скале, мощными кривыми пластами уходящий книзу и внутрь. Ни забраться по такой стене, ни даже спу-

ститься по ней было невозможно. Перед самым мостом зиял проем огромных прямоугольных ворот. В глубине их Соня увидела поднятую решетку, гораздо более крепкую, чем та, сквозь которую они проехали, пробираясь через Сторожевую Стену.

Вот уж что действительно соответствовало плану, так это огромная куполообразная крыша, но и она больше напоминала гигантскую шляпку гриба, явно несоразмерную с ножкой. Она выступала наружу значительно дальше, чем можно было судить по рисунку. О том же самом говорили и окошки, оказавшиеся на поверку несколько меньше тех, что изобразил когда-то безвестный рисовальщик.

Теперь Соня не сомневалась: он намеренно искажал пропорции, ибо знал, если он нарисует то, что увидел на самом деле, никто просто не согласится на такое дело.

Окошки производили удручающее впечатление. По их размерам воительница попыталась представить величину внутренних помещений и не смогла, потому что они казались просто темными точками на стене. Тогда она перевела взгляд на араукарии, которые росли на противоположной стороне. Если они были не выше тридцати локтей, и то высота замка получалась весьма внушительной. Локтей двести, да и то если предположить, что в крыше пустот нет, а подвальные помещения не уходят слишком глубоко в скалу.

Соня оторвалась от созерцания, перевела взгляд на своего спутника и подумала, что его вовсе не

поразила эта громада. Едва почувствовав, что девушка смотрит на него, Север заговорил.

— Станный какой-то замок,— почти дословно повторил он высказанную в Логове мысль.

— Я вижу ворота, но где же окна? — удивленно спросил Мурзио, все это время старательно вытягивавший шею.— Разве здесь можно жить?

— Можно,— кивнула Соня.— Это и сделано, чтобы выжить.

Для него и Ганы она пересказала длинную историю вражды зембабвийцев с йезмитами, тянувшуюся, казалось, нескончаемо долго и закончившуюся тем, что поклонники Йезуда покинули берега озера, но их так и не сумели выкурить из замка, который оказался неприступным.

— Я слышал о летающих драконах,— подтвердил жрец.— О том, что зембабвийцы использовали их в бою, но, признаться, считал это просто сказкой. Хотя,— добавил он, помолчав,— иранистанцы утверждают, что когда-то дикари совершали набеги и на их страну.

Он еще раз внимательно посмотрел на единственный ряд маленьких окон-бойниц, спрятавшихся под самым козырьком крыши.

— Да,— согласился митрианец,— если драконы тяжелы и не могут висеть над одним местом, то их седокам не добраться до окон. Они только подставят себя под стрелы лучников.

— Ты верно мыслишь,— кивнул Север.— Воины-йезмиты остались в своей крепости. Те, что ушли, переждали какое-то время поблизости и вернулись обратно. Что была война, что ее не было...—

Он повернулся к своей спутнице: — И что видит Соня?

— Крепость,— хмуро ответила та.

— А что видит Гана? — поинтересовался он.

— То же самое,— пожав плечиком, ответила девушка, но в отличие от своей подруги равнодушно: ей-то туда не лезть.

— Я так понимаю, что и Мурзио не увидел ничего особенного? — обратился он к зингарцу.

— Что это ты развеселился? — неодобрительно взглянула на него Соня.

— Стараюсь казаться веселым,— хмыкнул Север и уже серьезнее добавил: — Ну и что ты думаешь о том, как мы проберемся внутрь?

— Не знаю,— проворчала она.— Не знаю даже, проберемся ли вообще, но если и проберемся, то точно не через ворота... И не через бойницы,— подумав, добавила она.

— Верно,— согласился Север.— Я уже и не говорю о стражниках, что маячат и там, и там.

Гана снова свесилась с края обрыва, но на сей раз осторожнее, и увидела вышагивающих по мосту стражей.

Остальные последовали ее примеру и некоторое время всматривались в дно ущелья.

— Жаль, что стена так сильно выступает наружу,— заметил Мурзио.— Вон тот карниз,— он махнул рукой в сторону выхода из ущелья,— начинается у самой земли и заканчивается почти на уровне моста.

— Все правильно,— согласился Север.— Этот карниз и оставили только потому, что по нему

никуда не добраться. Равно как и по его продолжению с другой стороны замка.

— Похоже, мы не ошиблись,— заметила Соня.— Иезмиты хорошо позаботились о своей безопасности.

— Что же вы пришли, ничего предварительно не разузнав об этом месте? — покачал головой Мурзио.— Достаточно лишь взглянуть на замок снаружи, чтобы понять, что внутрь не попасть.

— Узнали, что смогли,— не оборачиваясь, ответила Соня.

Жрец недоуменно пожал плечами и спорить не стал: не его это, в конце концов, дело.

— А что это за дыры в горе? Справа от крепости? — спросила вдруг Гана.

— Наша единственная надежда,— призналась Соня.— Говорят, среди них есть несколько дымоходов, и если через них мы не проникнем в замок, то можем сразу отправляться обратно.

— Далековато,— заметил митрианец, прикидывая на глаз расстояние.— Не меньше тысячи локтей.

— Верно,— согласился Вожак,— но это говорит лишь о ее размерах, а дым, которым тянет из дыр, о том, что где-то в ее недрах разводят огонь.

— Ну хорошо,— вновь заговорила Гана, которая, похоже, уже пришла в себя.— Попадете вы через дымоход внутрь. Дальше-то что? Вон он какой огромный! Где вы там станете искать ваши карты?

— Придется Задире побегать, пока мы не выясним, где что находится. И тогда у нас останет-

ся только одна ночь... А уж там — повезет, не повезет — придется бежать без оглядки.

— Но ведь это же верное самоубийство! — не сдержавшись, вскричала девушка.

— Самоубийство или нет, узнаем после, но и вы тут не расхолаживайтесь, — ответил Север.

— К-как это? — заикаясь, переспросила она.

— Чего непонятного? — удивилась Соня. — Мы переправляемся на ту сторону, а вы с волками остаетесь здесь, стеречь коней.

— Так что спать вам придется по очереди, — усмехнулся Север и обернулся к своей подруге. — Ну как? Ты все еще считаешь это приключением?

— Давай подождем, когда все закончится, — предложила она, — и тогда посмотрим.

— Разумно, — хмыкнул Вожак. — Тогда призови на помощь свою удачу. Сдается мне, она нам понадобится, и очень скоро — ночью.

— Уже?.. — прошептала Гана и округлившимися глазами посмотрела на своих друзей.

Они казались ей некими сказочными героями, о которых она слышала в детстве, но, взрослая, все меньше верила, что они существуют, а теперь убедилась, что детские сказки и не сказки вовсе. Вот они, герои, без страха вступающие в борьбу со злом! Они просто так, не задумываясь, спасли ее, увезли из Ямы, без особых усилий расправились с дикарями, собиравшимися сжечь Мурзио, а сейчас вот готовы проникнуть в самое сердце оплота йезмитов...

— Перестань забивать себе голову глупостями! — прикрикнул на нее Север и погрозил девушке пальцем.

Откуда он узнал, о чем она думает? Впрочем, на то он и герой! И она вновь посмотрела на воина, на сей раз уже как на бога.

* * *

Ближе к вечеру началась подготовка. Север сложил в одном месте поклажу, снятую со всех вьючных коней, и принялся распаковывать тюки и баулы, о содержимом многих из которых не догадывалась даже Соня. Гана с Мурзио, естественно, находились тут же. Они и вовсе не имели представления о том, что хранится в мешках, но тем сильнее распирало их любопытство. Даже Задира с Шалло шныряли по вещам, лезли Северу под руки и, видя, что он терпит их выходы, лишь прогоняя то одного, то другого, но не наказывая, окончательно обнаглели и принялись самостоятельно распутывать узлы, которые упорно не желали поддаваться.

Задира хваталась передними лапами за кончик жгута и тянула изо всех сил. Глядя на нее, Шалло вцеплялась клювом с другой стороны и тащила к себе, но и так у них ничего не получалось. Кончилось тем, что они разругались. Причем ни одна не желала признавать своей вины. Какое-то время они препирались, карканьем и визгом выражая свои чувства, пока наконец Задира не выдержала и не перешла к решительным действиям. Она подскочила вплотную к вороне, пропищала нечто оскорбительное настолько, что Шалло замерла с раскрытым клювом, с громким визгом бросилась ей на шею и обхватила передними лапами, пытаясь повалить.

Ворона, однако, уже давно переросла свою подругу, так что замысел не удался. Страхнув с себя нападавшую, Шалло взмахнула крыльями и устроилась на ветке ближайшего дерева. Задира осталась на месте, победно уперевшись передними лапами в бока.

— Кр-рыс ненавижу! — на удивление чисто и совершенно неожиданно для людей прокаркала со своей ветки Шалло, заставив жреца замереть с открытым от удивления ртом:

— Ворон не терплю! — не осталась в долгу Задира, и хотя первая говорила на вполне человеческом языке, а вторая передавала мысли не собственными крысам щелчками, стрекотом и попискиванием, не только Соня с Севером, но и остальные прекрасно поняли обеих.

— Что еще за дразги?! — прикрикнул на ссорящихся Север. — Нашли время! А ну-ка подойдите сюда обе!

Соня стояла рядом и с усмешкой наблюдала за ними. Гана с Мурзио застыли на месте: одно дело знать, что животное разумно, и совсем иное — убедиться, что разум пробуждает черты, совершенно необычные для зверя. Задира ловко перескочила на соседний тюк и встала перед Вожаком, всем своим видом выражая смирение. Шалло спланировала, опустившись чуть позади нее, и медленно и настороженно начала придвигаться боком. То ли случайно, то ли намеренно Задира чуть шевельнулась, и Шалло тут же остановилась.

— Ключу, — на всякий случай предупредила ворона.

— Укушу! — не оборачиваясь, щелкнула острыми зубами Задира и гневно передернула длинными усами.

— Никто никого не клонет и не укусит, пока мы не уберемся отсюда. — Север говорил с ними серьезно, как разговаривал бы с Ганой или с Мурзио. — Обещайте мне это немедленно, иначе прогону обеих!

Вожак говорил, а зверюшки вздрагивали при каждом его слове. Он ткнул пальцем в Задиру, опустившую голову, и та робко взглянула на него. Выглядела она настолько виноватой и растерянной, что люди едва сдерживали смех.

— Если останешься, тебе придется выполнять наши приказы и защищать нас и свою подругу! — Он показал на Шалло. — Согласна?

Та подняла голову и, кивнув, ткнулась мокрой пуговкой носа в кончик пальца Вожака, словно поцеловала ему руку, присягая на верность.

— Хорошо. Ну а ты что скажешь? — обратился он к вороне.

Та подпрыгнула и, взмахнув отливающими синевой черными крыльями, ловко спланировала прямо на подставленную руку.

— Ты слышала, что я говорил Задире?

— Д-р-а, — кивнула ворона.

— Ты согласна помириться?

— Д-р-а, — снова ответила она.

— Тогда идите, — сказал Север и поставил Шалло рядом с Задирой.

И они пошли, настороженно и недоверчиво поглядывая друг на друга. Добравшись до края

тюка, они остановились, наблюдая за приготовлениями, только теперь уже молча и ни во что не вмешиваясь.

Север принялся за прерванную работу. Он развязал тесьму на одном из тюков, самом мягком и самом легком. В нем лежали смотанные в клубки разных размеров веревки. Он взял в руки несколько штук. Соня потянулась к одному из них, Гана и Мурзио тоже не устояли перед соблазном и недоуменно рассматривали толстые нити, похожие на деревенскую пряжу, только очень нежные и ровные. Шалло и Задира подошли ближе, но вели себя по-прежнему тихо. Вестница на ветке старательно делала вид, что ей неинтересно, но время от времени все-таки искоса посматривала на людей. Волки отдыхали. От тюков не пахло съестным, а остальное их не волновало.

Из всех присутствующих только Север и Соня знали, зачем нужны канаты, в необычайной крепости которых уже имели возможность убедиться на тренировках в Логове. Гана же и Мурзио даже не слышали о них и теперь с недоверием рассматривали мотки странной, зеленоватой пряжи. На клубке висела бирка, на которой стояла цифра 500.

— Что это? — спросила Гана у Севера.

— Длина, — ответил он.

— Пятьсот локтей? — удивился Мурзио. — А в этом клубке — тысяча. Что вы собираетесь делать с целым мешком веревки? — удивился он.

Он вытянул из клубка кончик веревки и прикинул на глаз ее толщину. Она оказалась тонкой, как нежный побег, проклюнувшийся по весне из

почки, так что, взвесив моток на руке, Мурзио поверил: здесь и впрямь могла поместиться тысяча локтей такого шнура. Вот только к чему он, да еще в таком количестве?

— Что рассказывать? — Север пожал плечами. — Увидишь.

Он перешел ко второму тюку. Тот оказался гораздо тяжелее первого, и, когда Вожак поднял его, внутри что-то звякнуло. Север распустил стягивавшую мешок тесьму и начал доставать из него сверкавший на солнце инструмент. Сначала он вынул пару связок отмычек, затем несколько стальных зажимов разной формы и мешочки, в которых тоже что-то позвякивало.

— Аг-га-а! — встрепелась Шалло и, взъерошив крылья, прыгнула на соседний мешок, но здесь, памятуя о данном Вожаку слове, остановилась. Впрочем, и Задира не отставала от подруги.

— Если что-нибудь пропадет, пеняйте на себя, — предупредил их Север и занялся своими делами.

Он достал две пары странных на вид перчаток, одну из которых передал Соне, и, расположившись на траве, натянул свою на руки.

— Что это? — недоуменно прошептала Гана.

Перчатки, снабженные коваными стальными пластинками, скрывали внутри ладони некое приспособление, назначения которого она никак не могла понять.

Сперва ей сторяча показалось, что это когти, чтобы сподручней драться голыми руками. Ей тут же сделалось страшно. Куда же они собрались,

если вместо мечей придется использовать когтистые перчатки? А главное — против кого?! Однако почти сразу она поняла, что ошиблась: на когти эти железки мало походили. Страх ушел так же быстро, как возник, зато теперь она и вовсе не понимала, зачем им эти странные перчатки. И только когда Север, а следом за ним и Соня проверили их подвижность и вдруг начали хвататься за кончик веревки из клубка, она начала сообщать, что к чему. Однако не только она.

— Вы что же, хотите забраться куда-то по этим ниткам? — вскричал изумленный жрец.

Север пожал плечами и не стал ничего объяснять.

— Ты попробуй порвать ее, — просто предложил он.

И Мурзио тут же начал пробовать, причем с упорством фанатика, который вознамерился во что бы то ни стало доказать свою правоту. Вожак как будто забыл о нем. Он вынул из мешка две пары сапог — для себя и Сони — и, быстро надев свою, попробовал, как обувь сидит на ногах. Соня последовала его примеру. Всего этого, конечно, они могли и не делать, поскольку снаряжение тщательно проверили еще в Логове. Но девушка понимала: Север хочет подержать в руках каждую вещь, просто для того чтобы почувствовать ее, как мастер чувствует инструмент, который может понадобиться ему в работе, и долго привыкает к смене даже одного из них.

Вскоре на свет появилось оружие, и Мурзио, упорно не желавший прекращать своих бесплод-

ных усилий, начал отвлекаться, чтобы покачать головой и подивиться обилию орудий убийства. Север достал два больших колчана из тисненой кожи, проверил лежавшие в нем стрелы. Затем извлек аккуратно увязанные пучки стрел, которых вполне хватило бы для снаряжения конной полусотни, несколько кинжалов различной ширины и длины. Следом он вынул несколько наборов метательных ножей — остро отточенных кусочков смертоносной стали без рукоятей — и ножны к ним. Каждый из кожаных футляров в зависимости от крепления (на плечо, на бедро, на пояс) вмещал от десятка до полусотни клинков.

Отдельно легла небольшая булава Севера, с которой он старался не расставаться. Она выглядела неправдоподобно маленькой, игрушкой, а не оружием, но многие поплатились жизнями за такое заблуждение. Сердцевину шара составлял необычайно тяжелый металл, облитый слоем закаленной, снабженной шипами стали. Этой булавой Север мог проломить любой панцирь.

К этому времени Шалло с Задирой уже забыли о взаимных обидах и теперь прыгали от одной кучки аккуратно разложенных на траве предметов к другой, дивясь их обилию и разнообразию.

Север извлек доспехи для себя и своей подружки, но пока не стал надевать их. Наконец он вынул прямоугольный футляр из буйволового кожи, явно превосходивший размерами все остальное. Вожак положил его на траву и достал последний футляр, вдвое короче первого, но такой же широкий и оттого казавшийся более тяжелым. Оба ук-

рашали затейливые узоры, в которых Соня узнала древние гиперборейские руны, но прочесть надписи не смогла.

Она вопросительно посмотрела на Вожака, но того совершенно не занимал смысл надписи. Его интересовало только содержимое футляра. Он расстегнул застёжки и откинул крышку, которая послушно легла на траву.

Первым делом воин вынул деревянный приклад, какие Соне приходилось видеть у дамских арбалетов, с которыми забавлялась знать в Зингаре и Аквилонии, с той лишь разницей, что этот приклад существовал сам по себе. Соня только успела подумать об этом, как Север достал сложной формы стержень, присоединил его, нажал, повернул... Что-то щелкнуло, и стальной стержень словно прирос к прикладу.

— Я и не знала, что мы везем с собой эту штуку, — сдержанно заметила Соня.

— Везем, везем... — словно бы мимоходом ответил Вожак, выуживая из футляра следующую деталь.

Ею оказался не слишком длинный — примерно в полтора локтя — прямоугольный в поперечнике стержень, походивший на кузнечную заготовку для доброго кинжала, но с прорезами на концах.

— А это что? — удивилась Соня.

— Ты наверняка уже догадалась, что я собираю арбалет?

— Да догадалась я, догадалась! — ответила девушка. — Что это за болванка?

— Это лук.

— Лук?

— Ну да. — Он пожал плечами. — Просто спущенный пока.

— Интересно посмотреть, как ты станешь его натягивать, — проворчала девушка, отходя в сторону.

— Сейчас и посмотришь, — ухмыльнулся он. — Далеко только не уходи, поможешь.

— Если ты думаешь, что я стану гнуть за тебя эту железку...

— Да нет, нет. Успокойся. Просто вложишь тетиву — и все.

Север вынул из футляра бронзовый прут с двумя шариками на концах. Держа за середину, он протянул его девушке, и шарик на верхнем конце закачался. Соня осторожно взяла тетиву, твердую, как сталь, но необычайно пластичную. Ей пришла в голову дикая мысль, но она тут же осуществила ее и ахнула. Тетива свободно завязалась узлом. Не веря своим глазам, она потянула за горошины на концах, и кольцо начало уменьшаться. Север с усмешкой наблюдал за ней и, только когда узел почти затянулся, остановил девушку.

— Все хорошо в меру, — заметил он, отбирая блестящую игрушку. — Смотри. — Он взял в одну руку то, что назвал луком, а во вторую — тетиву и, вложив ее в прорезь на торце, втянул горошину в выемку. — Видишь? — спросил он и, когда девушка кивнула, продолжил: — Я натяну лук, а ты укрепишь второй конец тетивы. Сможешь? — спросил он насмешливо.

— Чего проще...— ответила она, со скрытым интересом ожидая, как он станет гнуть металл.

Север тем временем зажал в развернутых ладонях полосу вороненой стали, с одного торца которой, раскачиваясь, свешивалась золотистая тетива.

— Ты готова?

Он посмотрел на девушку, и та кивнула. И тут произошло нечто странное. Север уперся локтями в колени. Его руки не изменили положения, они просто напряглись, но... В считанные мгновения и без того могучие руки воина превратились в невообразимо прекрасное и в то же время внушающее ужас переплетение мышц, о существовании большинства из которых обыкновенный человек даже не подозревает. Стальная болванка начала изгибаться.

— Давай,— почти беззвучно скомандовал Север.

— О, Митра...— прошептал стоявший рядом с ним Мурзио и перевел взгляд с рук Вожака на его совершенно спокойное лицо. «Да человек ли он?» — со страхом подумал жрец.

С легким щелчком шарик лег в лунку.

— Тетиву поправь,— прошептал Север.

Соня аккуратно вложила оба края в прорезь и слегка потянула тетиву за середину.

— Руки береги, отпускаю.

— Давай!

Он мгновенно расслабился, упал на спину и закрыл глаза. Его могучие руки мелко дрожали, и Соня подумала, что такие усилия ни для кого не проходят даром.

— Можно? — попросила Гана, указывая на собранный лук.

— Осторожней только,— не открывая глаз, сказал Север.

— Верно,— согласилась Соня, отдавая подруге тяжелую игрушку.— Не сломай.

— О боги! — простонал Север, садясь.— С вами не соскучишься.

Он посмотрел на девушку, которая, зажав в слабой руке неподъемное оружие, второй упорно пыталась оттянуть тетиву, но та не желала сдвигаться ни на волос.

— Напрасно стараешься,— усмехнулся Вожак, растирая ладонями мышцы.

Гана не стала спорить. Она только сокрушенно вздохнула и сердито перевела взгляд на свои руки, словно те в чем-то перед ней провинились. Мурзио последовал ее примеру, но выглядел жрец более плачевно. Он решил-таки больше не испытывать шнур на прочность и теперь горестно смотрел на ладони, покрытые водянистыми пузырями, и на сочившуюся из них влагу.

— Болят? — сочувственно поинтересовалась воительница.

— Болят,— смиренно согласился митрианец.— Наказание за гордыню,— пояснил он.

— Что же ты, жрец? Знаешь, что гресишь, и все равно это делаешь? — насмешливо спросила она.

— Сет искушает нас...— со вздохом изрек тот.

Север, все это время с интересом прислушивавшийся к их разговору, наконец решил вмешаться.

— Как-то у тебя все просто получается. Все, что в человеке хорошего,— от Митры, а что плохого — от Сета,— говорил он, одновременно прилаживая лук к собранной ранее станине.

— Но разве же это не очевидно? — удивился Мурзио.

— Настолько не очевидно,— наставительно заметил Север,— что мне такие рассуждения и в голову никогда не приходили.

Мурзио хотел возразить, но сдержался.

— Как же тогда существует человек, если его действия не направляют дурные и добрые силы?

— Дурные и добрые силы? — переспросил Север.

— Да,— смиренно подтвердил Мурзио, хотя в голосе его и чувствовалось торжество.

— То,— ответил Вожак,— что толкает человека на поступки, что ты называешь добрыми и злыми силами, на нормальном языке зовется всего лишь желаниями.

— Да! Но кто внушает нам наши желания?! — запальчиво воскликнул митрианец.

— Тут ты прав,— согласился Север.— Именно в этом и состоит разница между, скажем, мной и тобой.

— Что ты имеешь в виду?

— Я предпочитаю лично отвечать за свои поступки, а не искать оправдания в мнимых происках Сета, Нергала, Деркэто или кого-то еще.

— Так ты считаешь, что неподвластен воле богов?! — закричал жрец, в ужасе закатывая глаза.

— Я не могу утверждать этого,— признался Север, подумав,— но и доказать обратное — тоже.

Мурзио возмущенно фыркнул, но, поскольку возразить ничего не смог, предпочел просто отойти в сторону.

Вожак, видя, что собеседник не склонен продолжать беседу, пожал плечами и вернулся к прерванной работе. Зингарец же задумался. Возмущение его улеглось быстро, ибо он понимал: Север принадлежит к тем редким людям, кто имеет собственные убеждения и так просто не отказывается от них.

В войне чувствовалась внутренняя сила, которая слагалась не только из силы физической и силы духа, но и из глубокой убежденности в своей правоте, которая проистекала из знания и опыта.

Как ни странно, при разговоре с ним Мурзио чувствовал себя не вестником воли Светозарного Митры, несущим свет божественной истины, а неопытным школяром, упражняющимся в пустом споре с наставником, который снисходительно отбивает неуклюжие выпады ученика.

Но разве так может быть?! Ведь он высказывает не собственные незрелые выкладки, а излагает сокровенную истину, мудрость которой выдержала многовековую проверку жизнью. Почему же тогда он пришел в такое смятение от простых слов этого зверопоклонника? Почему суждения Севера заставляют его мысли метаться? Почему он почувствовал себя раздетым и выставленным напоказ? Ведь такого с ним не случилось никогда прежде!

Несчастный жрец попытался успокоиться и довольно быстро пришел в себя, но вопрос так и остался без ответа. «Так в чем же причина?» —

спрашивал он себя раз за разом, пока разгадка, еще смутная, не начала вырисовываться перед ним: Север не признавал в этом вопросе роли чувств, а все доказательства митрианца обращались именно к ним. Вечная Истина, ради которой он, Мурзио, не раз рисковал жизнью, для этого воина — пустые слова. Нет, нет! Такого просто не может быть! Должна отыскаться слабина и в его рассуждениях!

Зингарец попытался рассуждать холодно и логично — так, как рассуждал его противник. Но чем больше жрец думал и сравнивал, чем больше вспоминал случаев из собственной жизни или тех, которым оказывался простым свидетелем, тем больше убеждался в том, что Вожак прав. Все, о чем говорил митрианец, опиралось на суждения богословов, почерпнутые им из священных книг, но никак не из жизни. Более того, каждый из приводимых им примеров можно истолковать не только так, как привык это делать он, в свете учения Митры, но и иначе, если посмотреть с позиций Севера. Но ведь это не доказывает ни ошибочности веры в Светозарного, ни правоты Севера! Мурзио чуть не издал торжествующий вопль, но вовремя спохватился: ведь воин и сам признает, что не пытается опровергнуть митрианство, а всего лишь излагает свое мнение.

Почувствовав, что вконец запутался, Мурзио потрянул головой, словно сбрасывая наваждение. Он искоса посмотрел на Вожака и увидел, что тот встал наконец со своего места, похоже, закончив сборку арбалета.

«Ладно, — решил он, — Север слишком умен. Вот уйдет он, уведет с собой рыжекудрую насмешницу, тогда и посмотрим, что сможет ответить на те же вопросы Гана!» Ему, правда, и самому не слишком нравилась эта мысль. Если идея верна, она пробьет себе путь, несмотря ни на какие преграды. Он отчаянно гнал от себя сомнения, но чувствовал, что привычная почва уходит из-под ног.

Север стоял, держа в руках только что собранное оружие и в последний раз придирчиво проверяя все детали и соединения. Гана и Соня смотрели на арбалет с не меньшим интересом, чем его хозяин. Мурзио подошел и остановился рядом.

— Что-то особенное? — спросил он просто так, и кивнул на оружие.

Изящный приклад из полированного дерева, украшенный замысловатой резьбой, составлял единое целое с мощным, но не громоздким ложем. Лук отливал густым синим цветом, «золотая» тетива ослепительно сверкала на солнце.

— Зачем он нам? — поинтересовалась Соня. — Такие лебедки я видела только на осадных арбалетах, а этот похож на охотничий.

— Верно, — кивнул Север. — Он и по силе не уступит осадному. А нужен он нам... Чтобы перебраться через ущелье.

Зная по опыту, что Вожак всегда отвечает за свои слова, она не стала спорить, а лишь пожала плечами. Север же открыл второй футляр и, достав из него короткую арбалетную стрелу, принялся крутить рукоять. Соня не понаслышке знала, что такое взвести тяжелый арбалет, и по тому напря-

жению, с каким это проделывал Север, поняла, что он поскромничал, говоря о том, что собранное им оружие равно по силе осадному арбалету. Эта игрушка явно была мощнее.

— Ну и что дальше? — настороженно улыбнулась Соня. — Посадишь меня на стрелу и отправишь в полет?

— Можно сказать и так, — с улыбкой ответил Север. — Хотя на самом деле все несколько проще.

— Я так и думала! — в досаде воскликнула воительница, угадав, что он имеет в виду.

Воин же отложил оружие в сторону, взял моток тончайшего каната и, тщательно расправив, положил его под мощной ветвью букса, который рос на краю скалы. Перебросив конец каната через ветвь, Север замысловатым узлом привязал его к крохотному колечку на оперении стрелы, которое Соня заметила только сейчас.

Девушка понимала, что задумал Вожак, и ей это не слишком нравилось. Особенно когда она подошла к краю пропасти и посмотрела вниз. Она, конечно, и в Логове знала, что им придется переправляться через ущелье, но сейчас предстоящее путешествие выглядело уже не столь привлекательно. Соня никогда не страдала ни от недостатка смелости, ни от отсутствия решительности, но и болтаться на нитке над бездонной пропастью ей совсем не хотелось.

— Не проще ли перебраться туда обычным способом? — недовольно проворчала она.

— Ты имеешь в виду?... — И он изобразил пальцами идущего человека.

— Ага! — с готовностью согласилась она. — Простенько и без затей.

Гана прыснула, поддерживая подругу, а Мурзио будто не услышал ее. Похоже, он все еще пытался ответить на мучившие его вопросы.

— Ты права, — согласился Север. — Прогуляться, конечно, проще. Но мы почти у цели, до сих пор не обнаружены, и я не хочу рисковать.

С этими словами он кивнул Вестнице. Ворона взмахнула крыльями и полетела через пропасть. Соня поняла, что задала глупый вопрос. Арбалет ведь они привезли с собой. Значит, еще в Логове он уже знал, что в эти горы они поднимутся лишь раз. Противоположный, южный склон ущелья несколько уступал в высоте северному, и некоторое время стоявшие на краю люди наблюдали за летевшей над южным краем черной точкой, пока она не остановилась на вершине одинокого дерева, как раз напротив них. Север, как всегда, успел все продумать и обо всем позаботиться. Но когда?

А как же... Соня отвернулась, чтобы он не увидел выражения ее лица. А как же тогда кони? Их ведь нельзя оставлять без присмотра! Похоже, он с самого начала рассчитывал на спутников... И два свободных коня, взятых как бы на смену, говорят о том же. Вот хитрец! Но если так, то почему он отказался от людей, которых предлагала ему Разара? Уж в любом случае от пары тренированных бойцов было бы больше пользы, чем от красивой, но простой деревенской девчонки и не совсем нормального митрианского жреца!

Соня украдкой посмотрела на Мурзио и улыбнулась: толку от него, как от третьей ноги. Девушка вновь задумалась. А ведь она еще в Яме почувствовала какую-то странность: Вожак словно нарочно подталкивал Гану к потасовке, в результате которой она попала в их компанию! А в Иранистане он вновь выступил в роли спасителя, и оба раза ей даже в голову не пришло, что все это не случайно.

Вот только зачем ему эти двое? Неужели и в самом деле просто для того, чтобы в течение ближайших суток присмотреть за конями? Чуть-чуть... Соня обернулась. Север смотрел на нее внимательным взглядом, словно пытался прочесть мысли девушки.

А может, и не чуть...

Вожак вскинул арбалет к плечу — стрела уже лежала на «золотой» тетиве — тщательно прицелился и выстрелил. Моток тонкого каната словно ожил. Зеленоватая змейка прыгнула вверх, перекинулась через сук и метнулась над пропастью. Обычно полет не то что арбалетного болта, но и выпущенной из лука стрелы невозможно проследить взглядом, но сейчас произошло нечто странное. Время будто остановилось или, по крайней мере, замедлило бег. Как замороженная, Соня следила за полетом вытянувшейся в струну змейки, пока волшебство не прекратилось. Перелет закончился. Это она поняла по тому, как резко выгнулась веревка и тут же безвольно обвисла над ущельем.

— И вы полезете по этой веревочке? — повторила Гана вопрос жреца и в ужасе всплеснула ру-

ками. — Как вы только не боитесь... — восхищенно прошептала она.

Соня ничего не ответила, только сдержанно улыбнулась: обычное, мол, дело. Она и думать забыла, что совсем недавно едва не запаниковала у них на глазах, когда поняла, какое приключение сулит ей выдумка Вожака.

— Когда полезем? — спросила она.

— Как только стемнеет, — ответил Вожак, закрепляя второй конец каната.

— Какие вы бесстрашные, — прошептала Гана, но ни Соня, ни Север ее уже не слышали.

Солнце коснулось нижней кромкой края гор на западе, и приходилось спешить.

— Я переберусь первым, — говорил Вожак, убирая оставшиеся вещи в тюки и откладывая в сторону те два, что собирался взять с собой. — Вещи отправишь следом. — Он показал специальные защелки, с помощью которых тюки должны крепиться к канату. — Сама переберешься после них. — С последними словами он протянул Соне сверток с доспехами. — Переодевайся.

Гана с Мурзио растерянно переглянулись. Если жрец и задумывался, что скоро им придется остаться вдвоем, то девушке такая мысль, похоже, не приходила в голову вовсе. Впрочем, и митрианец, видимо, не предполагал, что случится это так скоро. Однако испугаться они не успели. Север вышел из-за кустов акации, облаченный в доспехи, на первый взгляд не слишком закрывавшие тело. Вслед за ним появилась шадизарка в своих доспехах, которые и вовсе показались Мурзио вер-

хом бесстыдства. Зато Гана восхищенно всплеснула руками. Только теперь она вспомнила, что уже видела ее в таком виде прежде, но сразу после потасовки в родной Яме ее мало интересовали чужие наряды.

— Какая же ты красивая! — восхищенно произнесла она то, что уже не раз говорила подруге.

Север коротко усмехнулся.

— Пора, — сказал воин.

— Но ведь солнце еще не скрылось, — заметила девушка.

— Да, но когда это произойдет, нам придется поторопиться: ты же знаешь, как быстро наступает ночь в этих краях.

Что ж, он опять оказался прав. Север подтащил оба тюка к дереву. Один, с оружием, и впрямь был тяжелым, хотя Вожак и переложил в него далеко не все. Другой же, с веревками и едой, по сравнению с ним казался просто пушинкой.

— Вам не о чем беспокоиться, — сказал Север, обернувшись к Мурзио, который подумал было, что о них забыли. — Вулоф с Вилвой останутся с вами. Они вас защитят, присмотрят за скакунами. Вам придется только проследить, чтобы у коней не спутались и не упали с ног путы. Да, и за костром присматривайте, чтобы не дымил.

Только после этого Север обернулся к волкам, присел перед ними и обнял за шею.

— Ты все понял? — спросил он Вулофа.

— Да... — коротко рыкнул тот.

— Справишься?

— Отдохну...

Север удовлетворенно кивнул и, увидев изумление на лице митрианца, пояснил:

— Это шутка. Привыкай. Кстати, не засыпайте слишком глубоко. Как только Шалло или Вестница сообщат, что надо уходить, вам придется быстро расстреножить коней, оседлать их, собраться самим и ждать нас внизу.

— Где?

— Не знаю. — Воин пожал могучими плечами. — Положись на Вулофа. Он выберет место, а Вестница приведет нас к нему.

— Когда тюки слать?

— Я подам сигнал.

— А я увижу его в темноте? — удивилась девушка.

— Хорошо, я пришлю Шалло, — ответил он, затягивая петли ремня на запястьях. — Ну все.

Север перекинул ноги через канат и быстро заскользил по нему вниз. Гана сдавленно охнула, когда он скрылся из виду. Соня коснулась зеленоватой змейки, почти невидимой в темноте. Нить мелко дрожала. Это длилось недолго, и дрожь вдруг пропала. Все... Сорвался! Ей захотелось закричать, но вместо этого она отругала себя. Канат-то натянут. Словно откликаясь на ее мысли, веревка дрогнула и слегка провисла. Ясно, отцепился.

— Уже там, — сказала она тихо.

И без того огромные глазищи ее подруги сделались совсем круглыми, словно она не сомневалась, что Север просто решил покончить с собой, и теперь бесконечно удивлена, что этого не произошло. Жрец же закатил глаза, и его губы заше-

велились, шепча душеспасительную молитву, но тут Соня отвернулась, потому что раздался шелест крыльев, и Шалло прокаркала:

— Тюки д-р-авай!

Гана, хохотнув, подняла более тяжелый из мешков. Соня тут же ухватила за второй его край, застежка защелкнулась.

— Отпуск-р-ай!

Однако, прежде чем они успели это сделать, Шалло уселась на тюк и расправила крылья:

— Д-р-авай!

Гана от неожиданности выпустила мешок и тут же расхохоталась. Ей все это приключение казалось ужасно страшным, одновременно непередаваемо нелепым и смешным. Тюк с сидящей на нем вороной умчался в ночь, и из темноты до них донеслось затихающее:

— А-ха-ха-ха!

— Я так понимаю, это тоже шутки? — спросил подошедший Мурзио.

— Ага, — ответила Соня неуверенно.

Она и сама еще не успела привыкнуть к стремительной перемене, происшедшей с Шалло, которая долго прислушивалась к людям и вдруг резко заговорила, причем много и охотно. Впрочем, быть может, такие перемены и должны наступать внезапно? Размышляя о своем, Соня забылась и из раздумий ее вывел резкий крик.

— Тюки д-р-авай! — картаво требовала Шалло.

Соня быстро навесила оставшийся тючок и, так же хохоча, смелая птица поехала на нем к противоположному склону, где ее ждал Вожак.

— Ну вот и все, — грустно подытожила Гана.

— Перестань... — Соня ласково погладила подругу по щеке. — Что-то подсказывает мне, что у нас впереди долгий путь и множество приключений.

— Таких, как это? — спросила Гана и покачала головой. — Если так жить, то долго не протянешь.

— Ну что ты, — успокаивала ее воительница. — Просто не забывай думать о том, что случится, если...

— Что если? — не поняла Гана.

— Просто — если... Многое может произойти, но надо обдумывать свои поступки, и ничего страшного не случится.

— Ах, — вздохнула Гана. — Тебя послушать — все легко.

— Тюки д-р-авай! — нахально потребовала Шалло, и Задира возмущенно застрекотала, давая понять, что нет больше мешков — все переправили. — Сама д-р-авай! — каркнула ворона, выразительно мотнув головой в сторону темнеющего провала.

— Что значит, сама давай? — Воительница повернулась к нахалке. — Я тебе дам!

— Кар-раул! — закричала Шалло и, замахав крыльями, скрылась во тьме.

Задира вскочила хозяйке на плечо и погрозила беглянке лапкой.

Соня открыла дверцу закрепленной у пояса клеточки и погладила зверька.

— Забирайся. Завтра тебе предстоит много работы.

Задира пискнула и нырнула в переплетение кожаных ремней. Соня закрыла дверь.

— Тебе страшно? — спросила Гана. — Я бы ни за что не согласилась прыгнуть... Туда. — Она ткнула пальцем в темноту.

— Конечно, страшно, — пожала плечами востельница. — Но страх в таких делах — первейший помощник.

— Правда?! — обрадовалась Гана. — Это хорошо. Ведь оставаться я боюсь еще больше, чем прыгать, — призналась она.

— Вот и прекрасно, — невпопад отозвалась Соня, продевая руки в петли и затягивая их на кистях. — Главное — к краю плато не выходи, а почувствуешь страх, разыщи Вулофа и спроси у него, все ли в порядке? Тебе сразу станет легче. Ну а мне пора.

Она чмокнула подругу в щеку, кивнула здорово перетрусившему Мурзио и, забросив ноги на канат, скользнула в темноту.

* * *

Вестница каркнула, и Север мгновенно проснулся, хотя глаз пока не открывал. Умом он понимал, что это не сигнал об опасности, но многолетняя привычка брала верх. Еще некоторое время он лежал не шевелясь и прислушивался, но ничего, кроме шума бушевавшего водопада, его слух не улавливал.

Губы девушки коснулись губ Севера, и он мгновенно открыл глаза. Она смотрела на него, лукаво улыбаясь.

— Пора. Смотри, какое утро!

— Да я уже давно не сплю, — признался он и потянулся к ней, но, легкая, как лань, Соня вскочила на ноги, отбежала в сторону и остановилась лишь на краю обрыва.

Север поднялся не менее стремительно, в его движениях сквозила грация силы, которая всегда так нравилась Соне.

Остановившись рядом, он обнял возлюбленную за талию. Шалло тут же уселась ему на плечо, а Задира примостилась на плече Сони. Подруги старательно смотрели в разные стороны, будто и не мирились вовсе.

Отсюда, с южного края, ущелье выглядело совсем иначе. Оно вообще имело странную форму: скалистые склоны словно пытались соединиться, но сил хватило лишь на полпути, и вершины оказались почти вдвое ближе друг к другу, чем подножия. Причем северное возвышалось над южным на добрую сотню локтей. Вода бурлила далеко внизу, но облако мельчайших брызг, взбитое водопадом у замка, поднималось даже сюда, и многочисленные радуги вспыхивали в нем и тут же гасли.

— Хватит любоваться, — хмыкнула Соня. — Пора браться за дело.

— Сперва завтрак, — возразил Север. — Неизвестно, когда еще удастся поесть.

Ели торопливо. Теперь, когда цель столь долгого путешествия оказалась близка, обоим не терпелось поскорее начать. И, быть может, оттого, что оба понимали: их черед еще не настал, и многое зависит от везучести Задиры.

Наконец с едой покончили, и Вожак быстро отыскал место, которое они высмотрели еще накануне с противоположной стороны ущелья — широкую, уходящую глубоко в гору трещину, внутри которой могли спокойно спуститься, скрытые от посторонних глаз. Север старательно закрепил конец каната на стволе небольшого, но хорошо укоренившегося деревца и полез вниз. Склон не выглядел слишком крутым, и воин наверняка сумел бы обойтись и без этой страховки, но он помнил, что они собираются уходить тем же путем и, если это будет ночью, лучше ее все-таки иметь.

В ожидании, пока спустится девушка, он осмотрелся. Выветренные скалы совсем не походили на те, что окружали Логово. словно густая сеть горизонтально протянувшихся морщин покрывала стены, дополнительно старя и без того древний камень.

— Пошли!

Соня стянула с рук зажимы и бросила их в поясную сумку. Пройдя по усыпанному мелким рыжим песком дну трещины и приблизившись к ее окончанию, люди осторожно выглянули наружу. Теперь, стоя на карнизе, они поняли, что он еще шире, чем выглядел на рисунке, и даже просторнее, чем показался им с противоположного края.

цепким взглядом Север окинул окружающий мир, опасаясь потаенных застав в противоположной стене, но предосторожность оказалась излишней. Тогда они вышли наружу и осторожно двинулись к высокогорному озеру, из которого выте-

кала река. Здесь карниз несколько сужался. Огромные валуны громоздились на его поверхности, не говоря уж о каменной мелочи. Мимо одного из них пришлось едва ли не протискиваться, настолько он оказался велик. Север обошел его со стороны пропасти и увидел несколько едва заметных уступов. Поднявшись по ним как по ступеням, он оказался на плоской вершине камня и снова посмотрел вокруг. Отсюда весь карниз был виден как на ладони, и Вожаку удалось разглядеть, как опускают мост через пропасть. Это означало, что сейчас снаружи появятся стражники. Воин поспешно спустился.

Впереди уже виднелись отверстия в стене, к которым они держали путь. Через несколько шагов они остановились рядом с ближайшим. Север оглянулся: громада камня полностью загораживала их от наблюдателей в замке и на мосту. Тем не менее он прошел до дальнего из отверстий, чтобы убедиться, что и это место не просматривается. Соня следила за ним с усмешкой.

— Из тебя вышел бы хороший вор,— похвалила она, когда Вожак вернулся к ней, но тут же сменила тему: — В какую дыру ползем?

Север молча поднял вверх указательный палец, призывая то ли к терпению, то ли к молчанию, и снова прошел вдоль отверстий. Все они имели неправильную форму. Вожак присматривался к ним и иногда, как показалось Соне, даже прищелкивал. Несколько раз он заглядывал внутрь и замирал, прислушиваясь. Иногда ему приходилось взбираться вверх по склону, а иногда, наобо-

рот, едва ли не ложиться. Наконец он закончил обход.

— Что вынюхал? — иронично поинтересовалась девушка.

— Полезу в четвертое с нашего края, — не обращая внимания на ее усмешку, ответил Север.

— Ты хотел сказать, что полезет Задира? — уточнила девушка.

— Я полезу, — повторил воин.

— Страсть к приключениям? — улыбнулась красавица.

— Страсть к приключениям тут ни при чем, — объяснил он. — Просто я хочу убедиться, что мы сами сумеем выбраться с той стороны, иначе бесмысленно пускать туда нашу разведчицу.

— А почему именно это отверстие? — поинтересовалась Соня уже серьезнее.

— Все просто, — начал объяснять Север. — Только четыре из них еще пахнут дымом, но в одном из них запах едва уловим. Это значит, что там, куда ведет дымоход, огонь разжигали очень давно — помещением редко пользуются. Еще два пахнут слишком сильно.

— На тебя не угодишь, — хмыкнула Соня.

— Это говорит о том, что через них мы попадем, скорее всего, на кухню, если только не сгорим раньше. Кстати, оттуда же доносятся запахи съестного и голоса. Остается выбранный мною дымоход. Он тоже пахнет дымом, но запах не застарелый, как из первого, и не такой насыщенный, как из двух последних.

— И что это значит?

— Я думаю, что внизу Каминный зал, где проходят праздничные застолья и прямо на огне жарят туши добытых на охоте зверей. Или что-нибудь подобное...

— А ты и впрямь мог бы стать хорошим вором. — Соня вновь посерьезнела. — Но беда в том, что в пиршественных залах давно уже не готовят пищу.

— В Аквилонии — да, — согласился Север. — Но внутренний голос подсказывает мне, что местный владыка не придерживается обычаев цивилизованных стран, — добавил он, улыбнувшись.

— Ты, как всегда, прав. — Красавица ласково обвила шею возлюбленного и впиалась в его губы страстным поцелуем.

Чтобы не надеть лишнего шума, Север снял доспехи и переоделся в холщовую одежду, прихватив с собой только булаву да набор метательных ножей. Тщательно обернув конец каната куском ткани, чтобы не перетерся об острые выступы камня, воин укрепил его на большом валуне, лежавшем подле дымохода, а второй конец не бросил вниз, а спрятал в свою поясную сумку, чтобы стравливать по мере надобности. Свесив ноги внутрь лаза, он обернулся.

— Пожелай мне удачи, — попросил он.

— Возвращайся скорей, — ответила Соня.

Север кивнул и скрылся в дымоходе. Он быстро перебирал руками, а клубок тонкого каната в поясной сумке столь же быстро разматывался. Как он и ожидал, проход оказался вполне просторным, и хотя стены его изобиловали неровностями,

лезть было довольно просто. Обутыми в мягкие сапоги ногами Вожак слегка касался шершавого камня и все глубже опускался в недра горы. Время от времени от поглядывал вниз, но ничего так и не видел. Тогда он посмотрел вверх — туда, где осталась Соня, — и разглядел лишь крохотное пятнышко света.

Тут ему показалось, что он слышит чьи-то голоса. Это было настолько неожиданным, что Север остановился и прислушался, пытаясь понять: не почудилось ли ему? Он неподвижно повис, как паук на нити своей паутины, который ловит ее едва заметные колебания и старается понять, мусор попался в его сети или желанная добыча. Нет, все тихо. Так что же это все-таки было? Зажимом свободной руки он принялся тихонько простукивать стены.

Его окружал сплошной камень, и только звук от ударов по восточной стене отличался от остальных. Там явно находилась пустота, но за каменной перегородкой такой толщины, что он сам удивился, как сумел уловить разницу. На всякий случай Север прижался ухом к стене. В нос ему ударил резкий запах копоти, здесь, на глубине, чувствовался гораздо сильнее.

Нет, тишина.

Так ничего и не услышав, Север продолжил спуск, на всякий случай считая «шаги». Почти сразу вновь послышались непонятные звуки. Он опять насторожился и посмотрел вниз. Теперь он увидел слабые отблески пламени, как ему показалось, на западной стене, которых только что не

замечал. Он быстрее заработал руками, спускаясь, и опять услышал звуки — звуки шагов и хриплые голоса.

Освещенный участок стены быстро приближался. Не больше пяти локтей отделяло Вожака от этого места. Теперь он различал не только языки пламени, но и тени, метавшиеся по стене, словно факелы не висели в неподвижных опорах, а кто-то шел по залу, держа их в руках. Наверняка утренний обход.

Север уперся спиной и ногами в противоположные стены и замер, не желая неосторожным движением выдать своего присутствия. Ему удалось укрепиться, перенести основной упор на ноги, хотя именно здесь лаз стремительно расширялся, превращаясь в чудовищных размеров камин. Воин угадал: внутри очага действительно мог запросто поместиться бык на вертеле.

Пока Вожак не пытался выглянуть наружу. По звуку шагов он понял, что по залу идут шестеро. У всех была одинаковая тяжелая походка людей, которые мало двигаются, зато много едят и пьют. Голоса их были грубыми и хрипыми, странный выговор живо напомнил Северу речь бородатого пленника. Однако смысла разговора Вожак так и не понял: говорили негромко, а многократное эхо, порожденное стенами огромного зала, мешало разобрать слова.

Наконец шаги замерли в отдалении. Послышалось звяканье ключей, затем звук отпираемой двери. Люди вышли, дверь закрылась, замок щелкнул — все. Тишина и темнота.

Север подождал еще немного, желая убедить-ся, что он остался в одиночестве, снял с пояса лампу и открыл заслонку. Желтоватое пятно света упало на покрытый толстым слоем сажи камень. Стараясь не касаться стен, Вожак встал на лежавшую на дне камина решетку и осмотрелся. Огромное помещение тонуло во тьме. Север подкрутил фитиль, и свет стал намного ярче. Он повел лампой слева направо, и луч начал выхватывать из темноты резные кресла с высокими спинками, огромные столы и стоявшие на них тяжелые золотые кубки, отделанные драгоценными камнями. Стены покрывали шкуры львов, леопардов, тигров, на которых было развешено всевозможное оружие.

Одним словом, Север сразу понял, что попал в нужную часть дворца, и почувствовал непреодолимое желание воспользоваться случаем и не мешкая приступить к поискам, но все-таки сумел сдержаться. Так не годится. Наступает день, и в любой миг сюда могут войти. То, что двери закрыты и в зале не остается даже стражи, ничего не значит. Если его увидят, ему останется только бежать, провалив дело. И вряд ли никто не догадается пустить ему вдогонку стрелу. «Нет. Так нельзя», — сказал он себе.

Ему и без того повезло, и этим даром Рока следует распорядиться правильно. Вожак поставил лампу на решетку, направил луч вверх и, достав из поясной сумки почти истощившийся моток каната, обрезал его, выверив длину так, чтобы он не выглядывал из-под верхней кромки камина.

Затем, пожертвовав одним из ножей, привязал его к канату и вогнал клинок в щель. Теперь Задире будет легче вернуться.

Еще раз осмотревшись, Север ухватился за канат и полез наверх. Отсюда светлое пятнышко выхода выглядело всего лишь точкой, повисшей на недостижимой высоте. Все так же слегка касаясь ногами стен, Вожак размеренно перебирал руками, поднимаясь столь же легко, как и спускался.

Вскоре точка превратилась в пятно, и оно все продолжало расти. Когда воин выбрался наружу, солнечный свет едва не ослепил его. Он уселся на камень, прислонился спиной к стене и только теперь понял, что устал. Соня молча смотрела на него, ожидая рассказа. На двух соседних камнях застыли Шалло и поднявшаяся на задние лапы Задира.

— Хорошо! — улыбнулся Север, вдыхая насыщенный влагой воздух.

— Не зли меня... — Рыжеволосая красавица нахмурилась и требовательно посмотрела ему в глаза. — Где был?

— Внизу, — ответил Вожак.

— Что видел? — спросила Соня так тихо, что Север понял: больше тянуть нельзя.

— Похоже, я попал куда надо, — сказал он. — Даже если Задира вернется ни с чем, сегодня же ночью спускаемся.

— Зачем так торопиться? — усомнилась Соня. — Быть может, пусть побродит подольше?

— Не к чему, — убежденно ответил Север. — Внизу пиршественный зал. А помещений в замке, ду-

маю, не много. Чутье подсказывает мне, что документы где-то рядом.

— Ты, оказывается, веришь в чутье,— усмехнулась Соня.

— В свое — да,— серьезно ответил он.— Но дело не во мне. Я очень удачно застал обход. Вооруженный отряд вошел в одну дверь, прошествовал через зал, отпер другую дверь, вышел и запер ее за собой. Так что вполне возможно, Задира сумеет прогуляться только по одному залу.

— М-мда...— протянула Соня, размышляя над услышанным.

— Ты все слышала? — спросил Вожак у зверька, стягивая с рук перчатки-зажимы. Та кивнула.— Попытайся пробраться под дверь. Хотелось бы знать, как расположены залы и комнаты, а также где стоят посты. Поняла?

Задира снова кивнула и громко запищала, пытаясь сказать, что несколько не глупее некоторых двуногих.

— Брось-ка ты этот тон,— произнес Север так же спокойно, как и прежде, но что-то такое появилось в его голосе, отчего Задира мгновенно встала на четыре лапы и заискивающе заглянула Вожаку в глаза.

— Ах-ха-ха! — хрипло захохотала Шалло, сидя на своем камне.

Крыса снова запищала, показывая лапкой на птицу, мол, ее ответ относился вовсе не к людям, а к наглой вороне.

— Ха! — захлебнулась Шалло.— Зар-к-клюю! — закричала она, забив крыльями.

Соня приснула в кулак, а Север стиснул зубы: опять они за старое!

— А ну-ка успокойтесь! — не повышая голоса приказал он.— В Логове разберетесь между собой! А пока извольте делать вид, что не замечаете друг друга! Вам обеим понятно?!

— Др-ра,— нехотя каркнула Шалло и отвернулась.

Тогда Вожак повернулся к крысе, и та усиленно закивала.

— Хорошо,— сказал Север.— Запомни: помещения, люди, ну и все остальное, о чем мы говорили еще в Логове. Но если не сумеешь выбраться из зала, то и не старайся понапрасну. Просто общарь его. Как знать, может, свитки хранятся там.

— Ну, это вряд ли,— вмешалась в их разговор Соня.

— Верно,— согласился Север,— но в жизни всякое бывает. Удачи тебе,— пожелал он на прощание и чмокнул зверька во влажный нос.

Задира поднялась на задние лапки и, заверещав от восторга, сплясала какой-то странный крысиный танец. Соня рассмеялась, а Шалло, сидя на камне, угрюмо проворчала что-то неразборчиво-неодобрительное.

— Иди.

Вожак посадил Задиру на край отверстия, и та, быстро перебирая лапками, побежала по канату.

— Глубоко там? — спросила девушка.

Север вынул из поясной сумки оставшуюся веревку и принялся быстро наматывать ее на локоть.

— Сто,— сообщил он, закончив подсчет.

— Четыреста локтей,— задумчиво заметила девушка.

— Глубоко,— подтвердил Север.— Так что приготовься — выбираться придется тем же путем.

— Ты сомневаешься в моих силах?! — воскликнула она.

— Конечно, нет! — поспешил успокоить ее Вожак.— Но это действительно тяжело.

Он обнял девушку за плечи, и та сразу успокоилась.

— Пойдем-ка поближе к замку. Может, что интересное увидим,— предложил он.

«Интересное» они увидели, едва миновали расщелину в горе, по которой спустились на карниз с вершины плато.

— Похоже на дверь,— задумчиво заметил Север.

— Могу тебя порадовать,— съехидничала красавица.— Это она и есть. Может, постучать?

Она шагнула вперед, но Север остановил ее за руку, словно опасался, что она и впрямь способна сделать это.

— Перестань болтать глупости. На рисунке-то никакой двери и в помине нет.

— Я помню.

— Похоже, она появилась недавно.

Север принялся рассматривать находку. Тяжелая бронзовая плита, утыканная крупными заклепками, загораживала, похоже, действительно недавно пробитый ход внутрь крепости. Время еще не успело оставить на ней следов, и даже поднимав-

шаяся со дна ущелья водяная пыль не имела над ней власти — дверь сверкала, словно золотая.

— Но зачем? — задумчиво прошептал Север.

— Зачем, не знаю,— откликнулась его спутница,— но в том, что мы через нее в замок не попадем, уверена. Она отпирается только изнутри.

— Не нравится мне это...

— Нравится, не нравится — ничего тут не поделаешь,— рассудительно заметила рыжеволосая воительница.— Если нельзя через нее попасть внутрь, может, мы через нее выберемся наружу?

— Хорошо, если так,— с сомнением ответил Север, и они пошли дальше.

Передвигаться пришлось гораздо осторожнее, потому что таких огромных, как в дальнем конце, глыб камня здесь уже не встречалось, а сам карниз и, стало быть, все, что находилось на нем, прекрасно просматривалось с опущенного моста. Конечно, вряд ли стражники станут плясать на осточертевшую им каменную полку, но рисковать понапрасну не стоило.

Они опять пошли вперед, но теперь уже перебираясь от валуна к валуну, и вскоре приблизились к тому месту, что на рисунке называли козырьком или крышей. Вблизи она — как, впрочем, и все остальное — выглядела совсем иначе. Огромное поле с покатыми краями, сплошь усыпанное крупными валунами, возвышалось всего в десятке локтей над их головами.

— Если этими камушками зембабвийцы пытались проломить крышу, то я удивляюсь, почему им это не удалось,— сказала Соня.

Север посмотрел на каменную россыпь. Самый маленький из валунов едва доставал ему до колена, зато самый большой доходил до плеча.

— Я думаю, что зембабвийцы изумились не меньше твоего. Похоже, чтобы пробить этот купол, нужно что-то покрупнее.

— Покрупнее! — фыркнула Соня и замолчала.

— Давай-ка понаблюдаем за воротами, — предложил Север. — Посмотрим, сколько там стражи, а то, не ровен час, придется уходить через мост.

Они нашли укромное местечко между камнями и пролежали почти до полудня, но никого, кроме десятка развалившихся на солнце стражников, так и не увидели. Север поначалу заинтересовался их вооружением, но оно не отличалось разнообразием: не слишком тяжелые топоры, которые при случае можно метнуть, деревянные, оббитые медью щиты да кожаные нагрудные панцири.

— Страшное и коварное оружие в умелых руках, — поделился он впечатлениями с Соней.

— Ну, для этого нужно уметь им пользоваться, — пожав плечами, ответила воительница, — а эти вояки — вряд ли большие мастера. Ручаюсь, что и кинжальчики, что висят у них на поясах, идут в ход в основном за обеденным столом... Ну, если, конечно, они едят за столом, — помявшись, добавила девушка. — Ничего мы тут больше не высмотрим, — заключила она, вставая.

— Наверное, да, — согласился Север.

Они совсем уже собрались уходить, когда среди стражников, развалившихся, словно ящерицы, на камнях, началась легкая паника. Ни с того ни

с сего они повскакивали на ноги, показывая неожиданное проворство и завидную выправку. Все десять верзил выстроились по краям моста, прижав к груди топоры.

Стук копыт они так и не услышали (шум водопада заглушал любые звуки), но через мгновение из чрева ущелья выехал отряд из трех десятков всадников, облаченных в стальные доспехи и вооруженных мечами, щитами и копьями. По сравнению с ними стражники выглядели мужланами, и не годились им в подметки. «Не торопись с выводами, — сказал себе Север, — впечатление может оказаться обманчивым».

Предводитель же отряда выглядел более чем странно. Огромный, как слон, в гигантских ручищах он держал поводья, а похожие на колонны ноги закрывали чуть ли не половину туловища коня. Пузо напоминало пивную бочку, наголо бритая голова покоилась на многослойной жировой подушке, которая заменяла ему шею. Тело гиганта, несмотря на жару, прикрывала полноразмерная кольчуга, и Соне едва не сделалось дурно, когда она попыталась представить, сколько та может весить.

А конь этого чудовища!..

Никогда прежде Соня не видела ничего подобного. Он почти вдвое превосходил размерами нормального скакуна и во всех отношениях был достоин своего хозяина.

Наверное, оба наблюдателя одновременно подумали об одном и том же, потому что на вопрос Сони, не занимаются ли и на юге «усовершенствованием» животных, Север коротко ответил:

— Похоже.— И, подумав, добавил: — И не только животных.

И Соня сразу поняла, что он говорит о чело-векообразном монстре.

— Ты думаешь? — спросила она задумчиво.

— Я много где побывал, милая,— шепотом ответил Север,— я много чего повидал,— продолжал он,— но никого даже отдаленно походившего на этого человека мне видеть не приходилось.

— Я даже представить не могу, что кто-то решил так изуродовать себя.— Соня с сомнением покачала головой.— Думаю, ты ошибаешься. Это просто какое-то уродство.

— Хорошо бы, если так.

— О чем ты?

— Я видел людей, обладавших ненасытным аппетитом, разжиревших настолько, что они не могли передвигаться без посторонней помощи. Одного такого вендийца даже переносили с места на место на огромном специально изготовленном бронзовом подносе. И к пиршественному столу,— делился воспоминаниями Север,— и в ванну, и в спальню. Так он и жил, перебираясь из постели на поднос утром и с подноса в постель вечером. Точнее, его переносили.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Весил тот обжора примерно столько же. Да и внешне не очень отличался.

— Ну вот видишь...— проговорила девушка. Впрочем, не слишком уверенно.

— Да тот человек сам мог только еду в рот класть, на большее у него просто не хватало сил!

А это воин! Одна кольчуга на нем чего стоит,— заметил Север, и Соня вспомнила, что и она об этом думала.— Я уверен, что и меч у него не для красоты. Да и конем себе под стать он обзавелся неспроста...

Воительница только посмотрела на Севера и тут же поняла, что он, безусловно, прав: этот человек действительно воин. Отряд давно скрылся за воротами крепости, но его чудовищный предводитель долго стоял у девушки перед глазами. Она представила себе небольшую армию, состоящую из таких уродов, и вдруг прониклась уверенностью, что они пройдут через всю Хайборию и ничто против них не устоит. Конечно, можно и не допускать рукопашного боя, но кто знает, удастся ли сразить его арбалетным болтом?

— Пойдем-ка отсюда.— Север коснулся плеча девушки.— Что-то я проголодался.

Они осторожно отползли под прикрытие камней. Соня подумала, что Север вовремя вспомнил о еде. Им предстоял целый день вынужденного безделья, и способов развеять скуку у них было не так много. Север, однако, нашел себе развлечение. Сразу после трапезы он еще раз проверил все снаряжение (которое, как отметила про себя девушка, и без того находилось в идеальном порядке) и собрался проверить остальные лазы.

— Хочешь поджариться? — иронично заметила Соня.

Из двух отверстий, что они посчитали дымоходами кухонь, поднимались волны горячего воздуха.

— Есть еще третий лаз,— возразил Вожак, закрепляя на лежавшем рядом валуне конец каната.— Не следует упускать ни одной возможности.

Соня понимала, что он прав, но, как ни странно, предпочла бы, чтобы он остался с ней. Наверное, слишком давно они не оставались наедине.

— Я думаю, наши друзья на том берегу проводят время куда интереснее,— вздохнула она.

— Мурзио, наверное, не тратит времени даром,— согласился Север.

Глаза его подруги округлились от удивления: таких слов она от возлюбленного никак не ожидала. Похоже, в нем начинают проявляться новые, неведомые ей прежде черточки.

— Что ты так удивляешься? — усмехнулся Вожак.— Наверняка почтенный жрец попытается отточить свое искусство убеждения на твоей подруге.

Соня не выдержала и рассмеялась: она-то думала!.. Нет, Север — он и есть Север.

— Думаешь, у него получится? — торопливо спросила она, не желая, чтобы он догадался, почему она смеется.

— Не знаю.— Вожак пожал плечами.— Одно могу сказать точно: либо Мурзио сделает из Ганы святу, либо она из него развратника.

Соня снова рассмеялась и подумала, что интересно будет посмотреть, какое из предположений возлюбленного окажется верным.

* * *

Жрец проснулся в отличном расположении духа. Солнце палило вовсю, но в тени раскидистых

буксов царила приятная прохлада. Девушка давно уже поднялась и, когда Мурзио с наслаждением ополоснул лицо ледяной водой из ручья, позвала его завтракать. Он с удовольствием отметил, что, оказывается, проголодался, как волк. Пригласив его, Гана развернулась и пошла прочь, а зингарец с восторгом смотрел ей вслед, досадуя на себя, но не находя сил отвести взгляд.

С тех пор как митрианец не совсем по своей воле попал в компанию зверопоклонников, он с неудовольствием стал отмечать, что Гана все чаще приковывает к себе его внимание. Но, что самое неприятное, он ничего не мог с собой поделать. Мурзио стиснул зубы и поклялся себе, что ни за что не поддастся на нехитрые женские уловки. Не даст Деркэто — проклятой прислужнице Великого Змея — возобладать над волей Митры!

Приободренный своим твердым решением, жрец заторопился за девушкой. Подойдя к еще горевшему костру, он уселся на мягкий мох перед расстеленной скатертью с едой. Выбор оказался небогатым: жаркое, остатки лепешек да немного майелинов. Мурзио в своих скитаниях привык подолгу обходиться и меньшим, а потому, весело напевая легкомысленный мотивчик, чего уже давно не делал, отхватил кусок мяса и принялся с аппетитом уплетать его.

Вот только откровенно призывные взгляды девушки все больше смущали зингарца. Он вновь поймал себя на том, что и сам смотрит на спутницу вовсе не равнодушно, и с трудом перевел взгляд с ее стройных ножек на далекое озеро. За-

метив его состояние, Гана поднялась и потянулась по-кошачьи, всем телом. Мурзио едва сдержался, чтобы не выругаться.

«Что же ты медлишь, жрец?! — спросил он себя. — Если так пойдет и дальше...» Что же произойдет, «если так пойдет и дальше», он додумывать не стал, опасаясь, что мирское начало победит.

— Послушай, Гана, — дрожащим голосом начал он, — я все хотел спросить...

— Да?

Девушка с интересом посмотрела на жреца. Она-то как раз не испытывала и тени той робости, что терзала митрианца.

— Ты тоже веришь в зверобогов?

— Я? — Она кокетливо пожалла плечиком. — С чего ты взял?

— Ну, ты же с ними, а они... — пролепетал мужчина и, покраснев, умолк под ее насмешливым взглядом.

— Ты ведь тоже с ними, — ехидно заметила девушка. — Расскажи мне о митрианстве, — неожиданно попросила она, усаживаясь рядом.

Мурзио поежился и отодвинулся, стараясь не смотреть на искустельницу.

— Митрианство — самая правильная из религий, — начал он, невольно поморщившись: слово «правильная» ему не понравилось. — Она не просто направляет человека по жизни, но и позволяет ему получить все, что он только пожелает.

— Вот это здорово! — воскликнула девушка. — Пресветлый Митра! — тут же взмолилась она. —

Даруй мне настоящего хлеба — надоели эти пресные лепешки.

Чтобы не мешать священному таинству, она закрыла глаза, вытянула перед собой руки ладонями вверх и принялась ждать. Ничего, однако, не происходило, и просительница уже начала терять терпение, когда услышала, как Мурзио недовольно крикнул. Девушка тут же открыла глаза и удивленно посмотрела на него.

— Но ведь ты же не веришь в Митру! — Он укоризненно покачал головой.

— Ну и что? — удивилась девушка. — Ты ведь тоже не друг Северу, а он спас тебя от смерти!

— Но Север всего лишь человек! — воскликнул жрец.

— Тем более он мог бы спокойно проехать мимо, — резонно возразила она.

— Я не о том, — досадуя на себя, поморщился Мурзио. — Людей много...

— Да и богов немало, — перебила его Гана.

— Верно, — обрадовался он. — И каждый бог поддерживает своих сторонников. И есть еще кое-что, о чем я просто не успел тебе рассказать. Нельзя желать для себя! Нужно непременно заботиться о ближнем и при этом верить... Только в этом случае Митра откликнется на просьбу, понимаешь?

— Чего не понять? — удивилась девушка. — Но ты-то веришь в Митру? — в свою очередь спросила она.

— Конечно! — с готовностью воскликнул он.

— Ну так попроси у него хлеба! — обрадовалась девушка. — Для меня! — добавила она.

И дался ей этот хлеб! Мурзио поерзал на месте, чувствуя, что разговор не получается, и не представляя, как повернуть его в нужное русло.

— Так нельзя! — воскликнул он, понимая, что терпит крах.

Гана надула губки:

— Зачем мне верить в бога, который ничего для меня не может сделать?

— Митра может многое, — возразил жрец. — Но не все так просто, как тебе представляется. Каждый должен думать о каждом... Вот нас двое. Это значит, что ты должна думать обо мне, а я о тебе. Вот тогда все и получится. Поняла? — спросил он, довольный собой.

— Поняла, — с готовностью кивнула девушка. — Я желаю, чтобы ты получил хлеба, — заявила она. — Быстренько пожелай и мне того же.

Она вновь вытянула руки, закрыла глаза и принялась, но ничего не почувствовала. Мурзио едва не застонал от бессилия. Ну сколько же можно!

— Пойми! — воскликнул он. — Нельзя просить у Митры хлеба, мяса, денег. Люди обленятся, перестанут работать и превратятся в нахлебников!

— Ты что, издеваешься? О чем же тогда просить?! — Она посмотрела на него, как на слабоумного ребенка. — Я разговариваю с тобой, понимаю каждое слово, но разрази меня гром, если хоть смутно представляю себе, что ты имеешь в виду!

— Да я говорю о духовных благах! — воскликнул митрианец.

От неожиданности девушка даже опешила: теперь она перестала понимать и отдельные слова.

— Это как? — пролепетала она.

— Ты, к примеру, можешь пожелать мне счастья, — привел он первый попавшийся пример.

— Счастье! — Она смешно оттопырила пухлую губку и пренебрежительно фыркнула. — Я ему о хлебе насущном, а он мне о каком-то, — она pokrutila рукой в воздухе, — счастье! — И с жалостью посмотрела на жреца. — Счастья у меня и у самой навалом! — неожиданно сообщила она.

— Не говори глупостей! — досадливо отмахнулся он.

— Ты мне не веришь? — Девушка состроила ему глазки и придвинулась ближе.

— Я совсем не это имел в виду... — отпрянув, слабо запротестовал Мурзио, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

Поздно. Гана смотрела на него, жемчужными зубками покусывая пухлую губу. Пробежав взглядом по хитро изогнувшемуся телу девушки, Мурзио мысленно воззвал к всевышнему, моля укрепить его ослабшую волю, но, похоже, Митра не услышал и этой просьбы.

Чувствуя, что уже выиграла сражение, она не торопилась. Слегка потянувшись, словно дразня. Губы ее медленно раскрылись в зазывной улыбке. Сердце жреца бешено заколотилось, когда он ощутил, как горячее, податливое тело девушки прижалось к нему, нежные губы ожгли поцелуем. Дрожа, как в лихорадке, он почувствовал, что неизбежные устои его веры дали трещину, которая начала стре-

мительно расширяться, а сам он полетел в мгновенно разверзшуюся бездну, не имея уже сил, а может быть, и желания, удержаться на краю пропасти. Он судорожно вздохнул, а когда ласки девушки стали смелее, выкрикнул что-то бессвязное, и окружающий мир перестал для него существовать.

Солнце поднималось все выше, достигло зенита и так же неспешно покатилося вниз, а Гана все не могла утихомириться. Уже ближе к вечеру она почувствовала, что достаточно вознаградила себя за столь длительное воздержание, и, нежно проворковав: «Отдыхай, милый!» — отправилась готовить ужин. Мурзио благодарно улыбнулся, но даже не открыл глаз. Сил у него не хватило даже на то, чтобы отползти туда, где лежала одежда.

Вулоф выбрался из чащи, но погрязший в грехе жрец заметил его, лишь когда зверь остановился в двух шагах.

— Угодил в ловушку, человек? — совершенно связно поинтересовался зверь.

— С чего ты взял? — ответил он гордо, даже не подумав, что разговаривает с волком.

— Вижу, — сказал волк.

— Пороки мирские, что твое болото — чуть зазевался и пропал, — со вздохом согласился митрианец.

— Жизнь... — отозвался Вулоф и так же бесшумно, как и появился, исчез в зарослях.

* * *

Задира выбралась из лаза незадолго до наступления вечера: слишком быстро для того, чтобы

обежать весь замок, но слишком долго, чтобы исследовать только один зал. Поэтому ее не ждали и обрадовались, заслышав знакомое стрекотание. Крыса взобралась к Северу на колени и, поднявшись на задние лапы, отчаянно жестикулировала.

— Похоже, ей есть что сказать, — заметила Соня, и Задира запрыгала и закружилась на ноге Вожака, соглашаясь со словами девушки.

Шалло что-то недовольно проворчала. Ей явно не нравилось, что соперница оказалась в центре внимания. Правда, сейчас это мало что значило, и Шалло умолкла, успокоив себя тем, что она еще успеет показать себя.

— Что ж, рассказывай, — сказал Север, дождавшись, когда зверек успокоится.

Задира пискнула, выражая готовность.

— Не торопись, — попросила Соня, достала лист бумаги и помещенный в деревянную оболочку уголек для рисования.

Она слушала рассказ Задиры, но понять его оказалось гораздо труднее, чем прежде, потому что никогда еще они не беседовали на отвлеченные темы. Теперь же требовалось говорить о действиях и предметах, которые никогда не попадали в поле зрения зверька и потому вызывали вполне естественные затруднения.

Время от времени им приходилось возвращаться к одному и тому же по несколько раз, задавать наводящие вопросы, но постепенно совместными усилиями они двигались вперед. Соня чертила план, который становился все подробнее. Вскоре

они покончили с первым этажом, то есть с тем, на котором находился Каминный зал, но Задира дала понять, что это еще не все.

Они продолжили работу, и на то, чтобы начертить план следующего, верхнего, этажа, у Сони ушло гораздо меньше времени. Дальше Задира не заглядывала.

— А как ты умудрилась выбраться из Каминного зала? — поинтересовался Север, когда Задира закончила рассказ.

Крыса возбужденно запищала, открыла зубастый ротик и кривым когтем постучала себя по переднему резцу.

— Такой большой человек, — иронично заметила Соня, — и не знает, как крысы попадают туда, куда нет хода.

— Не все так просто, — возразил Север. — Лаз могут заметить.

Но Задира вновь засуетилась, объясняя, что опасности нет: она тщательно смела опилки в места, где их никто не увидит. Ее прямо распирало от гордости.

— Будем надеяться, что так, — не стал спорить Вожак. — Если я правильно понял, верхний зал такой же, как и Каминный. Длина вдвое больше ширины. Вдоль длинной стены три пары дверей напротив друг друга. В одной из торцевых стен — седьмая дверь, а в другой — камин в нижнем зале и трон на его месте в верхнем.

Закончив говорить, Север вопросительно посмотрел на Задиру, и та стукнула себя когтистой лапкой в грудь.

— Значит, мы отпираем торцевую дверь, через нее попадаем в коридор, который разветвляется здесь и здесь. — Он чиркнул ногтем по соответствующим местам рисунка. — Ответвления заканчиваются запертыми комнатами. Коридор изобилует поворотами. Видно, использовали уже существовавший ход, но это нам на руку. Стражники стоят вот в этих местах. Правильно? — Он вновь посмотрел на крысу, и та кивнула. — Хорошо. Значит, мы поднимаемся наверх и тем же путем проходим к торцевой двери Тронного зала. Посты на тех же местах. Тронный зал пуст, как и Каминный.

Перебивая Вожака, Задира вновь заверещала.

— Что-то не так? — насторожилась Соня.

Услышанное до сих пор не вызывало у нее вопросов. Все казалось знакомым и привычным: запертые двери, стража, встречи с которой следует избегать. Если бы еще знать, где лежат нужные им документы, то она бы, пожалуй, назвала дело просто скучным. А так, похоже, придется поискать. Судя даже по тому неполному плану, что она нарисовала при помощи Задиры, в замке еще немало мест, где может храниться необходимая им вещь.

— Ты говоришь, там люди? — переспросил Север, и крыса закивала.

— Ну да, — усмехнулась Соня. — А чего же ты ждал? Раз охранники стоят в коридорах, должны быть и те, кого они охраняют.

— Тронный зал — не трапезная, — возразил Север. — Сидеть на троне — не такое уж удовольствие. — Соня хотела возразить, но не стала. Похоже,

Вожак прав, как всегда.— А ты не видела там необычайно огромного воина в кольчуге?

Задира снова кивнула.

— Тогда понятно,— задумчиво сказал Север.— А почему ты решила, что именно там лежат нужные нам документы?

Крыса заверещала, перемежая писк стрекотом, который и Север, и Соня уже научились разбирать. Именно поэтому оба переглянулись.

— Ты слышала *одно из слов*? — насторожился Север.

«Да! Да! Да! — застрекотала Задира.— И не одно, а несколько».

— Немедия? — начал перечислять Север.

«Да!»

— Логово?

«Да!»

— Хайбория? Бритуния? Гиперборея? Аквилония? — продолжал Вожак, но после каждого его вопроса следовал отрицательный ответ.— Ну какое же еще?

— Пифон...— прошептала Соня.

«Да»,— тут же подтвердила крыса.

— Они рассматривали планы подземелий Пифона,— проговорил Север. Он боялся поверить в удачу, боялся, что что-то сейчас окажется не так, хотя внутренний голос и подсказывал ему, что опасения напрасны.— И куда же делись эти планы... Когда все ушли?

Задира прыгнула на рисунок и ткнула лапкой в место рядом с тронном, слева от него. Север с Соней переглянулись.

— Теперь понятно, зачем в пустом замке понатыкано стражи на каждом углу,— заметила девушка.

— Верно,— согласился Север,— но мысль о том, что замок пуст, лучше выброси из головы.

Они принялись расспрашивать Задиру дальше и выяснили, что здоровяк хотел забрать планы с собой, но восседавший на троне не позволил. Он тоже выглядел силачом, хотя, конечно, не мог тягаться размерами с гостем и, похоже, это злило его. Здоровый настаивал на том, что документы следует перевезти, раз уж ими решено вскоре воспользоваться, но хозяин дворца заявил, что сам привезет карту и планы, и сам же отправится на поиски подземелий.

Короче, они разругались и расстались чуть ли не врагами.

— Что ж,— заметил Север,— пока все складывается как нельзя лучше. Он обернулся к Соне:— Когда отправимся?

— Дождемся темноты,— не задумываясь, ответила девушка.— Если бы я знала наверняка, что планы никуда не унесли, подождала бы еще немного, пока сон не сморит стражников, но слишком там много постов. Однако темноты лучше дожидаться.

— Тебе виднее,— не стал спорить Север.— Ты ведь у нас опытный вор.— Соня фыркнула, но промолчала.— Пошли-ка Вестницу к Гане,— помолдав, попросил Вожак.— Пусть ждут нашего сигнала к утру, но вниз пока не спускаются. А я пока займусь кое-какими приготовлениями.

Соня кивнула и жестом позвала Вестницу, черной точкой кружившую в синем небе. Она помнила, сколько тревог доставила ей такая же птица, полгода назад следившая за ними от самого Шадизара. Может быть, даже та самая птица... Так это или нет, Соня не знала, но в любом случае теперь они делали одно дело.

Север тем временем достал еще два мотка каната и закрепил у того дымохода, по которому спускался в Каминный зал. Что-то подсказывало ему, что именно этим путем им придется возвращаться, и он не желал рисковать. Он еще раз обдумал все, что им предстоит, и сосредоточился на том, как они будут возвращаться. Существовали две возможности: спокойный отход и бегство.

Первая не предвещала никаких неожиданностей. Они спокойно вылезут через дымоход, поднимутся на плато и переберутся через ущелье по уже проложенному пути. Надо, правда, карабкаться вверх, а это несколько труднее и значительно дольше, чем скользить вниз, но в спокойной обстановке и в этом нет ничего страшного.

Вторая возможность хуже. Если их обнаружат и начнется погоня, то ничего уже предсказать нельзя. Тем путем, что они попадут внутрь, уйти наверняка не удастся, значит, остается рассчитывать на другие.

Глубокий дымоход из пыточной, что он обследовал днем, не слишком привлекателен. Придется бежать из крепости, забираясь вглубь нее. Сначала это позволит запутать противника, зато беглецы могут оказаться в ловушке без выхода. Есть

еще, правда, ворота и бронзовая дверь. Эти выходы предпочтительней, но, как только поднимется тревога, охрану там наверняка утроят.

Вот и получается, что, как ни поступай, а все плохо. И Соня, конечно, права: необходимо дожидаться темноты. Наступление ночи неизбежно настраивает на благодушный лад. Вождь отдыхает. Можно и самому поспать или уж, по крайней мере, расслабиться, сыграть в кости с приятелем, а не всматриваться в опостылевшие коридоры. Одним словом, Север не сомневался, что со стражей они управятся.

Единственное, что его настораживало, так это какая-то странная простота всего дела. Спокойно приехали. Спокойно проникли сюда. Сейчас спокойно спустятся вниз и, так же спокойно разобравшись со стражей, заберут документы. Как-то все легко получается, а в жизни так не бывает.

* * *

Север спустился первым и теперь стоял, пригнувшись, внутри камина и осматривался, но ничто не внушало опасений. Зал, как и утром, пустовал, и он порадовался тому, что уродливый гость повздорил с местным владыкой. Случись пирушка в его честь, и спуск пришлось бы отложить. Однако все сложилось удачно, и гость ускорил ни с чем. Они сами видели, как задолго до заката отряд покинул крепость.

Желтый свет лампы выхватывал из темноты знакомые уже предметы, и вскоре Вожак убедился: все двери закрыты и ни души вокруг. Он тихонько

подергал за канат, давая знать Соне, что можно спускаться, и вылез из камина. Он тихо переходил от двери к двери, прислушиваясь возле каждой из них и легко толкая каждую, но все они, как он и ждал, оказались заперты.

Соня должна изучить замки, а такая работа требует времени. Сейчас, после тщательного осмотра, воин с удовлетворением отметил, что беглый взгляд, брошенный утром вокруг, не упустил ничего существенного.

Когда второе пятно света метнулось по стене и остановилось на нем, Север резко обернулся.

— Любуешься? — услышал он насмешливый шепот своей подруги.

— Тебя жду, — улыбнулся Вожак в ответ.

— Соскучился? — обвила его шею руками красавица.

— Еще как! — в тон ей ответил Север и коснулся губами ее губ.

— Э, нет! — Она легко выскользнула из объятий. — Сперва дело.

Север кивнул и снова улыбнулся. Все такая же: немножко язвительная, неизменно желанная и сказочно прекрасная. Задира взобралась на плечо хозяйке и осуждающе запищала. Воин добродушно хмыкнул: и эта туда же!

Вожак ничего не сказал и молча направился следом за девушкой. Шадизарка уже стояла у дальней, торцевой двери и рассматривала причудливо изломанную прорезь замка.

— Сложная штука? — спросил Север, дождавшись, когда она закончит.

— Пока не знаю, — ответила девушка, вертя в руках одну из связок отмычек, выкованных Гуднаром по ее же рисункам.

Север никогда прежде не сталкивался с такими делами и теперь с интересом разглядывал ключи, вовсе на ключи не похожие. Скорее, они напоминали тонкие крючья, концы которых изгибались каждый на свой лад.

Наконец Соня остановила свой выбор на одной из отмычек и, вставив ее в щель, начала аккуратно прощупывать замок. Иногда она пыталась повернуть крючок, и тогда Север слышал тихий, но неприятный скрип металла о металл. Замок не поддавался, и девушка продвигала инструмент немного дальше, чтобы все повторить сначала. Тихий щелчок возвестил о том, что цель достигнута. Соня тихонько попробовала дверь рукой, и та легко открылась.

— Ну и как?

— Просто донельзя. — Соня пожала плечами. — Впрочем, ничего иного я и не ожидала.

— Что ж ты сразу не сказала?

— Не хотела, чтобы ты назвал меня хвастуньей, — хмыкнула она. — А если серьезно... Посмотри на щель для ключа. Видишь, как причудливо она изогнута? Это почти наверняка означает, что ее форма — единственное препятствие на пути взломщика. По-настоящему сложные замки снаружи ничем не примечательны.

— Если я правильно запомнил, наверху вторая дверь, и это все... — прошептал Север, вопросительно глядя на Задиру, и та утвердительно пискнула.

— И замок там, скорее всего, такой же,— заметила Соня.

— Значит, остается одна проблема,— подытожил Вожак.— Стражники. Четыре поста.

— Эти болваны наверняка спят.

— Болваны на то и болваны, чтобы просыпаться в самое неподходящее время,— возразил Север.— Но два первых меня не волнуют, зато третий...

— А что третий? — спросила девушка.

— С его места должна быть видна лестница, а значит, нас заметят.

— Если стражник не спит,— уточнила Соня.

— Если стражник не спит,— согласился Вожак.— Хорошо,— наконец решил он.— Сперва расчистим путь к лестнице, а потом решим, что делать с верхними. Ты, главное, предоставь это дело мне.

— Интересно, как ты в освещенном коридоре подберешься к стражнику так, чтобы он не поднял тревоги?

— Как, как? — удивился Север, которому такой вопрос и в голову не приходил.— Будешь приманкой, а остальное — мое дело.

— Опять?! — возмущенно прошипела она.— Ну уж нет! Твоя идея, ты и приманивай!

— Из меня, к сожалению, никудышная приманка,— огорченно ответил он.

— Твои трудности,— пожала плечами Соня.— Ты же все взял на себя.

— Ладно,— неожиданно согласился Вожак, понимая, что спорить бессмысленно.

Явно рассчитывавшая, что ее станут уговаривать, Соня разочарованно закусил губу и отвернулась. Вожак же, порывшись в поясной сумке, что-то достал и, осторожно отомкнув дверь, неслышным шагом направился по коридору. Девушка выскользнула следом, прикрыла за собой дверь и замерла, напряженно вслушиваясь в тишину.

Соня ждала, а ничего не происходило. Тишина сгустилась, сделалась почти осязаемой. Время замедлило бег. Даже сердце, казалось, забилося реже, и привычное «тук-тук» превратилось в мрачное «тук... тук...». Начала зудеть ладонь. Девушка почесала ее, и ей показалось, что этот звук взорвал тишину и гулким эхом пошел гулять по коридорам...

... Север неслышно прокрался к месту, где должен стоять стражник. Всего пара шагов разделяла их — шаг до угла и еще один после. И все бы не беда, если б не второй стражник чуть дальше, который мог услышать шум борьбы. Он разжал кулак. На ладони лежала маленькая серебряная монета. Он подбросил кругляш, и, упав на каменный пол, монета звякнула чисто и тонко. Коротко и очень тихо. Как раз то, что нужно, чтобы привлечь внимание, но не насторожить.

Дальнейшее произошло именно так, как и рассчитывал Север. Стражник оттолкнулся от стены и замер на миг, прислушиваясь, но тишина не прерывалась больше ничем. Тогда он осторожно шагнул в сторону, откуда донесся такой привлекательный звук.

Север ждал. Он знал, что любопытство и жадность сделают свое дело. Косматая башка высуну-

лась из-за угла, руки воина легли на лоб и затылок стражника. Одно резкое движение, тихий хруст — и мертвец мягко осел на пол...

...Соня испуганно вздрогнула и тут же почувствовала, как зачесалось под лопаткой. Она попыталась пошевелиться, чтобы унять зуд, но он тут же переместился ближе к середине спины. Этого еще не доставало! Красавица начала злиться. В этот миг до ее слуха донесся едва слышимый мелодичный звон, и мгновенно зачесалось во всех местах сразу. Тут она разозлилась не на шутку и резко развернулась, намереваясь покончить с этой пыткой. Раздался отвратительный хруст, словно кто-то одновременно вывернул ей несколько суставов. Она замерла.

— Ты чего это? — услышала Соня тихий шепот Севера, и зуд мгновенно прекратился.

«Вот дрянь!» — подумала она, сама не понимая, к кому обращена ее мысль.

— Что это там звякнуло?

— Приманка.

— А хрустнуло?

— Шея стражника.

— Так ты его?..

— Конечно, — подтвердил Север. — А ты хотела, чтобы я его оглушил, а он очухался и поднял тревогу? Ну уж нет.

— Разумно. Дальше я пойду первой.

— Как знаешь, — согласился он.

Они пошли по коридору. Пара факелов горела у дверей Каминного зала. Следующая пара — у поворота, но вместе они давали достаточно света.

Соня рассматривала голые стены, украшенные грубым орнаментом, пока не наткнулась на стражника, лежавшего на полу с неестественно повернутой головой. Девушка укоризненно посмотрела на Севера. Тот равнодушно пожал плечами. Тогда она пересадилась ему на плечо Задиру и неспешно двинулась дальше. У последнего поворота она обернулась и приложила палец к губам, Север кивнул в ответ.

Здесь стена оказалась еще более кривой. Она даже поворачивала не под прямым углом, а как бы образовывала небольшой выступ. Да и орнамента не было. Север вжался спиной в камень и чуть ли не как улитка прополз к самому углу, укрывшись за выступом. Соня шагнула вперед, и по тому, как обольстительно она улыбнулась, Вожак понял, что ее заметили. Девушка сделала шаг назад, словно выманивая кого-то. Потом еще и еще, пока не уперлась спиной в стену.

Чумазый громила медленно вышел из-за стены, и даже сбоку Север увидел, как растянулся в плотоядной усмешке его толстогубый рот. Он шел как борец: на полусогнутых ногах, расставив непомерно длинные руки. Соня продолжала улыбаться, ожидая, как поведет себя верзила. Север, однако, любопытства не проявил. Он неслышно шагнул из-за спины стражника и молниеносным движением повторил отработанный прием. Соня всплеснула руками.

— Да ты просто убийца какой-то!

— Если хочешь, чтобы чужак не мешал, сделай так, чтобы он замолчал навсегда, — наставительно

произнес Север, взвалил на спину труп и понес его к Каминному залу.

После этого он вернулся за первым, и Соня заперла дверь. Теперь они оказались в относительной безопасности. Половина дела сделана, и на этаже никого не осталось, но, стоило подняться тревоге, и иллюзия недостижимости мгновенно рассеется. Пока их защищала только скрытность, и оба прекрасно понимали это.

Они вернулись к лестнице, и Север, задрав голову, посмотрел на уходящие вверх ступени. Лестница оказалась узкой, только-только, чтобы пройти одному человеку, и где-то там стоял стражник.

— Опять выставишь меня приманкой? — съехидничала Соня. — Здесь этот номер не пройдет.

— Это верно.

Север начал подниматься. Эту часть дворца явно вырубали в сплошной скале. Это они поняли сразу по стенам, пусть и не идеально ровным, но не извивавшимся, как коридоры, обустроенные в пробитых водой норах. Они шли медленно, ступенька за ступенькой, виток за витком. Когда, по своим подсчетам, они добрались до середины, Север остановился.

— Ты чего? — удивилась его спутница.

— Жаль, что нечем его подманить, — посетовал Вожак. — Ну да ничего. — Он достал метательный клинок и взвесил его на руке. — Оставайся здесь, — приказал он. — Я скоро.

— Еще чего?! — возразила девушка. — Я подстрахую тебя. Вдруг понадобится помощь?

— Не упрямясь. — Север повернулся к ней и теперь говорил ласково. — Посмотри, как здесь узко — мы только помешаем друг другу. — Соня кивнула, но не потому, что согласилась. — Вот и умница.

Север поцеловал ее и быстро пошел вверх. Вожатница же подождала, пока он скроется за изгибом лестницы, и направилась следом. Вожак преодолел половину оставшегося пути и вновь остановился: его чуткий слух уловил доносившееся сверху едва слышное заунывное мычание. Оно тянулось почти без перерыва на одной нескончаемой ноте. С замиранием сердца Север силился понять, что же это такое, пока не догадался, что стражник поет. Соня стояла двадцатью ступенями ниже и тщетно пыталась сообразить, что на этот раз остановило Вожака. До нее стоны стражника не доносились.

— Раз поет, значит, не спит.

Север втайне надеялся, что в этом всеми забытом месте, в сердце неприступной крепости йезмиты чувствуют себя в безопасности. Однако теперь он увидел, что ошибался. Несмотря на глубокую ночь, стража и не думала расслабляться. Вдруг Задира прыгнула с плеча Севера. Едва сдержавшись, чтобы не выругаться, он попытался поймать ее на лету, но куда там... Рука человека загребла пустой воздух, а крыса помчалась вверх по ступеням. Упряма, как Соня! Север стиснул зубы, но поделать ничего уже не мог. Оставалось только ждать.

Некоторое время ничего не происходило. Бедняга маялся на посту, тихонько мыча о чем-то

своем, наболевшем, где-то внизу ждала зова Севера Соня, а сам он стоял и размышлял о том, что задумала крыса... Нет, от этого впору с ума сойти! Мычание резко прекратилось, сменившись отчаянной бранью.

— Ах ты, тварь! Да ты кусаешься! Вот я тебя!..

Едва услышав крики, Соня рванулась наверх, но мгновением раньше то же самое сделал Север. Он слышал, как несколько раз сталь лязгнула о камень, затем топот сапог заполнил все, и Вожак остановился.

Задира прыгнула прямо ему на грудь, с разгону нырнула под мышку и остановилась, только вцепившись в ремни перевязи на спине. Верзила-зуагир врезался в него, едва не сшибив с ног, но руки Вожака привычно схватили голову противника и резко развернули ее. Когда девушка влетела на одну с Севером ступеньку, дикарь уже был мертв. Она устало опустила руки.

— Ты что-нибудь еще умеешь? — отдышавшись, спросила она.

— Я много чего умею, — похвастался он, сохраняя, впрочем, полную серьезность. — Но все остальное пока не нужно.

Север подхватил со ступеней труп и быстро зашагал дальше. Он не думал, что брань верзилы насторожит его приятеля, стоявшего дальше по коридору: в словах не чувствовалось страха, — но в том, что тот заявится полюбопытствовать, не сомневался. Так оно и получилось. Бедолага шел, потешаясь над дружкой и прикидывая, чего вдруг тот разорался. Он так и не узнал, что произош-

ло на самом деле. Последнее, что он почувствовал, это чьи-то руки на голове, неожиданно метнувшийся перед глазами коридор и странный хруст, прозвучавший где-то внутри него самого. Потом все погрузилось во мрак. Соня поморщилась, словно Север раздавил жука.

— Чего мы так опасаемся? — ехидно заметила она. — Мне кажется, тебе стоит просто пройти по замку, и дело сделано.

— Не думаю, что все так просто. — Вожак не принял шутки. — До сих пор они встречались нам по одному и не знали о нашем присутствии, но так не может продолжаться долго.

— Вот что, милый, — ответила Соня, — ты, конечно же, прав, но иногда правота твоя бывает так скучна...

— Не сердись, — произнес он примирительно. — Просто, когда я занят делом, мне не до шуток.

— Ладно, не оправдывайся, — вздохнула девушка. — Я уже привыкла... А дружная у нас получилась компания! — неожиданно заявила она. — Первого стражника выманил на себя ты, второго — я, третьего — Задира...

— А четвертого — третий... Только он не из нашей компании, — хмыкнул Север, и Соня заметила:

— А говорил, что с шутками у тебя туго. Только шутишь ты как-то мрачно...

— Ну так и дело не веселое.

Задира выскочила из-за угла и жестами объяснила, что путь свободен. Они пошли вперед, оставив в коридоре у лестницы второго покойника, за которым Север собирался вернуться позднее.

Убранство здесь резко отличалось от того, что они увидели внизу. Тогда Соне пришла в голову мысль, что эта седьмая дверь ведет на лестницу, которой пользовались только стража да прислуга. Но теперь она изменила свое мнение. Быть может, местный владыка и не пользовался этим коридором, но явно постарался, чтобы помещения, примыкавшие к Тронному залу, не выглядели убого.

Правда, роскошь, царившая здесь, была несколько странной. По камню стен висела та же грубая резьба, что и внизу, но простенки изобиловали нишами. Во дворцах Хайбории в них обычно устанавливали скульптуры. Здесь же они просто пустовали, но когда Север увидел в последней полные доспехи пуантенского рыцаря, то понял, для чего эти ниши предназначены.

По другой стене, напротив каждой из ниш, от потолка до пола свисали полотнища старинного гобелена, подобранные настолько безвкусно, что сама собой напрашивалась мысль: на стену вешали все, что удавалось раздобыть. Изображения природы соседствовали со сценами охоты, за которыми следовал странный набор фаллических символов явно вендийского происхождения. Бессмысленная мешанина, да и только.

Свободной рукой Север отдернул один из гобеленов и обнаружил такую же нишу, что и на противоположной стене. Что ж, кстати. Он впихнул туда стражника и, удостоверившись, что тот не вывалится наружу, прикрыл его тканью. Покончив с этим, он обернулся к Соне:

— Ну, как у тебя?

— Плохо,— не оборачиваясь, ответила девушка.— Здесь настоящий замок, а не та игрушка, что в Каминном зале.

— Бывает,— заметил Север.— Справишься?

— Если один человек что-то запер, то всегда найдется другой, который сумеет это открыть. И он перед тобой! — сообщила она и отвернулась.— Весь вопрос во времени, и тебе придется помочь, так что не уходи от меня.

— Только уберу покойника,— кивнул Север и торопливо направился прочь.

Руки Сони действовали словно сами собой, доставая один инструмент за другим, при помощи которых она скрупулезно обследовала замок. Наконец она закончила изучение и, достав из поясной сумки набор странных заготовок, принялась тщательно отбирать те, что могли подойти. Вскоре в руках у нее остались три стержня. Взломщица покрутила их, один за другим достала несколько мешочков и, вынув из каждого какую-то металлическую мелочь, затянула тесемки и бросила их обратно. Еще раз проверив то, что осталось в руке, она удовлетворенно кивнула и принялась аккуратно насаживать детальки на стержни, время от времени что-то прикидывая в уме. Закончив сборку, она тщательно поправила составную бородку каждой из изготовленных только что отмычек, после чего одним из зажимов затянула крепления насколько хватило сил.

У нее получились три незначительно отличавшихся друг от друга ключа. Соня придиричиво ос-

мотрела каждый и, выбрав один,插ставила его в замочную скважину.

«Что-то Север не возвращается»,— отметила она, но в тот же миг услышала шаги за спиной и успокоилась. Бросив оставшиеся отмычки в сумку, она попыталась отпереть дверь. Шаги все приближались, и только тут девушка осознала, что Вожак так не ходит. Почувствовав недоброе, она то-ропливо натянула на голову капюшон куртки, надетой поверх доспехов, ощущая единственное желание — спрятаться и затаиться. Но она тут же отогнала от себя эту мысль. Спрятаться негде, да и времени, судя по всему, не осталось. Она стиснула зубы и взялась за ключ. Шаги за спиной замерли.

— Ты что делаешь? — услышала она исполненный угрозы и подозрительности голос.

Вломщица бросила быстрый взгляд из-под на-двинутого на глаза капюшона и вернулась к прерванному занятию. Однако и мимолетного взгля-да хватило ей, чтобы рассмотреть неожиданного го-стя. Это был бородатый здоровяк в халате, наде-том, казалось, на голое тело. В руках он держал большой топор и смотрел на Соню красными с пе-репоя глазами. Вопрос о том, кто он такой, отку-да взялся, как прошел мимо Севера, Соня оставила на потом. Поигрывая рукоятью своего оружия, здо-ровяк ждал ответа.

— Дверь открываю,— исказив голос, что неплот-хо у нее получалось и прежде, басовито прохри-пела она, тщетно пытаясь повернуть ключ в зам-ке.— Что же еще?

— Странное ты время выбрал,— заявил дети-на, не трогаясь с места.

— Ничего я не выбирал! — огрызнулась Соня, со злостью бросая отмычку в сумку и доставая следующую.— Сам знаешь, кто здесь командует, и чем трепаться, лучше помог бы!

Верзила шагнул вперед, и в этот миг Соня ус-лышала знакомый уже хруст. На сей раз она не испытала раздражения.

— Что так долго? — принялась она отчитывать напарника, но тот лишь улыбнулся.

— Раньше не мог,— признался он.— Я только успел взвалить на себя покойника, как услышал, что кто-то спускается по лестнице. Я едва нырнул вниз, как он вышел в коридор. Пришлось бросить бедолагу на ступенях и пойти следом за незванным гостем. По-моему, я успел вовремя,— произнес он примирительно, пристраивая верзилу в халате в одну из ниш.

— Ладно, забудем,— согласилась Соня.

Север кивнул и, развернувшись, направился прочь.

— Ты куда это?

— Надо же убрать того парня с лестницы.

— Смотри, не приведи еще кого-нибудь,— съе-хидничала Соня, возвращаясь к прерванному за-нятию.

Второй ключ, поскрипев в замочной скважине, полетел в сумку вслед за первым, а его место за-нял третий.

Соня попыталась повернуть его, и на этот раз попытка увенчалась успехом. Раздался долгождан-

ный щелчок, и тяжелая литая рукоять двери, выдвигавшая засов, поддалась.

Девушка вынула из держателя на стене факел, вошла в зал и осмотрелась. Размеры Тронного зала в точности соответствовали размерам Каминного, а вот убранство заметно отличалось. Резные дубовые панели закрывали стены. Высокий сводчатый потолок украшала искусная, не в пример тому, что они видели внизу, резьба, обрамлявшая несколько потускневшую от времени роспись. Правда, разглядывать картины, которые изображали пожирающих друг друга неведомых тварей, Соня не захотелось. Богатейшее собрание оружия украшало простенки. Пол укрывало бесчисленное количество ковров, небрежно набросанных друг на друга в несколько слоев. Тут и там, на стенах и на полу поверх ковров висели или валялись медвежьи и тигриные шкуры. Ни одного кресла или стола — только огромный трон в тонувшем в полутьме дальнем торце зала.

— Нравится? — тихо спросил Север, как всегда, бесшумно подкравшийся сзади.

— Перестань ко мне подкрадываться, или я когда-нибудь проучу тебя.

— Это вряд ли, — усмехнулся он.

— Это почему же?! — мгновенно вскинулась она.

— Ну... Ты же не захочешь сделать мне больно? — вывернулся он.

— Хитрец!

Улыбнувшись, Соня поцеловала Севера в щеку и вновь повернулась к трону.

— Пойдем, — позвала девушка.

Ей не терпелось проверить, кончились поиски или предстоят долгие и, быть может, бесплодные блуждания по каменному лабиринту.

— Дверь запри, — посоветовал Север.

— Но зачем? — удивилась взломщица.

— Вдруг еще кому-то взбредет в голову прогуляться? Отсутствие стражи на местах, быть может, удивит, может, и насторожит, но никто не станет поднимать тревоги, пока не выяснит, где они. Но если увидят нас...

— А если найдут трупы?

— Не найдут, — заверил ее Вожак. — Они уже здесь.

Соня обернулась и с удивлением обнаружила трех бородатых верзил, прислоненных к стене. Надо же!

А ведь она не слышала, как он перенес покойников. Соня с уважением посмотрела на своего спутника: вроде хорошо знала, на что он способен, а все не переставала удивляться. Она не стала ничего говорить, просто подошла и заперла тяжелую дверь на ключ, оставив его в замке, чтобы не искать после.

Они пошли вдоль стен, поджигая факелы в держателях, пока не добрались до трона, установленного на невысоком, в три ступени, помосте.

Соня и сама не знала, что ожидала увидеть. Она помнила кресло Разары и не удивилась бы, окажись трон стилизованным изображением темного зверя племени. Но йезмиты поклонялись Йезуду — богу пустых жилищ. А те, для кого че-

ловечина — обычное блюдо, вряд ли станут украшать трон изображениями зверья.

Огромный человеческий скелет сидел в позе лотоса на помосте, придерживая руками закрепленное на берцовых костях сиденье тяжелого кресла с резной спинкой и инкрустированными перламутром подлокотниками. Пустыми глазницами он всматривался в пришельцев, и Соне вдруг почудилось, что если уж и не сам скелет, то кто-то, остающийся для них невидимым, наблюдает за ними. Она тряхнула головой, сбрасывая наваждение.

— Не думаю, что здесь кто-то есть, — словно отзываясь на ее мысли, заметил Север. — Хотя у меня такое чувство, что мы не одни.

— И взгляд у скелета холодный и цепкий, — заметила девушка, ища взглядом алтарь.

Оторвавшись от созерцания жуткого трона, она сразу увидела то, что искала — испещренный рунами алтарь и резной костяной ларец на нем, и тут же почувствовала себя уверенней.

— Да вот же он! — воскликнула девушка и легко взбежала по ступеням.

Ее нога еще не коснулась вершины настила, когда Север схватил ее за руку и отшвырнул назад с такой силой, что она отлетела на десяток шагов и не разбилась только потому, что каменный пол устилало невесть сколько слоев ковров и шкур.

Она не успела ни разозлиться, ни понять, что же произошло. Еще в полете она услышала, как с мягким свистом выскочил из ножен меч Севе-

ра. В следующий миг он рассек воздух за спиной и что-то тяжелое бухнулось рядом с ней на пол. Едва она пришла в себя, как увидела перед лицом огромную змеиную морду, в оскале обнажившую чудовищные клыки.

Ужас объял девушку, когда она поняла, что это конец, но в следующий миг донесшийся со стороны помоста грохот заставил ее очнуться. Она отпрянула и сразу увидела, что напрасно боялась: голова отсечена от туловища, и последние проблески жизни уже с трудом различимы в стекленеющем взгляде гигантского гада. Зато там, где остался Север, продолжало буйствовать обезглавленное тело чудовища. Вожак отступил от помоста, не желая угодить под броски умирающего, но все еще опасного змея.

— Теперь я поняла, чей это был взгляд, — заметила Соня, подойдя к Северу.

Он обнял девушку за талию, и они уже вместе смотрели на подходившие к концу конвульсии гиганта. Целиком они его даже не видели, только отдельные кольца.

— Надо поторапливаться, — сказал Север. — Не нравится мне этот сторож. Боюсь, что о его смерти уже известно.

— С чего ты взял?

— Предчувствие, — кратко ответил он.

Вожак ловко перепрыгнул через все еще шевелившееся туловище и, подхватив с алтаря небольшой ларец, таким же путем выбрался обратно. Остановившись рядом с девушкой, он откинул крышку и развернул некоторые из свитков.

— То, что нужно,— кивнул он, пересчитывая их.— Похоже, все на месте, но если что-то и заменили, ничего уже не поделаешь. Пошли.

Он приторочил ларец к поясу и указал на дверь, но Соня придержала его.

— Посмотри, сколько там всего! — Она кивнула на открытые сундуки, стоявшие за спинкой трона. Многие из них опрокинул убитый Севером сторож, и содержимое вывалилось на пол, дразня, словно бы предлагая: возьмите нас с собой! — Нельзя отказываться от такого подарка.

— У нас нет времени!

Север схватил ее за руку и потащил к двери. Она упиралась и ругала его на чем свет стоит, говоря, что такая возможность выпадает лишь раз в жизни и, задержавшись совсем чуть-чуть, они обеспечат себя деньгами на долгие годы вперед! Но он ничего и слушать не желал.

— Открывай!

Она, нахмурившись, повернула ключ, нажала на рукоять, выдвигая язык замка, и толкнула дверь.

— А-а-а! Проклятая девка! — закричал огромный зуагир, натягивая нацеленный в Соню лук.— Стой! Убью!

— Чего орешь, болван?! — зло огрызнулась красавица.— Детей разбудишь!

Стражник опешил и удивленно уставился на нее, но лук чуть опустил. Большого от него и не требовалось. Девушка тут же захлопнула дверь и повернула ключ. Стрела со стуком впилась в дерево, но поздно.

— Разорался...— проворчала она, оборачиваясь к Северу.— Что делать будем?

— К другой двери! — Он мотнул головой.— Не может быть, чтобы вниз не нашлось другого пути!

Соня быстро выдернула из замочной скважины ключ, вставила на его место другой, чтобы не отперли дверь снаружи, и метнулась к соседней. Замок послушно шелкнул, дверь отворилась, и беглецы выскочили наружу, но добежать успели только до поворота, когда послышался топот множества ног.

— Скорей! Назад! — Север схватил ее за руку.

— Вот они! — зычно заорал кто-то, и в стену позади них ударились несколько стрел.

Соня первой вбежала в зал, а Север неожиданно развернулся и бросил несколько кинжалов, на смерть поразив незадачливых лучников. Он тут же вбежал в зал, высокая дверь захлопнулась, и Соня заперла замок, сменив ключ подходящей по размеру отмычкой. Вожак быстро осмотрелся. Все остальные двери уже сотрясались от ударов, и стало ясно, что пытаться выйти через любую из них бессмысленно.

— Нужно забить замки.

— Зачем? — пожала плечами Соня.

— Чтобы выиграть время.

— Не все ли равно? Чуть раньше или чуть позже.

Она пожала плечами. Неужели не ясно, что отсюда им живыми не выбраться? Говорят, правда, безвыходных положений не бывает, и звучит это здорово, но на деле...

— Ключи давай,— понизив голос, произнес он таким тоном, что рука ее сама собой полезла в поясную сумку и достала пять штук — ровно столько, сколько оставалось выходов.

Север бросился к дверям и принялся один за другим вставлять ключи в замки и проворачивать. Покончив с этим, он вернулся к девушке.

— Похоже, бьют они беспорядочно, не слишком стараясь, значит, передышка у нас есть.

— Думаешь, надолго? — как-то отрешенно спросила она.

— Двери крепкие, отпираются наружу. Так что какое-то время повозятся. Пойдем,— он потянул ее за руку,— ты хотела поднабрать камушков.

— Клянусь Огненным Лепестком, ты сумасшедший...— Она покачала головой.— Теперь-то они нам зачём?

— Да ты что, помирать собралась?

— А ты нет?

— Конечно.

— Ну так расскажи,— попросила она.

— Хорошо. Прислушайся к ударам. Они ломают двери только для виду, может, даже боятся попортить. Но скоро тот, кому здесь все принадлежит, возглавит их. Он выставит посты у дверей и попытается проникнуть через какую-то одну, собрав за ней сильный отряд. Мы это сразу услышим. И вот тогда дверь действительно долго не выдержит. Я вижу два выхода. Если они вломятся в одну из боковых, мы быстро отпираем торцевую, разбираемся со стражниками и уходим. Если они вломятся в торцевую, мы все равно от-

пираем ее, но разбираться придется с большим числом противников.

— Ты говоришь так, словно...— Соня поморщилась и не закончила фразу, но он понял мысль.

— Я говорю так,— прервал ее Север,— потому что нам больше ничего не остается. Но если мы сработаем слаженно, не сомневаюсь, что у нас все получится.

Девушка недоверчиво посмотрела на него. Она понимала, что он сознательно преувеличивает их шансы на успех и, наоборот, преуменьшает опасность. Просто потому, что хочет подбодрить ее. Она благодарно улыбнулась. Впрочем, а почему бы и нет? Она воровка и прекрасно знает свое дело. Но ведь и он опытный воин! Какое право она имеет сомневаться в его словах?!

— Пошли!

Соня подбежала к возвышению у трона, опасно перебралась через останки змеи и начала набивать поясную сумку украшениями и просто ограненными камнями, тщательно отбирая самые ценные. Почти мгновенно сумка наполнилась доверху. Девушка затянула тесемки, и как раз в этот миг в череде беспорядочных ударов, сотрясавших двери, появился новый ритм.

— Шевелитесь! Ленивые свиньи! — взревел кто-то басом за торцевой дверью.

На миг удары замерли, но почти сразу возобновились. Только теперь в них чувствовалось больше слаженности.

— Отходи! Бери лук! — закричал Север.— Как подготовишься, дай знать!

Соня мгновенно поняла, что он опять оказался прав. Теперь дверь сотрясали слаженные мощные удары, и сколько их еще потребуется, чтобы сокрушить преграду, она не знала. Быстро закрепив тетиву, она проверила колчан и одну из стрел положила на струну. Север уже проверил доспехи, сочлененным щитом прикрывавшие левую руку от плеча до кисти, и схватил со стены второй меч, понимая, что разить придется наверняка и ни один выпад не должен пропасть даром.

— Я готова!

Вожак мгновенно шагнул вперед, одновременно с очередным ударом повернул ключ и распахнул дверь. Сбивая друг друга с ног, вооруженная топорами толпа хлынула внутрь. Первым, однако, ворвался обнаженный до пояса огромный волосатый грома с боевым молотом в руках. Взгляд его горел ненавистью, огромный рот хищно оскалился. Соня вскрикнула, выстрелила и ворвавшийся первым первым же и умер, выронив молот и схватившись рукой за пронзенную стрелой глотку.

— Лучников высматривай! — успел крикнуть Север, и в этот миг началось...

Толпа облаченных в кожаные панцири бородачей, заполнила зал. Последним вбежал вооруженный секирой сотник. Единственный из всех он носил стальной панцирь и предусмотрительно держался позади. Нападавших оказалось гораздо больше, чем рассчитывала девушка. Не меньше трех десятков ворвалось с первым потоком, а теперь она могла бы насчитать больше полусотни. Да что же это?! Соня на миг опешила. Какой смысл сопротив-

ляться? Их просто сметут. Севера уже окружили кольцом. Задние нетерпеливо напирали на передних, а те почему-то не решались напасть на одинокого воина. На девушку с луком никто из них просто не обращал внимания, и она растерялась.

И когда Север понял, что сейчас на него ринутся со всех сторон одновременно, он напал сам. Соня застыла в оцепенении. Никогда прежде ничего подобного она просто не видела, а потому и предположить не могла, что такое возможно. Один человек напал на полсотни. Впрочем, человек ли? Мгновение назад еще стоявший совершенно спокойно, он вдруг закружился в бешеном кровавом танце, и руки его со стальными клинками завращались над головой, превратившись в два вихря, которые несли смерть...

Нападавшие хрипло бранились и размахивали топорами, неуклюже пытаясь поразить воина, но вместо этого падали сами, хрипя и заливая кровью роскошные ковры. Всего два десятка ударов сердца успела отсчитать девушка, а Север сумел вырваться из кольца, уничтожив три четверти нападавших. То, что сделал Вожак, казалось ей настолько невероятным, что она опешила еще больше — теперь уже от изумления, а не от страха, — и смотрела, как сотник, самый опытный и самый смысленный, нырнул в открытую дверь и скрылся из виду. Именно это вывело девушку из оцепенения. Дура проклятая! Вместо того чтобы единственным выстрелом убрать начальника этих «ленивых свиней», она позволила ему уйти! Она выругалась и начала стрелять, но мишеней почти не

осталось. Она опустила лук и виновато посмотрела на Вожака. То, что ей самой казалось невероятным, он сделал в одиночку.

— Бежим! Скорее! — крикнул он.

Они рванулись по коридору, но тут же услышали топот множества ног — не успели!

— Назад! — закричал он, схватив ее за руку, и потащил за собой.

Они едва успели захлопнуть за собой дверь, как стрелы забарабанили в дверь. Север провернул ключ за мгновение до того, как на дверь обрушилась первая волна ударов.

— Эй, проклятый ублюдок! — во внезапно наступившей тишине закричал сотник с той стороны двери, — ты слышишь меня. Выходи! До костей мясо сдеру! — рычал он. — Из живота жилы выдеру!

— Смотри, как осмелел, — ухмыльнулся Север, и Соня изумилась: несмотря на отчаянность положения он вовсе не пал духом!

— А ну, помогай! — ревел сотник по ту сторону двери. — Быстрее! Сюда! — заорал он через мгновение, и Соня не сразу поняла, что он имеет в виду, но следующая фраза все прояснила. — Запалим дверь и выкурим их!

— Жаль, арбалет не захватили, — заметил Север.

— Прости, милый. Это моя вина, — вздохнула Соня. — Я ведь могла его подстрелить, да растерялась.

— Перестань... — Он ласково обнял ее и поцеловал. — Не мудрено, что ты немного растерялась. Хладнокровие приходит к воину с опытом, а его-то у тебя и нет.

Она не стала спорить. Просто прижалась к нему. Ей не хотелось думать о том, что скоро все это кончится. Вообще все.

— За боковыми дверьми тихо, — проговорила Соня. — Может быть...

— Не получится, — возразил Север. — Они, конечно, болваны, но не настолько. Скорее всего, двери просто завалили снаружи, чтобы мы никуда не делись.

— А если еще раз... — предложила она.

— Нет, — вновь возразил он. — Нельзя повторяться. Они уже попробовали навалиться и теперь просто не подпустят меня. К тому же ты слышала, сколько нацеленных нам в спину стрел воткнулось в дверь. Ручаюсь, с ними не меньше десятка лучников.

— Так что же делать?!

— Отдыхай, — спокойно ответил он.

— Отдыхать?! — Соня не верила своим ушам.

— Именно, — подтвердил Вожака. — Как бы ни обернулось дело, силы нам скоро понадобятся.

Соня села на ступень помоста и молча уставилась на Севера, который не переставал изумлять ее. Только что он в одиночку сотворил невозможное, а теперь, когда замысел его рухнул, и не собирается сдаваться.

Пробиться... Как им пробиться? Эта мысль не давала Северу покоя. За дверью коридор, винтовая лестница за коридором настолько узка, что проход будет завален трупами прежде, чем они спустятся к Каминному залу. Задира на плече у Сони обескураженно попискивала. Ей-то что? Юр-

кнет в неприметную лазейку — и прощай... От торцевой двери потянуло паленым. Бородатый панцирник не шутил... Север тряхнул головой, отбрасывая ненужные мысли.

Вот если бы они смогли подобно Задире проскользнуть незамеченными мимо стражи. Но вряд ли это возможно после того, что Север недавно проделал. Они наверняка не подпустят его к себе. Значит, придется бить издалека, но все это не слишком нравилось воину. Что ни говори, а время работало против них, и затяжной бой на расстоянии больше выгоден врагу, нежели им.

Север посмотрел на украшенный росписью потолок, бездумно перевел взгляд на пол, и вдруг у него мелькнула мысль, что от Каминного зала их отделяет всего лишь слой камня. Если бы удалось пробить его... Лучше и не придумаешь! Прямо как в сказке... Он пошел по залу, раздраженно расшвыривая ногами топоры, принадлежавшие поверженным в первом бою бородачам. Из-под двери поднимался столб дыма и сизым облаком скапливался у потолка.

Север вновь посмотрел вверх. Высота Тронного зала такая же, как и Каминного. Он прикинул, сколько камня отделяло их от желанной цели, и понял, что ничего не получится. Десять локтей камня просто так не пробьешь, даже несмотря на то что порода мягкая, не гранит. А у него даже инструментов подходящих нет. Воин осмотрел висевшее на стенах оружие: мечи, секиры, топоры. Все это не годилось. Он продолжал шарить взглядом по полу, пока на глаза ему не попался огром-

ный молот первого из нападавших. Он поднял его, взвесил на руках и взмахнул — то, что надо.

«А для чего надо?» — спросил он сам себя.

Соня с надеждой смотрела на него, не понимая, что он задумал, но зная лишь, что, если он не спасет их обоих, этого не сделает уже никто.

Север остановился. От торцевой двери все сильнее тянуло дымом. Похоже, снаружи она уже горела вовсю. Он даже не ожидал, что плотное дерево так быстро займется. За дверью возбужденно галдели, но Вожак заставил себя отвлечься. Еще не сейчас... Еще немного она продержится.

И вдруг он заторопился. Глаза блеснули смертоносной сталью.

— Следи за дверью! — крикнул он девушке. — Когда ворвутся, постарайся сдержать! Сумеешь?

Так и не поняв, что он задумал, она судорожно кивнула, подтверждая, что сделает все, как он велел. Север бросился к помосту, перескакивая через кольца расprostертого на полу гада, одним движением отпихнул трон в сторону, словно ничемную грудку костей, и невообразимо мощным ударом обрушил боевой молот в стену. «Он что — с ума сошел?» — мелькнула у Сони дикая мысль, но неожиданно для нее камень лопнул и пошел трещинами...

Однако и рукоять молота с хрустом переломилась, не выдержав удара, и неподъемная стальная болванка повалилась на пол.

«Да ведь в нижнем зале как раз там камин!» — молнией пронзила ее догадка. Задира радостно застрекотала и запрыгала у нее на плече.

— Зажигай ковры у двери! — крикнул он, и девушка бросилась выполнять приказ.

Север выхватил из притороченного к поясу чехла булаву и принялся бить в стену. Каленые шипы вгрызались в камень, выбивая из него брызги, разлетавшиеся во все стороны. Куски, маленькие и большие, откалывались и падали к ногам воина, впивались в тело, но он продолжал работать своим страшным оружием, пока шар булавы, пробив истонченную ударами преграду, не провалился в пустоту. Север выдернул застрявшее оружие и принялся оббивать края образовавшейся дыры, расширяя ее.

Ковры упорно не желали загораться, и Соне пришлось в трех местах сложить из них некие подобия костров. Только тогда, исходя удушливым чадом, они начали заниматься пламенем. Только бы успеть! Когда все вокруг запылывает, пламя надежно защитит их от погони. Теперь девушка знала, что делает Вожак, и в глазах ее засветилась надежда. Если замысел Севера удастся, они не просто вырвутся из западни, в которую угодили. Они уйдут от погони и получат реальный шанс спаситься. Только бы...

Она так увлеклась мечтами, так уверовала в непогрешимость Севера, что не только не слышала, как долбили дальною по правой стороне боковую дверь, но и пробитую в ней секирой дыру заметила только тогда, когда она расширилась настолько что в нее сумел протиснуться верзил. Он уставился на девушку и она, вскрикнув, выстрелила. Стрела угодила в шею, верзила дернул-

ся и обмяк. Его попытались вытащить назад, но руки покойника зацепились за края отверстия. Тогда его попытались пропихнуть внутрь зала, но и это не удалось. Секира начала врубаться с другой стороны двери, расширяя пролом. Соня торопливо свалила десяток ковров в кучу у двери и подожгла в нескольких местах.

Воительница осмотрелась. У торцевой двери занимался нешуточный пожар. Стенные панели запылали. Огонь хищно подползал по коврам, разбросанным по полу. Соня едва сдерживала кашель, дым разъедал глаза. Если они собираются уходить, то сейчас самое время, иначе они просто задохнутся. Пламя трещало, набирая силу и подбираясь все ближе.

— Быстро уходи! — крикнул Север, выдергивая из держателей последние факелы.

Соня бросилась к отверстию, на бегу натягивая на руки зажимы. Она побежала к черневшему провалу лаза и, посветив факелом, заглянула внутрь. Так и есть. Вот она, зеленоватая нить каната, а рядом еще две, опущенные Севером для подстраховки.

Девушка воткнула факел в груду драгоценностей, наполнявших один из сундуков и, зажав в руке нить, нырнула в пролом. Только теперь она по-настоящему поняла предостережение Севера о том, что им скоро понадобится много сил. Приходилось подтягиваться обеими руками, упираться ногами и спиной в стены и только после этого закреплять руки на новом месте. О боги! Ну почему они не подумали о зажимах для ног?!

Север воткнул два оставшихся факела рядом с Сониным, завалил ступени настила всем, что только могло гореть, и разбросал факелы.

— Милости прошу на огонек! — процедил он сквозь зубы и, нырнув в пробитый лаз, втащил за собой скомканный ковер — какая ни есть, но все-таки пробка. На время защитит их от дыма.

Он быстро полез вверх и почти сразу наткнулся на девушку.

— Я думал, ты уже наверху, — неудачно пошутил он.

— Скажи спасибо, что не грохнулась вниз, — огрызнулась она. — А то пришлось бы тебе лезть за мной.

— Ну-ка пропусти меня.

Девушка не стала спорить, и он, как ей показалось, промчался мимо. Она же поползла вслед за ним, все больше злясь и на него, и на себя. Он что же, бросил ее? Снизу все сильнее тянуло паленой шерстью, и она поняла, что еще немного, и не то что карабкаться по канату, висеть на нем не сможет! В следующий миг ей показалось, что она летит. Девушка поняла, что Север уже выбрался и теперь вытягивает ее. Эта догадка подействовала на нее, как спасительный глоток свежего воздуха. Она даже перестала ощущать запах гари. Соня подняла голову и увидела маленький клочок чистого неба, усеянный бриллиантовой россыпью звезд. Неужели она так высоко? Время от времени она видела темный силуэт Севера на фоне звезд. Он наклонялся, чтобы перехватить канат как можно ниже. Наконец его рука коснулась ее руки. Еще

миг — и Соня оказалась снаружи. Она обняла его за шею.

— Прости меня, — прошептали ее губы.

— Да за что же? — удивился он.

— Я так испугалась, оставшись одна, что подумала: ты бросил меня, — призналась она. — Мне так стыдно...

— Забудь. Это просто паника.

Он крепко поцеловал ее в губы. Вестница и Шалло опустились рядом с двумя усталыми людьми. Задира тут же вскочила на плечо Сони и приветственно запищала.

— Лети на ту сторону, — обратился Вожак к Вестнице. — Пусть седлают коней и спускаются. Остаешься с ними, — отдавал он отрывистые команды, понимая, что надо торопиться.

Хоть им и удалось вырваться, но он не сомневался: преследователи поймут, что они не покончили с собой, и тогда начнутся поиски. Вестница тихо каркнула, давая знать, что все поняла как надо, и, коротко взмахнув крыльями, растворилась в ночной темноте.

— Пора, — объявил Север, поднимаясь, и протягивая руку смертельно уставшей девушке.

Бронзовая дверь распахнулась, ударились в камень, и бородатые факелоносцы высыпали наружу, струдившись на освещенном пространстве. Шалло тут же вспорхнула с камня, а Задира спряталась в свою клеточку на поясе хозяйки.

— Мы перестреляем этих растяп раньше, чем хоть кто-то сообразит, что произошло, — прошептала Соня и потянулась за луком.

Усталости ее как не бывало. Она твердо решила, что на сей раз не подведет.

— Нет,— ответил Север, останавливая ее руку.— Главное для нас — не обнаруживать себя. Пока они нас всего лишь ищут, но как только мы убьем хоть одного, начнется охота. Пусть лучше продолжают искать. Наша задача — притвориться, что здесь нас нет.

— Чтобы найти нас, им достаточно просто прогуляться по карнизу,— зашептала она в ответ.— И в расщелину мы уже не успеем пробраться — она слишком близко к двери.

— Все верно! — Север взял ее за руку и потянул за собой.— Мы спрячемся на вершине этого валуна, а вот если нас обнаружат — будем драться.

Он подвел девушку к наружной стороне огромного камня и указал на ступени. Страх заставил ее буквально взлететь на вершину. Шалло уже ждала их здесь. Внезапно Соня замерла, что-то достала из-за пазухи, быстро пошептала с Шалло, и та улетела.

— Что ты сказала ей? — забеспокоился Север.

— Есть такое правило для новичков — оставь ложный след, чтобы его нашли недоумки, решившие, что способны поймать тебя.

— Я вижу, ты уже пришла в себя. Но все-таки что ты сделала? — одобрительно кивнув, продолжал настаивать он.

— Доверься мне,— улыбнулась девушка.— Ты воин и только что доказал это, а мое дело — обводить простаков вокруг пальца. Потерпи, и увидишь, как!

— Тихо!

Север обнял ее, закрывая рот ладонью и повалил на плоскую вершину камня. Он тут же отпустил ее, и девушка поползла вперед, но в трех локтях от края остановилась.

— Куда идти-то? — басил кто-то, тупо таращась в обступившую освещенное пространство непроглядную темень.

Остальные выглядели не лучше. Никому не хотелось продираться между камнями, за любым из которых мог поджидать меч беглеца.

Соня с Севером не видели обитателей замка, зато прекрасно слышали их, даже когда они не разговаривали. Зуагиры брели, натываясь на камни, а рты их не закрывались ни на миг. Голоса звучали все ближе.

Двое спрятавшихся на камне людей услышали, как один из преследователей попытался взобраться на валун, но так неловко, что лишь обрушил горку камней в пропасть.

Соня с Севером прижались друг к другу. Воин достал метательный клинок и приготовился, все еще надеясь, что все обойдется, хотя и не слишком хорошо представлял, как. Шаги стихли — похоже, остальные сгрудились вокруг валуна, ожидая, чем закончится проверка. Грязная нечесаная макушка замаячила над верхним краем камня. И в этот миг остававшаяся до сих пор невидимой Шалло, о которой двое вжавшихся в камень людей успели позабыть, растопырив крылья, проскакала мимо них и остановилась перед изумленной физиономией зуагира.

— Похоже...— успел произнести он, уставившись левым глазом на Соню, а правым на ворону, но в этот самый миг Шалло расправила крылья и оглушительно каркнула.

— Ой! — закричал он, отпрянув, и закачался на плечах того, кто его держал.

Шалло, однако, не сочла свою работу законченной, а взлетев, клюнула зуагира в глаз. Он схватился руками за лицо и, покачавшись, полетел в пропасть, увлекая за собой и верзилу, на плечах которого стоял. Крики затихли, как только тела врезались в камни на дне. Некоторое время у подножия валуна царила тишина, потом все заговорило, перебивая друг друга, и в этой многоголосоице беглецы не смогли разобрать ни слова.

Судя по голосам, они вновь разбрелись в разные стороны. Вожак почувствовал, как дрожит, прижавшись к нему плечом, девушка. Дрожит от страха, смешанного с возбуждением предстоящего боя, который так и не состоялся. Он придвинулся ближе.

— Все хорошо,— прошептал Север, легко коснувшись губами ее щеки.

Она впиалась в его губы жарким поцелуем и на несколько долгих мгновений замерла, благодарно прильнув к могучему телу любимого, потом резко отпрянула.

— Ну ты даешь! — произнесла она насмешливо.— Нашел время...

Север изумленно посмотрел на нее, но девушка уже отвернулась, прислушиваясь к разговору. И вовремя.

— Эгей! Десятник! — закричал кто-то.— Они внутрь пошли!

Возня вокруг валуна мгновенно прекратилась.

— Ну вот и сработала моя приманка для дурака,— сообщила Соня. Вожак вопросительно посмотрел на нее, и девушка пояснила: — Я дала несколько камушков Шалло. Она залетела внутрь и бросила их на ступени.

— Умница,— хмыкнул Север.

— Перестань,— нахмурилась девушка.— Давай-ка лучше выбираться наверх.

— Наверх нам нельзя,— возразил Север, и Соня даже растерялась от неожиданности.

— То есть как это нельзя? — спросила она.— Как же мы уйдем отсюда?

— Придется искать другой путь.— Север прыгнул с валуна и протянул к ней руки.— Нам просто не дадут переправиться через ущелье, а плутать в поисках спуска по лесу — полное безрассудство. Время и так работает на них, а когда рассветет, нам и вовсе будет некуда деваться.

— И что ты собираешься делать?

— Твои камешки вовремя отвлекли их,— признался он, когда они подошли к двери.— Но, боюсь, совсем не надолго. Они, быть может, и не скоро поймут, откуда взялись подброшенные Шалло самцветы, но сообразят, что если мы не ушли, то стеречь нас следует снаружи. Пока они этого не поняли, у нас есть немного времени. Совсем немного.

Ключ заскрипел с внутренней стороны двери.

— А-а! Проклятье! — выругался Север, привлекая дверь валуном.

Он таскал камни один за другим, с грохотом швыряя их в дверь. Таиться уже не имело смысла. Самым нелепым Соне казалось то, что они постоянно опаздывают. Причем совсем чуть-чуть. Несколько мгновений не хватило им, чтобы проскользнуть мимо двери и скрыться в темноте. Примерно на столько же они опоздали, не успев вовремя нырнуть в расщелину, а до этого совсем немного — не успев вовремя покинуть Тронный зал. А ведь именно она сказала Северу, что стоит дожидаться темноты. Как знать, спустись они раньше, быть может, уже скакали бы прочь, с каждым мгновением все дальше уходя от этого проклятого богами места. Скакали бы, воздвигая между собой и преследователями самую надежную из стен — стену времени. Словом, она ощутила острое чувство вины и ничего не могла с собой поделать.

— Пошли!

Север дернул ее за руку, и оба помчались в сторону замка.

— Почему ты не набросал камней побольше? — спросила она, оглянувшись. — Могли бы намертво их замуровать.

— Нет смысла, — возразил Север. — Они бы вышли через ворота. Для нас это еще хуже, а так они попотеют, но выберутся.

Север подсадил девушку. Они взобрались на покатую крышу замка и побежали к нависшей над поднятым мостом части каменного козырька.

— Что ты собираешься делать?

— Спуститься, — ответил он, выглянув за край и что-то прикидывая.

— У нас что, есть такой длинный канат? — с надеждой спросила она.

— Нет, — ответил он, доставая из поясной сумки два каната и обвязывая большой валун, вросший в крышу неподалеку от края.

— Так как же тогда?

— Понадобится промежуточная опора.

— И ты знаешь, где она?

— Ну... Насколько можно было рассмотреть с той стороны ущелья. Только не знаю, сумеем ли мы там закрепиться. Если нет, придется прыгать в воду.

— Да мы просто убьемся.

— Надеюсь, что нет. Хотя и я предпочел бы спуститься по веревке.

— А почему канат двойной?

— Потому что должен выдержать двоих. Все! Жди.

Север натянул на руки зажимы и, ухватившись за канат, скользнул вниз. Соня посмотрела на него сверху, и ей стало страшно. Где-то там, невидимая в ночи, диким зверем ревела, разбиваясь о камни, вода Безымянной. А Север растворялся в этой темноте, пока окончательно не скрылся из виду. Соня осталась одна. Она казалась себе маленькой и беззащитной.

Со стороны двери продолжали доноситься удары, и Соня поняла, что расчет Севера оправдался. Раз они не бросили своего занятия, значит, завал потихоньку поддается. Вот только хватит ли им времени на этот раз? Уже слышны голоса. Скоро преследователи вырвутся наружу.

Север спускался все ниже и ниже, аккуратно перехватывая зажимами тонкую веревку. Времени было мало, но он понимал, что торопиться нельзя, потому что в их положении любая, даже самая незначительная, ошибка может привести к трагическому концу. Он очутится внизу, только не совсем так, как рассчитывал. О том, что будет с Соней, если она попадет в лапы дикарей, он предпочитал не думать. Значит, на ошибку он не имеет права и действовать должен наверняка.

Наконец Север добрался до нижнего края купола и на мгновение завис, осматриваясь. В проходе тоннеля по ту сторону ущелья никого не видно. Скорее всего, там даже не подозревают о переполохе в крепости. Оно и к лучшему. Удостоверившись, что его по-прежнему никто не видит, он продолжил спуск. Ниже и ниже, пока не очутился на одном уровне со светящимися окнами смотрового уровня. Он бездумно скользнул взглядом по окнам и увидел в одном из них черный силуэт Шалло.

Завидев Вожака, Шалло совсем человеческим движением мотнула головой. Сюда, мол! Здесь никого!

Если бы только он мог!

По привычке Север прикинул расстояние — примерно три его роста, а крыльев у него нет. Он полез вниз, понемногу продвигаясь к заранее намеченной цели, тщательно отмечая длину каната. Спустившись еще локтей на двадцать, он добрался почти до конца каната и закрепился.

Посмотрев вниз, Вожак прикинул, что до чернеющего в стене пятна поднятого моста еще лок-

тей пятьсот. Придется связывать куски каната, и это не слишком нравилось ему, особенно сейчас. Только теперь ему пришло в голову, что он не знает, насколько надежным окажется узел на этой скользкой веревке. И этот промах уже не исправить...

Или все-таки?..

Глаза его засветились надеждой. Воин посмотрел вверх, увидел едва различимый силуэт, походивший на округлый выступ — Соня наблюдала за ним. Сюда! Он махнул свободной рукой, привлекая ее внимание. Силуэт пропал, и тут же Север увидел свесившиеся с края ноги девушки.

Дрожа всем телом, она начала спускаться, проклиная в душе безумную затею Вожака, изо всех сил пытаясь убедить себя в том, что он все, как всегда, рассчитал верно. Что он не мог ошибиться. Раз позвал, значит, все идет как задумано. О боги! Какая тоненькая веревочка! Трясущимися руками девушка перебирала канат, спускаясь все ниже. Задира забила в свою коробочку, похоже, чувствуя себя не лучше хозяйки. Наконец ее ступни коснулись плечей Севера, и Соня вздохнула с таким облегчением, словно все уже позади и она вовсе не болтается между небом и землей.

— Перебейся на меня, — прошептал он.

Она тут же спустилась еще ниже, обхватив его ногами за талию, а дрожащими руками — за грудь, и только теперь осмотрелась. То, что она увидела, ей совсем не понравилось.

— Да где же она, твоя промежуточная опора? — прошептала девушка.

Ни слова не говоря, Север начал раскачиваться.
— Ты... Ты что такое делаешь? — ужаснулась Соня.

— Молчи! — прошипел он сквозь зубы, и ей ничего не оставалось, кроме как выполнить эту просьбу-приказ.

Поток прохладного ночного воздуха, напоенного водяной пылью, приятно освежал разгоряченное лицо девушки, но вниз она старалась не смотреть. Она не отводила взгляда от крепостной стены, которая то надвигалась, то удалялась, но с каждым разом становилась все ближе. Вот девушке показалось, что сейчас они неминуемо врежутся в нее, но Север ловко оттолкнулся ногами.

Когда они взлетели над пропастью, Соня подумала, что канатик — такой тоненький! — сейчас оборвется, и они оба полетят в пропасть. Может, Север именно это и задумал? Упасть в середину потока и таким образом не разбиться? Но ведь это безумие! Перед тем как рухнуть вниз, она успела увидеть, как вырвался наружу поток света из раскрывшейся наконец-то двери. Ей даже почудилось, что она слышит грохот отброшенных камней и скрип петель, и она подумала, что лучше умереть, чем попасть в руки к бороатым выродам.

В этот миг они полетели вниз — начался очередной разгон. Соня задрала голову, словно все-таки опасалась увидеть свесившиеся над краем крыши головы преследователей. А может быть, просто боялась смотреть на стремительно надвигающуюся каменную стену.

Перед глазами пронеслась неровная поверхность камня. Смертельный ужас объял девушку, но она не успела даже вскрикнуть, потому что больно ударилась левым плечом и правой рукой и ободрала бедра. Девушка открыла глаза и увидела, что они с Севером застряли в узкой каменной бойнице.

Соня попыталась пошевелиться, но ничего из этого не получилось. И тогда она ясно поняла, что ждет их. Сейчас сюда заявятся косматые дикари и, схватив за ноги, втянут их внутрь, а то и просто вытолкнут наружу, если они попробуют сопротивляться. Все! Конеч! Стоило тратить столько времени и сил, чтобы застрять в этой дурацкой каменной дыре! Соню начал разбирать истерический смех, когда она представила себе, как их станут выковыривать из бойницы. Неожиданно Север резко развернулся, и она начала падать. Руки сами собой судорожно вцепились в него.

— Тише ты! Задушишь! — прошептал он, с трудом протискиваясь внутрь.

Услышав его голос, как всегда, спокойный и немного ироничный, Соня сразу успокоилась. Она мгновенно проскочила следом, причем гораздо легче, чем это удалось сделать ему.

— Скорее к двери! — кивком указал Север на темнеющий дверной проем. — Сколько ненависти в людях! — заметил он ехидно. — Все как один отравились ловить нас! Я, конечно, не провидец, но здается мне, что утром у многих полетят головы. Правда, для этого нам следует поторопиться, — добавил он уже деловым тоном.

Впрочем, Соня и сама понимала, что медлить им нельзя никак. Она пробежала через огромный зал с многочисленными колоннами, подпиравшими потолок, к единственной двери и выглянула наружу — никого. Только теперь она позволила себе обратить внимание на ушибы. Хвала Огненному Лепестку, она ничего себе не сломала, но синяки на теле останутся надолго. словно надеясь успокоить боль, она погладила горевшие огнем бедра и подумала, что, если бы не надетые поверх доспехов шальвары и рубаха, осталась бы без кожи на ногах. А так... Она перевела взгляд на Севера. Ему наверняка пришлось гораздо хуже, но Вожак, похоже, даже не думал о боли. Он стоял у бойницы, через которую они попали внутрь, и тщетно пытался забрать канат, который только что выручил их. Соня знала, что в его поясной сумке наверняка есть еще, но он совершенно прав: ни к чему йезмитам знать, каким путем они покинули карниз.

Канат, однако, не поддавался, и Север прекратил бесплодные попытки, попросту выкинув его из окна: пусть думают, что они спрыгнули или сорвались в пропасть.

— Что стоишь? — прикрикнул он на девушку и, достал из сумки очередной моток. — Гаси факелы.

Соня выругала себя за то, что сама не догадалась сделать это, и забегала по огромному залу, один за другим выдергивая факелы из держателей и бросая их в стоящие рядом бадьи с водой. Их ищут по всему дворцу и в любой миг сюда могут заглянуть. Тем временем Север приладил

веревку к узкому простенку, самому последнему в ряду, развернутому почти точно на восток.

Неожиданно из темноты дверного проема вынырнула Шалло.

— Идут! — коротко каркнула она и выпорхнула наружу через бойницу.

Устроившаяся на плече девушки Задира недовольно запищала и юркнула в коробочку на поясе хозяйки.

— Не трогай их, пока последний не окажется внутри, — успел шепнуть Соне Север, прежде чем оба спрятались за колоннами, а йезмиты начали вбегать в зал, освещенный единственным факелом возле двери.

Он давал ровно столько света, чтобы Соня и Север нормально видели друг друга, не говоря уж о стоявших на свету стражниках, а сами оставались для них невидимыми.

— Все здесь? — поинтересовался десятник, окидывая взглядом своих людей. — Вперед! — скомандовал он.

Соня тихо достала метательные ножи и приготовилась, ожидая, когда преследователи разбредутся по залу. Наконец меч Севера блеснул в тусклом свете, и началась драка. Как только это произошло, сообразительный десятник кинулся к двери, но на сей раз опоздал, хотя и успел не только развернуться, но даже сделать несколько шагов. Холодная сталь воткнулась в подзатылочную кость, прорубив позвоночник, почти на ладонь уйдя в мозг. Бородач мешком повалился на пол. Двое обернулись, взглядами ища, кто метнул

кинжал, но, никого не увидев, бросились в разные стороны. Один — на помощь своим, уже ввязавшимся в драку с Севером. Другой — к спасительной двери, но чутье подвело воина, и он лег рядом с десятником.

Осмотревшись, Соня начала осторожно подбираться к кипящей в отдалении драке. Противников осталось всего семеро. Как воины они ничего собой не представляли, но и на них приходилось тратить такое драгоценное время. Рыча и завывая, они бегали за Вожаком. Каждый пытался с одного удара разрубить его надвое, но даже попасть не мог, и Соня прекрасно представляла, как это их бесит. Север же дважды взмахнул мечом, и два бездыханных тела упали на пол. Воительница метнула клинок, и третий вояка распростился с жизнью.

Четверо оставшихся словно сошли с ума от страха и ярости. Они заметались по залу, размахивая топорами и нанося удары налево и направо, высекая из колонн искры и каменную крошку, но не причиняя ни малейшего вреда беглецам. Почти одновременно с Севером Соня дважды взмахнула рукой, и суета тут же прекратилась.

— За окно их! — скомандовал Север. — Ни к чему остальным знать, что мы побывали здесь.

Он схватил одного из покойников под мышки, но в этот миг в бойницу влетела Шалло.

— Нашли канат, — сообщила она и, сделав круг, исчезла в соседнем окне.

— Значит, сейчас заявятся сюда, — сказал Север и бросил покойника на прежнее место. — Теперь

это уже ни к чему. Уходим. Лезь сразу за мной, — велел он, бросая в ведро последний факел.

Он протиснулся в узкую щель в стене и нырнул вниз. Соня не раздумывая последовала за ним, но, почувствовав за спиной пустоту, замерла.

— Вставай мне на плечи, — прошептал Север из темноты.

Воительница взглянула вниз: да вот же он! Держась за простенок, она шагнула в пропасть. Вожак начал быстро спускаться. Соня пропускала канат сквозь пальцы, думая только о том, как сохранить равновесие. Стена скользила мимо, постепенно отдаваясь. Девушка снова посмотрела вниз: с восточной стороны замка карниз шел значительно ниже, чем с западной, и к тому же его укрывала нависавшая над ним стена.

Север опять начал раскачиваться, и у Сони промелькнула мысль, что теперь-то веревка точно перетретса и они грохнутся на дно ущелья. Тем не менее она вцепилась в канат и, даже сама того не сознавая, помогала Вожаку. Все обошлось и на сей раз. Правда, она вновь больно ударилась ушибленным плечом о стену, но о таких пустяках не стоило и говорить.

Она потеряла плечо и осмотрелась. Громада скалы нависла над головой, полностью скрывая от них бойницы смотрового уровня, а это значило, что и их оттуда не увидят, как бы ни старались. На противоположной стороне темнел провал тоннеля, но, если Север опять не ошибается, там еще ничего не знают. По крайней мере, до сих пор там было спокойно.

Девушка хорошо помнила и карту, и рисунок, и открывшийся с вершины противоположного края вид. Благодаря нависшей над головами скале они еще тысячу шагов останутся в полной безопасности и только потом попадут в поле зрения наблюдателей из замка, но стрела их уже не достанет. От этой мысли сердце девушки учащенно забилося, но уже от радости, а не от страха и не от ярости. Неужели оторвались? Она боялась поверить в это, и все-таки...

Теперь от коней и желанной свободы их отделяли время и расстояние, а не каменные стены и толпа разъяренных йезмитов.

— Скорее! — Север закончил сматывать канат и бросил его в поясную сумку. — Если ничего непредвиденного не случится, на рассвете окажемся так далеко, что никакая погоня за нами не поспеет.

Несмотря на тьму, особенно густую здесь, в каменной щели, расколовшей горы, они бросились бежать по карнизу, рискуя не только переломать ноги, но и просто сверзиться вниз. Однако приходилось рисковать, надеясь, что нога не угодит в трещину в камне и не наткнется на неудачно повернувшийся булыжник. Но то ли глаза привыкли к темноте, то ли уже начало светать, Соня видела, куда ставит ноги. Вот когда ей пригодились тренировки в горах, во время которых Север гонял ее чуть не до полусмерти.

Бежавший впереди Вожак остановился на миг и оглянулся. Соня невольно последовала его примеру, и в пробивавшемся сквозь облака рассеянном свете луны они увидели, что мост еще поднят.

— Хорошо! — крикнул Север, наклонившись к ее уху. — Мы все больше увеличиваем отрыв.

Из-за шума ревущей рядом воды приходилось кричать.

— Не могу поверить, — отозвалась девушка, — что они все еще ищут нас в замке.

— И тем не менее это так, — ответил он. — Раз мост поднят, значит, они до сих пор заботятся о том, чтобы мы не ушли. Это хорошо, — повторил он и, подумав, добавил: — Мне это нравится. У нас в запасе появилось немного времени.

Они опять побежали. Вынырнув из темноты, Шалло сделала круг над головами их и полетела впереди так, словно хорошо знала, куда должна вывести людей. Большая часть пути осталась позади, и теперь карниз круче шел под уклон, чем наверху, у стен замка. Соня подумала о том миге, когда они окажутся за пределами ущелья. Ясно, что тем путем, каким они попали сюда, выбираться не стоит. Теперь, когда документы у них, они могут открыто прорваться через северные ворота, затеряться между скалами и там повернуть на восток.

Соня сама не заметила, как спуск кончился и они очутились на берегу.

— Скорее!

Север взял ее за руку, повел по бурлившей мелкой ледяной воде, и девушка почувствовала, как отступает боль в уставших ногах.

— Не расслабляйся! — прикрикнул на нее Вожак. — Сейчас пойдем мимо их норы.

Однако, выбравшись на берег и пройдя по нему сотню шагов, они поняли, что напрасно беспоко-

ились: из тоннеля доносились только вонь и могучий храп десятка глоток. Неслышными тенями скользнули они мимо черного зева и побежали дальше. Огромный Вулоф появился, как всегда, неожиданно.

— Туда...— коротко рыкнул он, мотнув крупной головой.

Они побежали к небольшой рощице.

— Ах, Соня! — Гана бросилась ей на шею и зарыдала. — Я так боялась! Так боялась! — причитала она. — А когда по карнизу забегали факелоносцы, решила, что вам и вовсе конец!

— Ну это ты брось, — возразила воительница. — Помирать мы не собирались, — заявила она, но, вспомнив все свои страхи, умолкла.

— Давайте-ка выбираться отсюда, пока они не опомнились, — заметил Север, в первую очередь думавший о деле.

Он уже проверил всех коней, подтянул подпруги, в то время как Мурзио стоял в сторонке и смотрел на них. По крайней мере, так показалось Соне. Вожак же заметил, что вниманием жреца всецело владеет Гана. Впрочем, это их дело. Он подвел к девушкам коней и только после того, как посадил обеих, сам вскочил в седло. Жрец не заставил себя упрашивать. Шалло привычно уселась на плече хозяина. Вестница кружила невысоко над их головами. Вулоф и Вилва только ждали приказа.

— Вперед! — крикнул Вожак, и отряд устремился на север.

Конец третьей книги

СОДЕРЖАНИЕ

Джордж Бейли
УЩЕЛЬЕ СМЕРТИ

Часть первая	7
Часть вторая	177
Часть третья	343

Литературно-художественное издание

РЫЖАЯ СОНЯ И УЩЕЛЬЕ СМЕРТИ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Обложка *Сергея Шикина*

Шрифтовой дизайн *Дмитрия Вяземского*

Художник *Кирилл Рожков*

Художественный редактор *Андрей Татарко*

Верстка *Корнея Дамаскинского*

Корректор *Вера Безымянская*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.11.98.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,04. Тираж 7000 экз. Заказ 1016.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzap@info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

РЫЖАЯ СОНЯ

Через пятьсот лет после правления Конана
Аквилонского орды варваров предают
Хайборию огню и мечу.
В этот жестокий мир приходит воительница,
неустранимая гирканка Рыжая Соня,
встреча с которой ждет Вас в новом сериале
героической фэнтези издательства
«Северо-Запад»

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН СНОВ
РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ БОГ

«Северо-Запад»®

ЧИТАЙТЕ
ДИЛОГИЮ
«ПОЛУНОЧНАЯ
ГРОЗА»

том 49
«Конан и подземный огонь»

том 50
«Конан и мятеж четырех»

Роман выдающегося мастера
героической фэнтези Олафа Бьорна
Локнита заставит вас пережить
катастрофу, едва не погубившую
Хайборию, и позволит раскрыть
самую сокровенную тайну мира
Конана.

•Северо-Запад®

Впервые в России!
ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

ВЫШЛИ В СВЕТ
следующие тома:

- Черный камень•
- Ночь волка•
- Гончие смерти•
- Проклятие океана•
- Клинок судьбы•
- Железный кулак•
- Кровь Богов•
- Лик смерча•
- Тень ястреба•
- Врата Империи•
- Знак огня•
- Воин снегов•
- Тропа войны•
- Брат бури•
- Молчание идола•
- Коготь дракона•
- След демона•

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

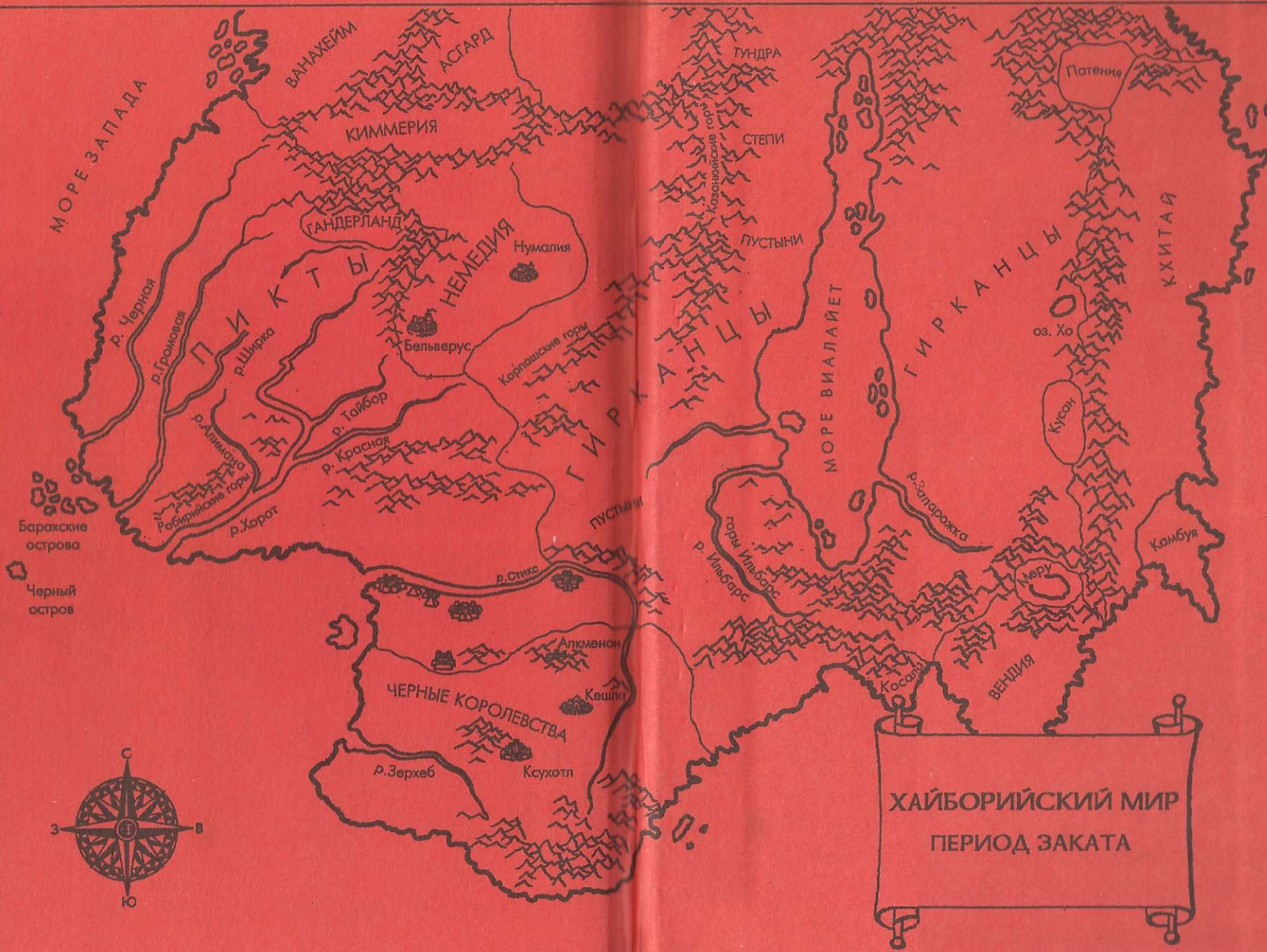
ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

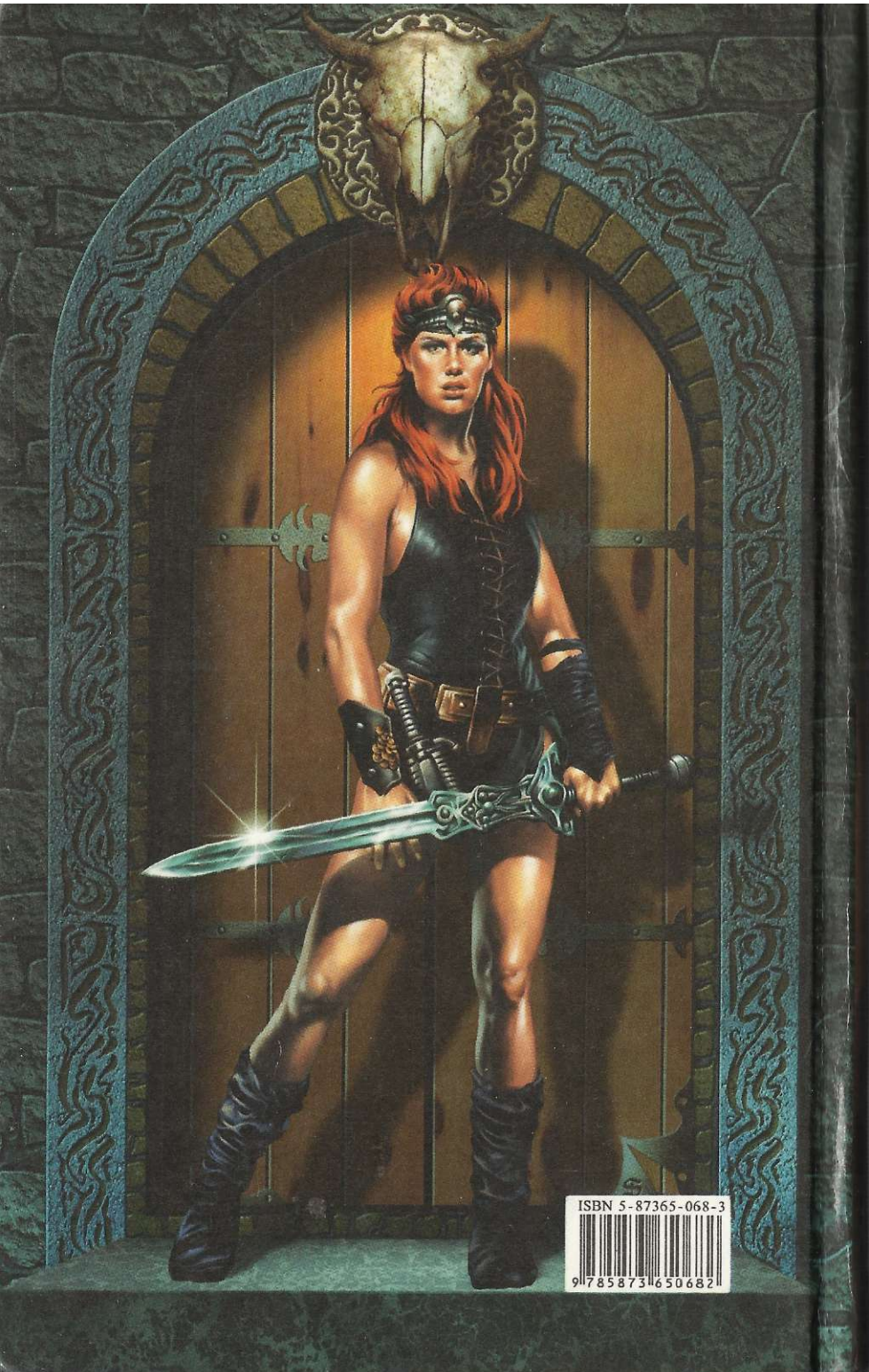
"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

ISBN 5-87365-068-3

9 785873 465068